

КАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ, СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Сборник посвящен исследованию некоторых актуальных проблем каменного века Азии. В частности, авторы обращаются к вопросам генезиса, развития и взаимовлияния культур палеолита и неолита этого региона, анализируют особенности инструментария, типологии и технологии изготовления каменных орудий, выявляя закономерности и специфический облик пока слабо исследованных индустрий. Привлечение современных статистических методов обработки больших массивов эмпирических данных позволяет не только решить ряд новых проблем, но и критически подойти к уже существующим оценкам и суждениям.

Тематика сборника включает в себя и такой важный аспект изучения древнейшего прошлого человечества, как духовная культура и мировоззрение людей каменного века. Нетрадиционный подход к изучению этой ныне особо актуальной проблематики, основанный на комплексном исследовании ряда ключевых образцов первобытного изобразительного творчества, позволяет по достоинству оценить интеллектуальный уровень древнего человека, его религию, мифологию и естественно-научные знания.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

STONE AGE OF NORTH, MIDDLE AND EAST ASIA

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. V. E. Larichev

NOVOSIBIRSK
PUBLISHING HOUSE «NAUKA»
SIBERIAN BRANCH
1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

КАМЕННЫЙ ВЕК СЕВЕРНОЙ, СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ответственный редактор
д-р ист. наук *В. Е. Ларичев*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии.— Новосибирск: Наука, 1985.

В сборнике рассматриваются проблемы палеолита и неолита Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Большая часть статей, в которых анализируются материалы по каменному веку Таджикистана, Прибайкалья, Приамурья, Приморья и Сахалина, а также отдельных ареалов Восточной Азии, носит обобщающий характер и посвящена анализу актуальных историко-культурных проблем, в значительной мере далеких от разрешения.

Работа рассчитана на археологов, востоковедов.

Рецензенты *И. В. Асеев, М. И. Рижский*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

чл.-кор. АН СССР **А. П. Деревянко**, д-р ист. наук
Р. С. Васильевский, д-р ист. наук **В. Е. Медведев**,
В. М. Наделнев, канд. ист. наук **Ю. С. Худяков**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недостаточно удовлетворительные темпы решения ряда основополагающих историко-культурных проблем в археологии Востока Азии определяются несколькими причинами. Среди них в первую очередь заслуживают упоминания две: преобладание процесса накопления фактического материала над усилиями по осмыслению результатов его обработки и увлечение главным образом исследованиями объектов материальной культуры в традиционном для археологии ключе, что приводит, при неконтролируемой мере пристрастия, к чистому, не ориентированному на достижение хорошо продуманной цели описательству.

Этот худший из возможных вариантов того, что обозначается теперь уже полностью скомпрометированным понятием «вещеведение», при всеобщем увлечении работой именно в таком плане, в значительной мере ограничивает и без того до предела узкий «фронт» разработок тем, связанных с раскрытием духовной культуры первобытного общества. Речь идет о захвате чисто вещеведческими методическими приемами работы той области археологии, где они, мягко говоря, менее всего уместны — сферы первобытного искусства, образцы которого представляют собой наиболее богатый источник для раскрытия уровня интеллектуального развития древнего человека. Теперь стало ясно, что классификаторское описание тех же пещерных изображений отнюдь не приводит к должному по глубине пониманию их. Столь же напрасны надежды, что само это описание, каким бы подробным оно ни было, может помочь кому-то другому в интерпретации первобытного художественного творчества. Такая задача должна решаться на месте самим исследователем с помощью строго продуманных и, по возможности, новых методических приемов.

Решение уже достаточно четко определившихся в археологии Востока Азии проблем потребует коллективных усилий специалистов, занятых изучением самых разных аспектов древних культур. Думается, в первую очередь необходимо составление сводных очерков, в которых были бы изложены сложившиеся у исследователя представления о конкретной культуре, предмете его специального внимания и особого интереса. Уверенность в правильности такого соображения как раз и обусловила включение в очередной том издания «Истории и культуры Востока Азии» двух крупных обобщающе-очеркового плана ста-

тей, посвященных каменному веку Средней и Северной Азии: ведущего специалиста по древнейшей истории среднеазиатских республик, а также Южной Азии и Ближнего Востока В. А. Ранова «Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности)» и специалиста по применению математических методов в археологии Сибири и Средней Азии Ю. П. Холмошкова «К вопросу о принципах построения модели археологической культуры (на материалах палеолита Сибири)».

В. А. Ранов представил для публикации значительной ценности обзор колоссального количества материалов по культуре, привлекающий исключительный интерес в связи с решением особо актуального в последние десятилетия вопроса о производящем хозяйстве в ранних культурах азиатского континента. Зона распространения таких культур, как стало теперь ясно, далеко не ограничивается давно известными районами Ближнего и Среднего Востока, а также Севера Африки, но охватывает, помимо Индостана и бассейна Хуанхэ, определенные районы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в первую очередь древнюю Маньчжурию, Приморье, Приамурье, Корейский полуостров и Японский архипелаг. Ранее казавшаяся такой очевидной идея о некоем едином центре (или нескольких, но весьма немногих центрах) диффузии начального земледелия и скотоводства все более представляется в ином свете по мере расширения масштабов археологических исследований в соседних с этими центрами областях Азии и по ходу углубленного анализа коллекций. Так же как в Китае культура яншао после раскопок неолитических поселений в провинциях, примыкающих к нижнему течению Янцзы, не может более восприниматься как некая особая значимость (для распространения земледелия) суперкультура, так же в свете комплексного анализа материалов по гиссарской культуре, тонко проведенного В. А. Рановым, значительно сложнее представляется теперь проблема взаимоотношений и взаимовлияний среднеазиатских культур предгорий (с очевидным уклоном к земледелию) с их соседями как в горных, так и в равнинных районах Средней Азии. В этом плане статья В. А. Ранова, методически весьма интересная, может внести существенные коррективы

в наши представления о генеральных общекультурных проблемах древнейшей Азии.

Что касается статьи Ю. П. Холюшкина, то ее следует рассматривать прежде всего как результат значительного роста интереса в археологии к теоретическим проблемам, в частности к методике обработки археологических материалов с помощью статистических методов. В статье рассматривается широкий круг проблем, связанных с методикой выделения археологических культур. Известно, что установление природы различий сталкивается с большими трудностями, поскольку археологу приходится учитывать самые различные факторы. Если в теоретическом плане причины общности или различия явлений культуры находили свое воплощение в многообразных толкованиях, то методик, где предлагалась бы конкретная реализация этих установок, известно сравнительно мало. В этой связи особенно важным следует считать то обстоятельство, что Ю. П. Холюшкин использовал исходные данные, представленные в двух монографиях З. А. Абрамовой. Это показывает, насколько различные выводы можно получить исходя из одинаковых базисных данных, но принимая на вооружение различные методические приемы.

Процедура исследования Ю. П. Холюшкина включает проверку дефиниций некоторых исследователей Сибири при выделении культур. Была предусмотрена проверка концепций З. А. Абрамовой и Ю. А. Мочанова. Интересно, что вызвавший долгое время интенсивную дискуссию вопрос о правомерности выделения дуктайской традиции получил очередное доказательство, но уже с помощью статистических методов. Второй этап выделения количественных критериев определения археологической культуры, как предлагает делать это Ю. П. Холюшкин, может вызвать споры. Но здесь его результаты совпадают с результатами других исследователей, в частности М. И. Гладких. Третий этап процедуры носит характер практического приложения идей Ю. П. Холюшкина к реализации конкретных установок. Ему удалось получить модели группировок комплексов по нуклеусам, каменным и костяным орудиям, а также украшениям с помощью критерия Робинсона, χ^2 и коэффициента связи f . Он установил степень сопряженности этих категорий в памятниках афонтовской и кокоревской групп.

Ю. П. Холюшкин проследил, кроме того, временную динамику траектории культурного процесса в Минусинской котловине. На основании изучения этого процесса ему удалось установить генетическую связь афонтовской и кокоревской культур, что, как известно, отвергалось ранее. В статье убедительно показано, что выделение этих вариантов произошло в результате дивергенции единой в прошлом культуры. Правда, Ю. П. Холюшкин не отвечает достаточно четко на естественный вопрос о причинах такой дивергенции. Но то, что уже сделано, заставляет задуматься — во всем ли археолог может полагаться на интуицию, стремясь к пониманию культурно-исторических явлений? Публикация Ю. П. Холюшкина со всей очевидностью подтверждает, что на зыбкой почве интуиции и замеченные З. А. Абрамовой различия двух групп палеолитических индустрий могут получить в корне иную интерпретацию с помощью более сложных, тонких, а главное объективных, приемов анализа однообразно обработанной археологической информации.

Публикация характерных с методической точки зрения и детальных по объему привлеченных материалов обзоров, подобных статьям В. А. Рапова и Ю. П. Холюшкина, не представляет собой, конечно, единственный путь интенсификации исследований древних культур. Значительный интерес в плане корректировки сложившейся ранее картины культурно-исторических событий могут вызывать публикации первых сведений о новых памятниках и оценка отдельных находок специфического типа. Именно такого плана статьи представили в сборник В. Т. Петрип («Памятники эпохи палеолита верхнего течения реки Урал»), Р. С. Васильевский («Стоянка Суворово III и ее место в каменном веке Дальнего Востока»), А. В. Варенов и С. А. Комиссаров («Каменные клевцы»).

Особое внимание в сборнике уделено проблематике, связанной с решением вопросов семантики первобытного художественного творчества в культурах древней Азии. Подавляющее большинство выводов, связанных с семантикой раннего искусства, остается пока на уровне гипотез. Заключенные в предметах искусства идеи, возможно, отражают информативность древних образов, но не исключено и то, что усмотренные за ними мысли и представления неоправданно навязаны первобытным художникам современными исследователями. Такая неопределенность вызвана тем, что подавляющее большинство образов искусства пока не поддается доказательной интерпретации. Ясно, что они в каждом отдельном случае выступают носителями исключительной по значимости информации, но она, будучи зашифрованной в специфическом «тексте» художественного образа, чрезвычайно трудна для понимания.

В методическом плане при определении принципа выбора приемлемого для интерпретирования предмета кажется рациональным руководствоваться соображением о том, что представление о почти непреодолимой сложности доказательной расшифровки «текста», скрытого за образами палеолитического искусства, в особенности справедливо по отношению к тем объектам, которые не содержат других, помимо самого образа, знаковых символов. В этом случае во избежание просчета исследователь не должен обсуждать какие-либо иные вопросы помимо того, что за образ представлен в предмете искусства. Отсюда следует, что образец искусства, лишенный дополнительной знаковой системы, непосредственно связанной с художественным образом, не должен считаться подходящим при выборе предмета исследования, ориентированного на доказательную расшифровку семантики палеолитического искусства. За подобной строгостью принципа отбора скрывается не только осознание исключительной важности задачи, решение которой требует соответствующего методического подхода и, в частности, предельно разборчивого выбора интерпретируемого материала, но и убежденность в том, что сам по себе (без дополнительной знаковой

системы) образ, созданный художником древнекаменного века, расшифровке не поддается и поэтому до определенного момента интерпретированию не подлежит.

Иное дело — предметы палеолитического искусства, с которыми связана, если можно так выразиться, побочная, или вторичная по отношению к основному художественному образу, «знаковая система» из разного рода на первый взгляд чисто орнаментальных по назначению насечек, парезок, лунок, черточек и прочих фигурных врезок. Подобные знаки обычно воспринимаются как некий дополнительный фон, призванный отразить узоры татуировки или детали одежды. Но насечки, варьируясь по форме и ориентировке размещения относительно осей изделия, а также группируясь в некие орнаментально-числовые блоки, выглядят вместе с тем как своеобразный, преднамеренно палочный на основной художественный образ «знаковый текст», дополняющий его, а значит, возможно, подсказывающий суть скрытой семантики образа искусства.

Предметы искусства с насечками и лунками на их поверхности в изобилии обнаружены при раскопках верхнепалеолитических поселений Сибири. Однако далеко не каждый из них может считаться подходящим для расшифровки. Если «подпись» на образце предельно краткая, то можно быть уверенным, что усилия по интерпретации образца искусства с помощью такой «знаковой записи» окажутся тщетными. Успех интерпретации могут предопределить только те предметы искусства, на которых зафиксирован достаточно продолжительный «текст», выполненный приемлемым в палеолите знаками типа насечек и лунок. Такие образцы искусства с длинными «записями», очевидно, представляли собой сложную по структуре комплексную информационную систему, в которой, гармонично дополняя друг друга, совмещались в единый «текст» реалистические или абстрактно-орнаментальные образы искусства и «строчки» знаков своеобразной, если можно так выразиться, письменности. Они составляют структуру «текста записи». Если сами по себе образы искусства доказательному интерпретированию не поддаются, то значимость связанных с ними насечек может в принципе оказаться понятной. По-видимому, пока лишь такие образцы могут вселить надежду на успех в подходе к доказательному решению вековой давности проблемы семантики искусства палеолита. Их можно определить как ключевые, ибо прежде всего в них, в наиболее экономной и максимально концентрированной по содержательности форме, находили своеобразное отражение те самые значительные события и явления в окружающем палеолитического человека мире, которые он запечатлел в художественных образах своего искусства. В подобных произведениях пашло, надо полагать, выражение то, что было жизненно важным для древнего человека, в том числе, очевидно, связанное с основами его мировосприятия, миропонимания и мировоззрения.

Среди находок в Сибири к подобным ключевым предметам искусства относятся, в частности, образцы, обнаруженные М. М. Герасимовым при раскопках палеолитического погребения в Маль-

те. Анализу их, при руководстве представленными установками, посвящена статья «Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблемы палеоэтногонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири». Сам по себе заголовок публикации достаточно ясно и без особо пространных комментариев раскрывает суть выводов, заключенных в ней.

Перспективной и далеко еще недостаточно изученной проблематике посвящена статья В. В. Евсюкова «Восточно-азиатский неолитический миф о сотворении земли». В центре внимания публикации — одно из изображений на керамическом сосуде неолитической культуры яншао. Полихромные росписи керамики яншао давно привлекают внимание исследователей, которые пытались путем реконструкций и дешифровок постичь скрытый в них смысл. Следует, однако, заметить, что, несмотря на значительные усилия, число проблем, связанных с дешифровкой иконографических образов и композиций, созданных неолитическими протокитайцами, не только не уменьшается, но закономерно, по мере углубления поиска, возрастает. Именно этим объективным обстоятельством объясняется то, что для анализа избрано одно единственное, но в то же время во многих отношениях уникальное изображение.

Практика дешифровки семантики изобразительного творчества далеких исторических эпох показывает, сколь заблуждаются исследователи, пытающиеся проникнуть в скрытый смысл изображений путем в той или иной мере неизбежно субъективного выделения наиболее, как им кажется, значимых элементов и образов. Гораздо более целесообразным и оправданным представляется подход, выделяющий из обширного массива изображений те, которые можно считать ключевыми. Это позволяет соблюсти одно принципиально важное для семантического анализа архаичной иконографии положение, а именно: сконцентрировать основное внимание на композиции, а не на разрозненных элементах и знаках. В. В. Евсюков пошел в своем исследовании как раз по этому пути, что и позволило ему прийти к ряду интересных наблюдений и весьма плодотворных заключений.

Избранный при этом метод анализа обладает рядом определенных преимуществ. С одной стороны, изолированные знаки и символы, взятые сами по себе, могут быть интерпретированы в принципе неограниченным числом способов. Этим открывается широкий простор для произвольных толкований. С другой стороны, сама природа мифологического по смыслу знака предполагает его многофункциональность и полисемантическую, что при дешифровке порой приводит к расплывчатым и слишком общим реконструкциям. Когда же за основу анализа берется композиция, представляющая собой совокупность органично связанных между собой символов и образов, то диапазон возможных значений отдельных элементов изображения, естественно, сужается. Происходит это вследствие того, что семантические поля, накладываясь одно на другое, взаимно ограничиваются, ибо соединение символов в единый иконографический текст определяет

выбор лишь одного или в крайнем случае нескольких значений из большого числа возможных.

Вместе с тем такой подход позволяет перепроверять предлагаемые интерпретации отдельных элементов композиции, ведь иконографические тексты строятся в соответствии с одним из функциональных принципов мифотворчества — принципом параллелизма. Суть его состоит в том, что отдельные, логически завершенные фрагменты повествования по своему глубинному смыслу оказываются тождественными друг другу и всему повествованию в целом. Происходит своего рода многократное дублирование основной идеи, заключенной в мифе. Пользуясь терминологией К. Леви-Строса, такую особенность мифотворчества следует определить как прогрессирующую медиацию. Для практики дешифровки архаичного изобразительного творчества это весьма важно, ибо позволяет не только взаимопроверять степень достоверности частных интерпретаций, но и индуктивным путем прийти к уяснению смысла тех элементов композиции, которые никаким иным способом истолкованию не поддаются.

В соответствии с представленными положениями В. В. Евсюков разделил выбранную им для анализа композицию на элементарные образы, или мотивы, и интерпретировал каждый из них, выбирая из широкого круга значений те, которые, пересекаясь между собой, позволяют установить семантические связи элементов изображения. Не вдаваясь здесь в анализ конкретных выводов статьи, хотелось бы вместе с этим отметить, что интерпретация сюжета как космогонического представляется оправданной и весьма вероятной. В самом деле, что, как не космогония, составляет ядро древних мифологических систем? Пытаясь ответить в мифах на волнующие проблемы бытия, человек не мог не обращать пристального внимания на вопросы происхождения и устройства вселенной. Придавая своим представлениям о мироздании форму мифологических повествований, древние не ограничивались одной лишь устной передачей, но стремились также воплотить их в изобразительном творчестве. Можно лишь пожалеть, что слишком мало его образцов сохранилось до наших дней. Космогонический сюжет, изученный в статье, как раз относится к числу уникальных. Конечно, не во всех положениях предложенная В. В. Евсюковым интерпретация бесспорна. Можно предлагать и иные (быть может, даже альтернативные) толкования, но как бы то ни было, высказанная точка зрения аргументирована и, надо признать, достаточно обстоятельно и весомо.

Поиски подходящих ключей к раскрытию семантики первобытного художественного творчества могут оказаться тем успешнее, чем основательнее будут проанализированы достижения в этой области наиболее выдающихся исследователей прошлого. Именно поэтому может считаться оправданным включение в сборник статьи, посвященной жизни и идеям одного из оригинальнейших исследователей Востока — Карла Хентце. Судьба и творчество его во многих отношениях необычны, а их освещение имеет значение не только и, пожалуй, не столько историографическое, сколько весьма актуальное для современного этапа разви-

тия науки о прошлом человечества. Нестандартность и своеобразие К. Хентце просматриваются хотя бы уже из того, что, будучи одаренным и даже признанным художником, он внезапно совершил крутой поворот, обратившись к востоковедению, изучению которого и посвятил много десятков лет своей долгой и плодотворной жизни.

В сочинениях по истории науки нередко высказывается мысль о том, что наиболее яркие и эффектные открытия и идеи, оказывающие глубокое влияние на развитие той или иной науки, зачастую выдвигаются людьми, казалось бы, далекими от конкретной области знания или же пришедшими к ней от изучения других дисциплин. В таком утверждении есть свой резон: сейчас едва ли есть необходимость доказывать, что наиболее важные и перспективные открытия совершаются именно на стыке наук, причем подчас по объекту своих исследований весьма далеких одна от другой (лишь один, но наглядный пример — археоастрономия, которая развивается теперь на пересечении астрономии с археологией). Что касается К. Хентце, то его переход от живописи к науке, по всей вероятности, следует оценивать именно в таком смысле. Сказанное вовсе не значит, что наука была для него любительством. Напротив, за многие годы упорных занятий он накопил огромные по объему и широте диапазона знания, став одним из эрудированнейших исследователей своего времени. В виду имеется другое: оригинальный и на первый взгляд непривычный склад мышления, неприятно неведомо как установившихся научных догм и предубеждений, наконец, свой собственный взгляд на человека и существо его культуры — все это, роднящее Хентце-ученого с Хентце-художником, позволило ему пойти свой, никем более не повторенный путь в науке.

Главной областью научных интересов К. Хентце было востоковедение. В отличие от многих своих коллег, порою всю жизнь занимающихся каким-либо частным вопросом, он интересовался и плодотворно изучал проблемы самого широкого диапазона, у которых вместе с тем был единый общий стержень — духовная культура. В этой области вклад К. Хентце значителен, но, как это ни странно, далеко не в полной мере по достоинству оценен по сей день. Оценки научного наследия этого исследователя противоречивы: одни авторы говорят о нем с неохотой, другие (и в их числе ученые с мировым именем) удостоивают его самых лестных эпитетов. В чем же причина такого очевидного расхождения во мнениях? Очевидно, в одном — слишком далеко от устоявшихся за многие десятилетия представлений отходят некоторые взгляды и концепции К. Хентце, слишком смелыми, поваторскими и опережающими свое время они смотрятся.

Попробуем здесь выделить главное, отличающее К. Хентце и его манеру работать, от того, что характеризовало (и характеризует) многих исследователей его круга. Опираясь в своих научных изысканиях в значительной мере на археологические материалы, К. Хентце всем своим творчеством поставил на повестку дня давно назревшие вопросы: до каких пор исследователи будут заниматься порой утрачивающим всякий

смысл коллекционированием фактов? Не настало ли время перейти к их вдумчивому и детальному анализу? До каких пор главный упор будет делаться на количественную, а не качественную меру результативности научного поиска? Накопленные наукой данные достаточно представительны и весомы, чтобы при серьезном подходе на их основе можно было выдвигать новые, теперь уже более глобальные, чем это было раньше, концепции и идеи.

У такой постановки вопроса есть еще один аспект. Чрезмерное увлечение констатациями очевидного и шаблонным описательством не только отвлекает значительные научные силы от решения насущных проблем, но и вольно или невольно содействует упрочению в науке отживших свое время методов работы, а также представлений и общих теорий, консервируя давно достигнутый

уровень, ставший питательной средой для догматизма и предвзятых суждений.

В статье, посвященной научному творчеству К. Хентце, сделана попытка дать хотя бы общее представление об узловых проблемах изучения истории Востока и его духовной культуры, в решение которых К. Хентце внес наиболее крупный вклад. Цель при этом преследовалась одна: открыть возможность для беспристрастной оценки смелости и проницательности исследователя, предвосхитившего многое из того, что теперь находится на острие научных дискуссий и поисков.

Таковы основные, принципиальные по значимости положения, которые объединяют публикации, включенные в очередной выпуск издания «История и культура Востока Азии».

В. Ларичев

ГИССАРСКАЯ КУЛЬТУРА — НЕОЛИТ ГОРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(происхождение, распространение, особенности)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Можно считать установленным, что восточная часть Средней Азии, запятая высочайшими горными системами СССР — Памиро-Алтаем и Тянь-Шанем в эпоху неолита была населена племенами, отличающимися по своей материальной культуре от неолитических племен среднеазиатских равнин.

Есть все основания предполагать, что три культурно-исторические общности, из которых кельтеминарская существовала в равнинной части, джейтуиская — в предгорной полосе Копет-Дага, а гиссарская — в горах Средней Азии, представляют собой три различные этнокультурные области. Но выделение указанных историко-культурных общностей производится пока только на основании археологических материалов. Отсутствие важнейших данных для определения этноса этих объединений отодвигает окончательное решение вопроса. Наименее изученной остается гиссарская культура — неолит древнейших горцев нынешней территории Таджикистана, Узбекистана и Киргизии¹. Отметим наиболее важные исследования, не затрагивая результаты разведочных работ, сведения о которых содержатся в составленной нами сводке и предварительных публикациях².

Гиссарская культура была открыта А. П. Окладниковым в 1948 г., и в течение семи полевых сезонов (1953—1959 гг.) памятники этого типа были им зафиксированы в различных пунктах Средней Азии. В 1958—1959 гг. им же проведены первые раскопки гиссарского памятника — поселения Куй-Бульён в Южном Таджикистане, к сожалению не завершённые и полностью не опубликованные³.

В 1956—1960 гг. своеобразная культура мезолита или раннего неолита открыта автором данной статьи на Восточном Памире. Проведены раскопки стоянки Ошхопа, расположенной на высоте 4200 м над ур. м. В 1959—1963 гг. нами раскопан многослойный навес Ак-Танги в Туркестанском хребте, где имеются слои позднего гиссарского времени. Получены первые радиоуглеродные даты. В Центральной Фергане Ю. А. Заднепровским открыты многочисленные пункты, на которых собран микролитовидный кремневый материал ранне-неолитического време-

ни (1963—1964 гг.)⁴. В 1963—1969 гг. Нурекский отряд под нашим руководством произвел раскопки поселения Туткаул. Это наиболее широкие по масштабам раскопки неолитического памятника в Средней Азии. В 1965—1972 гг. А. Х. Юсупов исследовал второе гиссарское поселение в зоне затопления Нурекской ГЭС — Сайед⁵. В 1967—1968 гг. Палеолитический отряд КАЭ, также под нашим руководством, обнаружил в горной части Киргизии новые местонахождения неолитического времени, в том числе на Аксай-Чатыркельских сыртах⁶. В 1969 г. Г. Ербобаев открыл новую гиссарскую стоянку Мулло-Нияз, расположенную выше г. Куляба на правом берегу р. Яхсу. Многолетние исследования были проведены А. Х. Юсуповым в Яванской долине и по берегам Нурекского моря. В результате обнаружено около 100 новых пунктов с подъемным материалом гиссарского облика, а коллекция изделий, собранная на этих пунктах, насчитывает несколько тысяч экземпляров⁷.

Сейчас в Таджикистане более 400 пунктов, где были сделаны находки эпохи неолита и мезолита. Девять объектов подвергались раскопкам (Ак-Танги, Куй-Бульён, Куртеке, Дарайшур, Обикинк, Ошхопа, Сайед, Туткаул, Шахты). К сожалению, ни один из этих объектов монографически не издан.

В общих чертах вне зоны распространения джейтуиской и кельтеминарской культур в настоящее время для горных районов Средней Азии можно наметить три основные области, или культурные группы: гиссарскую — охватывающую лесовые районы Южного Таджикистана, маркансуйскую, распространённую на Памирском высокогорье, и Центрально-Ферганскую. Реконструкция других зон или выделение новых локальных культур на сегодняшний день еще невозможны, хотя отдельные находки в различных пунктах Средней Азии определенно указывают на существование различных технических вариантов, так или иначе связанных с названными общностями⁸.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

Физико-географическое районирование гор Средней Азии решается по-разному⁹. Горы Средней Азии можно подразделять на участки альпийского рельефа, для которых характерны силь-

но изрезанные гребни гор, узкие и глубокие долины с крутыми склонами, большая амплитуда высоты между днищами долин и водоразделами (Западный Тянь-Шань, Кухистап, Бадахшан) и высокие нагорья — плосковершинные участки хребтов, сочетающиеся с широкими, плоскими, неглубокими долинами (тибетский тип рельефа — Памир, сырты Тянь-Шаня). Своеобразной ландшафтной зоной можно считать крупные межгорные впадины типа Ферганской, Иссык-Кульской и Гиссарской, которые четко подразделяются на центральные части, обычно сложенные молодым аллювием, и предгорный комплекс — «адыры», выполненные более древними четвертичными отложениями и сильно расчлененные.

Поскольку речь будет идти более всего о гиссарской культуре, рассмотрим природные условия Южного Таджикистана. Что же касается Памира, то естественный фон, на котором развивалась маракансуйская культура, описан в ряде работ¹⁰.

Юго-Западный Таджикистан. Геологически это Южно-Таджикская депрессия — область веерообразно расходящихся пониженных гряд, гребней и хребтов. Ее границами на западе является окончание Гиссарского хребта — горы Кугитанга, на севере — мощные сооружения Гиссарского и Каратегинского хребта, на востоке — Дарваз и меридионально расположенный хребет Хозратишп. Это, таким образом, как бы язык Туранской низменности, втягивающийся в горы Памиро-Алая. Рекой Амударья Таджикская депрессия отделяется от своего южного продолжения — подгорных равнин Северного Афганистана. Именно в этих географических рамках и происходили основные события в истории гиссарских племен. Это, несомненно, главная территория одного из наиболее крупных и значительных локальных вариантов неолита гор Средней Азии.

Геоморфологически здесь можно выделить равнинный приамударьинский район, занятый пустынными песчано-галечными площадями (низовья рек Кафирнигана, Вахша, Кызылсу), главные долины и адыры, сложенные мощным покровом лесса, достигающего до 200 м толщины, и нижние части горных хребтов.

Живую характеристику для пониженной части депрессии в отличие от высокогорной страны, лежащей к северу и востоку, дает М. А. Гиларова: «Там облака окутывают непреступные вершины, питающие своими вечными снегами и ледниками многочисленные холодные ручьи и речки; здесь летом не выпадает ни капли дождя, а редкие ручьи и источники имеют горько-соленую, почти непригодную для питья воду. Там, по южным склонам гиссарского хребта, мы встречали довольно богатую и разнообразную древесно-кустарниковую растительность в виде арчевых лесов среднего пояса гор, с рощами тополя, берез, грецкого ореха, ютящимися в долинах. Здесь пустынные, часто совсем обнаженные пространства, поросшие редкими кустиками галофитов, и только внизу, по поймам транзитных рек, развита буйная тугайная растительность, да вверху, на склонах, разбросаны редкие деревья фисташки»¹¹.

Несколько иные экологические условия в предгорьях (от 500 до 1500 м над ур. м.), где господ-

ствует степной климат. Это наиболее интересная для нас зона, где в настоящее время развивается неолитное земледелие. Районы богарного земледелия сопряжены с подгорными, относительно высоко расположенными равнинами и среднегорьями и образуют, таким образом, определенный высотный пояс.

Наиболее характерной чертой зоны распространения богары является континентальность климата. С июля по октябрь включительно осадки выпадают только в горах. Годовое же количество осадков достаточно для зимней вегетации от высоты 450 м над ур. м. Это так называемая зона обеспеченной осадками богары, где годовое количество осадков колеблется от 350 до 500 мм и более в год¹². Кстати, именно такое количество осадков на Ближнем Востоке предполагается достаточным для окультуривания пшеницы в предгорьях «плодородного полумесяца»¹³.

Поясность растительности депрессии (южно-таджикстанский геоботанический район) восстанавливается с большим трудом, так как деятельность человека привела к сильному обезлесению склонов.

Выделяются следующие пояса: 1) пояс низкотравных мятликово-осоковых полусаванн, зона развития эфемеровых злаков; 2) пояс шибляка (редколесья); 3) пояс теплолюбивых арчевников¹⁴.

Для изучения памятников гиссарской культуры наиболее интересен эфемерово-шибляковый пояс (800—1700 м над ур. м) предгорий, шлейфов и террасовидных прилавков. Ландшафт этого пояса сильно изменен деятельностью человека. Прежде здесь произрастали миндаль и фисташка, сейчас они повсеместно исчезли, и теперь здесь развит сплошной эфемеровый покров¹⁵.

Дикая пшеница *Triticum dicoccoides* Körn ни в депрессии, ни рядом в Афганистане не найдена. Но в низкотравном поясе очень широко представлен ближайший родич пшеницы — эгилlops (*Aegilops* L.). Вероятное участие последнего в гибридизации различных типов пшениц общеизвестно. (В частности, хотя и проблематично, — в образовании мягких пшениц, в центр расообразования которых входили, по Н. И. Вавилову, Горная Бухара и Северный Афганистан.)

С другой стороны, Таджикистан входит в зону распространения дикого ячменя — *Hordeum spontaneum*, и, более того, среди ячменей этого типа выделен особой формы — бутылковидный (*Hordeum lagunculiforme*), который, как установлено, возделывался в древности¹⁶. Дикое ячмень найден на многих раннеземледельческих поселениях часто вместе с культивируемыми, и это одно из наиболее ярких доказательств первоначального культивирования именно этого злака¹⁷.

Довольно богатая фауна, в настоящее время почти полностью истребленная, включает в себя южные, палеогималайские элементы. Она представлена такими видами, как тигр (пыле совсем исчезнувший), бухарский олень, дикий кабан, джойран. В горных районах передки медведи. Много лис, зайцев, мелких грызунов. Здесь же водятся ядовитые змеи: среднеазиатская кобра, гюрза и эфа.

Для реконструкции природных условий, в которых жили племена гиссарской культуры, пока можно привлечь не много естественно-научных данных. Значительная часть исследователей считает, что с началом голоцена окончательно установился аридный климат, а периоды увлажнения внутри этой эпохи если и были, то не играли сколько-нибудь значительной роли¹⁸. Пыльцевых диаграмм для голоцена Южного Таджикистана очень мало. Образцы на пыльцу, взятые в 1963 г. и определенные лабораторией ГИН (Ленинград), дали очень мало зерен для собственно неолитического слоя. Это отдельные экземпляры пыльцы сосны, березы, вяза, орешника и трав: *Composite* (одуванчик), *Fagopirum* (гречиха?), споры *Brualles* (мхи) и *Anemone* (ветреница). В стратиграфическом разрезе поселения Туткаул, охватывающем ранний и поздний голоцен, М. М. Пахомов получил очень мало зерен пыльцы собственно для гиссарского времени. Согласно его интерпретации, для нижележащих горизонтов раннего голоцена прослеживается переход от более сухого и аридного климата к несколько более холодной и влажной фазе¹⁹, которая, очевидно, сменялась к началу VI тыс. до н. э. современными климатическими условиями.

В 1967 г. Г. Н. Лисицына определила следующие древесные породы среди углей из Туткаула: *Jumperus* sp. (можжевельник), *Frexinus* sp. (ясень), *Populus* sp. (тополь), *Filia* sp. (??) (липа), *Ulmus* sp. (вяз). За исключением липы, все другие деревья произрастают в настоящее время или в непосредственной близости от поселения, или неподалеку, на Вахшском хребте. Заслуживает внимания тот факт, что в настоящее время в Таджикистане береза и ясень растут на высоте 1500—2000 м, в условиях большой влажности.

Последние палеогеографические данные показывают, что климат эпохи голоцена не был по-топотно-аридным, как считалось ранее. Очень четко для пустынной части Средней Азии отмечается «лявляканский плювиал» (VII—III тыс. до н. э.)²⁰. В горном окружении в это время происходит заметное смещение ландшафтов снизу вверх. При этом климатическому optimum голоцена соответствовало расширение степной полосы и нарастание в этой зоне аридизации²¹.

Следовательно, несмотря на то, что сейчас большая часть исследователей доказывает, что климатические колебания в период голоцена были достаточно существенны, однозначного решения этого вопроса пока нет и приводимые для горных районов данные часто существенно противоречивы. Их еще трудно использовать для палеоэкологического анализа в той степени, в какой это удалось сделать для пустынной части Средней Азии.

Как и в какой степени географические особенности гор Средней Азии определяли облик материальной культуры живших здесь племен, форму хозяйства и регулировали этнические процессы? Прямое отражение специфических особенностей жизни в условиях относительно изолированных горных долин можно видеть в особенностях каменного инвентаря и длительности бескерамического периода.

Набор каменных орудий со стоянок маркансуйской и гиссарской культур резко отличается от инвентаря неолитических стоянок равнинной части Средней Азии. Главное отличие заключается в расширенном применении крупнозернистых пород — на Памире филлитов и кварцитов, в Таджикской депрессии — кремнеподобных эффузивов. Первичный материал бесспорно оказывал влияние на технику раскалывания и формы орудий. Но в том же Южном Таджикистане имеются памятники с чисто кремневым инвентарем (Чиль-Чор-Чамша, Обиккик, Туткаул 3 и др.), которые, очевидно, частично сосуществуют с памятниками гиссарской культуры. Следовательно, специфический облик гиссарского инвентаря определялся не только первичным материалом и техническими традициями, но и хозяйственными нуждами (кремне — на временных охотничьих стоянках, «галечная» техника в местах постоянных или сезонных поселений). Экономика же первобытного общества тесным образом была связана с природной обстановкой²².

Переход к производящему типу хозяйства был сложным и многогранным процессом. Сейчас уже хорошо видно, что путь, указанный Р. Брейду для Ближнего Востока, является далеко не единственным.

Существование хронологически одновременных, но стадально различных памятников типа Джейтуна и Туткаула может не только свидетельствовать о запаздывании общего развития гиссарской культуры²³, но и указывать на различные пути, по которым происходило оседание на землю, что зависело от природной обстановки, обусловившей разные пути решения проблемы в каждом из упомянутых двух районов. Конкретное же отражение влияния природной среды на материальную культуру племен гор Средней Азии можно будет проследить лишь при условии значительно более детального изучения природных условий среднего и позднего голоцена Южного Таджикистана.

Следует подчеркнуть тот факт, что памятники гиссарской культуры неизменно приурочены к зоне распространения лессов и исчезают в приамударынской долине; там, где получают развитие развешенные пески и гаммады. Тот же момент прослеживается и в Фергане²⁴.

Признавая значительную роль географической среды в формировании материальной культуры и этноса, нельзя не учитывать и факторов социального порядка — прежде всего трудно пока объяснить факта относительной изоляции гиссарских племен. Правда, и близкие по генезису джейтунская и кельтеминарская культуры развивались различными историческими путями, что в первую очередь объясняется экологическими условиями и наличием или отсутствием прямых контактов с неолитом Ближнего Востока.

Пока не удастся обнаружить прямого сходства между Ошхоной и другими памятниками Памира и одновременными стоянками окружающих областей²⁵. По-видимому, облик материальной культуры племен, приходящих на высокогорье, в летние месяцы значительно менялся в связи с новой природной обстановкой.

ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Основной территорией распространения гиссарской культуры является Южно-Таджикская депрессия (рис. 1). Ее западная часть (долина Сурхандарьи) пока остается неизученной, за исключением отдельных находок гиссарских отщепов в пещерах по Мачайдарье²⁶. На наш взгляд, каменная индустрия из пещеры Катта-Камар у Юкары-Мачая (Мачайская пещера, раскопки в которой начались в 1937—1938 гг. Г. В. Парфеновым, а завершились в 1970—

раннеголоценовым аллювием и селевыми потоками, а верхняя часть, в которой обнаружены культурные остатки, — лессовидными суглинками различного генезиса. Высота подобных конусов выноса над рекой бывает значительной (20—30 м). Наиболее характерные памятники — Туткаул и Сайед.

3. Большая группа стоянок встречается не в долинах крупных рек, но в боковых долинах и отмечена на различных уровнях предгорных холмистых увалов (адыров). Причем, отдельные пункты встречаются здесь очень высоко по отношению к главным долинам, уже у подножья хребтов. Вообще же уровни находок этого типа самые разнообразные. Примером могут являться

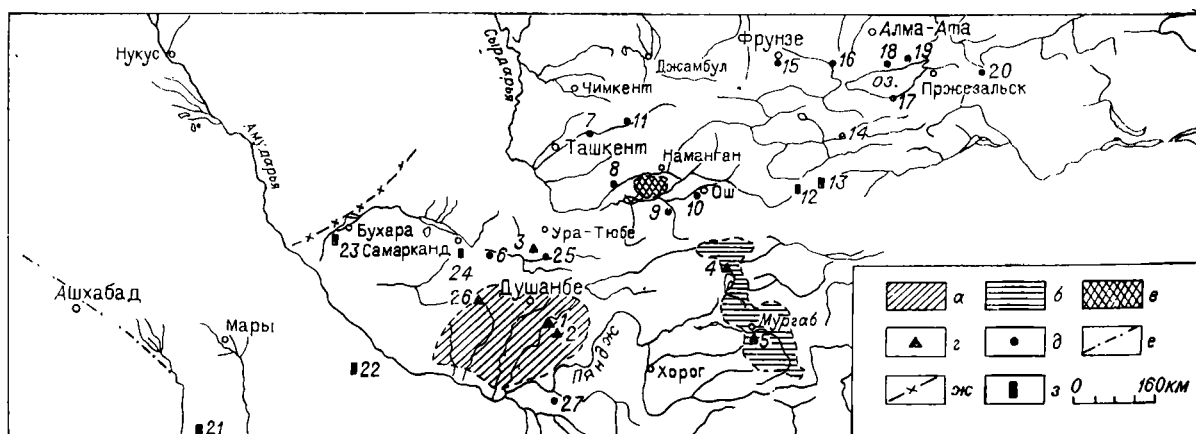

Рис. 1. Неолитические памятники горной части Средней Азии.

а — основная территория гиссарской культуры, б — основная территория маркансуйской культуры, в — основная территория центрально-ферганской культуры, г — раскопанные поселения и пещеры, д — местонахождения и отдельные находки гиссарского облика, е — примерная граница распространения джейтунской культуры, жс — примерная граница распространения кельтеминарской культуры, з — отдельные находки и местонахождения переходной зоны (с кремневым инвентарем). 1 — Туткаул; 2 — Куй-Бульён; 3 — Ак-Танги; 4 — Ошхона; 5 — Шахты; 6 — район Пенджикента; 7 — Ходжикент; 8 — Ашт; 9 — Ох-на; 10 — Пещера Орлов; 11 — слияние рек Сандалаш-Чаткал; 12 — Кочкаракджюл; 13 — Терек; 14 — район г. Нарын; 15 — район г. Фрунзе; 16 — Советское; 17 — Тоссор; 18 — Чолпоната; 19 — Ананьино; 20 — Санташ; 21 — Бадхыз; 22 — Келифский Узбой; 23 — Пайкент; 24 — Сазаган; 25 — Шаватки-Боло; 26 — Катта-Камар; 27 — Кокча.

1971 гг.) принадлежит одному из вариантов гиссарской культуры, о чем свидетельствует и радиоуглеродная дата: 5600 лет до н. э.²⁷ Поэтому наше внимание в основном будет сосредоточено на памятниках междуречья Кафирниган — Яхсу в Таджикистане.

Геоморфологически положение гиссарских стоянок и поселений в ландшафтах Южного Таджикистана определяется достаточно четко.

1. Вдоль больших рек они связаны с поверхностью душанбинской (верхнеплейстоценовой) террасы, точнее с ее верхней частью. Высота террас этого комплекса 25—30 м над ур. рек. Отдельные местонахождения зафиксированы на останках еще более высоких уровней, возможно уже среднеплейстоценовых. Раскопок таких стоянок еще не проводилось, и поэтому пока трудно сказать, как культурные горизонты располагаются в лессовидных суглинках указанных образований. Типичными пунктами являются Кунчи, Кухпа-Бай на Кафирнигане, стрелка Лючоба и Душанбинки, находки у г. Нурека, пос. Санги-Угур и Дагана на р. Яхсу.

2. Вдоль больших рек стоянки и поселения приурочены к крупным конусам выноса боковых ущелий и саев. Основание последних образовано

находки у Санги-Миля и Шахрипау, сборы у Хоронгопа, у кишлака Яхсу, на водоразделе рек Оби-Мазар и Яхсу.

4. В отдельных случаях (навесы Ак-Танги, Маликшах, Пехо, пещера Огзи-Кичик) гиссарские изделия встречены в отложениях скальных убежищ (рис. 2).

Процентное отношение указанных типов памятников гиссарской культуры еще не подсчитано, но 1-я и 3-я группы, бесспорно, занимают ведущее место, охватывая если не 90, то 70—75% всех местонахождений.

Трудно пока говорить и о характерных чертах инвентаря гиссарских памятников в различных ландшафтных зонах. В порядке предварительных наблюдений можно сказать, что террасы, конуса выносов и нижние окончания адырной зоны служили местами долговременных поселений, тогда как средняя и верхняя зоны адыров отражают временное пребывание небольших групп гиссарцев.

Подчеркнем еще раз, что все гиссарские стоянки и местонахождения неизменно приурочены к лессовым покровам различного типа, а их инвентарь отличается большим постоянством в плане первичного материала, одинакового для всей

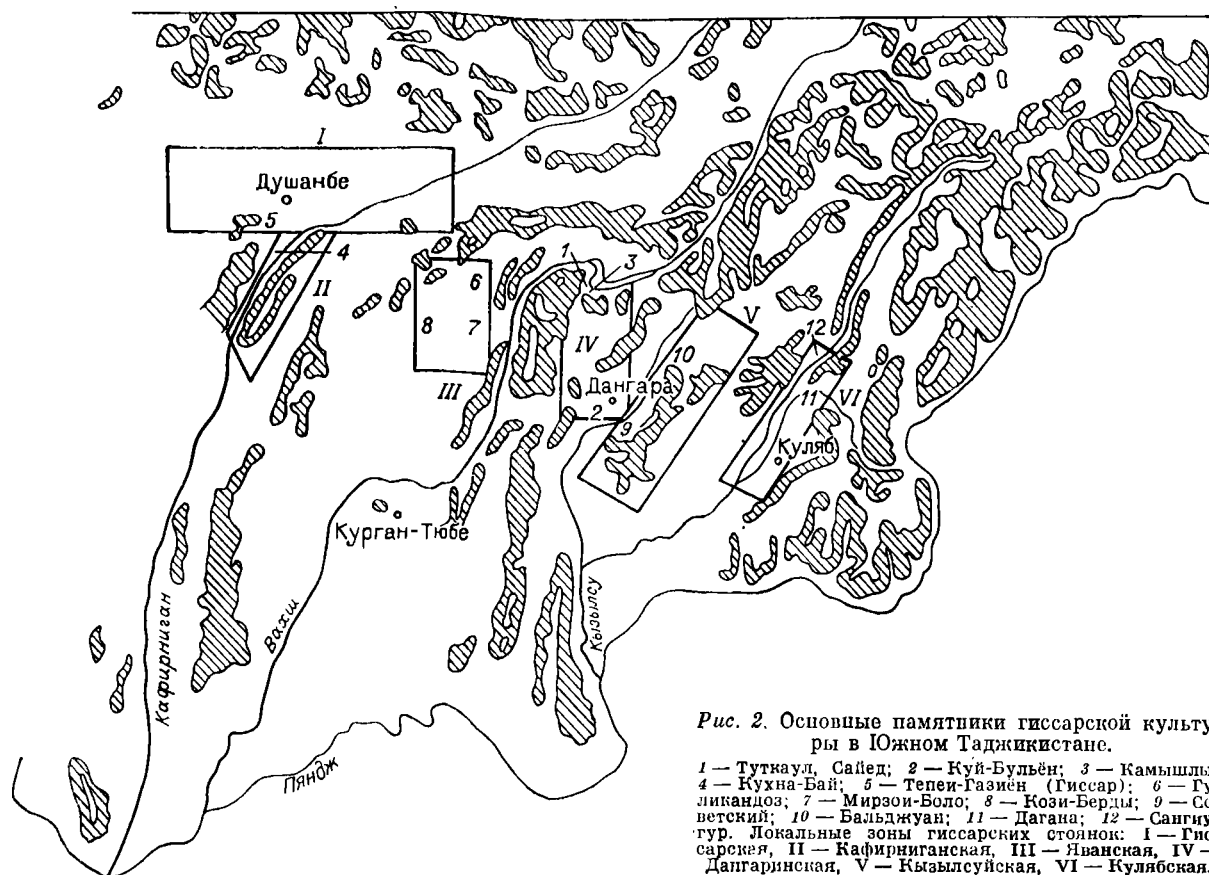

Рис. 2. Основные памятники гиссарской культуры в Южном Таджикистане.

1 — Туткаул, Сайед; 2 — Куй-Бульён; 3 — Камышлы; 4 — Кухна-Бай; 5 — Тепей-Газиев (Гиссар); 6 — Гуликандоз; 7 — Мирзои-Боло; 8 — Кози-Берды; 9 — Солетский; 10 — Бальджуан; 11 — Дагана; 12 — Сангигур. Локальные зоны гиссарских стоянок: I — Гиссарская, II — Кафирниганская, III — Яванская, IV — Дангаринская, V — Кызылсуйская, VI — Кулябская.

депрессии. Нет сомнения в том, что эти моменты отражают какие-то хозяйственные, экономические черты.

Географически можно отметить три больших очага, где стоянки гиссарской культуры наиболее многочисленны. Это средняя часть Гиссарской долины от Орджоникидзеабада до Шахрипау, район среднего течения р. Вахш в пурекском и туткаульском расширениях и Дангаринской долине и группа стоянок, заключенная в треугольнике: Бальджуан — Ховалинг — Куляб. Особую группу гиссарских памятников, связанных с широким использованием кремня, представляет собой группа стоянок Яванской долины²⁸. Представляется вполне вероятным, что в процессе дальнейших исследований следы гиссарской культуры будут найдены и в других местах Таджикистана, в частности между Орджоникидзеабадом и Обигармом и далее — выше по Вахшу — Сурхобу и, вероятно, Обихингоу, по крайней мере до меридиана Гарма, Тавильдары или Джиргиталия — Сангвора. Далее на восток можно ожидать уже влияния маркансуйской культуры. Можно ожидать также значительного увеличения находок в бассейне Таирсу, Обимазара, Яхсу и их притоков.

Все указанные выше пункты отмечены в долинах крупных рек и в зоне адыров на абсолютной высоте от 500—700 до 1000—1500 м над ур. м.

В низовьях крупных рек, на выходе последних в долину Амударьи, там, где лессовые покровы сменяются делювиально-пролювиальными шлейфами и галечниково-щебечатыми гаммада-

ми, а также массивами перевесных амударьинских песков, гиссарские поселения исчезают совершенно. Это зона распространения стоянок с микролитовидным кремневым инвентарем (Чиль-Чор-Чашма, Макони-Мор, стоянки Бешкентской долины). В глубоких ущельях и долинах, врезающихся в главные хребты, находки гиссарских изделий единичны. Киргизон, Такоб, Малик-Шах указывают на северную границу основного очага распространения гиссарской культуры.

Обратимся еще раз к карте на рис. 1, где показано общее положение гиссарской культуры на востоке Средней Азии. На карте представлена территория, занятая гиссарской культурой, родственной, но не идентичной и не полностью одновременной маркансуйской культуре Памира. Третья значительная группировка неолита гор Средней Азии — микролитовидная кремневая индустрия Центральной Ферганы. Это три наиболее четко выраженные культуры мезо-неолитического времени в горной части Средней Азии, которые обладают индивидуальными чертами материальной культуры и распространены на определенной, хорошо оконтуренной находками территории. Они разделены еще слабо изученными пространствами, где имеются только отдельные находки, которые с той или иной степенью достоверности могут быть отнесены к одной из трех больших культурно-исторических общностей Средней Азии. Кружками обозначены находки, которые по своему облику близки к гиссарской культуре и, по-видимому, принадлежат локальным вариантам этой культуры, распространенной в разных своих проявлениях во всей горной части Средней Азии.

Особенно необходимы работы в зоне вероятного соприкосновения культур гиссарской и кельтеминарской, гиссарской и маркапсайской или ее дериватов — высокогорных неолитических памятников. Не менее важно развернуть исследования в Киргизии. Они должны дать ответ на вопрос, действительно ли уже сделанные разрозненные находки принадлежат к гиссарской культуре или это случайные совпадения, редкие «гиссарские элементы», прослеживаемые в технике обработки камня совсем других индустрий.

Что касается южной границы гиссарской культуры, то открытая геологом А. А. Никоновым стоянка в пизовьях р. Кокча, находки П. Пуглизи в Хазар-Сум и некоторые другие данные позволяют говорить о вхождении Северного Афганистана в зону распространения гиссарских памятников²⁹.

Заметная лакуна существует и в зонах вероятных контактов джейтунской, кельтеминарской и гиссарской культур. Находки на Бадхызе³⁰, по Келифскому Узбою³¹ и в Кашкадарье малочисленны и кроме сборов у Пайкенда не дают возможности определить их культурную принадлежность³². Кажется, несколько поторопились с выделением новой, тахтабазарской культуры Г. Ф. Коробкова и Х. Ю. Юсупов, поскольку в среднем течении р. Мургаб у пос. Тахтабазар собрано всего около 400 кремневых изделий³³. Несмотря на определенное сходство с джейтунской неолитической индустрией, эта стоянка, оставленная охотниками и собирателями, вряд ли может рассматриваться как этап продвижения носителей джейтунской культуры на восток, в горы Таджикистана, хотя перенос некоторых форм (как, например, мелких трапеций, известных для первого горизонта Туткаула) вполне можно допустить.

Для представления о северных границах гиссарской культуры важны материалы со стоянки Сазаган под Самаркандом. В первоначальной публикации стоянка была отнесена к кельтеминарской культурной общности³⁴. Дальнейший анализ материала как будто эти выводы подтвердил³⁵, но кельтеминарская принадлежность памятника, с нашей точки зрения, не выглядит убедительной хотя бы потому, что основой индустрии Сазагана являются не пластинки, как в памятниках кельтеминарской культуры, а отщепы. Таким образом, восточнее Кугитанга, Пенджикента, Самарканда и Ферганской котловины кельтеминарских стоянок не прослеживается.

Продвижение джейтунов на восток, зафиксированное для VI тыс. до н. э.³⁶, позднее приостановилось. Связь джейтунских поселений с ручьями, стекавшими с Копетдага, имела решающее значение для распространения этой культуры — далее на восток горы отклоняются к югу. (Можно думать, что и на западе Копетдага они не будут обнаружены далее Казанджика.) По-видимому, это главная причина отсутствия джейтунских памятников между Тедженом и Амударьей. Район Меана-Чаача является крайней восточной границей джейтунской культуры. Как в Таджикистане, так и в Афганистане многолетние исследования не привели, как известно, к открытию

памятников джейтунского типа³⁷. Из этого следует, что в Афгано-Таджикской депрессии переход к производящему типу хозяйства мог происходить на принципиально иной основе.

Таким образом, территория соприкосновения гиссарской культурно-исторической общности с двумя другими крупными образованиями должным образом не исследована. Несмотря на то, что отдельные изделия, принадлежащие к «кремневному комплексу» Туткаула и Сайеда, находят аналогии в памятниках джейтуна и кельтеминара, создается впечатление об изоляции гиссарской культуры, отсутствии прямых и устойчивых контактов со своими западными и северо-западными соседями. Это видно хотя бы по отсутствию у гиссарцев керамики, столь распространенной в VI, а тем более в V тыс. до н. э. в предгорьях Копетдага. Не находят отражения в горных долинах Южного Таджикистана и замечательные достижения неолитических племен Туркмении.

Очень мало можно пока сказать о связях между гиссарской и маркапсайской культурами, хотя по технике они бесспорно родственны. Дело в том, что совсем неизученными пока остаются Дарваз и Каратегин — районы, внутри которых должен был происходить контакт между этими общностями.

Восточные связи гиссарской культуры разработаны мало, хотя сходство «галечной техники», присущей инвентарю последней, и приемов обработки камня во многих культурах, распространенных на восток от Таджикистана, отмечалось неоднократно³⁸. Сейчас на повестке дня стоит исследование конкретного сходства отдельных вариантов неолита Пакистана, Индии и Китая с гиссарской культурой. В плане чисто технического так же аналогии можно увидеть в старых находках на р. Аксу в южном китайском Тянь-Шане³⁹, в «галечном» инвентаре неолита Сычуани⁴⁰, или в отдельных находках в Тибете⁴¹, или в памятниках Северо-Западной Индии⁴².

Если непосредственные границы гиссарской культуры на востоке области ее основного распространения прослеживаются достаточно четко, то общность технических приемов, близких к тем, которые существовали у гиссарских племен, имеет значительно более широкое распространение.

О ГЕНЕЗИСЕ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В Таджикистане отмечено существование двух вариантов мезолитических культур. Первый зафиксирован в южных районах республики. Это горизонты 3 и 2-а Туткаула, индустрия грота Дараи-Шур в зоне Нурекского водохранилища, находки у Куй-Бульба в Дапгаре, мезолитические стоянки Обикик и Чиль-Чор-Чашма. К этой же индустрии можно отнести и подъемный материал, собранный в приамударьинских песках Северного Афганистана А. В. Виноградовым, а также орудия из раскопок в нижних горизонтах пещеры Истыкская на Восточном Памире.

В других районах гор Средней Азии мезолит представлен пещерными стоянками Обишир, Ташкумыр в Фергане, нижними слоями Ак-Тап-

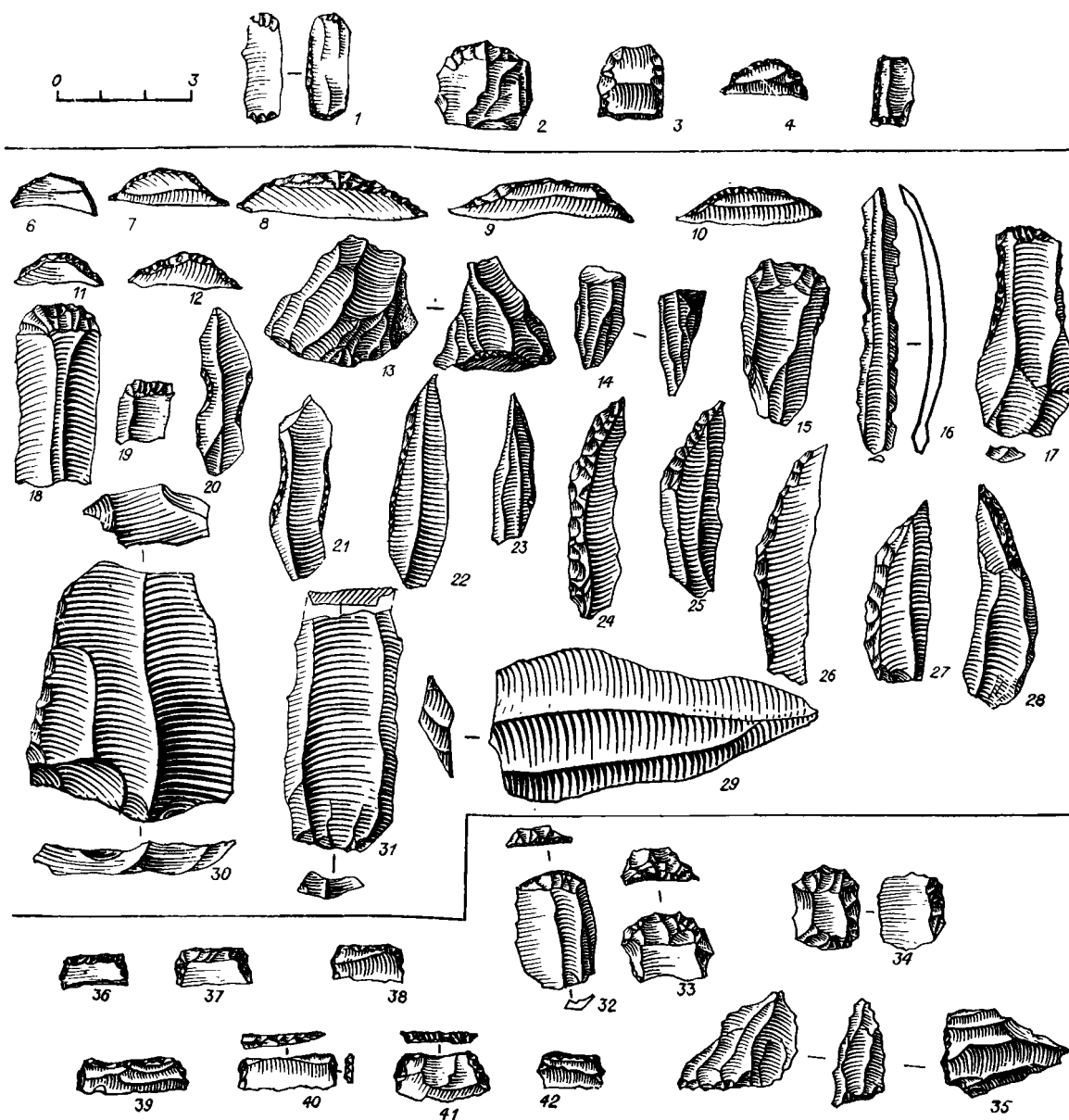

Рис. 3. Орудия мезолита Южного Таджикистана.

1—5 — Чиль-Чор-Чашма; 6—31 — Туткаул 2-а, Обикиик; 32—42 — Туткаул 3.

ги, стоянкой Кушлиш под Ташкентом⁴³. В хронологическом плане пока можно подразделить лишь стоянки Южного Таджикистана⁴⁴:

Чиль-Чор-Чашма	— VI—V тыс. лет до н. э.
Дараи-Шур	— VII тыс. лет до н. э.
Туткаул 2-а, Обикиик	— VIII—VII тыс. лет до н. э.
Туткаул 3	— X—IX тыс. лет до н. э.

Стратиграфически наиболее древний 3-й горизонт Туткаула представлен раннемезолитической культурой, напоминающей кебарийскую культуру Средиземноморья⁴⁵.

Материал здесь исключительно кремневый, «гиссарский элемент» (о котором подробнее см. ниже) не представлен. Основным типом орудий этого горизонта являются низкие трепеции, приближающиеся к прямоугольникам. Их размеры колеблются от 2,5 до 1,2 см. Топкая затупливающая ретушь охватывает три стороны прямоуголь-

ника и нанесена всегда с брюшка (рис. 3, 36—42). Ретушированные стороны часто вогнуты. Другие орудия, менее многочисленные, представлены концевыми скребками, в том числе миниатюрными, округлыми, преимущественно на отпечнах, но иногда и на сечении правильных пластин (рис. 3, 32—34). Имеются также развертки, скобели, небольшое количество пуклевидных скребков высокой формы (рис. 3, 35). Прямых аналогий для этого инвентаря в Средней Азии нет. Некоторое сходство прослеживается с центральноферганским материалом (микроскребки, скребки на сечении пластин, микронуклеусы)⁴⁶, но они не выходят за рамки общих стадияльных совпадений. Отдельные изделия (микроскребки, пуклевидные скребки) имеются в материалах Самаркандской стоянки, но там, как и в горизонте Шугноу I, они не сопровождаются микролитами — низкими прямоугольниками⁴⁷.

Ближние трапеции-прямоугольники встречаются в нижних горизонтах Ак-Тапги. Полное сходство (сочетание микролитов-прямоугольников, нуклеидных скребков, округлых скребочков и т. д.) имеется в нерасчлененных стратиграфически сборах с открытых стоянок Северного Афганистана⁴⁸. Возраст этого горизонта определяется как присутствием двух ранних форм: микролитов-прямоугольников и пуклевидных скребков, так и стратиграфическим положением слоев.

Следующий этап мезолита (VIII—VII тыс. лет до н. э.) характеризуется прежде всего горизонтом 2-а Туткаула. Здесь наряду с кремнем широко используются и более грубые кремнистые породы. Основу индустрии слоя 2-а составляют два типа орудий — сегменты и своеобразные острия с затупленной спинкой, обычно изогнутой. Они иногда изготовлялись из кремня, но чаще из яшмовидных или кремнистых пород. Мы предлагаем называть подобные орудия остриями туткаульского типа, поскольку нигде в Средней Азии такого количества этих орудий нет (рис. 3, 22—28).

Наиболее раннее появление подобных острий в Средней Азии фиксируется находками во 2-м горизонте верхнепалеолитической стоянки Шугнуу (раскопки автора 1969—1970 гг.)⁴⁹. Судя по отдельным экземплярам, они имеются в ранне-мезолитическом слое грота Ташкумыр⁵⁰, а также в Центральной Ферганае⁵¹. Крайний восточный пункт распространения этих острий — пещера Истыкская на Восточном Памире⁵². В Северном Афганистане, в упоминавшихся уже открытых стоянках, обнаруженных в зоне приамударьинской пустыни, это один из наиболее распространенных для эпохи мезолита типов орудий⁵³.

Подобные острия, генетически восходящие к остриям шательперрон и граветт и сходные по характеру обработки спинки с азийскими остриями классического мезолита Франции⁵⁴, можно встретить во многих странах и разнообразных по возрасту памятниках, в том числе в раннем мезолите Ближнего Востока⁵⁵, в мезолите Индии⁵⁶.

Сегменты как в Туткауле, так и в Обикинке двух типов: 1) укороченные — 2—2,5 см, обычно с толстой, часто грубо обработанной спинкой, высокие и 2) низкие удлиненные, из пластин более тонких сечений длиной до 4,2—4,3 см (рис. 3, 6—12). Среди другого инвентария — выемчатые скобели (рис. 3, 20—21), крупные и мелкие концевые скребки (рис. 3, 17—18). Нуклеусы из кремня имеют микролитовидный характер и делятся на конические, торцовые, подпризматические (рис. 3, 13—14).

Перечисленные формы составляют лишь часть инвентаря. Другая часть связана с крупными пластинами, напоминающими мустьерские (рис. 3, 29), «эпилеаллуазскими» площадочными нуклеусами, призматическими пластинами (рис. 3, 30, 31), а также своеобразными пластинами с «обушком», утолщенным краем, которые служили для изготовления острий туткаульского типа.

Примерно такое же сочетание имеет место в инвентаре грота Даран-Шур. Однако в этом случае значительно сильнее проявляется «гиссарский элемент», т. е. использование некремневого материала, из которого изготовлялись орудия,

аналогичные находимым уже в собственно гиссарских слоях⁵⁷.

В этом сочетании чисто мезолитической, «переходно-граветтской» техники, выраженной в существовании сегментов, острий туткаульского типа, выемчатых орудий с шипами и не свойственных для мезолита запада Средней Азии и Ближнего Востока орудий на крупных пластинах мустьерского облика и изделий гиссарского типа, и проявляется особенный характер культуры, представленной горизонтом 2-а Туткаула.

Наиболее выразительным памятником следующей хронологической группы является Чиль-Чор-Чашма⁵⁸. Здесь присутствуют геометрические микролиты: трапеции, прямоугольники, сегменты (рис. 3, 1—5). Острия туткаульского типа отсутствуют.

Вторая группа памятников, хронологически предшествующая гиссарской культуре, находится на Памире. Датированная первоначально ранним неолитом маркансуйская культура Памира, известная в основном по раскопкам стоянки Ошхона, после получения радиоуглеродной даты 9530 ± 130 лет классифицируется чаще как мезолитическая⁵⁹. Доля грубого, не микролитовидного материала по сравнению с югом здесь резко увеличивается. Совершенно отсутствуют орудия геометрических форм и туткаульские острия.

Основным типом орудий маркансуйской культуры являются концевые скребки на толстых укороченных пластинах, иногда языковидной формы, часто с затупляющей подправкой краев (рис. 4, 3, 4), мелкие скребочки на отщепах (рис. 4, 6, 7), скребла с прямым лезвием. Среди других орудий — скребла с выпуклым и вогнутым лезвием, напоминающие палеолитические (рис. 4, 19, 20), крупные концевые скребки на толстых пластинах (рис. 4, 18). В Аличурской долине найдены округлые скребки на массивных отщепах. Совершенно неожиданным является присутствие здесь небрежно обработанных двухсторонних наконечников стрел, которые фиксируют одно из наиболее ранних появлений подобных изделий на территории СССР (рис. 4, 1, 2). Наряду с крупными, массивными отщепами, часть которых имеет мустьерский характер, здесь найдены и мелкие ножевидные пластинки, иногда несущие приостряющую ретушь (рис. 4, 11—15).

Соответственно и пуклеусы маркансуйской культуры имеют разный характер. Одни диско-видные или многоплощадочные. С них скалывались заготовки, напоминающие палеолитические (рис. 4, 16—17). Другие — маленькие, чаще торцовые, реже — грубоконические (рис. 4, 8, 9). Они служили для отделения ножевидных пластин.

Маркансуйская культура ближе всего к гиссарской в чисто техническом плане, хотя некоторые элементы, имеющиеся в инвентаре Туткаула и Сайеда (вкладышевая техника, орудия геометрических форм, затупляющая ретушь), должны иметь иное, не памирское происхождение. К сожалению, на сегодняшний день памятники Памира и Южного Таджикистана разделены пяти-соткилометровым почти неисследованным пространством.

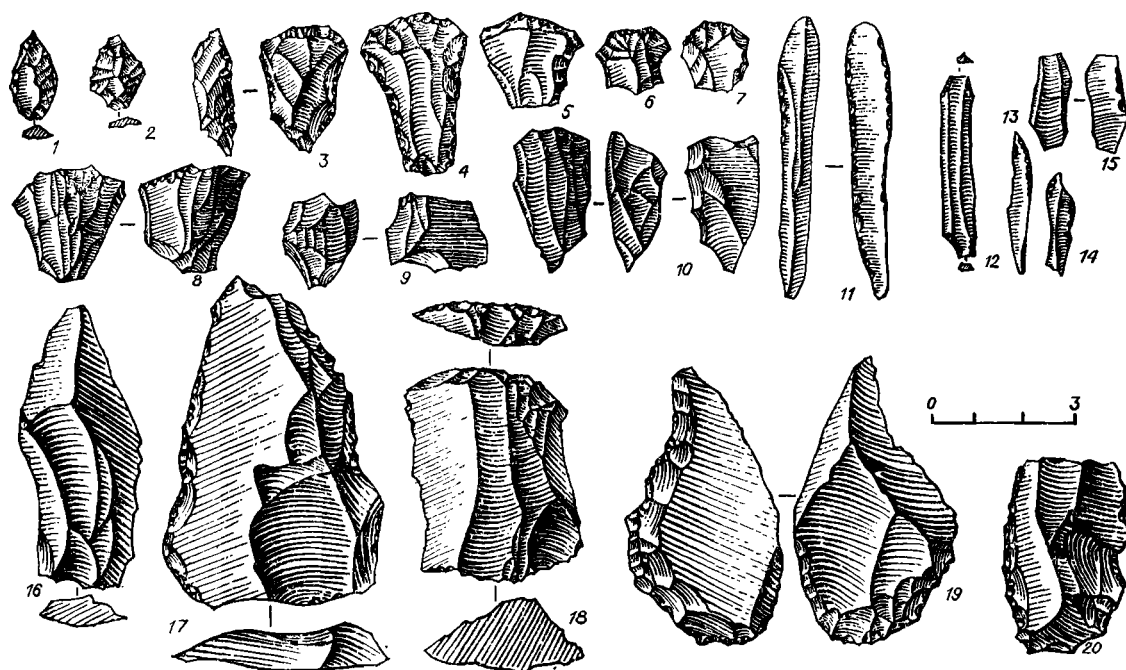

Рис. 4. Маркансуйская культура Памира.
18 — Кулак-Кесты, остальные изделия из Ошхоны.

Очень сложным представляется соотношение между маркансуйской культурой и пластинчатой индустрией пещеры Истыкская, в которой имеются острия туткаульского типа. Не исключено, что микролитовидная индустрия Истыкской предшествует маркансуйской культуре.

Эти два варианта мезолита генетически связаны с двумя линиями развития, хорошо прослеживаемыми с эпохи палеолита⁶⁰. При этом удивительное сходство с техникой раскалывания камня, применяемой в гиссарской культуре, демонстрируют лёссовые палеолитические стоянки, возраст которых доходит до 200 тыс. лет⁶¹.

Непосредственно гиссарскому неолиту предшествуют в Южном Таджикистане такие индустрии, как Сайед 3, Дарай-Шур и Туткаул 2-а. На основании стратиграфических данных возраст Сайеда 3 приурочивается к той же пачке вахшского песка, что и Туткаул 3, т. е. может быть определен, скорее всего, как XI—X тыс. лет до н. э.⁶² Для индустрии этого горизонта характерно применение только «галечного элемента» при полном отсутствии микролитизации (кремнь как подолочный материал полностью отсутствует).

Наибольшее количество связей с гиссарской индустрией имеет материал из навеса Дарай-Шур, где труднообъяснимым образом смешаны мезолитические (кремневые) орудия (23%) с изделиями из галек, преимущественно магматических пород и песчаника (77%)⁶³. Интересно, что такой же процент кремневого и галечного «элемента» выдерживается и в гиссарской индустрии. К сожалению, дата Дарай-Шура может быть установлена лишь по археологическому материалу.

Туткаул 3 и Туткаул 2-а — это горизонты, лежащие непосредственно под горизонтом гиссарской культуры. Устанавливаются определенные связи между мезолитом 2-а и горизонтом 2 Тут-

каула. Более детальный анализ, возможно, позволит установить новые линии сходства. Однако остается непонятным, почему в гиссарское время, т. е. примерно через 1000 лет, получают большое развитие те элементы, которые в мезолитическое время играли подчиненную роль — «гиссарские».

Той преемственности технического плана, которую можно четко проследить на примере инструментария прикаспийского мезолита и джештунской культуры, а отчасти и кельтеминарских орудий⁶⁴ для гиссара и предшествующих культур мезолита, мы не находим.

Конечно, отдельные элементы преемственности в технике раскалывания камня имеют место. Так, например, галечные и многоплощадочные пуклеусы маркансуйской культуры могут являться прототипом подобных пуклеусов гиссарского инвентаря. Свидетельством продолжения традиций приготовления орудий «со спинкой», отмеченной в Шугноу и горизонте 2-а Туткаула, является торцовый скол на краю крупных отщепов. Большое сходство имеется и между микропуклеусами из различных горизонтов Туткаула. Аналогичны галечные орудия — чоппинги, встреченные в небольшом количестве в горизонте 2-а Туткаула и в значительном — в Дарай-Шуре. Совершенно схожи пожи из песчаника, сделанные из первичных отщепов и имеющие слегка пришлифованное лезвие, встречающиеся в расположенных близко памятниках: Дарай-Шуре и неолитических горизонтах Сайеда.

Создается впечатление, что в начале VI тыс. до н. э. происходило коренное изменение техники обработки камня. На смену восточно-средиземноморской традиции микролитов с затупляющей ретушью, распространение которой, вероятно всего, связано с продвижением мезолитических племен из ближневосточного центра или, что ка-

жегся более вероятным, диффузии идеи микро-литов⁶⁵, пришли древние традиции «галечной техники», формировавшиеся на основе предшествующего опыта. Все это, как правильно отмечал А. П. Окладников, связано в первую очередь с появлением каких-то новых хозяйственно-бытовых условий⁶⁶, которые вызывались, скорее всего, переходом к производящим формам хозяйства.

Резкая смена техники раскалывания камня, происходящая при переходе к неолиту, может рассматриваться как одна из специфических особенностей развития культур конца каменного века в Южном Таджикистане.

СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР ПОСЕЛЕНИЙ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки Туткаула и Сайеда фиксируют структуру гиссарских поселений на раннем этапе. Куй-Бульён — на более развитом.

Площадь гиссарского Туткаула 7000 м². Площадь Сайеда и Куй-Бульёна значительно меньше — около 3500 м². Судя по распространению подъемного материала, площадь стоянок гиссарской культуры не превышала 0,5 га.

Размеры раннеземледельческих поселений (различных стадий) на Ближнем Востоке и Туркмении колеблются от нескольких гектаров (Чатал-Гуюк, Иерихон) до 0,4—0,5 га (Бами, Чапан-Депе). Для нас особенно интересно, что в Ираке протонеолитические поселения «эпохи усиленного собирательства», т. е. времени первоначального оседания на землю, с которыми стадийно можно по всей очевидности сопоставлять Туткаул 2, имеют близкую площадь (Карим-Шахир — 0,4 га⁶⁷, Зави-Чеми-Шанидар — 0,7 га⁶⁸).

К сожалению, трудно сопоставить эти данные с размерами площадей кельтеминарских стоянок. Исследователи этой культуры имеют дело со стоянками, где материал сильно перемешан и его положение на поверхности не соответствует действительным границам стоянки либо раскопаны только отдельные жилища. Поэтому площади сборов на Махан-Дарье (от 0,3 до 0,7 га)⁶⁹, Акчадарьинской дельте (от 0,16 до 0,4 га)⁷⁰ не могут быть привлечены для сравнения.

Структура поселений раннего этапа гиссарской культуры по раскопкам Туткаула и Сайеда расшифровывается следующим образом⁷¹. Основной структурной единицей культурного слоя, мощность которого на указанных памятниках достигает 2,5 м, является многослойный очаг полусферической формы, выложенный из обломков известняка и расколотых (реже целых) речных галек. Очажные ямы после очистки имеют глубину 15—30 см и диаметр около 1 м. Форма разная — есть очаги прямоугольные, овальные, приближающиеся к правильному кругу (рис. 5). Встречаются участки с большой концентрацией очагов, когда они сливаются, перекрывают другие. Но в среднем очаги находятся друг от друга на расстоянии 1,5—2 м.

Поскольку в процессе жизни поселения подобные очаги быстро разрушались и заменялись новыми (при этом часть камней старых очагов ис-

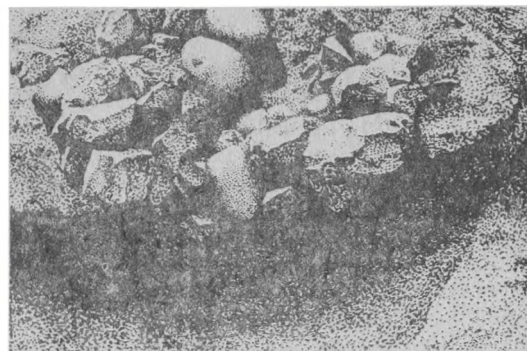

Рис. 5. Очаг с каменной наброской из Туткаула.

пользовалась для строительства новых), их расположение беспорядочно. Создается впечатление, что очаги «мигрировали» по площади поселения. Во всяком случае, они не образуют достаточно четких скоплений, по которым можно было бы очертить жилище. Огромное количество очагов, подвергавшихся размыву после завершения их функций, окрашивают культурный слой Туткаула в интенсивно-черный углистый цвет, эффектно выделяющийся на фоне желтого суглинка, его перекрывающего.

Вторым структурным элементом как в Туткауле, так и в Сайеде являются каменные выкладки. Это горизонтальные площадки из плотно уложенных в несколько слоев обломков известняка, расколотых и целых галек. Внутри таких выкладок отмечаются угольные пятна — очаги (в данном случае очаги сливаются с выкладкой и о их присутствии можно судить лишь по наличию остатков угля).

В Туткауле наиболее крупная из сохранившихся площадок имеет размеры 40 м², в Сайеде — 25 м². Остатки подобных «жилых площадок» вместе с отдельными группами очагов встречаются в обоих памятниках на всех участках раскопа и на всех уровнях. Они могли быть основанием (полом?) легкого каркасного жилища. Однако тот факт, что на всех сохранившихся каменных выкладках каменные изделия встречаются значительно реже, чем вне их, противоречит высказанному предположению. Возможно, здесь существовали и полуземлянки, о чем говорит углубление диаметром около 12 м и глубиной в 1 м, по контуру близкое к овалу. Углубление заполнено углистой массой, очажными камнями, отщепами.

По характеру и общей структуре гиссарские поселения типа Туткаула и Сайеда резко отличаются от поселений равнинной части Средней Азии (джейгутупской и кельтеминарской культур). А наиболее близкие им аналогии прослеживаются в ближневосточных памятниках типа Карим-Шахира, культурный горизонт которого состоит, судя по сообщению Р. Брейдвуда, из скоплений отсортированных речных галек и их обломков, в отдельных случаях объединенных в плотные выкладки — «псевдополы»⁷².

Структуры жилых горизонтов Туткаула и Карим-Шахира полностью тождественны. В протонеолитических слоях пещеры Шанидар погребения сопровождаются «...грубо выложенными полами из камня»⁷³. Что же касается каменных

очагов, то их хронологический⁷⁴ и территориальный⁷⁵ диапазон настолько широк, что использовать их как этнический признак совершенно невозможно. Вместе с тем подобные очаги — характерная черта многих среднеазиатских памятников, начиная от мезолита, кончая поздней бронзой (Ак-Тапги, Кайраккумы, совхоз им. Кирова, гиссарские поселения). Добавим, что мощность отложений, состоящих из переслаивающихся по вертикали очагов и каменных выкладок, в Туткауле составляет 2 м, а в Сайеде — 2,5 м.

Каменные выкладки и очаги имеются и в Куй-Бульёне. Вместе с тем на этом этапе появляются новые строительные приемы. Раскопки А. П. Окладникова вскрыли здесь остатки обмазки полов в виде пятен гипсово-золистой массы. Они сочетаются с чашеобразными углублениями, имеющими вид чанов диаметром до 80 см, служивших, по-видимому, для хранения зерна. Прослежены скопления битого камня, залегающего в виде полос, — возможно, основания стен жилищ.

Отличия в характере культурного слоя Туткаула и Куй-Бульёна бесспорны. Второй памятник, по нашему мнению, должен сопоставляться скорее с поселениями «первых земледельцев» типа Джармо в наиболее ранних их проявлениях, чем с памятниками «зарождающегося земледелия и скотоводства», какими являются Карим-Шахир и Туткаул.

Дальнейшее развитие структуры поселений гиссарского типа пока неясно: на территории основного распространения гиссарской культуры (в Таджикской депрессии) впервые элементы архитектуры известны лишь с конца II тыс. до н. э.⁷⁶ Таким образом, между VI—IV тыс. до н. э. (Туткаул, Сайед, Куй-Бульён) и поселениями бронзового века существует ничем пока не заполненная лакуна, которая по времени включает энеолит и раннюю бронзу.

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ КАМНЯ И ВЕДУЩИЕ ФОРМЫ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Только после полной всесторонней обработки материалов из Туткаула можно будет дать исчерпывающую характеристику каменному инвентарю гиссарской культуры. В настоящей работе дано лишь предварительное описание, составленное автором.

Раскопки в Куй-Бульёне и еще более в Туткауле показали, что индустрии гиссарской культуры свойствен сложный комплекс технических приемов. Сочетание «галечного инвентаря», изготовлявшегося из крупнозернистых пород, и плитчатого кремневого является важнейшей специфической чертой гиссарской культуры. По подсчетам Г. Ф. Коробковой, кремневый инвентарь в Туткауле составляет примерно 30%. Усиление «кремневого элемента» и значительное разнообразие орудий отмечается в Туткауле и Сайеде к концу VI—началу V тыс. до н. э., тогда как в основании 2-го горизонта Туткаула кремнь не играет сколько-нибудь значительной роли. Насколько можно судить по подъемному материалу, самые поздние этапы гиссарской культуры отмечены неожиданным ростом «гиссарского элемента», т. е. традицией галечной техники.

Для изготовления орудий гиссарцы использовали разнообразный материал. Это крупнозернистые кремневые породы преимущественно зеленого и серого цвета; магматические породы типа фельзитовых и риолитовых порфиров, осадочные — кремневые известняки, сланцы. Широко использовался серпентин, роговик. Редко — яшмовидные породы. Весь этот материал собирался на галечных косах или в высыпках древних террас и связан с речной галькой средних размеров. Кремнь плитчатый, очень редко галечный, низкого качества, серый, ломкий. Размеры плиток позволяют, как правило, отделять только мелкие микролитические пластинки.

Во многих памятниках гиссарской культуры встречаются изделия из коричневого кремня высокого качества. Его местное происхождение не вызывает сомнений. Скорее всего кремнь припесел издалека, откуда-то из долины Амударьи. Почти все крупные изделия гиссарских стоянок изготовлены из такого кремня. Вполне возможно, что небольшие размеры основной части кремневого инвентаря Туткаула связаны с тем, что для изготовления орудий в первую очередь использовался местный кремнь, размеры плиток которого не позволяли снимать крупные пластины.

Среди кремневого инвентаря Туткаула Г. Ф. Коробкова выделила 16 типов орудий: микролиты (трапеции), долотовидные орудия — *pièces écaillées*, вкладыши серпов, пожи, скобели и т. д., а среди «гиссарского» — 15 типов (чопперы, чоппинги, шлифованные топоры, пожи с пришлифованным лезвием, грубые скребла и т. д.). Некоторые орудия (скребки, скребла, скобели, долота и др.) изготовлялись из разного материала, другие — только из кремня или грубых пород (например, совершенно не встречаются галечные орудия из кремня, нет кремневых шлифованных пожек; трапеции, вкладыши, концевые скребки изготовлялись преимущественно из кремня).

Оставляя подробный анализ на будущее, охарактеризуем в общих чертах основные группы инвентаря гиссарской культуры, взяв за основу коллекции Туткаула.

«Гиссарский элемент». Самыми характерными изделиями гиссарской культуры являются своеобразно обработанные речные гальки — галечные орудия, которые и придают всей культуре в целом характер «галечной», хотя последнее понятие не исчерпывается только присутствием галечных орудий, но включает в себя определенные технические и типологические критерии.

Эти изделия, бесспорно, продолжают традиции палеолитических «pebble-tools» — чопперов и чоппингов, и так же, как при изучении палеолитических галечных орудий, перед исследователем встает вопрос, являются ли рассматриваемые предметы орудиями различных функций или это пуклеусы? По мнению Г. Ф. Коробковой, большая часть «галечных орудий» Туткаула является пуклеусами и лишь немногие из них служили как отбойники, грубые рубящие орудия или использовались для обработки дерева в виде стругов и грубых рубанков.

Действительно, среди изделий из галек, найденных на гиссарских стоянках, имеется заметная

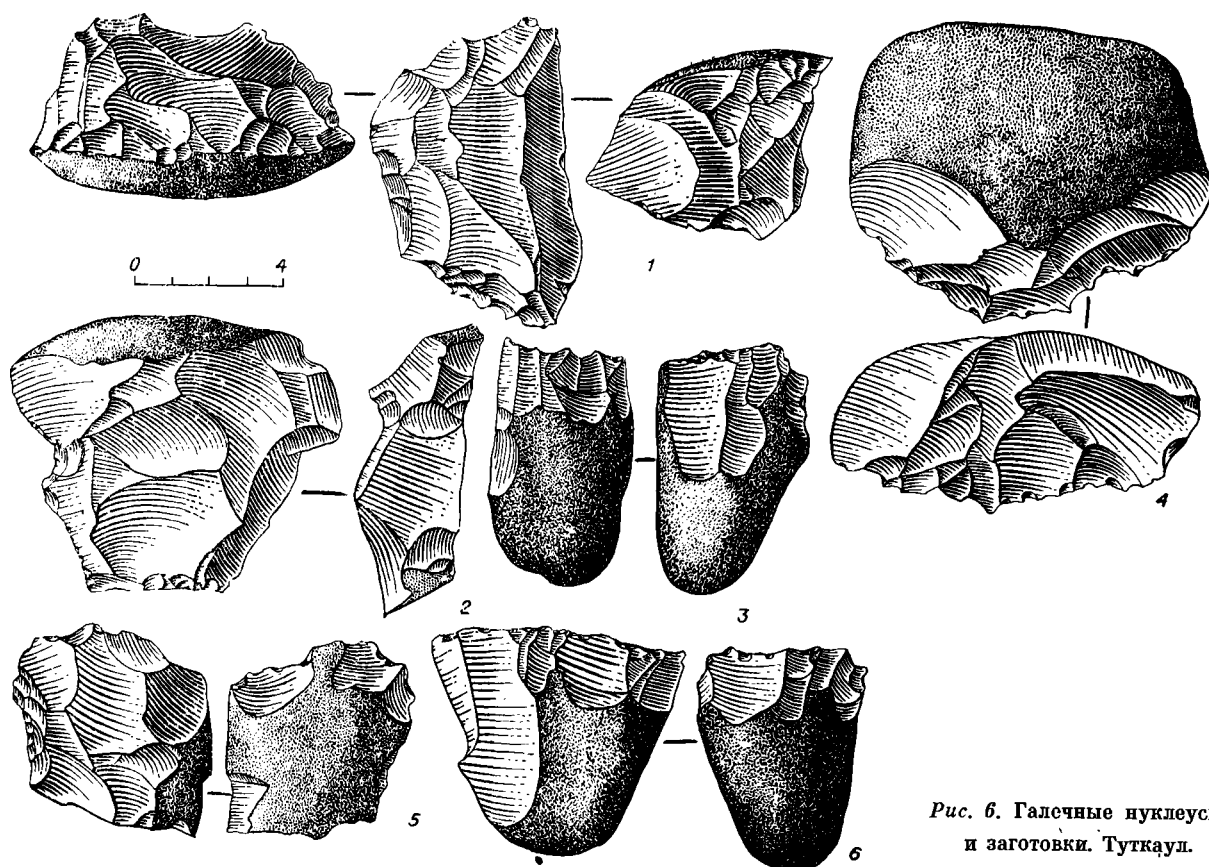

Рис. 6. Галечные нуклеусы и заготовки. Туткаул.

группа галечных нуклеусов. В наиболее четком проявлении по характеру снятых заготовок и подготовке поверхности для скалывания они приближаются к призматическим пуклеусам. Вместе с тем это галечные нуклеусы, так как они почти никогда не обработаны по всему периметру и более или менее сохраняют первоначальную форму гальки. Отбивная площадка таких нуклеусов, как правило, не имеет подправки и обработана одним сколом, направленным перпендикулярно к длинной оси гальки и рассекающим ее поперек. Заметна тенденция к выработке ударной площадки на торцевой части гальки (рис. 6). С другой стороны, имеются изделия из галек, которые по своему характеру не могли быть пуклеусами, и обработка их свидетельствует, что перед нами — явные орудия (рис. 7).

Между этими крайними полюсами лежит значительное число промежуточных форм: чопперы с небрежно обработанным краем, которые могли

быть и нуклеусами для укороченных отщепов, но могли и использоваться без всякой дополнительной подправки как скобели для сдирания коры, землекопные инструменты или грубые рубящие орудия и чоппинги, при изучении которых всегда возникает вопрос: что перед нами — незаконченный нуклеус дисковидного типа или уже законченное орудие?

К сожалению, мы пока не можем установить, сколько градусов крутизны отбивной площадки или угла заострения необходимы для производства хорошего отщепы (в гиссарской культуре именно отщепы, поскольку пластины из крупнозернистых пород встречаются лишь как исключение). Достаточно вспомнить острые углы между рабочими плоскостями дисковидного нуклеуса чечевицевиной формы.

Угол скалывания играл незначительную роль в технике гиссарской индустрии, где крайняя грубость материала подчеркивалась и примитив-

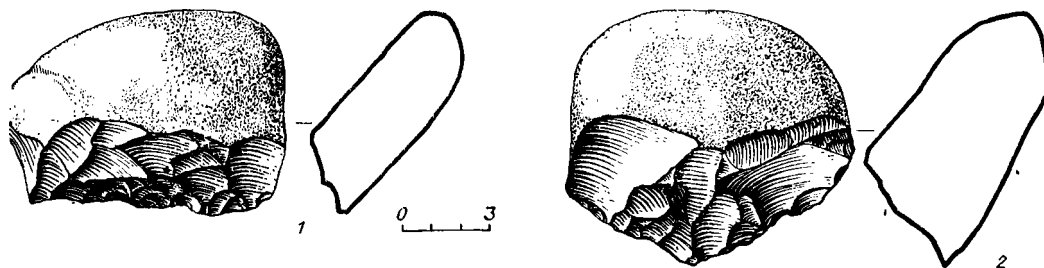

Рис. 7. Галечные орудия типа чопперов. Туткаул.

ными приемами скалывания. В частности, почти никакого внимания не уделялось подготовке отбивной поверхности нуклеуса. Лучшего оставляет желать и сама методика точного измерения рабочего угла нуклеуса или угла заострения орудия. Измерения с точностью до $5-10^\circ$, которые обычно встречаются в имеющихся публикациях, не позволяют почувствовать эту зависимость и не дают основания для ее определения. По всей очевидности, совершенно одинаково обработанная галька могла в одном случае служить как орудие типа скребла, скобеля, рубящего инструмента, топора, а в другом — как нуклеус и совершенно не использоваться в работе.

Перечислим теперь основные формы галечных орудий, подчеркнув еще раз, что в коллекции из Туткаула они (нуклеусы и орудия, неразделенные) занимают видное место, во многом определяя облик культуры в целом.

Общие технологические особенности галечных орудий: 1) как правило, выбиралась галька с одной плоской, а другой выпуклой стороной; 2) скалывание в подавляющем большинстве случаев производилось от плоской поверхности к выпуклой; 3) сколы, как правило, проходят во всю толщину гальки, но довольно часто заходят и на выпуклую часть; 4) встречные сколы характерны только для одной категории изделий (галечные орудия «высокого профиля»); 5) нижний край, который можно считать рабочим, бывает и ровным, и зубчатым; 6) подправка края встречается, но отличить ее от подправки края нуклеуса очень трудно; 7) продольный (по отношению к длинной оси гальки) рабочий край превалирует над поперечным, узкие удлинённые гальки являются исключением; 8) средний размер галечных орудий Туткаула $7 \times 7 \times 4$ см; 9) чоппинги представлены единицами, преобладают односторонние галечные орудия — чопперы.

Используя положение обработанной части гальки (рабочего края) и ее длинной оси, можно выделить следующие типы галечных орудий гиссарской культуры: а) с прямым рабочим краем (продольным и поперечным); б) с выпуклым рабочим краем (продольным и поперечным); в) с круговым рабочим краем (обработано $2/3$ периметра гальки); г) со сходящимися рабочими краями (грубо треугольная форма) (рис. 8, 2); д) с зубчатым лезвием; е) чоппинги; ж) орудия «высокого профиля» с выпуклым основанием, полностью обработанные⁷⁷; з) особые формы⁷⁸; и) расколотые гальки с затесанной плоскостью, из которых можно изготовить и нуклеус, и галечное орудие. Более полная классификация

должна учитывать форму гальки, площадь, покрытую галечной коркой, характер обработки рабочего края, его подправку, угол заострения, высоту (толщину) гальки.

Широкие хронологические и территориальные аналогии возможны для ряда памятников, расположенных восточнее Таджикистана.

Средняя Азия является западной окраиной большой археологической провинции, в материальной культуре которой орудия из галек играли очень важную роль⁷⁹.

Все, кому приходилось встречаться с гиссарскими памятниками, обращали внимание на чрезвычайное обилие отщепов, обломков, осколков, количество которых находится в разительной диспропорции к количеству орудий, законченных обработкой. Разгадку этого несоответствия отчасти сделала Г. Ф. Коробкова, которой удалось установить под биноклем, что многие туткаульские отщепы шли в дело без какой-либо добавочной подправки лезвия (в основном как скобелы для обработки дерева).

Заготовки в гиссарской индустрии имеют следующие особенности: 1) массивность (вес до 200 г и более; средний превышает 50 г); 2) крупные размеры (средняя величина, по подсчетам Г. Ф. Коробковой, $1,5-6 \times 1,8-5,5$ см); 3) атипичность формы (как правило, максимальная ширина не совпадает с шириной ударной площадки); 4) большое число осколков, ударной площадкой которых служила галечная поверхность; 5) существование как сильно скошенных, «клектонских», так и изогнутых, «мустьерских», ударных площадок; 6) подправка ударных площадок встречается очень редко; 7) большое разнообразие в характере огранки спинки отщепов, преимущественно конвергентном.

Подобные заготовки полностью соответствуют приемам «галечной техники» и могли получаться не только при специальном скалывании с нуклеусов, но и в процессе подготовки орудий из галек (рис. 9).

Следует отметить отщепы с боковым сколом, впервые выделенные Г. Ф. Коробковой в инвентаре Туткаула. Сколы, идущие обычно с торца отщепа, играли роль «обушка». Очень редко скол добавочно подправлялся затупливающей ретушью (рис. 10, 8). Этот прием является традиционным и для более ранних памятников Южного Таджикистана — мезолитического инвентаря Туткаула 2-а и верхнепалеолитического — Шугноу.

Как и в других гиссарских памятниках, в Туткауле очень немного орудий, для изготовления которых использованы гиссарские заготовки. Это

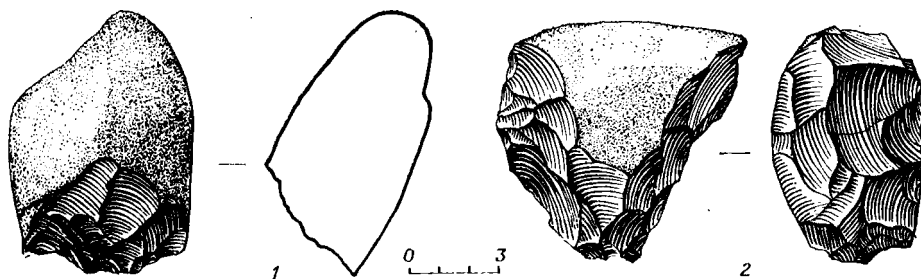

Рис. 8. Галечное орудие со сходящимися лезвиями (2) и adze-tool — долотовидный инструмент (1). Туткаул.

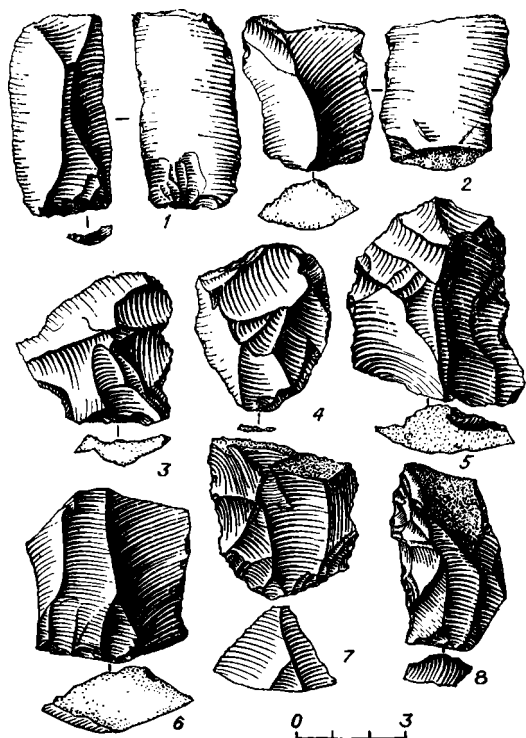

Рис. 9. Заготовки гиссарского типа. Кухна-Бай.

отщепы, превращенные при помощи ретуши, иногда тщательной, но чаще небрежной, в скребло-видные инструменты. Часто ретушь охватывает лишь небольшой участок края заготовки. Встречаются анкюши с ретушированной выемкой (рис. 10, 10). Группа шлифованных орудий немногочисленна. В Туткауле среди 40 тыс. предметов, включая осколки, едва ли наберется более десятка шлифованных топоров. В Сайеде картина совершенно аналогична. Часть известных для гиссарской культуры топоров опубликована⁸⁰. На рис. 11, 1 представлен удлиненный шлифованный топор из зелено-каменной породы, с узким, тщательно обработанным лезвием и округлым обушком. Он сохраняет неправильный изгиб — профиль гальки, из которой сделан (что характерно для большинства предметов этого рода). Обломок другого топора использовался как наковаленка (рис. 11, 2). Очень тщательно отшлифован острый обушок топора из серпентина (рис. 11, 4).

Шире распространены изделия с частично зашлифованным лезвием — пожки (рис. 11, 3, 6, 7) или долотовидные орудия (рис. 11, 5).

Интересно сегментовидное орудие (рис. 11, 8). Обращает на себя внимание его притупленный обушок, образованный сколами, нанесенными уже после шлифовки. Лезвие подчеркнуто плоскостью, наклонной к основанию поверхности. Г. Ф. Коробкова считает, что, судя по следам, видимым в микроскоп, это пила. Нам же представляется, что этот предмет аналогичен более поздним и грубым «прямоугольным ножам» или серпам из позднего неолита и бронзы. Среди них наиболее близки территориально каменные пожки слоя поздней бронзы из Кучуктепе близ Термеза⁸¹, которые похожи на каменные серповидные

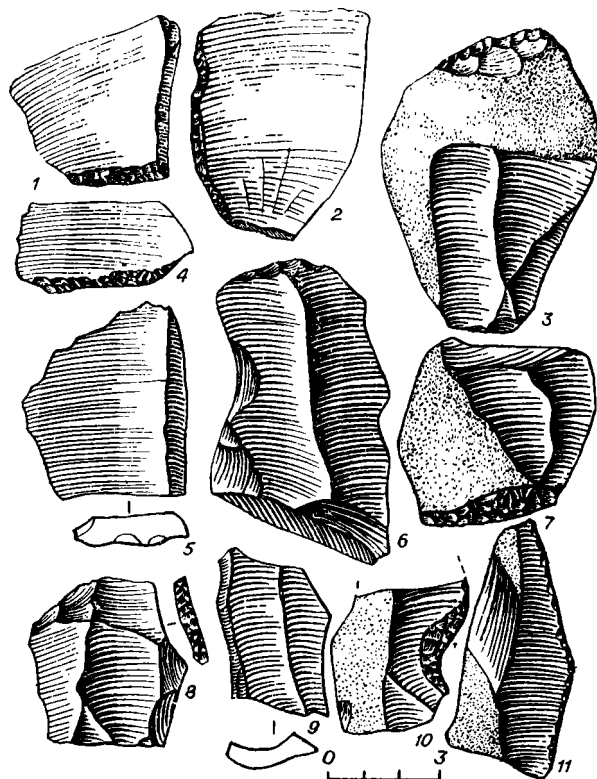

Рис. 10. Орудия на отщепах и грубых пластинах. Туткаул и Кокча.

пожки Чуста и Дальверзина. Последние подробно описаны Ю. А. Заднепровским⁸². К ним можно добавить очень похожие паходки в Кашмире, в неолитическом слое Бурзахомы⁸³. Не исключено, что прототипом подобных пожек могли быть «пилки» туткаульского типа.

На раннем этапе гиссарской культуры зернотерки и песты-курanty практически отсутствуют. Только изредка здесь встречаются плоские округлые гранитные гальки со следами затирания поверхности. Связь зернотерок и пестов-курантов, находящихся на поверхности вместе с обработанным камнем, требует дополнительных подтверждений⁸⁴.

Кремневый инвентарь. Пуклеусы микролитического характера обычны для гиссарских памятников. Они имеют или неправильную форму, или принадлежат к группе торцовых, т. е. обработанных только с узкой стороны (рис. 12, 1—3). Реже встречаются и великолепно ограниченные нуклеусы, призматические, конусовидные и двусторонне-торцовые. Особенно богатая коллекция, насчитывающая десятки превосходных экземпляров, собрана в 1969 г. Г. Ербобаевым на открытой стоянке Мулло-Нияз около г. Куляба⁸⁵. Значительно реже встречаются нуклеусы-скребки (рис. 12).

Пластики, снятые с подобных пуклеусов, служили, по видимости, вкладышами составных орудий или пожек (рис. 13, 1—9). Техника затупливания края заготовки, столь широко представленная в мезолитических горизонтах Туткаула, в гиссарских слоях не имеет сколько-нибудь значительного распространения. Следует отметить,

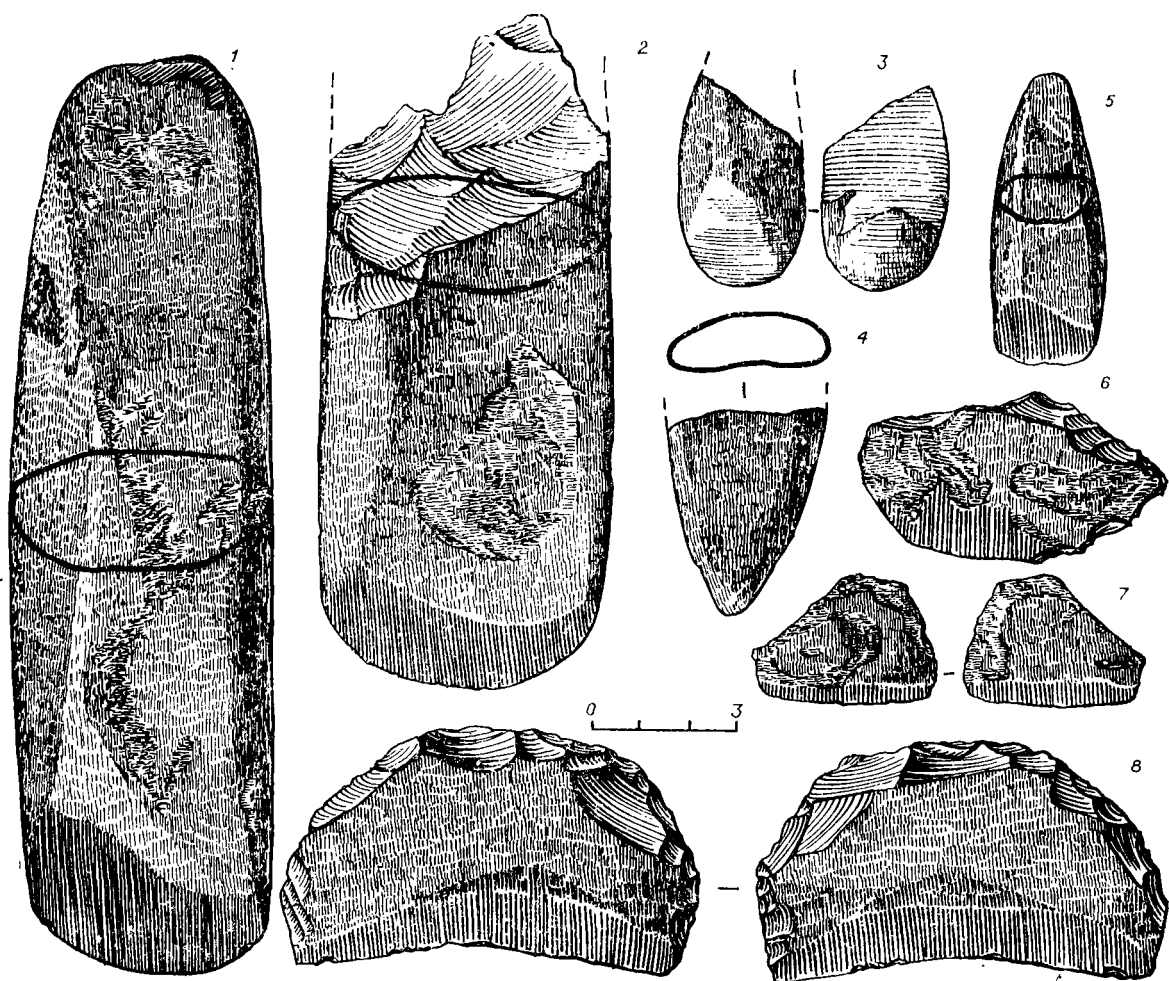

Рис. 11. Шлифованные изделия гиссарской культуры.
5 — Сайед, остальные — Туткаул.

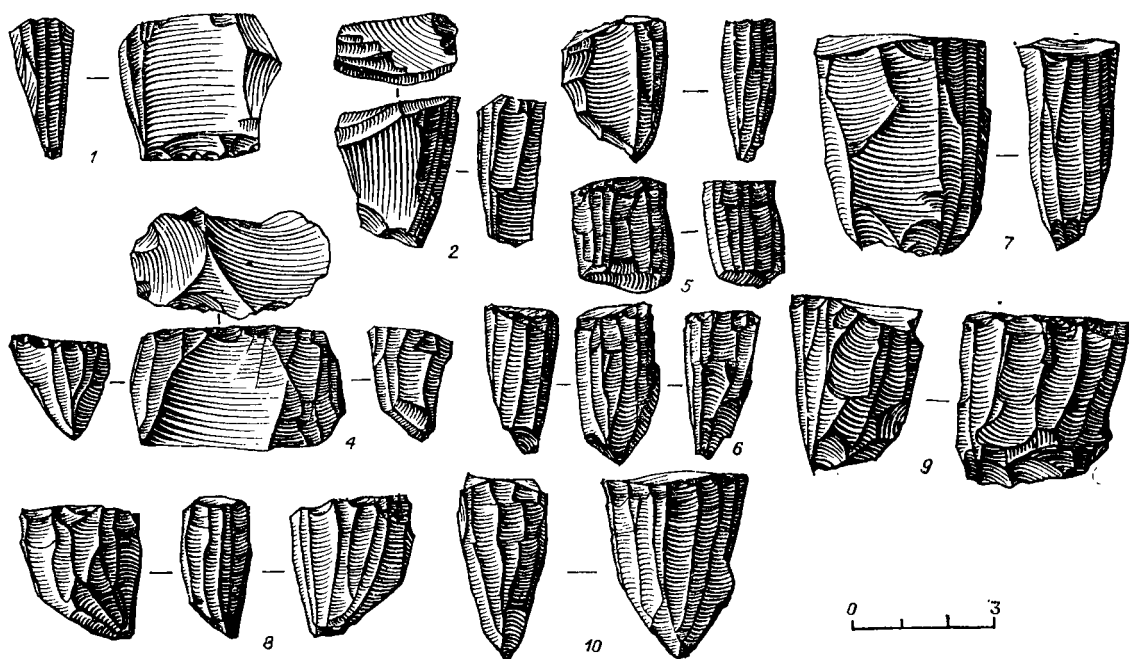

Рис. 12. Нуклеусы микролитического характера из кремня и окремненных пород. Туткаул и Мулло-Нияз.

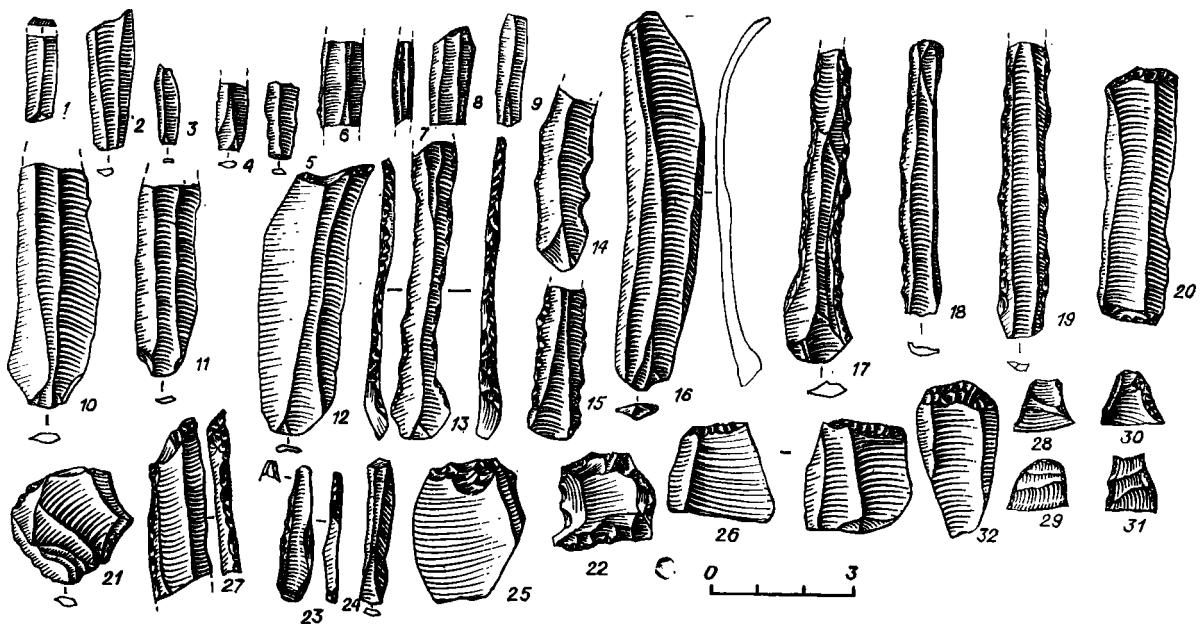

Рис. 13. Кремневая индустрия Туткаула и Сайеда.

что пластинчатая в целом техника кремневого инвентаря Туткаула отличается следующей особенностью: правильные ножевидные пластинки очень редки. Преобладают пластины неправильных очертаний, широкие или узкие, с сильно изогнутым краем, утолщенные или укороченные.

Исключение представляют верхние уровни Туткаула и Сайеда, где встречаются крупные ножевидные пластины из превосходного коричневого кремня, из которых при помощи затупливающей двусторонней ретуши изготовлялись развертки и острия (рис. 13, 13, 17)⁸⁶. К этому же комплексу относятся *pièces écaillées* (рис. 13, 25, 26), миниатюрные трапеции (рис. 13, 28—31), «шпастые» скобели с выемчатым лезвием (рис. 13, 14), скребки на отщепе или, в единичных экземплярах, концевые скребки (рис. 13, 21, 32), вкладыши серпов (рис. 13, 20). Все эти типологически хорошо выраженные изделия находят определенные аналогии среди материалов джейтунской культуры⁸⁷ и в меньшей степени — кельтемипарской⁸⁸.

Поскольку прямой связи или значительного влияния джейтунской цивилизации на расположенные восточнее культуры мы проследить не можем, остается говорить о конвергентном сходстве, вызванном, может быть, сходством в характере хозяйственной деятельности. То, что перед нами факт конвергенции, подчеркивается и существенными различиями в процентном составе упомянутого инвентаря джейтунской и гиссарской культур — на западе Туркмении кремневый инвентарь составляет абсолютное большинство всей индустрии, при явном преобладании вкладышей серпов; в Южном Таджикистане хорошо выраженные кремневые изделия, подобные тем, которые представлены на рис. 13, единичны (трапеций в Туткауле найдено не более двух десятков, беспорочных вкладышей серпов два, долото-видных орудий не более десятка, несколько копцевых скребков на пластинах и т. д.). Эти находки буквально растворяются в огромной массе

«гиссарского элемента» и аморфного кремневого инвентаря из местных пород. Следует заметить, что кремневые пластины гиссарских слоев Туткаула, как правило, имеют неправильную огранку и изогнутые, неровные края.

Подведем итоги. Кремневый инвентарь в Туткауле, несмотря на существование орудий, выполнявших важные производственные функции, играл подчиненную роль. На основании изучения имеющегося материала нет никаких данных говорить об «отпочковании» джейтунских племен и их движении на восток, так как в этом случае на территории, занятой гиссарцами, должны были возникнуть и другие элементы материальной культуры пришельцев, как это имело место на территории пышней Туркмении⁸⁹.

Можно думать, что усиление или ослабление определенных тенденций в технике обработки камня, сближающих (Сайед, верхний горизонт Туткаула) или отдаляющих (Куй-Бульён) названные индустрии, зависело, скорее, от внутренних причин, связанных с местным экологическим фоном.

ОРУДИЯ ИЗ КОСТИ

Незначительное количество орудий из кости на гиссарских стоянках может отчасти объясняться характером формирования культурного горизонта. В Туткауле, Куй-Бульёне и менее в Сайеде культурный слой подвергался размыванию склоновыми потоками. В Туткауле, кроме того, отложения конуса вывеса, включающие в себя культурные горизонты, подверглись сильному воздействию солей из размываемой выше по склону гипсоносной толщи, что безусловно оказало отрицательное влияние на сохранность костного материала.

Для джейтунской культуры, согласно подсчетам О. К. Бердыева, количество орудий из кости возрастает от 10,4% ко всему материалу. до

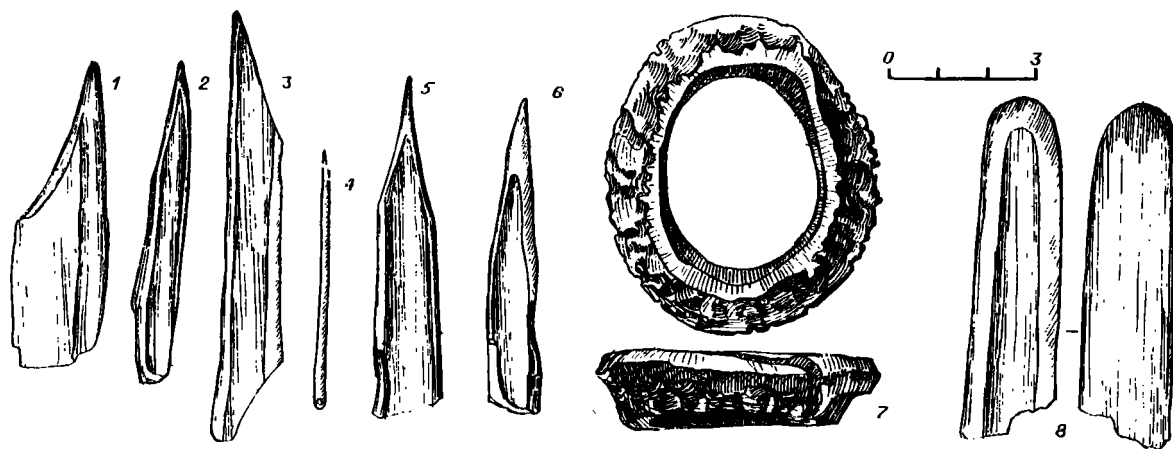

Рис. 14. Орудия из кости. Сайед и Ак-Танги.

23,2% на заключительных этапах — в Чагаллы⁹⁰. Не исключено, что стадияльно предшествующие джейтунской культуре памятники могут содержать еще меньше орудий из кости. Впрочем, здесь возможны заметные индивидуальные отклонения⁹¹. За исключением нескольких обломков орудий, назначение которых определить трудно, лопилки и обломка острия в Туткауле больше никаких изделий из кости не найдено. Значительно шире кость представлена в Сайеде, где имеется набор простейших шильев и проколов, сделанных из расколотых вдоль трубчатых костей, почти никогда не сохраняющих эпифизов (рис. 14, 1—3). Среди них встречаются все разновидности, отмеченные в Джейтуне, хотя и нет крупных экземпляров, характерных для последнего памятника⁹².

Шилья и проколки встречены и в Ак-Танги, на заключительной стадии гиссарской культуры, уже в энеолитическое время (рис. 14, 5, 6)⁹³. В Ак-Танги и Сайеде имеются также и тонкие, тщательно отполированные иглы с ушком (рис. 14, 4). Совершенно не отмечено скобящих орудий из лопаток животных⁹⁴.

Можно предположить наличие для гиссара костяных основ для охотничьего оружия, а также пожей и серпов. Таким образом, к настоящему времени на гиссарских стоянках не встречено сколько-нибудь значительного количества орудий из кости.

КЕРАМИКА

Еще меньше известно о керамике гиссарской культуры. По существу, только 3-й горизонт навеса Ак-Танги, датируемый концом III тыс. до н. э., дал небольшое число фрагментов керамики. Они описаны Б. А. Литвинским, давним следующую их характеристику: «Основная часть керамики сероглиняная, грубого теста, неравномерно обожжена, с большим количеством мелкотолченных белых включений. На поверхности нет ни одного орнамента, но у ряда сосудов хорошее лощение. Имеется несколько фрагментов керамики высокого качества. Черепок в изломе серый, поверхность желтая или серовато-желтая, в тесте примесей мало, к тому же они очень мелкие. Отличительная черта этих фрагментов —

прекрасное двухстороннее лощение. На одном фрагменте как будто следы раскраски (или орнамента). Донья сосудов были двух типов — яйцевидные (два экземпляра) и уплощенные (один экземпляр диаметром около 60 мм). Имеется также три венчика: два от крупных сосудов, один от небольшого. Один из крупных венчиков с плоским бережком, два других — приотстрепленные»⁹⁵.

Можно думать, что энеолитической, достаточно развитой керамике Ак-Танги должны были предшествовать какие-то более ранние этапы развития керамики. Однако во всех остальных случаях, связанных с находками фрагментов керамики на гиссарских поселениях, эти находки не подтверждены достаточно обоснованными стратиграфическими наблюдениями.

Фрагменты керамики встречаются очень часто среди подъемного материала стоянок. Кроме грубой, сделанной от руки неорнаментированной керамики (подобная посуда была распространена в обиходе горных таджиков еще 20—25 лет тому назад), имеются фрагменты сосудов с оттисками ткани, которые А. П. Окладников первоначально относил ко времени существования гиссарских поселений⁹⁶. Однако широкий диапазон существования подобной керамики, встречающейся вплоть до средневековья, не позволяет принять это мнение⁹⁷. Более вероятно связь каменных орудий гиссарского облика и фрагментов плохо обожженной черной или серой толстостенной посуды, которые найдены вместе в стенке канала Инги-Чойра у Лучоба⁹⁸ и в таких же условиях у правления колхоза «Ленинград» (обе точки в Гиссарской долине)⁹⁹.

Неясным осталось положение с керамикой в Куй-Бульёне, где наряду с хорошо обожженной, сделанной на гончарном кругу керамкой явно средневекового возраста были найдены фрагменты неорнаментированных сосудов из темной, плохо обожженной глины, которые по облику очень близки к находкам у Инги-Чойра и у правления колхоза «Ленинград». Смесительный характер слоя, в котором найдена керамика, заставляет подходить к этим находкам с большой осторожностью.

Во втором горизонте Туткаула и в основном культурном горизонте Сайеда керамики нет. Методика исследования этих объектов, раскопанных с необходимой тщательностью, исключает ошиб-

ку. Но отсутствие керамики в культурных горизонтах VI тыс. до н. э. требует объяснения, поскольку в это время существовало достаточно развитое керамическое производство в соседней Туркмении. Еще важнее то, что в совершенно сходном с Южным Таджикистаном по экологическим условиям Северном Афганистане Л. Дюпри отмечает наличие керамики в неолитических слоях Ак-Купрука I (Змеиная пещера), имеющих радиоуглеродную дату 7220 ± 100 лет, полностью соответствующую дате верхней части основного гиссарского горизонта Туткаула¹⁰⁰.

Таким образом, есть все основания предполагать, что, если керамика и употреблялась гиссарцами с конца V тыс. до н. э., керамическое производство в горах Средней Азии не получило широкого распространения. Главной из возможных причин для объяснения этого факта можно считать существование здесь уже в эпоху неолита скотоводства в его примитивно-кочевнической форме. Частые перекочевки не способствовали развитию керамического ремесла и, наоборот, являлись причиной сохранения старых кожаных емкостей типа бурдюков. Сказывалось и отсутствие твердо установленных контактов с наиболее развитыми очагами культуры своего времени.

Археологии известен ряд областей, в которых появление керамики по тем или иным причинам запаздывало. Если на Ближнем Востоке керамика появилась в промежутке между VII и VI тыс. до н. э.¹⁰¹, то в Пакистане и Индии — значительно позже: в IV и даже III тыс. до н. э.¹⁰² (радиоуглеродная дата докерамических слоев Кили-Гул-Мухаммад в Северном Белуджистане — 3712 ± 515 лет)¹⁰³. В многослойном поселении Мергарх в Пакистанском Белуджистане керамика появилась во втором периоде, т. е. она древнее IV тыс. до н. э.¹⁰⁴ В Китае радиоуглеродная дата неолита с керамикой соответствует концу V тыс., если судить по керамике Яншао (C¹⁴ для Баньпо: 4115 ± 110)¹⁰⁵. Для других культур есть и более ранние даты.

Время появления керамики в Средней Азии по данным джейтуновской культуры — середина VI тыс., а может быть, и несколько раньше¹⁰⁶. В Джебеле 5-й слой, в котором появляется керамика, ориентировочно относится к V тыс. до н. э.¹⁰⁷ Нет радиоуглеродной даты для первой керамики Дам-Дам-Чешме 2 (конец VI тыс. до н. э.)¹⁰⁸.

Когда появилась керамика в равнинной части Средней Азии, сказать трудно. Даже по наиболее ранней из предложенных дат раннего кельтеминара — в середине V тыс. до н. э.¹⁰⁹ «Запаздывания» керамического производства у гиссарцев в сравнении с племенами прилегающих стран Востока, собственно, не было.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И КУЛЬТА

Отсутствие предметов, относящихся к категории *art mobilier*, среди материалов гиссарской культуры труднообъяснимо. Является загадкой, почему среди более чем 40 тыс. номеров коллекции из Туткаула имеется лишь несколько камонных бус да галька с незаконченной сверлиной.

Из Сайеда происходит предмет непонятного назначения из основания рога оленя, возможно детский браслет (рис. 14, 7).

Отчасти такое положение можно объяснить плохой сохранностью костного материала или тем, что в условиях жаркого климата кость быстро высыхает и становится непригодной для тонкой обработки. Вряд ли такое объяснение, однако, может удовлетворить — Ближний Восток еще в мезолите дает блестящие образцы резьбы по кости и камню. Вспомним хотя бы резные головки олов для вкладышевых серпов из Кебары и Эль Вада, схематические каменные головки из Эйнапа¹¹⁰, скульптурную голову человека из Нахал Орепа¹¹¹. Менее выразительны предметы искусства и украшения в протонеолитических слоях. Среди находок из Карим Шахира — камонные браслеты, бусы, гальки со сверлиной, украшения из раковин, маловыразительные поделки из необожженной глины. Более разнообразно искусство на стадии Джармо¹¹² и в Джейтуне¹¹³.

Очень возможно, что помимо чисто региональных особенностей отсутствие предметов искусства в Туткауле, Сайеде и Куй-Бульёне объясняется их «доджейтуновской» стадией развития.

Никаких данных о религиозных воззрениях гиссарцев (помимо погребений) не имеется.

ТИПЫ ПОГРЕБЕНИЙ

Могильников гиссарской культуры пока пайти не удалось, хотя совершенно ясно, что на таких крупных поселениях, как Туткаул и Сайед, могильники должны существовать. Но за семь-восемь тысяч лет окружающая местность сильно изменилась (в Туткауле, например, парсоло от 1,5 до 4,5 м селевых и антропогенных отложений), так что никаких внешних признаков могильников обнаружить нельзя. Но несколько погребений, встреченных непосредственно в культурном слое гиссарских поселений, привнесли первый антропологический материал. Не получил антропологической характеристики костяк младшеца из Куй-Бульёна, найденный в основании первого культурного горизонта (погребение под полом жилища?)¹¹⁴. В Сайеде сделана антропологическая находка, еще неопубликованная, а в Туткауле найдено одно погребение и три отдельных черепа. Антропологическое определение этих находок сделано Т. П. Кияткиной¹¹⁵.

Погребение вскрыто в основании главного, 2-го горизонта Туткаула. Оно было перекрыто 90 сантиметровой толщиной культурного слоя и находилось на глубине 2,5 м от дневной поверхности. В перекрывающем погребение культурном слое обычного темного углистого цвета никаких вкладок или других искусственных сооружений не отмечено.

Труп был положен в неглубокую ямку, вырытую в основании культурного слоя. Глубина последней 15 см, границы очерчиваются с трудом. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Погребенная находилась в сильно скорченном положении, руки согнуты в локтях, ладони положены под щеку. Ноги согнуты и подтянуты к груди. Они, вероятно, были связаны

Рис. 15. Погребение женщины в основании 2-го горизонта Туткаула.

(рис. 15). Сопровождающего инвентаря нет. Несколько пластинок и отщепов встретилось в засыпке могилы.

Лишь частично сохранилось двойное детское погребение, найденное в нескольких метрах от первого. Анатомический порядок двух неполных детских скелетов (10 и 4—6 лет) нарушен, но черепа сохранились хорошо. Четвертый череп, взрослой женщины, найден случайно при зачистке стенки раскопа. Он без лицевой части и нескольких пост-краниальных костей.

К сожалению, оба взрослых черепа оказались дефектными. Тем не менее устанавливается принадлежность жителей Туткаула к европеоидной длинноголовой расе (то же, по данным Т. П. Кияткиной, можно сказать и о черепе из Сайеда). Сочетание кроманьонских и экваториальных черт, прослеженное в погребении № 1 (пожилая женщина), свидетельствует о принадлежности погребенной к еще не дифференцированному протоевропеоидному расовому типу. В этом отношении первые ископаемые люди из неолита Таджикистана ближе к мезолитическим людям из Ирана¹¹⁸, чем к энеолитическому населению Западной Туркмении¹¹⁷. Не исключено, что как раз в эти три тысячи лет и происходила более детальная расовая трансформация.

Антропологических определений погребенных в джейтулских поселениях (Джейтуп¹¹⁸, Чопандепе¹¹⁹, Чагаллы-депе¹²⁰) пока нет. Интересные отличия, возможно этнического порядка, имеются между западно-туркменскими и туткаульскими погребениями. Особенно заметно различие с погребением из Чагаллы. В последнем случае ноги покойника лишь слегка подогнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища. С другой стороны, скорченные, посыпанные охрой скелеты из Чопандепе показывают, что обряд погребения был разнообразным даже в пределах одной культуры.

Таким образом, антропологические данные по

гиссарской культуре еще очень скудны и не могут быть привлечены для выяснения этнокультурных различий.

То же можно сказать и о лингвистике. Некоторое представление о древнейших языках Средней Азии имеется лишь с конца эпохи бронзы и позволяет предположить проникновение в Среднюю Азию в конце III — начале II тыс. посетителей индоевропейских языков¹²¹.

АБСОЛЮТНЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Относительный возраст гиссарской культуры до раскопок Туткаула определялся III—II или IV—II тыс. до н. э.¹²² В настоящее время эти даты должны быть пересмотрены. Не касаясь сложного вопроса о принадлежности горизонта 2-а Туткаула к собственно гиссарской культуре («гиссарский элемент» присутствует, хотя играет подчиненную роль)¹²³, будем считать, что наиболее ранний этап гиссарской культуры соответствует основанию второго горизонта Туткаула. Радиоуглеродная дата по углю из очага в кв. В-20 — 8020 ± 170 лет, или 6070 до н. э.¹²⁴ Верхняя часть второго горизонта Туткаула, отличающаяся по археологическому материалу (мелкие трапеции, редкие вкладыши серпов, пластины с крутой ретушью, количественный рост изделий из кремня и т. д.), имеет радиоуглеродное определение: 7100 ± 140 лет, или 5150 лет до н. э.¹²⁵ Таким образом, второй горизонт Туткаула охватывает VI тыс. до н. э.

Исходя из этих дат и анализа имеющегося в нашем распоряжении материала, можно предложить следующую периодизацию памятников гиссарской культуры, которая имеет, естественно, предварительный характер (см. таблицу).

Наиболее исследованной можно считать раннюю стадию. Более или менее можно представить себе характерные черты памятников средней. Меньше всего мы знаем о завершающих этапах гиссарской культуры, хотя в Ак-Тапги имеется хорошо стратиграфированный культурный горизонт этой фазы.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что гиссарская культура могла явиться одним из главных компонентов сложения локального варианта степной бронзы — кайраккумской культуры¹²⁶. Но работы, проведенные в последние годы, не припели новых материалов в подтверждение указанной гипотезы. Как в Туткауле, так и в Сайеде выше горизонтов гиссарской культуры встречены сильно, к сожалению, поврежденные остатки поселений бронзы явно андроповского (кайраккумского) облика (бронзовая стрелка, четырехгранные шилья, неорнаментированная, по характерного профиля керамика и т. д.). Эти находки перекликаются с остатками поселений бронзы этого типа, открытых в совхозе им. Кирова (Вахшская долина)¹²⁷ и в районе аптчного поселения Саксан-Охур в Пархаре¹²⁸. Причем в первом случае, как и в верхних слоях Ак-Тапги, находки кайраккумской керамики сопровождаются грубыми отщепами гиссарского типа.

Имеется ли здесь генетическая связь или, как считает большая группа ученых, появление ан-

Периодизация гиссарской культуры (основные памятники)

Стадия развития	Памятник	Относительная и абсолютная даты
Поздняя	Ак-Танги	III тыс. до н. э.
	Тепе-Газнеп Ак-Танги 3	2210 лет до н. э.
Средняя	Куй-Бульён	V—IV тыс. до н. э.
	Кухна-Бай Мулло-Нияз	
Ранняя	Сайед	VI — начало V тыс. до н. э.
	Туткаул 2	5150 лет до н. э. 6070 лет до н. э.

дронидных культур в Средней Азии связано с продвижением их носителей из более северных областей, в частности из Казахстана¹²⁹, сказать пока трудно. Решение данного вопроса затрудняется, в частности, фактическим отсутствием в горном неолите Средней Азии керамического периода. Но так или иначе доля культурного вклада позднегиссарских племен в формирование кайраккумской культуры в Таджикистане, бесспорно, очень велика, даже при условии ассимиляции гиссарцев пришлыми племенами, стоявшими на более высоком уровне общественного и экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что памятники гиссарской культуры были открыты А. П. Окладниковым более 30 лет тому назад, перед исследователем этого периода неолита гор Средней Азии до сих пор стоит больше вопросов, чем можно решить при настоящем уровне наших знаний. Тем не менее первые шаги в изучении этой оригинальной и своеобразной культуры уже сделаны. Могут быть подведены и предварительные итоги.

Рассмотрим кратко три наиболее важных вопроса: 1) о месте гиссарской культуры среди синхронных культур окружающих областей, 2) об экономике гиссарцев, 3) об этнической принадлежности носителей гиссарской культуры.

Место гиссарской культуры. Несмотря на то, что сейчас мы еще не знаем с достаточной определенностью, распространяются ли памятники собственно гиссарской культуры за пределы Таджикской депрессии, ряд находок, сделанных в различных районах гор Средней Азии, позволяет предполагать, что «гиссарский элемент» (неолитическая «галечная техника») имел большое распространение. В силу пестроты экологических условий, в которых существовали различные варианты гиссарской культуры, последняя, по всей очевидности, не была столь локализованной, как, скажем, приуроченная к единым природным условиям пустыни кельтеминарская (пример этому — Ферганская котловина и Северный Афганистан, где отмечены памятники гиссарской культуры или близкие к ним по типу орудий). Но нет сомнения в том, что различные варианты гиссарской культуры, возможно имеющие право на самостоятельное наименование, существовали на

протяжении неолита в горах Средней Азии, начиная от Кугитанга и Киргизского хребта, кончая Намиром и Внутренним Тянь-Шанем.

Можно с уверенностью заявить, что в горной части Средней Азии в эпоху неолита существовала область самостоятельного культурного значения, в которой исследователь не встретит ни джейтунских, ни кельтеминарских памятников в любом их локальном варианте. Таким образом, гиссарская культура — это третья историко-культурная общность в неолите Средней Азии.

Если в определении стадийного уровня экономики и социального развития гиссарцев мы должны опираться на материалы по Ближнему Востоку и Южной Туркмении, то в работе с археологическим материалом, особенно с каменным инвентарем, необходимо обращаться к аналогиям среди археологических культур территорий, расположенных на восток от Средней Азии: Сибирь, Алтай, Северо-Западной Индии, Тибета и т. д.

Ни в одном из опубликованных памятников Юго-Западной Азии нельзя найти полного сходства с коллекциями из Туткаула, Сайеда, Куй-Бульёна. В этом главная особенность гиссарской культуры по отношению к кельтеминару и джейтуну. Независимо от генезиса гиссарской культуры, последняя принадлежит не к культурам Юго-Западной Азии, а представляет собой локальное явление, хотя в определенной степени связанное с еще малоизученными культурами Восточной Азии, в частности с памятниками «Высокой Азии». Именно поэтому изучение каменного инвентаря гиссарской культуры вырастет в самостоятельную проблему. Всю номенклатуру и классификацию здесь необходимо вырабатывать самостоятельно и впервые.

Экономическая основа гиссарской культуры. Вопрос этот, чрезвычайно трудный, не получил пока окончательного решения. В печати высказывались следующие предположения: 1) носители гиссарской культуры — это первые земледельцы и скотоводы Таджикистана¹³⁰, 2) они пахотились еще на стадии охоты и собирательства¹³¹ и 3) основной ведущей формой хозяйства гиссарцев являлось не земледелие, а скотоводство¹³². На данном этапе изучения все эти предположения не имеют под собой достаточно полных обоснований и должны рассматриваться лишь как рабочие гипотезы.

Необходимо отметить, что основные работы по раскопкам трех основных памятников гиссарской культуры проводились сравнительно давно — от 25 до 10 лет назад, когда еще не были введены в практику многие методы детальных исследований (например, отмычка зерен, градулометрия, выделение макро- и микроорганоческих остатков, фосфатный анализ и т. д.). Информация, ныне получаемая при тщательных раскопках поселений, в те годы не извлекалась. А положение поселений на конусах выносов, поверхность которых всегда подвергалась размыву, часто в лессовидных породах, очень сильно загипсованных, не способствовало сохранению культурного слоя.

Мы не будем останавливаться на предположении В. М. Массона. Оно окажется справедливым в том случае, если сторонники производящей эко-

помощи гиссарцев не смогут собрать нужной суммы доказательств.

На поселениях гиссарской культуры до сих пор не найдено остатков domesticiрованных злаков, вкладыши для серпов определены в очень небольшом количестве, зернотерки, песты-курanty, керамика встречены лишь на заключительных этапах культуры, да и то в подавляющем большинстве случаев в подъемном материале.

В Туткауле определены кости одомашненных животных (баран или овца, осел)¹³³. В Сайеде из 557 определимых костей 410, или 73%, относятся, по мнению Ш. Шарапова, к домашним овцам и козам (*Ovis aries* и *Capra hircus*). Кроме того, здесь присутствуют собака (0,3%), домашняя лошадь (1,25%), бык домашний (*Bos taurus* — 9,1%). Остальные кости определяются как охотничья добыча, среди которой первобытный тур, кабан, медведь, дикобраз и другие виды¹³⁴.

Домашние животные отмечаются для слоев VII тыс. в навесе Гари-Мор в Северном Афганистане¹³⁵. Идею Дюпри о раннем появлении скотоводства на этой территории поддерживают и другие авторы¹³⁶. Сообщения о находках костей домашних животных появляются и для кельтеминарской культуры¹³⁷. Отстаивая свою идею, Г. Ф. Коробкова приходит к выводу об исключительном или преимущественном развитии скотоводства не только в гиссарской, но и в кельтеминарской культуре.

В последнее время в археологической литературе развивается мысль о двух синхронных путях экономического развития неолитических племен Средней Азии: преимущественно земледельческом (присущем джейтунской культуре и некоторым поздним локальным вариантам кельтеминарской) и преимущественно скотоводческом (кельтеминарская и устьнарымская культуры)¹³⁸.

Судя по этнографическим данным, переход к производящему хозяйству никогда не происходил на базе скотоводства¹³⁹. И все же мнение о преимущественно скотоводческом пути развития неолитических племен заслуживает пристального внимания и дальнейших детальных разработок. Расположенные в зоне превосходных круглогодичных пастбищ гиссарские поселения действительно могли базироваться в основном на скотоводстве, но это еще предстоит доказать.

Прежде всего нужно отметить, что, увлеченные своей концепцией «скотоводческой модели», ее пропагандисты слишком пекритически подошли к фактическому материалу, принимая без всяких оговорок все определения, данные зоологами, не располагавшими в большинстве случаев достаточным для определения domesticiрованных животных количеством и качеством костного материала.

На трудности морфологического отделения domesticiрованного животного от дикого указывалось неоднократно¹⁴⁰. Особенно подробно этот вопрос рассмотрен в сравнительно недавней статье В. Херра и М. Рёрса, которые справедливо указывают на то, что реально проследить domestикацию животных можно лишь в тех случаях, когда имеется несколько культурных горизонтов, последовательно указывающих на изменение экономики древнего общества. В то же время нали-

чие значительного числа молодых особей, которое обычно рассматривается как доказательство domestикации, в действительности может объясняться тем, что охотиться на молодых животных легче, чем на старых¹⁴¹. При этом для горных районов должна учитываться и вертикальная зональность, имеющая важное значение во временном распределении животных¹⁴².

В Туткауле количество костей ничтожно мало. В Сайеде, к большому сожалению, коллекция костей не была должным образом расчленена по горизонтам. К тому же почти повсеместно определения ведутся визуально, достаточного количества сравнительного костного материала в распоряжении исследователей не имеется.

На наш взгляд, domesticiрованные животные в гиссарской культуре существовали, но вряд ли они были domesticiрованы на месте, в Южном Таджикистане. Скорее всего это результат заимствования, вторичная domestикация. Но использование домашних животных у гиссарцев было лишь одним из направлений экономики, вполне возможно, что и очень важным. Однако конкретные доказательства этому нужно еще добыть.

По всей очевидности, на ранних этапах становления производящего хозяйства «скотоводческая модель» сама по себе вряд ли могла существовать. Скорее прав В. А. Шнилерман, который отмечает, что «...производящее хозяйство родилось в комплексной форме и что земледельческо-скотоводческий этап был необходимым звеном всемирно-исторического процесса»¹⁴³.

Благодаря работам многих исследователей, приведенным главным образом на Ближнем Востоке, основные этапы возникновения и первоначального развития земледелия зафиксированы в ряде памятников¹⁴⁴. В Южной Туркмении исследованиями В. М. Массона, О. К. Бердыева и Г. Н. Мисциной выделен и превосходно описан новый, ранее неизвестный очаг раннего земледелия.

Не затрагивая специальных вопросов, разбор которых приведен в указанных работах, отметим, что все исследователи (Р. Брейвуд, В. М. Массон, Ф. Хол и другие) неоднократно подчеркивали, что примитивным сельским общинам (с которых, собственно, и начинается история земледелия — era of the primary village farming community) предшествовала стадия зарождающегося земледелия (era of incipient cultivation), которая вырастала из мезолитического специализированного собирательства дикорастущих злаков.

Вторым важным для нас моментом является то, что основные памятники зарождающегося земледелия связаны, как правило, с предгорными районами или локальными долинами среднегорного пояса, что перекликается с мнением В. И. Вавилова, который указывал, что именно в горном поясе субтропических областей имеются наибольшие возможности для domestикации диких растений¹⁴⁵.

Рассматривая историю орошаемого земледелия, Б. В. Андрианов отмечает, что самой древней формой искусственного увлажнения почвы могло быть орошение в горных долинах, где в качестве источников использовались временные ручьи, селевые потоки. («Наиболее благоприятными районами для развития навыков орошаемого земледелия явились: предгорья и горные изолированные

должны с аллювиальными террасами небольших рек, покрытых зеленеющими лугами, окраинами затухающих селевых потоков и вершинами дельтовых ручьев»¹⁴⁶.) Это зона самых древних опытов орошения, восходящих, вероятно, еще к мезолитическому времени.

В Южном Таджикистане, основной территории гиссарской культуры, условия близки к тем, в которых происходило зарождение земледелия в зоне «плодородного полумесяца» Ближнего Востока. В травянистых ассоциациях Южного Таджикистана представлен *Aegilops* — эгилопс, дикий злак, который по данным ряда исследователей являлся участником гибридизации культивированных пшениц¹⁴⁷. Достаточно широко распространены здесь и дикие ячмени. П. Н. Овчинников отмечает, что «...среди пшениц Таджикистана имеется много эндемичных форм, подчеркивающих самобытность среднеазиатского центра формового разнообразия, установленного Н. М. Вавиловым»¹⁴⁸.

Южный Таджикистан, находящийся в засушливой субтропической зоне, менее благоприятной, чем, скажем, район Загроса в Иране, входит в пояс зимней вегетации злаковых растений. Это позволяет осуществлять неполивное богарное земледелие. У нас нет оснований думать, что в глубокой древности оно не могло осуществляться по принципам неполивного «dry Farming» земледелия, рассмотренного К. Фланнери и Ф. Холлом¹⁴⁹. Следовательно, экологические условия Южного Таджикистана не противоречат возможности возникновения древнейшего земледелия. Весь вопрос в том, возникло ли оно здесь самостоятельно или было привнесено извне уже в эпоху раннего металла.

Вторая стадия развития раннеземледельческой культуры — первые поселки — характеризуется фиксированной оседлостью, домостроительством, domesticiрованными растениями и животными, керамическим производством. Менее ясно представляющая стадия — возникающего земледелия. Теоретически можно предположить, что для различных регионов, особенно имеющих экологические отличия, на стадии incipient cultivation должны проявляться свои, локальные особенности, и, пожалуй, в первую очередь — в каменном инвентаре.

В нашем распоряжении пока мало фактов. Естественно, что любая из упомянутых гипотез, касающихся экономического базиса гиссарской культуры, имеет право на существование.

Мы склоняемся к поддержке идеи, высказанной А. П. Окладниковым, и, уточняя ее, считаем, что памятники типа Туткаула и Сайеда принадлежат периоду первоначальной оседлости (неустойчивой, сезонной), соответствующей периоду зарождающегося земледелия и скотоводства. При этом собственно «земледельческие черты» в материальной культуре (наличие вкладышей для серпов, зернотерок, мотыг и т. д.) могут проявляться еще недостаточно (или они еще не выделены в каменном инвентаре, типологически непривычном).

Не приходится сомневаться, что значение охоты и собирательства было фактически большим, чем элементов производящего хозяйства. Промысловое выражение этих занятий еще предстоит

выяснить. Но новые веяния уже вторгались в старые, привычные нормы хозяйства охотников и собирателей. И как бы слабо это повое не отражалось в археологическом материале, именно появляющиеся новые производительные силы вызвали изменения как экономического, так и социального порядка, что нашло свое отражение во многих элементах материальной культуры.

Что же происходило дальше? Почему на более поздних этапах гиссарской культуры, представленных такими памятниками, как Куй-Бульён и недавно открытый Мулло-Нияз, не появляются все атрибуты второй стадии первобытного земледелия, столь ярко проявляющиеся в Джейтуне, Джармо и др. Ответить на этот вопрос очень трудно. Стадиально этому этапу в Южном Таджикистане должен соответствовать, вплоть до будущих исследований, лишь один памятник — Куй-Бульён (Бульени-Посел), причем материалы его раскопок еще не опубликованы. Скорее всего, линия развития земледельческо-скотоводческого хозяйства (принадлежность к этой стадии Куй-Бульёна не вызывает сомнений) была иной, самобытной, отличающейся от классической ближневосточной схемы.

Археологические исследования последних лет в значительной степени ломают старые представления о «плодородном полумесяце» как единственном нуклеарном ядре, из которого путем сегментации земледелие и скотоводство были перенесены в близлежащие страны Азии, а затем распространены и далее¹⁵⁰.

Раскопки из разных мест — Молдавии¹⁵¹, Дальнего Востока¹⁵², Таиланда¹⁵³ и др. — указывают на возможное полицентрическое происхождение доместикации растений и животных, на существование целого ряда самостоятельных очагов примитивного земледелия в Старом Свете. Естественно предположить, что эти процессы протекали в разных центрах по-разному, были окрашены своеобразием, присущим тому или иному региону.

Этническая общность. В распоряжении исследователя на сегодняшний день нет еще достаточного количества компонентов, которые позволили бы уверенно сказать, что гиссарская культура соответствует этнической общности. В частности, у нас нет таких важных элементов, как орнамент на керамике, сравнительные антропологические данные, не говоря уже об языке. Однако, если судить по территориальному охвату и количеству поселений, памятники гиссарской культуры в Южном Таджикистане должны охватывать даже не племя, а группу родственных племен.

Многие черты своеобразия, которыми характеризуется материальная культура гиссарских племен, резко отчуждают ее от одновременных памятников джейтунской и кельтеминарской культур. Эти отличия, по-видимому, выходят за рамки отличий в материальной культуре, связанных с экологией и различным типом или стадией хозяйства, но в какой-то мере отражают и этнические различия¹⁵⁴.

Археологические культуры, как известно, характеризуют лишь сходство материального плана и, как правило, не могут полностью документировать этнические общности. Это положение особенно справедливо и по отношению к повой, еще сла-

бо изученной культуре — гиссарской, столь скупо освещенной археологическим материалом.

Неолит вместе с тем является периодом складывания этнических общностей, и это, конечно, особенно относится к раннеземледельческим культурам, даже на самых ранних стадиях их сложения. Следовательно, имеются предпосылки для предположения о том, что в основных зонах своего существования джейтунская, кельтеминарская и гиссарская культуры принадлежат не только культурно-историческим общностям, но и этническим образованиям.

Дальнейшее существование этих этнических группировок протекало в значительно усложненных внешними контактами условиях, и, очевидно, уже в эпоху развитой бронзы трудно пайти истоки этноса нового, сильно измененного во всех отношениях населения указанных территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные публикации: Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг.).— МИА, 1958, № 66, с. 11—71; Окладников А. П., Ранов В. А. Каменный век.— В кн.: История таджикского народа, т. 1. М., 1963, с. 84—92; Коробкова Г. Ф., Ранов В. А. Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул).— В кн.: Проблемы археологии Средней Азии (тезисы докладов). Л., 1968, с. 18—21; Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане.— СА, 1971, № 2, с. 133—147; Юсупов А. Х. Неолитическое поселение Сайед на юго-западе Таджикистана.— СА, 1975, № 2, с. 138—147; Ранов В. А. Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика.— В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982, с. 22—41; Окладников А. П. Эпоха первобытно-общинного строя на территории Киргизии и соседних с ней районов.— В кн.: История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1968, с. 54—55.

² Ранов В. А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965).— В кн.: МКТ, вып. 1. Душанбе, 1968, с. 5—45.

³ Окладников А. П. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г.— В кн.: АРТ, вып. V (1957 год). Душанбе, 1959, с. 5—12; Он же. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г.— В кн.: АРТ, вып. VI (1958 год). Душанбе, 1961, с. 5—17.

⁴ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1959, № 158, с. 127—142.

⁵ Ранов В. А., Юсупов А. Х. Раскопки неолитической стоянки Сайед.— В кн.: АО 1968. М., 1969, с. 446—447.

⁶ Ранов В. А., Юнусалиев М. Б. Итоги разведочных работ палеолитического отряда.— Изв. АН КиргССР, 1969, № 3, с. 99—101.

⁷ Юсупов А. Х. Изучение памятников каменного века в Яванской долине.— В кн.: АРТ, вып. XI (1971 г.). Душанбе, 1975, с. 36—48; Он же. Разведки каменного века в Яванской долине в 1973 г.— В кн.: АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977, с. 25—34; Он же. Разведывательные работы Яванского отряда в 1974 г.— В кн.: АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979, с. 50—64; Он же. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1975 г.— В кн.: АРТ, вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1980, с. 50—62. В печати находятся предварительные отчеты 1979—1984 гг.

⁸ Вероятно, особой зоной неолитических культур, контактирующих с областью гиссарских памятников, является приамударьинская пустынная равнина, где недавно обнаружены интересные памятники мезо-неолитического времени, сильно отпавшие по своему пидустриальному выражению от гиссара. Например: Амосова А. Г., Соловьев В. С. Стоянка каменного века в Бешкентской долине.— В кн.: АРТ, вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976; Виноградов А. В. Исследования памятников каменного

века в Северном Афганистане.— В кн.: Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979.

⁹ См., напр.: Чунахин В. М. Физическая география Тянь-Шаня.— Алма-Ата, 1964, с. 158 и след.

¹⁰ Агаханянц О. Е. Очерки физической географии Памира, ч. I.— Душанбе, 1965; Ранов В. А., Сидоров Л. Ф. Развитие природы Памира как среды существования человеческого общества.— В кн.: Страны и народы Востока, вып. 4. М., 1965; Сидоров Л. Ф. Природа Памира в четвертичное время.— Л., 1979.

¹¹ Гиллрова М. А. Район цветочных низкотермальных юго-западного Таджикистана.— В кн.: Таджикистан. Л., 1936, с. 311.

¹² Максумов А. Н. Основные проблемы богарного земледелия, ч. I.— Душанбе, 1964, с. 24, 77.

¹³ Raikes R. L. Physical Environment and Human Settlement in Prehistoric Times in the Near and Middle East. A hydrological approach.— EW, 1965, vol. 15, N 3—4, p. 185.

¹⁴ Флора Таджикской ССР, т. 1.— М.— Л., 1957, с. 19.

¹⁵ Станюкович К. В., Шукуров А. Ш., Сидоренко Г. Т. Геоботаническое районирование.— В кн.: Таджикистан (природа и природные ресурсы). Душанбе, 1982, с. 406.

¹⁶ Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока.— М., 1977, с. 54.

¹⁷ Harlan J. R. The Origins of Cereal Agriculture in the Old World.— In: Origins of Agriculture. Paris, 1977, p. 361, fig. 1.

¹⁸ Коровин Е. П. Растительность Средней Азии и Южного Казахстана, кн. 1.— Ташкент, 1961, с. 149; Шевцова Е. М. Спорно-пыльцевые комплексы четвертичных отложений Западной Ферганы и Южного Приаралья.— Учен. зап. СЛИГИМС, 1960, вып. 4, с. 70; Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмени.— МИА, 1965, № 128, с. 12—20. Есть и другие мнения. Напр.: Заднепровский Ю. А., Кислякова Г. Н. О комплексном методе изучения природных условий голоцена во внедренных районах.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 233 и след.

¹⁹ Пахомов М. М., Ранов В. А., Никонов А. А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул.— СА, 1974, № 4, с. 247—248.

²⁰ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья.— М., 1981, с. 19 и след.

²¹ Ломов С. П. Развитие ландшафтных условий и почвенного покрова Таджикистана в голоцене.— Изв. АН ТаджССР, 1982. Отд-ие биол. наук. № 2 (87), с. 66.

²² Нам кажется, что, несмотря на признание большой важности влияния экологии на формирование облика археологической культуры, экология все же не была единственным определяющим фактором в формировании облика культуры «горцев каменного века». Не меньшую, если не большую, роль играли индустриальные и иные традиции. См.: Ранов В. А. Влияние окружающей среды на формирование гиссарской культуры Таджикистана.— В кн.: Формы перехода от присвоющего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. (Материалы конференции). М., 1974, с. 49—52.

²³ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток.— М.— Л., 1964, с. 182.

²⁴ Заднепровский Ю. А. Неолит Центральной Ферганы.— КСИА, 1966, вып. 108, с. 37—38; Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т. Палеолитические местонахождения в Южной Фергана.— В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с. 28.

²⁵ Ранов В. А. Памир и проблема освоения высокогорий Азии человеком каменного века.— В кн.: Страны и народы Востока, вып. 16. М., 1975.

²⁶ Окладников А. П. Следы каменного века в районе Термеза.— В кн.: Термезская археологическая экспедиция, т. 2. Ташкент, 1945, с. 15 и след.

²⁷ Коллекция Термезского областного музея. Исследователю этого памятника не согласен с нашим мнением и считает материалы пещеры Мачай мезолитическими. См.: Исламов У. И. Пещера Мачай.— Ташкент, 1975, с. 92.

²⁸ Ранов В. А. Гиссарская культура..., рис. 1.

²⁹ Никонов А. А., Ранов В. А. Новые данные об археологии каменного века и возрасте речных террас Афганско-Таджикской депрессии (Северный Афганистан, Южный Таджикистан).— БКИЧП, 1973, № 40, с. 35—51.

³⁰ Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М. Новые находки каменного века в Северном Бадхизе.— КСИА, 1968, вып. 114, с. 37—38.

Еришов С. А. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. — Изв. ТФАН, 1951, № 3, с. 86—88. Отдельные находки неолитических изделий неясного облика имеются также в районе Тахта-Базара, Имам-Бага, Дапгуз-сырта и ст. Бургуни (сведения А. А. Марущенко).

³² Аскарлов А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи. — МКУ, 1964, вып. 5, с. 28—36. На карту не нанесены крупные неолитические мастерские Узбекистана из-за неясной культурной их принадлежности.

³³ Юсупов А. Х. Археологическое исследование Тахта-Базарского района. — В кн.: Каракумские древности, вып. 5. Ашхабад, 1977, с. 74; Коробкова Г. Ф., Юсупов Х. Ю. Открытие новой неолитической культуры на Мургабе. — В кн.: УСА, вып. 4. Л., 1979, с. 80.

³⁴ История Самарканда. — Ташкент, 1970, с. 27.

³⁵ Джуракулов М. Д., Холмюшкин Ю. П. Предварительные результаты статистического подсчета и характер развития неолитической индустрии Сазаган-1. — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. — Тр. СамГУ. Новая сер., вып. 307. Самарканд, 1976. В последней публикации по Сазагану М. Д. Джуракулов пишет: «... в эпоху неолита племена среднего течения Зеравшана, видимо, входили в зону контакта неолитических культур — кельтеминарской и гиссарской», что говорит о самостоятельном значении сазаганской стоянки. Джуракулов М. Д. Итоги археологических исследований в Придаргомской степи в 1980 году. — В кн.: Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1981, с. 26.

³⁶ Бердыев О. К. Древнейшие земледельцы юга Туркменистана — Ашхабад, 1969, с. 33—35.

³⁷ История таджикского народа, т. 1. — М., 1963, с. 84—92; Shaffer J. G. The Later Prehistoric Period. — In: The Archaeology of Afghanistan. London, 1978, p. 71—87.

³⁸ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., с. 70; Ранов В. А. Галечная техника в культурах каменного века Сибири и Средней Азии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 17—26.

³⁹ Teilhard de Chardin P., Young C. C. On some neolithic (and possibly paleolithic) finds in Mongolia, Sinkiang and West China. — BGSC, 1932, vol. 12, N 1, fig. 16—18.

⁴⁰ Chen Tê — K'un. Archaeological Studies in Szechwan. — Cambridge, 1957, pl. 1—7.

⁴¹ В отличие от китайских коллег мы полагаем, что в условиях нестратифицированных находок еще рано говорить об их палеолитическом возрасте, скорее это — мезолит — неолит в варианте, близком к маркансуйской культуре. An Zhi-min a. o. Paleoliths and Microliths from Shenja and Shuanghu, Northern Tibet. — CA, 1982, vol. 23, N 5, p. 495—499.

⁴² Gupta S. P. The Mountainous Neolithic Cultures of Central Asia and Northern India. — The Anthropologist, 1967, vol. XIV, N 2, p. 125; Mohapatra G. C. Significance of Neolithic Discoveries at Ror, Himachal Pradesh. Prehistory of Himachal Pradesh. — Simla, 1979, p. 54—67. Хотя автор статьи к неолиту относит только шлифованные и оббитые орудия, осмотр местности в районе Рора (Капгра дистрикт), проведенный в 1978 г. мною совместно с Г. К. Моханатрой, убедил меня в том, что изделия из галек, традиционно относимые к позднему соану, находясь на 4-й террасе р. Бапганги, в действительности, скорее всего, имеют неолитический возраст и принадлежат одной с кельтами культуре. А priori это же можно сказать и о старом подъемном материале с поверхности лесов Потварского плато. Труднее говорить об аналогиях гиссарской и очень своеобразной бурзахомской культур (Бурзахом, Гуфкрал в Кашмирской долине), хотя определенное палеозоологическое сходство и некоторые аналогии в каменных орудиях между двумя стадияльно близкими культурами обнаружить вполне можно. О неолите Кашмира см., напр.: Agrawal D. P. The Archaeology of India. — London — Malmö, 1982, p. 94—106; Sharma A. K. Excavation at Gufkral 1981. — In: Puratattva, 1982, N 11, p. 19—25.

⁴³ Исламов У. И. Мезолит Средней Азии. Автореф. докт. дис. — Новосибирск, 1977.

⁴⁴ Датировка по датным археологии. Радиоуглеродные данные отсутствуют.

⁴⁵ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул..., с. 144.

⁴⁶ Коробкова Г. Ф. Орудия труда..., рис. 33, 34.

⁴⁷ Лев Д. П. Итоги работы археологического отряда Самаркандского госуниверситета им. А. Навои в 1966 го-

ду. — Тр. Самгу. Новая сер., Самарканд, 1972, вып. 218, табл. 1, 2; Ранов В. А. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969—1970 гг.). — В кн.: АРТ, вып. X (1970 год). М., 1973, табл. 1, 2.

⁴⁸ Виноградов А. В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане. — В кн.: Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979, рис. 5.

⁴⁹ Ранов В. А. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка..., с. 55.

⁵⁰ Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. — Фрунзе, 1970, фото 6.

⁵¹ Коробкова Г. Ф. Орудия труда..., рис. 33, 56. Туткаульские орудия имеются и среди инвентаря стоянки Кушлин под Ташкентом. См.: Исламов У. И. Мезолитическая стоянка Кушлин под Ташкентом. — ОНУ, 1970, № 7, с. 55.

⁵² Жуков В. А. Работы маркансуйского археологического отряда в 1976 г. — В кн.: АРТ, вып. XVI (1976 год). Душанбе, 1982, рис. 2.

⁵³ Виноградов А. В. Исследования памятников..., рис. 9, 17.

⁵⁴ Brézillon M. N. La dénomination des objets de pierre taillée. — Paris, 1968, p. 300.

⁵⁵ Clark-Howell F. Upper Pleistocene Stratigraphy and Early Man in the Levant. — PAPS, 1959, vol. 103, N 1, fig. 33, 1—7.

⁵⁶ Joshi R. V. Late mesolithic culture in Central India. La Préhistoire. Problèmes et tendances. — Paris, 1968, pl. 3, 4.

⁵⁷ Ранов В. А., Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г. Каменный инвентарь стоянки Даран-Шур и его культурные связи. — В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982, с. 5—21.

⁵⁸ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., с. 48—58.

⁵⁹ Ранов В. А. Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. — Тр. ИИ АН ТаджССР, 1961, т. XXVII, с. 19—35; Он же. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г. — Тр. ИИ АН ТаджССР, 1962, т. XXXIV, с. 6—26; Он же. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). — МИА, 1964, № 124, с. 7—50.

⁶⁰ Ranov V. A., Davis R. S. Toward a New Outline of the Soviet Central Asian Paleolithic. — CA, 1979, vol. 20, N 2, p. 260—262.

⁶¹ Ранов В. А. Древнепалеолитические находки в лесах Южного Таджикистана. Граница неогена и четвертичной системы. — М., 1980, с. 200.

⁶² Несмеянов С. А., Ранов В. А. Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии. — БКИЧП, 1975, № 43, с. 171—174.

⁶³ Ранов В. А., Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г. Каменный инвентарь..., с. 10.

⁶⁴ Массон В. М. Джейтунская культура. — В кн.: Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960, с. 68—70; Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЗ, 1957, № 1, с. 34—35.

⁶⁵ Ранов В. А. Стоянка Оби-Кийк и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии. — В кн.: Первобытная археология — поиски и находки. Киев, 1980, с. 90; Виноградов А. В. Исследования памятников..., с. 57.

⁶⁶ Окладников А. П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. — В кн.: МСАЭ. М., Л., 1959, с. 181.

⁶⁷ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigation in Iraqi Kurdistan. — SAOC, 1960, N 31, p. 28.

⁶⁸ Rose L., Solecki. An Early Village Site at Zawi Chemi Shanidar. — Malibi, 1980, p. 1.

⁶⁹ Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. — Ташкент, 1966, с. 44 и след.

⁷⁰ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — М., 1968, с. 57 и след.

⁷¹ Отдельные описания гиссарских памятников приведены в работе: Ранов В. А. The Hissar Neolithic Culture of Soviet Central Asia. — Man and Environment, 1982, vol. VI, p. 65—69.

⁷² Bruce Howe. Karim-Shahir. — In: Prehistoric Archaeology along the Zagros flanks, v. 105. Chicago, 1983, p. 42.

⁷³ Solecki R. S. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq. — Science, New York, 1961, vol. 139, N 3551, fig. 5.

⁷⁴ См.: Movius H. L. The Hearths of the Upper Perigordian and Aurignacian Horizons at the Abri Pataud, les

Eyziez (Dordogne), and their possible Significance.— AA, 1966, vol. 68, N 2, p. 2, tab. VIII—X.

⁷⁵ Крижевскан Л. Я. К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья (раскалывание камня при помощи огня).— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 245—249; Perles C. Prehistoire du feu.— Paris, 1977.

⁷⁶ Раскопки Н. М. Виноградовой и Л. Т. Пьянковой на поселениях бронзового века Кангуртут и Тегузаз Дангаринского района. См.: Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Бактрии. Культура первобытной эпохи Таджикистана.— Душанбе, 1982, с. 52.

⁷⁷ Трудно представить функциональное значение этих орудий—это утолщенные овальные гальки, у которых 3/4 поверхности снято крутыми, вертикально заложеными сколами, сходящимися в центре. Основанием служит выпуклая часть, покрытая коркой. Вдоль кругового рабочего края (?) наблюдается дополнительная подправка мелкими сколами. Следует отметить, что в данном случае специально оставалось выпуклое основание, тогда как в других случаях основание, от которого ведется скалывание,—плоское. См.: Окладников А. П. Каменный век Таджикистана..., рис. 13, 2.

⁷⁸ Особые формы очень разнообразны. Среди них и дисковидное скребло, очень напоминающее подобное орудие из Самарканда, и скребла на вертикально затесанных гальках, и долотовидные орудия типа adze-tools (рис. 8, 1).

⁷⁹ См.: Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии.— В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г., вып. 1. Новосибирск, 1968, с. 144—157; Ранов В. А. «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

⁸⁰ Ранов В. А. Шлифовальные топоры из Таджикистана.— СА, 1966, № 4, с. 168—172. В последующие годы целые шлифованные топоры, кроме многочисленных обломков, найдены при раскопках Сайеда. См.: Юсупов А. Х. Изучение неолитических памятников Юго-Западной Таджикистана.— В кн.: УСА, вып. 1. Л., 1972, с. 35. Среди случайных находок два превосходных топора из жадеита найдены около Бульени-Поен. Один топор найден в районе Балджуана.

⁸¹ Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тене.— ИМКУ, 1969, вып. 8, с. 78.

⁸² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118, с. 76—77.

⁸³ Allchin B., Allchin R. The Birth of Indian Civilization.— Penguin Books, 1968, fig. 22, 2.

⁸⁴ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., с. 25 и след.

⁸⁵ Как на стоянке Мулло-Низ, так и в других пунктах для изготовления подобных пуклеусов использовались не только кремни, но и подходящие кремнистые породы. Материал хранится в Институте истории им. А. Дониша АН ТаджССР.

⁸⁶ Определения Г. Ф. Коробковой.

⁸⁷ Коробкова Г. Ф. Орудия труда..., рис. 4, 6, 7, 14.

⁸⁸ Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскаров А. А. Первобытная культура..., рис. 15, 22, 24.

⁸⁹ См.: Сарнианид В. И. Рец. на кн.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток.— М.—Л., 1964.—ВДИ, 1970, № 1, с. 157.

⁹⁰ Бердыев О. К. Древнейшие земледельцы..., с. 49.

⁹¹ Так, в Карим-Шахире орудия из кости не занимают заметного места в инвентаре, а в Зави-Чемн-Шапидаре их много (более ста проколов и шильев). Не исключено, что малое количество орудий из кости является одной из особенностей гиссарской культуры.

⁹² Массон В. М. Джейтунская культура..., с. 58.

⁹³ Несколько орудий этого рода, найденных в Куи-Бульене, еще не опубликованы.

⁹⁴ Массон В. М. Джейтунская культура..., с. 59.

⁹⁵ Литвинский Б. А., Ранов В. А. Раскопки навеса Актанги в 1961 г.—Тр. ИИ АН ТаджССР, 1964, т. XLII, с. 20.

⁹⁶ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., с. 15.

⁹⁷ Литвинский Б. А., Гулямова Э., Павлова А. Е. Из истории ткачества в Западной Фергана (до арабского завоевания).—Изв. АН ТаджССР, 1962, № 1 (28); Юркевич Э. А. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г.—Тр. ИИ АН ТаджССР, 1964, т. XLIII, с. 118.

⁹⁸ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., с. 29—32.

⁹⁹ Ранов В. А. Результаты разведок каменного века 1955 г. (В отрогах Гиссарского хребта в урочище Ходжи-Ягона).—Тр. АН ТаджССР, 1964, т. LXIII, с. 20.

¹⁰⁰ Dupree L. Prehistoric Archaeological Survey and Excavation in Afghanistan: 1959—1960 and 1961—1963.—Science, vol. 146, N 3644, p. 639. Интересно, что, по данным автора, это довольно развитая керамика с резным орнаментом.

¹⁰¹ См.: Chronologies in Old World Archaeology.—Chicago, 1965.

¹⁰² Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток..., с. 246 и след.

¹⁰³ Allchin B., Allchin R. The Birth of Indian Civilization, p. 334—338.

¹⁰⁴ Allchin B., Allchin R. The Rise of Civilisation in India and Pakistan.—Cambridge, 1982, p. 105—109.

¹⁰⁵ Кучера С. Китайская археология.—М., 1927, с. 30.

¹⁰⁶ Бердыев О. К. Древнейшие земледельцы..., с. 55.

¹⁰⁷ Окладников А. П. Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.—В кн.: Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. VII, с. 209—210.

¹⁰⁸ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чашме 2 в Восточном Прикаспии.—СА, 1966, № 2, с. 122.

¹⁰⁹ Коробкова Г. Ф. Орудия труда..., с. 125.

¹¹⁰ Mellaart J. Earliest Civilisation of the Near East.—L., 1965, p. 25—30.

¹¹¹ Anati E. Anatolia's Earliest Art.—Archaeology, 1968, vol. 21, N 1, p. 25.

¹¹² Mellaart J. The Neolithic of the Near East.—L., 1975, p. 80—82.

¹¹³ Массон В. М. Джейтунская культура..., табл. 36—38.

¹¹⁴ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г.—В кн.: АРТ, вып. VI (1958 г.). Душанбе, 1961, с. 9.

¹¹⁵ Кияткина Т. П., Ранов В. А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепки из Туткаула).—ВА, 1974, № 37, с. 149—157; Кияткина Т. П. Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы.—В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982, с. 65—66.

¹¹⁶ Coon C. S. Cave exploration in Iran. 1949.—Philadelphia, 1951, p. 79—80; Angel J. The Human Skeletal remains from Holu Cave. Iran.—PAPS, 1952, vol. 96, N 3, p. 258—269.

¹¹⁷ Трофимова Т. А. Паселение Средней Азии в эпоху неолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным крапивографии).—В кн.: Современная антропология. М., 1964, с. 289—301.

¹¹⁸ Массон В. М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии.—В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 90.

¹¹⁹ Дурдыев Д. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг.—Тр. ИИАиЭ АН ТССР, 1959, т. V, с. 8.

¹²⁰ Бердыев О. К. Чагаллы-депе—новый памятник неолитической джейтунской культуры.—В кн.: МНКС. М., 1966, с. 5—6.

¹²¹ История таджикского народа, т. 1, с. 128.

¹²² Окладников А. П. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана: предварительное сообщение..., с. 71; Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Обобщ. доклад.—Душанбе, 1963, с. 25.

¹²³ Предположительная дата горизонта, 2-а—VIII—VII тыс. до н. э.—базируется на наличии сегментов и стратиграфическом положении данного слоя. В свете сходства острий «туткаульского типа» и других материалов горизонта 2-а с находками из 2-го горизонта палеолитической стоянки Шугпоу, наличия указанных орудий в раннем мезолите Ташкумыра и существования сегментов еще в зарыбской культуре и нижних слоях Али-Ташпех (C-14—X и даже XI тыс. до н. э. См.: Burney C. B. M. The Cave of Ali Tappch and the Epi-Palaeolithic in N. E. Iran.—PPS, N. S., 1969, vol. XXXIV, p. 400). Нельзя исключать для горизонта 2-а Туткаула и более ранний возраст—VIII или даже IX тыс. до н. э.

¹²⁴ ЛЕ—772 (472).

¹²⁵ ЛЕ—690. Значительно больший временной разброс дают радиоуглеродные даты Сайеда, которые совершенно выпадают из археологических представлений.

¹²⁶ Литвинский Б. А., Ранов В. А. Раскопки навеса Актанги в 1959 г.—Тр. ИИ АН ТаджССР, 1961, т. 31, с. 43.

¹²⁷ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка стенной бронзы в Южном Таджикистане.—В кн.: УСА, вып. 1. Л., 1972, с. 44—47.

- ¹²⁸ Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксапохур (Южный Таджикистан).— СА, 1969, № 2, с. 161.
- ¹²⁹ Заднепровский Ю. А. Памятники андроновской культуры.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966, с. 230.
- ¹³⁰ Окладников А. П. Каменный век Таджикистана... с. 182—183.
- ¹³¹ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток... с. 181.
- ¹³² Коробкова Г. Ф. К проблематике неолитических скотоводов Средней Азии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых работ археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973, с. 207—210. Пожалуй, более удачным в этом плане будет термин «скотоводческо-охотничье-собираательское хозяйство», предложенный в работе: Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии.— КСИА, 1978, вып. 153, с. 106. Кстати, впервые идею о возможности скотоводческой экономики гиссарцев высказала в устной беседе с автором в 1966 г. Е. А. Давидович.
- ¹³³ Определение Б. Батырова. См.: Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул... с. 146.
- ¹³⁴ Шарипов Ш. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай Сайед (Южный Таджикистан).— В кн.: Вопросы зоологии Таджикистана. Душанбе, 1972, с. 232—236.
- ¹³⁵ Dupree L. Prehistoric Period... p. 22. То же в пещерах Комарбауд в Иране: Coon C. S. Cave exploration... p. 147, 150. Строго говоря, кости домашних животных, найденные в пещерах, сами по себе еще не могут быть свидетельством превалирования скотоводства над земледелием — в силу специфики освоения пещер. Последние до сегодняшних дней служат убежищами для стад местного населения.
- ¹³⁶ Perkins D. The fauna of the Aq Kupruk caves: a Brief note. Prehistoric Research in Afghanistan (1959—1966).— TAPS, 1972, vol. 62, pt 4, p. 73; Shaffer J. The Later... p. 75—77.
- ¹³⁷ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Исследования в Юго-Западных Кызылкумах.— В кн.: АО 1969. М., 1970, с. 401.
- ¹³⁸ Коробкова Г. Ф. Орудия труда... с. 179—191; Массон В. М. Узловые проблемы археологии Средней Азии.— КСИА, 1970, вып. 122, с. 10.
- ¹³⁹ Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.—

В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 96—97.

¹⁴⁰ См., напр.: Ермолова Н. М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой.— КСИА, 1977, вып. 149, с. 19; Шнилерман В. А. Происхождение скотоводства.— М., 1980, с. 56—57.

¹⁴¹ Herre W., Röhrs M. Zoological Considerations on the Origins of Farming and Domestication.— In: Origins of Agriculture. Paris, 1977, p. 249.

¹⁴² Там же. См. также: Шнилерман В. А. Происхождение... с. 57.

¹⁴³ Там же, с. 57.

¹⁴⁴ Обзор этих работ на русском языке см.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток... с. 39—122; Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тысячелетиях до н. э.— СА, 1970, № 3, с. 53—66. Последняя сводка: Массон В. М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1982, с. 58—67.

¹⁴⁵ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток... с. 111.

¹⁴⁶ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья.— М., 1969, с. 84.

¹⁴⁷ См.: Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока, с. 63.

¹⁴⁸ Овчинников П. Н. Основные черты растительности и районы флоры Таджикистана.— ФТ, т. 1. М.— Л., 1957, с. 327.

¹⁴⁹ Hole F., Flannery K. V. The Prehistory of Southwest Iran: A Preliminary Report.— PPS, 1968, vol. XXXIII, p. 181.

¹⁵⁰ См., напр.: Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток... с. 450—451, рис. 83, 84; Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства... с. 108—110.

¹⁵¹ Маркевич В. И. Исследования неолита на Среднем Днестре.— КСИА, 1965, вып. 105, с. 90.

¹⁵² Kidder J. E. Agriculture and Ritual in the Middle Jomon Period.— AP, 1968, vol. XI, p. 19—24.

¹⁵³ Борисковский П. И. Замечания в связи со статьей Г. П. Григорьева «Новые аспекты проблемы происхождения Homo Sapiens».— ВА, 1970, вып. 34, с. 51.

¹⁵⁴ При этом надо различать памятники основной территории гиссарской культуры и значительно более широко распространенное проявление «гиссарских элементов». Последнее может быть связано с местными экологическими и хозяйственными особенностями.

В. Т. ПЕТРИН

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ УРАЛ

В последние годы расширение полевых археологических исследований обогатило науку новыми открытиями, и прежде всего увеличило базу ее источников. Среди них значительное место занимают памятники каменного века, культурные остатки которых лежат на поверхности¹. Такие комплексы каменного инвентаря хорошо известны в южной части Сибири, на Алтае и в Монголии, а также и на других территориях, лишенных плаща рыхлых отложений.

Нашей группой обследован левый берег реки Урал, в верхней части Ириклинского водохранилища. Рельеф местности здесь довольно однообразный: покатые возвышенности со степной растительностью и редкими выходами горных пород; небольшие березовые колки в понижениях у рек. Долина реки Урал имеет хорошо выраженный характер, ее пойменная часть обычно 0,5—0,7 км шириной, берега крутые, скалистые. На

5*

возвышенностях, окружающих долину, часто встречаются окатанные гальши, преимущественно из силикатных пород (яшмы).

В результате проведенных работ было обнаружено пять местонахождений каменных изделий, обозначенных как Ириклинское I—V. На них собрано от 7 до 56 экз. предметов. За исключением Ириклинского IV, находящегося в зоне приобья, эти местонахождения располагаются на относительно ровных площадках прибрежных возвышенностей, не ниже 25 м над современным уровнем водохранилища, на относительно ограниченной площади около 4 км² напротив с. Покровка Орского р-на Оренбургской обл. Площадь одного пункта находок не превышает 800—2000 м². Топографические условия четырех местонахождений (Ириклинское I—III, V) указывают на их однородность, что может служить косвенным указанием на время появления этих памятников.

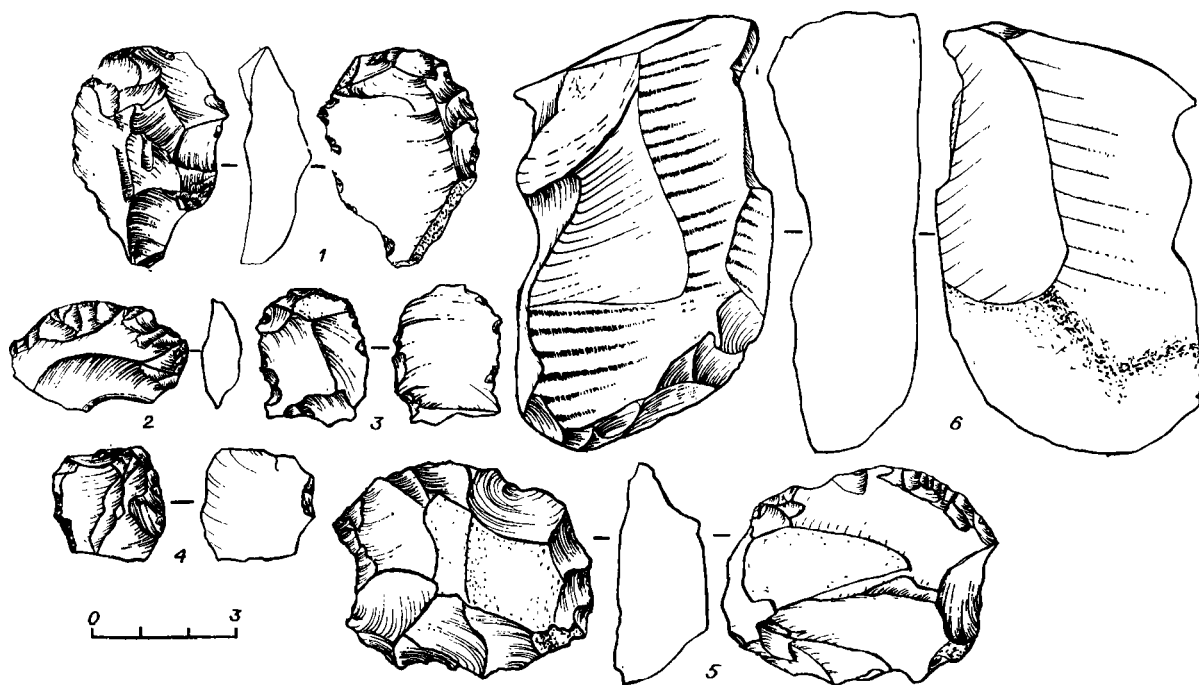

Рис. 1.

1, 2 — стоянка Ириклинское IV, 3—6 — Ириклинское I.

Стоянка Ириклинское I. С площади около 800 м² собрано 34 каменных предмета: 4 нуклеуса, 5 обломков нуклеусов, 25 отщепов. Нуклеусы из галек, на их поверхности сохранилась желватая корка. Типологические нуклеусы разнообразны и интересны. Один из них отражает попытку без предварительной подработки использовать в качестве нуклеуса подпрямоугольный желвак — с его широкой плоскости произведено скалывание, ударными площадками служили торцевые части. Второй нуклеус повторяет классический тип скалывания галек. Удлиненная галька сколота примерно на 1/2 своей длины; образовавшаяся при этом плоскость послужила ударной площадкой, с которой была нанесена серия очень сильных ударов (рис. 1, 6). Близок к этому нуклеусу еще один экземпляр. Четвертый нуклеус — дисковидный. Он небольшого размера и напоминает левальдузские, хотя его размеры очень малы (рис. 1, 5). Обломки нуклеусов в четырех случаях из пяти происходят от основания, на них, за исключением одного экземпляра, прослеживается желватая корка.

Среди отщепов разнообразной формы и размеров особенно выделяется один, длиной 15,6 см. Другие отщепы меньших размеров. Отщепов первичного скалывания 13, а 15 отщепов имеют на своих гранях ретушь, образующую либо рабочий край скребка, либо слегка выемчатый край. Это особенно характерно для тонких отщепов (рис. 1, 3, 4).

Стоянка Ириклинское II. На площади 2000 м² собрано 26 каменных предметов: 4 нуклеуса, 3 обломка нуклеусов, 12 отщепов и 7 орудий и их обломков. Нуклеусы в разных стадиях скалывания. Два имеют лишь пробные сколы, они мало-выразительны. Два других нуклеуса, очень схожие по форме, представляют собой небольшие гальки, в которых сколот один из торцевых кон-

цов, так что образовалась скошенная относительно длинной оси гальки ударная площадка. С нее, преимущественно по одному краю, производилось скалывание. На одном нуклеусе ударная площадка носит следы явной подработки (рис. 2, 5). Два обломка определяются как нижние части нуклеусов (рис. 2, 7). Из 10 отщепов 4 имеют следы подретушировки по краям, а еще 4 являются первичными сколами.

Орудия подразделяются на несколько типов. Один тип представлен тремя обломками крупных, двусторонне обработанных ножей или наконечников. Система обработки грубоватой ретушью как будто бы заставляет усомниться в таком их назначении, но иначе трудно объяснить характерный излом, типичный как раз для наконечников, хорошо известных по неолитическим памятникам (рис. 2, 3).

Из двух скребков один маленький, со слегка полукруглым лезвием, второй тонкого сечения, подработан мелкой ретушью (рис. 2, 4, 6). Одно изделие служило долотом, о чем свидетельствует характерная приостряющая подработка узких концов и забитость на них. Еще одно орудие имеет зубчато-выемчатый рабочий край и без сомнения является комбинированным (скребок, скобелек) (рис. 2, 2).

Стоянка Ириклинское III. На площади 1200 м² собрано 16 каменных предметов: 3 нуклеуса, 1 пластинка и 12 отщепов. Нуклеусы не очень выразительны. Один обработан сколами с двух сторон, на его спинке замечен негатив от скола пластины (рис. 3, 6). Еще один нуклеус с несколькими ударными площадками, видимо, по причине трещиноватости практически не использовался. Обломок пластинки из срединной ее части обработан нерегулярной ретушью по одной длинной грани (рис. 3, 4). Отщепы (7 экз.) в основном подработаны ретушью (рис. 3, 1—3, 5).

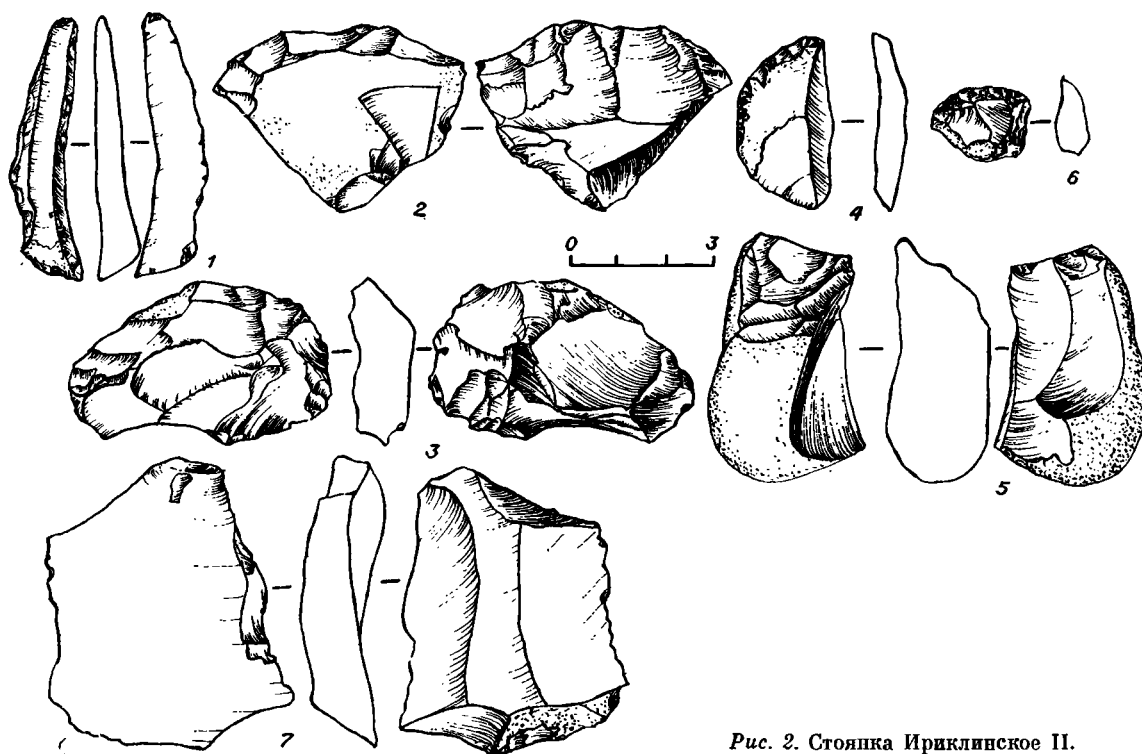

Рис. 2. Стоянка Иртишское II.

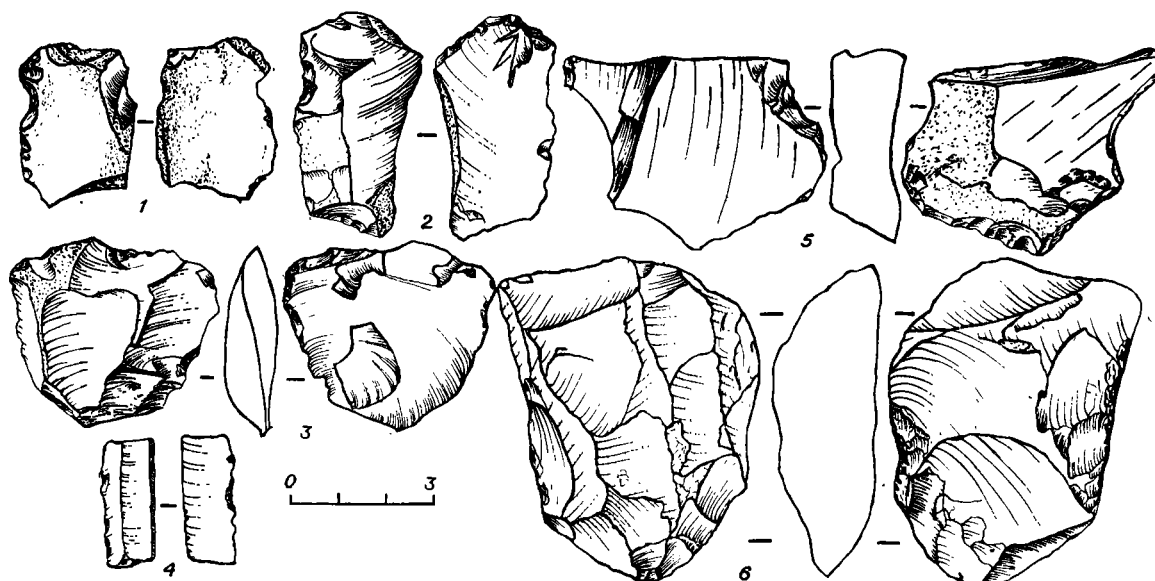

Рис. 3. Стоянка Иртишское III.

На трех отщепах на поверхности полностью сохранилась желвачная корка.

Стоянка Иртишское IV. С площади 900 м² собрано 7 каменных предметов: 5 отщепов, скребок со скобелем и сломанное орудие. Все отщепы, за исключением миниатюрного отщепа 6 × 5 см, имеют на боковых гранях эпизодическую ретушь. Скребок изготовлен из отщепа, у него хорошо выраженное полукруглое лезвие, на противоположной стороне выемка, как у скобелька; ретушь образует острую рабочую грань, так что, возможно, орудие использовалось как скребок, скобелек и резак (рис. 1, 2). Сломанное орудие (рис. 1, 1) является двусторонне обработанным ножом и

сходно с изделиями, описанными на местонахождении Иртишское II.

Стоянка Иртишское V. С площади около 2000 м² собрано 8 нуклеусов, 7 обломков нуклеусов, 33 отщепа и 8 орудий.

Нуклеусы типологически не очень выдержаны, за исключением одного экземпляра, и являются нуклеусами параллельного скалывания. Они обычно имеют две ударные площадки, расположенные друг к другу под прямым углом, причем одна площадка (основная) обязательно сильно скошена и подработана некрупными сколами (рис. 4, 3; 5, 9).

Все нуклеусы находятся в стадии первичного

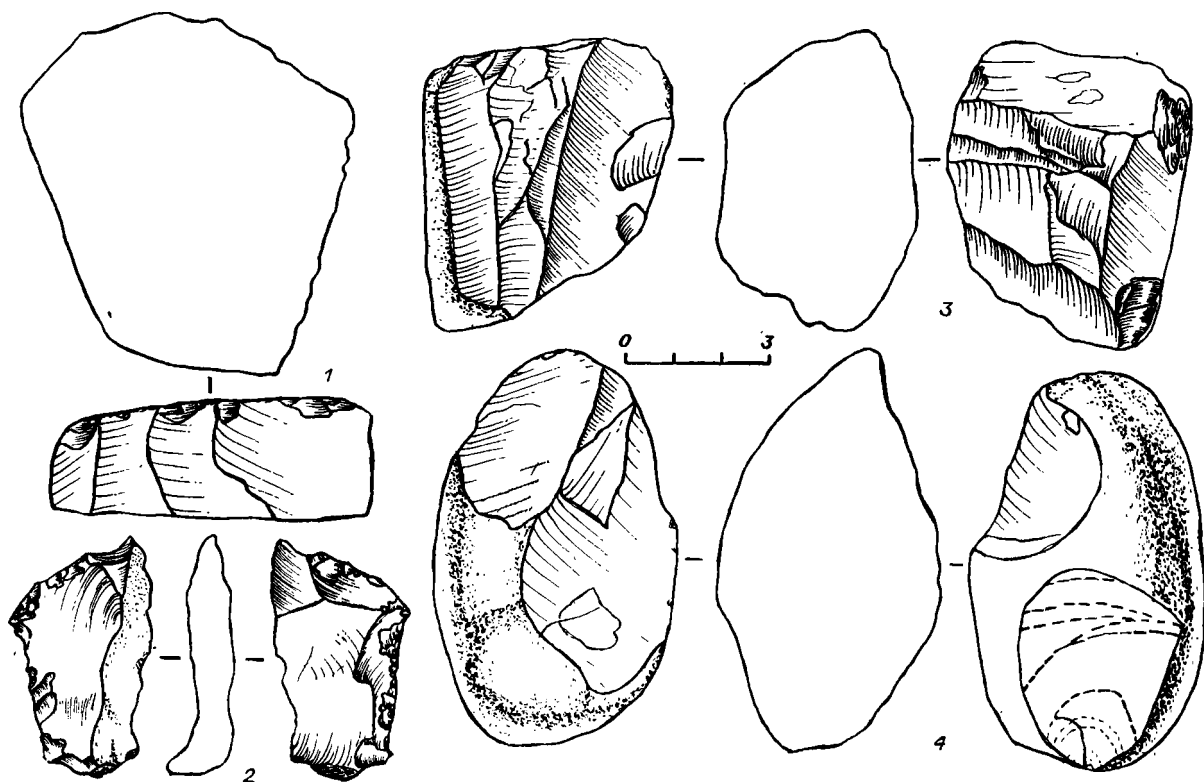

Рис. 4. Стоянка Ириклинское V.

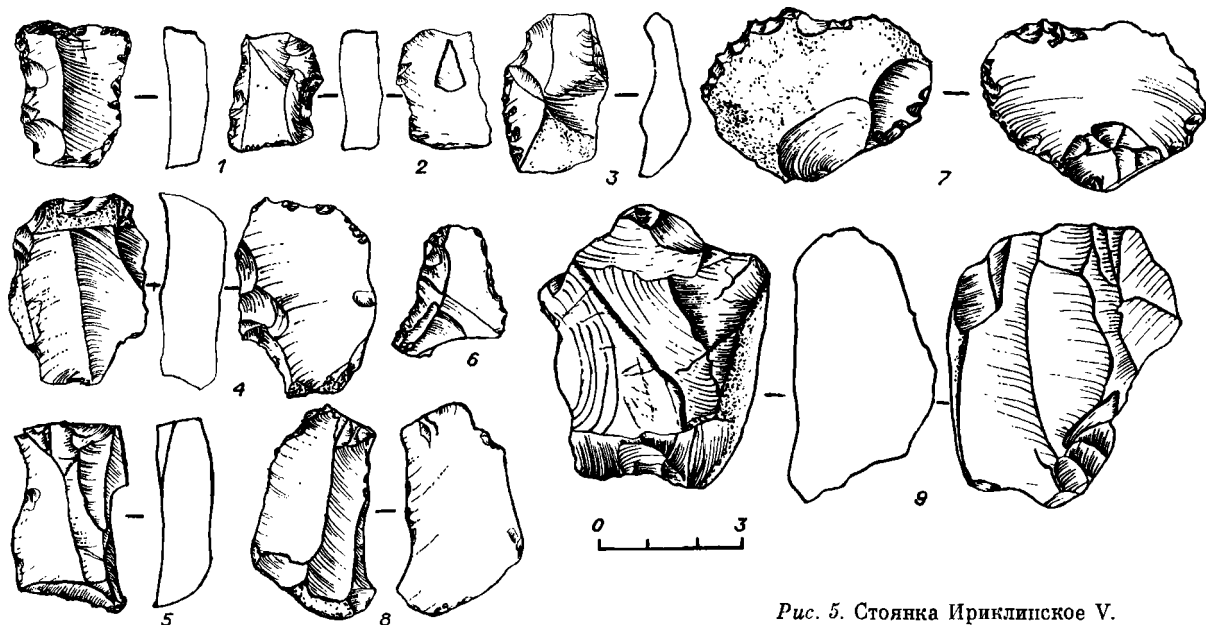

Рис. 5. Стоянка Ириклинское V.

раскалывания и скорее всего были забракованы для дальнейшего использования (рис. 4, 4). Из 7 обломков нуклеусов 4 происходят от оснований и 3 — от боковых сторон. Они использовались как орудия. В одном случае на боковом скеле имеется резцовый скол (рис. 5, 5), в другом случае отчетливая ретушь образует лезвие скребка (рис. 5, 4).

Один нуклеус небольших размеров относится к типу дисковидных.

На большинстве отщепов есть следы подработки эпизодической ретушью по краю, так что иног-

да образуется зубчатая рабочая грань (рис. 4, 2; 5, 3, 8). На 15 отщепах заметны явные признаки первичного скалывания. Это устанавливается по наличию желвачной корки.

Среди орудий выделяется подтрапециевидной формы плитка из яшмы, с одной ее стороны скалыванием образован полукруглый рабочий край массивного скребла (рис. 4, 1). Вначале плитка служила своеобразным пуклеусом, с которого скалывали укороченные пластинчатые отщепы, пригодные для изготовления скребков, долот и некоторых других изделий.

Таблица 1

Использование исходных пород на памятниках Ириклинское I—V

Порода	Ириклинское I		Ириклинское II		Ириклинское III		Ириклинское IV		Ириклинское V	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Зелено-красная яшма	19	55,8	11	44	12	75	4	57,1	21	37,5
Темно-кремнистая порода (сланцевидная)	6	17,6	—	—	—	—	—	—	5	8,9
Халцедон	—	—	1	4	—	—	—	—	3	5,3
Темная яшма	6	17,8	11	44	3	18,7	3	42,9	25	44,8
Другие породы	3	8,8	2	8	1	6,3	—	—	2	3,5

Одно орудие можно определить как типичный концевой скребок на пожевидной пластине (рис. 5, 1). Имеется обломок пожевидной пластины с ретушью по обоим краям (рис. 5, 2). Три изделия являются массивными сколами с крутой ретушью, образующей характерный перовный и слегка зубчатый рабочий край (рис. 5, 7). Здесь же найдена часть замка кремневого ружья, явно к комплексу не относящаяся.

Основываясь на вышеописанных материалах, приходим к выводу, что местонахождения Ириклинское I—III, V служили недолговременными мастерскими или стоянками-мастерскими. На это ясно указывают следующие признаки: а) значительное количество пуклеусов в сборах (23,7% от общего числа находок, причем преобладают пуклеусы первичного раскалывания); б) большое количество отщепов первичного скалывания; в) малое количество оформленных вторичной обработкой орудий; г) высокий коэффициент желвачности; д) значительное количество случайно использованных отщепов.

Исходным сырьем служили желваки и гальки, лежащие на поверхности. В основном использовалась зелено-красная яшма, по своим качествам, пожалуй, самая пригодная для изготовления орудий; в меньшей степени употреблялись сланцевидная порода, темная яшма, халцедон и другие породы (табл. 1).

На Ириклинском IV собрано слишком мало изделий, и оно располагается низко относительно уровня воды в водохранилище, поэтому этот памятник стоит несколько особняком.

Датировать комплекс чрезвычайно трудно и на сегодняшний день можно лишь пытаться сопоставлять его с уже известными комплексами каменного века ближайших территорий. К сожалению, памятников эпохи палеолита на Южном Урале мало, а имеющиеся коллекции каменного инвентаря в общем-то малочисленны², по тем не менее можно пойти общее между ириклинскими находками и каменным инвентарем из пещеры Смеловская II³, в частности между пуклеусами

и обработанными ретушью отщепами. Исходное сырье в обоих случаях одно и то же.

Эпоха мезолита представлена в отношении каменного инвентаря достаточно полно⁴. Сравнение каменных комплексов с Ириклинского водохранилища и комплексов мезолитического времени показывает, что между ними практически нет ничего общего, и, следовательно, можно с определенной долей уверенности считать, что наши находки более ранние и относятся к эпохе палеолита. На это указывает и отсутствие правильных призматических нуклеусов, при наличии двухплощадочных, присутствие дисковидных нуклеусов, хотя и незначительных размеров. Об этом же говорит и пустынный загар (глинец), который покрывает до 50% каменных орудий, а также патины на брюшке некоторых изделий (табл. 2).

Ириклинское I—V, безусловно, одно из самых северных местонахождений эпохи палеолита на поверхности, и дальнейшие поиски в этом районе перспективны. Подтверждается мысль В. И. Громова, высказанная им еще в сороковые годы, о наиболее перспективных районах поиска палеолита на Урале. Одним из таких районов, по его мнению, были берега Тургайского пролива, верховья Урала и Сакмары⁵.

В заключение заметим, что памятники с культурными остатками на поверхности известны широко и в основном сосредоточены в Средней Азии и Казахстане⁶, ввиду своеобразных физико-географических условий этой территории. Несмотря на глобальные изменения, происходившие здесь в плейстоцене, многие участки древней дневной поверхности так и не были покрыты рыхлыми отложениями. На протяжении тысячелетий сценной деятельности людей была одна и та же поверхность, что привело к смешению разновременных культурных остатков. Это создает своеобразную археологическую ситуацию. При обилии орудий, исчисляемых иногда тысячами, но лежащих на поверхности, из процесса исследования исключаются стратиграфия, палеонтология, палинология и т. д. По сути единственным остается прин-

Таблица 2

Характеристика поверхности каменных изделий, %

Признак	Ириклинское I		Ириклинское II		Ириклинское III		Ириклинское IV		Ириклинское V		Кизилское I	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Желвачная корка	32	94,1	21	84	14	87,5	4	57,1	47	83,9	23	76,6
Пустынный загар	17	50	12	48	9	56,2	3	42,8	15	26,7	24	80
Патина	—	—	1	4	3	18,7	—	—	8	14,2	2	6,6

ции типологического анализа комплексов, что создает известную приблизительность предлагаемых хронологических и культурных схем и сегодня не может удовлетворить исследователей. Это проявляется и при анализе материала с берегов реки Урал. Такая ситуация вызывает необходимость разработки новейших методов, опирающихся на методику химии, физики. В частности, при определении возраста находок могут помочь анализ поверхности каменного орудия, а также палеогеографические реконструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. — В кн.: Палеолит и неолит СССР, т. 6. М.—Л., 1971.

² Бадер О. Н. Смеловская II — палеолитическая стоянка в степях Южного Урала. — В кн.: Палеолит и неолит СССР, т. 6. М.—Л., 1971; Бадер О. Н., Матюшин Г. И. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале. — СА, 1973, № 4; Бадер О. Н. Палеолитические памятники Башкирии. — В кн.: Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

³ Бадер О. Н. Смеловская II..., с. 202, рис. 2—5.

⁴ Матюшин Г. И. Мезолит Южного Урала. — М., 1976.

⁵ Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — Труды Института геологических наук АН СССР. Вып. 64. — М., 1948, с. 405.

⁶ Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Палеолит. — Душанбе, 1965; Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. — Алма-Ата, 1979.

Ю. П. ХОЛЮШКИН

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на материалах палеолита Сибири)

ВВЕДЕНИЕ

Рост сложности теоретических построений, необходимых для решения основных проблем современной археологии, связанных с потребностью глубокого изучения внутреннего механизма движения и развития первобытных сообществ, — одна из основных причин внедрения математических методов в археологию.

Нынешний модельный этап математизации археологии — очень трудный период развития теорий. Если первые опыты применения статистического метода ограничивались количественной обработкой эмпирических данных, протекавших в рамках старой понятийной схемы, и, естественно, зачастую лишь подтверждали выводы, сделанные на основе интуитивного подхода, то сейчас наблюдаются попытки ввести новые, более глубокие, более фундаментальные понятия с анализом их структуры и свойств.

Одним из таких фундаментальных понятий археологической систематики является «археологическая культура». Под «археологической культурой» мы понимаем «совокупность некоторых археологических объектов, имеющих „родственную природу“ и паделенных множеством устойчивых отображений друг друга в различного вида сочетаниях археологических источников, определенным образом ограниченных во времени и пространстве». К числу таких сочетаний источников или комплексов (по В. С. Бочкареву и В. М. Масонцу)¹ можно отнести «каменную индустрию» и «костяную индустрию».

На практике единственным источником определения культурной принадлежности палеолитического памятника является каменный инвентарь как наиболее массовая категория находок. Поня-

тия «археологическая культура», «фация» и «компакт» для палеолитического времени фактически совпадают, и мы имеем дело лишь с частицей археологической культуры, по которой не так-то просто реконструировать древнюю культуру в целом. Если же к этому добавить отсутствие четко определенных и единых шкал важности археологических данных в процессе выделения культур у различных археологических школ и связанные с этим трудности нахождения подходящих проверочных испытаний для каждого конкретного выделения культуры, то сложности несомненно возрастают.

Таким образом, эта проблема требует унификации терминологии и разработки индуктивных правил выбора единиц сравнения археологических комплексов, с помощью которых можно было бы приписать им некоторую степень подтвержденности.

Велики трудности также из-за отличий в соотношениях одних и тех же элементов в различных комплексах одной и той же культуры. Очевидно, что полное сходство крупных комплексов невозможно, поскольку разнообразны и археологические материалы, и степень их сохранности, и, наконец, сами комплексы. «Степень сходства или различия между комплексами может быть формализованно зафиксирована при помощи критериев сходства и различия»². Однако истолкование отмеченных различий может иметь многочисленные варианты. Эти различия могут быть не только результатом хронологических изменений или локальных особенностей, но и принадлежности к различным археологическим памятникам. Погребения и клады, созданные одиозово и по специальному случаю³, мастерские, стоянки-мастерские, долговременные поселения, охотничьи

лагеря и т. д. как типы памятников характеризуются различными периодами накопления слоев. Поэтому представление об этих видах археологических источников может быть лишь суммарным, и данное обстоятельство не всегда позволяет учитывать сезонную стратегию обитателей стоянок, накладывающую значительный отпечаток на типологию технокомплексов (если следовать некоторым этнографическим параллелям)⁴. Неучитываемая зона случайности могла бы быть снижена лишь при исследовании и выделении уровней обитания, что не всегда представляется возможным. Поэтому не удивительно, что даже однокультурные памятники могут иметь широкий предел колебаний количественных параметров сходства. А поскольку до сих пор еще не разработаны критерии дифференциации разных элементов в этих памятниках и им априори придается одинаковый вес, все выводы имеют лишь относительную ценность.

Таким образом, перед нами встает другая проблема, связанная с недопустимостью изоляции или выделения отдельных факторов вне других археологических явлений. И наконец, следует отметить сильную зависимость выводов исследователей от величины выборок, с которыми они работают.

Анализ исследований последних лет показывает, что мы еще не научились достаточно четко отличать сходство от родства комплексов. Это обстоятельство можно объяснить относительной слабостью связей теоретических и эмпирических работ в археологии. До сих пор выделение археологических культур в большинстве случаев производится «на глазок» практиками и отчасти специалистами-теоретиками, стремящимися формализовать фактически применяемые методы. Но и эти отдельные рецепты по выделению археологических культур весьма прагматичны и не всегда учитывают «поведение» различных археологических источников.

В связи с этим рассмотрим степень соответствия некоторых выделенных на территории Сибири археологических культур сложившемуся понятию о них как «явлении территориальном, хронологическом и генетическом»⁵.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

«Выделение археологических культур в Сибири основано в первую очередь на типологии каменного инвентаря, включающей в себя не только морфологию орудий, но и технику расщепления и по возможности функциональную характеристику»⁶.

Данная формулировка предусматривает достаточно глубокий анализ археологических объектов. Однако даже при такой широкой постановке задачи мы не можем понять принцип выделения культуры, не ознакомившись с системой ценностей ученого, его стремлениями и целями, поскольку, отдавая предпочтение одной теории перед другой, любой ученый стремится оптимизировать свой выбор в свете той системы ценностей, которой он придерживается.

Так, рядом исследователей утверждается, что «...сочетание резцов верхоленинского типа с гобийским пуклеусом можно считать объединяющим элементом, связывающим многие памятники, рассеянные на обширной территории от Центральной Азии до Аляски»⁷.

Для Ю. А. Мочанова достаточным для выделения «культурных общностей первого порядка» является наличие или отсутствие бифасов⁸.

З. А. Абрамова предпочитает более дробные показатели. К показателям, на основе которых следует выделить афонтовскую и кокоревскую культуры, по ее мнению, относятся⁹:

1. Характерное для кокоревской культуры наличие крупных галечных пуклеусов.

2. Большая пластинчатость индустрий кокоревской культуры по сравнению с индустриями афонтовской культуры.

3. Афонтовская культура содержит двусторонне обработанные орудия.

4. В афонтовской культуре резцы и остроконечники единичны и невыразительны и не имеют ничего общего с орудиями из кокоревской культуры.

5. В афонтовской культуре микропластинки имеют ретушь по продольным краям и усеченным скошенным концам. В кокоревской культуре микропластинки не имели вторичной обработки.

Вместе с тем в инвентаре стоянок этих культур имеются сходные по форме и технике обработки орудия, которые долгие годы олицетворяли палеолит Енисея. Это, прежде всего, скребла, галечные орудия, сочетающиеся с мелкими формами, а также разнообразные костяные орудия и украшения.

Трудно сделать выбор между описанными точками зрения на верификацию. Здесь имеются две трудности. Первая из них связана со способом определения подходящих проверочных испытаний для каждой из рассмотренных гипотез, вторая — с разработкой индуктивных правил, с помощью которых можно было бы приписать им некоторую степень подтвержденности.

Если решение вопроса о гобийских пуклеусах как факте заселения Америки из Азии лежит в области типологического анализа, поскольку единственным отличием их от клиновидных пуклеусов является сильно вытянутый киль, то точки зрения Ю. А. Мочанова и З. А. Абрамовой доступны проверке с помощью методов математической статистики, поскольку каждое из выдвинутых ими положений представляет в отдельности простую реальную ситуацию, в которой «равновозможность исходов» представляется абсолютно разумным предположением.

Для установок достоверности или случайности наблюдаемых З. А. Абрамовой и Ю. А. Мочановым расхождений между культурами мы применили один из наиболее часто применяемых в археологии критерий χ^2 , определяемый по формуле

$$\chi^2 = \frac{N \left(|ad - bc| - \frac{n}{2} \right)^2}{(a + b)(c + d)(a + c)(b + d)}.$$

Кроме того, для определения тесноты связи между двумя качественными признаками мы применили коэффициент ассоциации (r_A), или тетрахо-

Таблица 1

Комплекс	Критерий	Кокорево I, горизонт			Кокорево II	Кокорево III
		2-й	3-й	4-й		
Дюктай, 7а слой	χ^2	62,192	48,198	52,256	107,886	42,219
	r_A	0,565	0,554	0,558	0,558	0,474

рический показатель связи К. Пирсона с поправкой Йейтса,

$$r_A = \frac{|ad - bc| - 0,5n}{\sqrt{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}}.$$

Этот критерий, являющийся одной из модификаций пирсоновского критерия χ^2 , изменяется, как и коэффициент корреляции, от -1 до $+1$. Между коэффициентом ассоциации и критерием χ^2 имеет место определенная связь

$$r_A^2 = \frac{\chi^2}{n}.$$

Отсюда формула, позволяющая находить значения r_A по величине критерия χ^2 ¹⁰,

$$r_A = \sqrt{\frac{\chi^2}{n}}.$$

Поскольку значение случайной величины χ^2 сильно зависит от числа степеней свободы и приближается к нормальному распределению при увеличении числа наблюдений, то его применение сопряжено с некоторыми погрешностями, которые сказываются на его величине, особенно на малочисленных выборках. Для получения более точных оценок выборка, распределяемая в вариационный ряд, должна иметь не менее 50 вариантов¹¹.

Данное обстоятельство заставило нас ограничить проверку гипотезы Ю. А. Мочанова о возможности выделения двух технических традиций сравнением только 7а слоя Дюктайской пещеры с памятниками афонтовской и кокоревской культур, выделенных З. А. Абрамовой. Перед этим была сделана проверка с целью доказательства сходства в распределении бифасов и односторонне обработанных орудий между слоем 7а и наиболее многочисленными по числу орудий 7б и 9-м слоями. В обоих случаях значения $\chi^2 = 0,4524$. Поскольку эта величина меньше 5%-ного уровня значимости, равного 3,84, то нулевая гипотеза сохраняется. Коэффициент ассоциации r_A был ра-

вен 0,096; что свидетельствует также в пользу высказанного положения. Что касается сопоставления по указанным критериям стоянок выделенной Ю. А. Мочановым мальтипско-афонтовской традиции с 7а слоем, то во всех случаях нулевая гипотеза была отвергнута, а значения коэффициента r_A свидетельствовали о значительной сопряженности между указанными признаками (табл. 1).

Данное обстоятельство свидетельствует в пользу правомерности применения признака наличия бифасов как одного из критериев выделения дюктайской традиции.

Рассмотрим также возможность выделения кокоревской и афонтовской культур по дефинициям З. А. Абрамовой. Сопоставления по первому признаку: соотношения нуклеусов I и II групп производились между Кокорево II, с одной стороны, и Кокорево I (2, 3, 4 горизонты), Новоселово VI и VII — с другой. Нулевая гипотеза была отвергнута при сравнении нуклеусов Кокорево II с нуклеусами Кокорево I, Новоселово VI и принята при сравнении с Новоселово VII. Аналогичные данные получены и по коэффициенту r_A , где отмечена низкая сопряженность только с Новоселово VII (табл. 2).

При сравнении комплексов Еписейской долины по второму признаку нулевая гипотеза была во всех случаях отвергнута (табл. 3).

По всем остальным признакам нулевая гипотеза была принята, т. е. различия носили случайный характер (табл. 4).

Таким образом, из пяти предложенных З. А. Абрамовой критериев выделения кокоревской и афонтовской культур работают лишь два, что не позволяет ставить вопрос об их разделении. Собственно говоря, об этих подтвержденных нами различиях писалось еще Г. П. Сосновским¹².

Предложенная методика проверки достаточно привлекательна, поскольку позволяет дать относительно точную дефиницию того, что обозначается понятием «случайность». Она минимизирует

Таблица 2

Комплекс	Критерий	Кокорево I, горизонт			Новоселово VI	Новоселово VII
		2-й	3-й	4-й		
Кокорево II	χ^2	32,038	32,666	73,542	17,318	2,312
	r_A	0,232	0,467	0,648	0,304	0,144

Таблица 3

Комплекс	Критерий	Кокорево I, горизонт				Новоселово VI
		2-й	3-й	4-й	4а	
Кокорево II	χ^2	25,005	42,874	100,023	36,814	129,786
	r_A	0,220	0,313	0,472	0,318	0,467

Т а б л и ц а 4 *

Соотношение резцов и острокопечников

Комплекс	Критерий	Кокорево I, горизонт			Новоселово VI	Новоселово VII
		2-й	3-й	4-й		
Кокорево II	χ^2	—	—	5,44	0,03157	0,984
	r_A	—	—	0,448	0,023	0,198

Наличие микропластинок с ретушью

Комплекс	Критерий	Кокорево I, горизонт				
		2-й	3-й	4-й	4а	5-й
Кокорево II	χ^2	1,992	3,085	3,605	3,663	3,461
	r_A	0,092	0,106	0,111	0,112	0,109
Таштык I	χ^2	0,406	0,714	0,863	0,894	0,878
	r_A	0,057	0,066	0,069	0,069	0,071

* При сравнении двусторонних орудий Кокорево III и Кокорево I (2-й горизонт) нулевая гипотеза была отвергнута при 5%-ном уровне и принята при 2%-ном уровне. При сравнении резцов и острокопечников Кокорево II с Кокорево I (4-й горизонт) H_0 была принята при 1%. Вычисления не проводились между Кокорево II и 2-м и 3-м горизонтами Кокорево I из-за малочисленности резцов и острокопечников в последних.

влияние индивидуальных суждений, основанных лишь на интуиции. Однако всего перечисленного для решения задачи о неправомерности выделения кокоревской и афонтовской культур еще не достаточно. Требуется разработка критериев корреляции и синхронизации археологических памятников, на основе которых станет возможным обосновать генеральные принципы выделения культур с их локальными вариантами в их межрегиональной корреляции.

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Попытки выработки количественных критериев для выделения археологических культур уже предпринимались советскими археологами. К таким разработкам следует отнести работы М. И. Гладких¹³ и В. М. Массона¹⁴. Если М. И. Гладких построил свою работу с целью выработки эмпирических критериев достаточности для выделения культуры, то В. М. Массоном был предложен широкий спектр археологических дефиниций, который предусматривал для локальности варианта 100—50% совпадений в сочетании типов, для культуры 50—30% и для общности 30—20%. В данной статье, мы, приняв эти положения за точку отсчета, направили усилия на приближение теоретических положений к реальной ситуации с тем, чтобы наполнить их большей содержательностью.

С целью реконструкции интересующих нас допустимых различий однокультурных памятников в качестве модели мы взяли стоянку Мальта, способную благодаря относительной самостоятельности хозяйственно-бытовых комплексов объяснить «поведение» этих объектов в качестве обособлен-

ных однокультурных памятников. Результатом этой операции является замещение изучаемой «археологической культуры» ее моделью. Такое замещение дает исследователю возможность представить, как вписывается модель в параметры выделенных В. М. Массоном археологических культурных подразделений.

Созданию такой научной модели всегда предшествует хотя бы некоторое представление о структуре объекта. Такой своего рода срез археологизированной культуры, при всей его ограниченности, позволяет получить представление о мальтинской культуре, хотя ее полное содержание утрачено во многих своих проявлениях.

Так, жилище I (участки А, Б, Г, Д, II) и жилище 3 (участки VIII—IX) частично порушены поздними перекопами, а жилище 3 к тому же исследовано не на всей площади¹⁵. Жилище 4 уничтожено полностью¹⁶. Такое состояние изученности, естественно, лишило комплексы ряда важных деталей. Нам не известно, были ли очаги в жилищах 1, 3, 4. Вместе с тем можно отметить ряд общих черт и специфических особенностей хозяйственно-бытовых комплексов, которые, по-видимому, легче всего объяснить различным функциональным назначением жилых комплексов. К числу таких общих черт относятся использование кости в конструкциях жилищ и обкладка жилищ каменными плитами. Разная площадь жилищ и некоторые различия в форме их не препятствуют данному утверждению. Для иллюстрации этого сходства мы сопоставим площади прямоугольного жилища раскопок 1956 г. ($\approx 77 \text{ м}^2$), круглого жилища раскопок 1957 г. ($19,62 \text{ м}^2$) и комплексов:

- I комплекс — участки А, Б, В, Г, Д, II;
- II комплекс — участки 1, 3—6, 10;
- III комплекс — участки 8, 9;
- IV комплекс — участки 11—14;
- VIII комплекс — раскоп 1937 г.

Таблица 5

Тип заготовок	I		II		III		IV		VII	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Пластина	33	67,35	42	56,00	31	62,00	104	75,36	34	65,38
Отщеп и осколок	11	22,45	24	32,00	15	30,00	26	18,84	8	15,38
Плитка	1	2,04	—	—	1	2,00	—	—	1	1,92
Нуклеус	2	4,08	5	6,67	2	4,00	8	5,79	6	11,54
Галька	2	4,08	4	5,33	1	2,00	—	—	3	5,77
Всего	49	100	75	100	50	100	138	99,99	52	99,99

С целью определения принадлежности крайних вариантов площадей к одной группе мы применили критерий τ :

$$\tau = \frac{X_n - X_{n-1}}{X_n - X_2}; \quad \tau = \frac{X_2 - X_1}{X_{n-1} - X_1};$$

$$\tau = \frac{77 \text{ м}^2 - 42 \text{ м}^2}{77 \text{ м}^2 - 26 \text{ м}^2} = 0,686; \quad \tau = \frac{26 \text{ м}^2 - 19,52 \text{ м}^2}{42 \text{ м}^2 - 19,62 \text{ м}^2} = 0,508.$$

Поскольку полученные результаты меньше, чем $\tau_{0,5}$, их отбросить нельзя. Таким образом, все указанные жилища входят в одну совокупность, образующую жилой комплекс мальтинской культуры и различаются, по-видимому, лишь числом обитателей.

Наибольшее сходство прослеживается между II и VIII комплексами. Однако сходство между ними объясняется полной раскопанностью и удовлетворительным состоянием комплексов, наличием общих для большинства комплексов конструктивных элементов жилища и характерной для всей Мальты высокой степенью пластинчатости орудий (табл. 5).

Степень близости между комплексами по критерию Робинсона (данные переведены для удобства в обычные проценты) была очень высокой: от 80,64 до 92,45% (табл. 6).

Таблица 6

Комплекс	I	III	VIII	IV	II
I	×				
III	92,45	×			
VIII	90,84	85,30	×		
IV	90,27	84,84	86,56	×	
II	86,61	92,00	83,38	80,64	×

Комплекс VIII сильно отличается от остальных по целому ряду важных параметров. Здесь преобладают отходы производства каменных орудий над собственно орудиями (табл. 7). Данное обстоятельство может служить одним из проявле-

ний фациальности, определяемой несколько иной функциональной направленностью деятельности обитателей VIII комплекса. Степень близости его по отношению к другим составляет 31—43% (табл. 8).

Думается, что не меньший интерес представляет соотношение каменных и костяных изделий (табл. 9).

Как видно из табл. 9, комплексы обладают примерно одинаковым соотношением каменных и костяных артефактов, хотя доли отдельных категорий отличаются. Несмотря на это, степень близости между комплексами была высокой — в пределах 60,50—97,64% (табл. 10).

Анализ распределения каменных орудий показал несколько большую неоднородность процентного соотношения их в комплексах (табл. 11). Такое неодинаковое соотношение обусловлено некоторыми хозяйственными отличиями. Степень близости их колебалась в пределах 42,49—67,24% (табл. 12).

Таким образом, судя по результатам сопоставления типологии каменной индустрии, комплексы Мальты имеют широкий предел колебаний, которые, в рамках дефициций В. М. Массона, укладываются в рамки одной культуры.

Рассмотрим «поведение» другого источника индустрии Мальты — костяных изделий. Судя по данным табл. 9, костяные орудия и поделки из кости (включая предметы искусства) распределены с некоторыми отличиями. Так, в I и III комплексах преобладают костяные орудия, а во II, IV, VIII комплексах — поделки из кости. С целью проверки неслучайности различия между комплексами мы применили критерий χ^2 (табл. 13).

Из данных табл. 13 видно, что нулевую гипотезу отвергнуть нельзя в большинстве случаев при 5%-ном уровне значимости, а для сравниваемого с I комплексом IV комплекса при 2%-ном уровне. Следовательно, данные различия носят случайный характер.

Рассмотрим теперь данные о классах костяных орудий Мальты. Как видно из табл. 14, соотношения по отдельным классам предметов в комплексах близки, не считая комплекса VIII (раскопок

Таблица 7

Категория	I		II		III		IV		VIII	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Отходы	14	22,22	24	24,24	10	16,67	56	28,86	310	85,63
Орудия	49	77,78	75	75,76	50	83,33	138	71,13	52	14,36
Всего . .	63	100	99	100	60	100	194	99,99	362	99,99

Таблица 8

Комплекс	I	II	III	IV	VIII
I	×				
II	97,98	×			
III	94,45	92,43	×		
IV	93,35	95,38	87,81	×	
VIII	36,59	38,61	31,04	43,23	×

1937 г.), где коллекция не представляет. Конечно, можно отметить и некоторые различия. Так, во II комплексе более 65% орудий представлено иглами. Очень высокий процент игл отмечен в III комплексе и в I. С целью сопоставления степени сходства мы применили критерий Робинсона.

Как видно из табл. 15, I, III, IV комплексы характеризуются высокой степенью сходства костяных орудий в обычных процентах. Высока степень сходства между I, III комплексами, с одной стороны, и II комплексом — с другой. Наибольшие различия прослеживались с комплексом VIII.

что позволят объяснить многие на вид обособленные явления. Возможно, что за этот период появлялись новые разработки такого рода. Пока же мы занимаемся только разведкой в лабиринте нерешенных проблем и трудно судить, не завела ли она нас в тупик.

Мы можем использовать указанные модели как схему, отражающую наше сегодняшнее представление о том, чем может или должна быть изучаемая культурно-хозяйственная система.

Установлено было различное «поведение» как археологических источников, так и некоторых археологических объектов. При этом, как правило, по более общим критериям степень сходства между комплексами оказалась более высокой, чем по типологии. В одном случае это свидетельствовало о единой технике (пластинчатость инвентаря), в другом — о единой направленности хозяйственной деятельности (соотношение каменных и костяных артефактов, костяных и каменных орудий), в третьем случае по соотношениям отходов производства и завершенным орудиям выявились некоторые различия между VIII и другими комплексами, но и они не заходили за пределы отличий памятников одной культуры.

Таблица 9

Категория	I		II		III		IV		VIII	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Каменное орудие	49	65,33	75	51,72	50	64,93	138	79,77	52	91,22
Каменное украшение	1	1,33	10	6,89	1	1,29	4	2,31	0	0
Костяное орудие	18	24,00	29	20,00	17	22,08	12	6,94	2	3,51
Костяная поделка	7	9,33	31	21,38	9	11,69	19	10,98	3	5,26
Всего	75	99,99	145	99,99	77	99,99	173	100,00	57	99,99

Аналогичные сопоставления проведем по украшениям и некоторым предметам искусства. Данные о количественных и процентных соотношениях их приведены в табл. 16.

Как видим, предметы в комплексах значительно варьируют в своих процентных соотношениях и особенно отличаются материалы погребения. И не только потому, что предметы искусства и украшения более вариабельны, чем орудия, но и потому, что здесь представлены два типа выборки: позитивная и негативная¹⁷. Приведенные сопоставления с помощью критерия Робинсона дали более низкий уровень сходства в процентах между комплексами (табл. 17).

Не меньший интерес представляет сопоставление типов орнаментации в комплексах Мальты, данные о которых представлены в табл. 18.

Изучение степени близости комплексов Мальты по орнаментации костяных изделий показало, что процент сходства комплексов по этому признаку может быть еще меньше, чем при сопоставлении украшений (табл. 19).

Учитывая незначительность коллекций в комплексах и в связи со слабой разработанностью теории в археологии, трудно судить, насколько разработанные модели допустимых различий в однокультурных памятниках согласуются с действительностью. Оценка работ, подобных данной, возможна лишь спустя несколько лет, когда эти пока отдельные модели будут настолько доработаны,

Что касается дробных показателей, то здесь были установлены следующие критерии сходства для однокультурных памятников:

для каменного инвентаря установлено сходство в диапазоне 42,49 — 67,24%;

для костяных орудий — 37,36—73,86%;

для украшений и предметов искусства в негативной выборке — 20—50,49%;

для украшений и предметов искусства в позитивной выборке при сравнении с негативной — 4,59—11,30%;

для типов орнаментации в негативной выборке степень сходства составляла 22,22—45,45%;

для типов орнаментации в позитивной выборке при сопоставлении с негативной — 0,005—25,00%.

Пока мы затрудняемся оценить значение качественных различий указанных показателей, поскольку не был произведен расчет возможных ва-

Таблица 10

Комплекс	I	II	III	IV	V
I	×				
II	97,64	×			
III	82,93	84,14	×		
IV	81,61	84,71	71,95	×	
V	74,11	73,71	60,50	88,54	×

Таблица 11

Орудие	А, Б, В, Г, Д, II		I, III—VII, X		VIII—IX		XI—XIV		Раскоп 1937 г.	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
I группа										
Нуклеус	5	35,71	—	—	1	10,00	—	—	10	3,23
Нуклеидный обломок	—	—	—	—	—	—	2	3,57	4	1,29
Нуклеидный осколок	—	—	1	4,17	—	—	—	—	6	1,93
Обломок гальки	2	14,29	4	16,67	—	—	—	—	—	—
Осколок гальки	—	—	1	4,17	—	—	—	—	—	—
Галька со сколом	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,32
Кусок породы	1	7,14	—	—	—	—	—	—	1	0,32
Осколок кальцита	1	7,14	2	8,33	—	—	—	—	—	—
Осколок (другие породы)	1	7,14	2	8,33	2	20,00	1	1,79	183	59,03
Отщеп	1	7,14	2	8,33	1	10,00	2	3,57	56	18,06
Пластинчатый отщеп	—	—	—	—	—	—	1	1,79	4	1,29
Пластина	3	21,43	12	50,00	6	60,00	50	89,28	45	14,52
Всего	14	100	24	100	10	100	56	100	310	99,99
II группа										
Валун (для раскалывания костей)	—	—	2	2,67	—	—	—	—	—	—
Отбойник	2	4,08	2	2,67	1	2,00	—	—	2	3,85
Дисковидное орудие	1	2,04	—	—	1	2,00	—	—	1	1,92
Нуклеидное орудие	—	—	—	—	1	2,00	4	2,90	4	7,69
Нуклеидный скребок	1	2,04	—	—	—	—	1	0,72	1	1,92
Концевой скребок с овальным лезвием	—	—	3	4,00	2	4,00	11	7,97	1	1,92
Концевой скребок с прямым лезвием	1	2,04	1	1,33	—	—	4	2,90	—	—
Округлый (овальный) скребок	2	4,08	6	8,00	2	4,00	—	—	—	—
Скребок на отщепе	—	—	1	1,33	2	4,00	2	1,45	1	1,92
Боковой скребок	—	—	1	1,33	—	—	—	—	1	1,92
Вогнутый скребок	1	2,04	—	—	—	—	2	1,45	—	—
Вогнутый скребок-резец	—	—	—	—	1	2,00	—	—	—	—
Скребок-проколка	2	4,08	—	—	—	—	—	—	—	—
Скребок-скобель	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,92
Скребло с овальным лезвием	7	14,29	8	10,67	1	2,00	—	—	2	3,85
Скребло с прямым лезвием	—	—	—	—	—	—	1	0,72	—	—
Скребло с вогнутым лезвием	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,92
Проколка срединная и асимметричная	6	12,24	11	14,67	14	28,00	5	3,62	2	3,85
Проколка угловая	—	—	—	—	4	8,00	10	7,25	1	1,92
Проколка двойная	2	4,08	2	2,67	—	—	1	0,72	—	—
Проколка с тремя остриями	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,92
Острие	4	8,16	3	4,00	5	10,00	4	2,90	—	—
Угловое острие	1	2,04	—	—	—	—	5	3,62	—	—
Боковое острие	—	—	—	—	—	—	2	1,45	—	—
Резец срединный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Резец асимметричный	1	2,04	6	8,00	2	4,00	3	2,14	—	—
Резец угловой	—	—	1	1,33	1	2,00	2	1,45	2	3,85
Резец боковой	—	—	—	—	1	2,00	3	2,17	2	3,85
Резец клювовидный	—	—	—	—	1	2,00	2	1,45	—	—
Нуклеидный резец	—	—	—	—	—	—	2	1,45	—	—
Микрорезец	—	—	1	1,33	—	—	3	2,17	—	—
Орудие с резцовым сколом	—	—	2	2,67	—	—	1	0,72	—	—
Пластина со скошенным концом	3	6,12	4	5,33	1	2,00	12	8,70	—	—
Пластина с двумя скошенными концами	—	—	—	—	1	2,00	—	—	—	—
Пластина с прямым и скошенным концом	—	—	—	—	1	2,00	—	—	—	—
Пластина с концевой ретушью	7	14,29	9	12,00	5	10,00	22	15,94	6	11,54
Пластина с дорсальной ретушью	5	10,20	8	10,67	1	2,00	22	15,94	9	17,31
Пластина с вентральной ретушью	2	4,08	—	—	—	—	1	0,72	5	9,61
Пластина с противоложащей ретушью	—	—	—	—	—	—	2	1,45	2	3,85

Окончание табл. 11

Орудие	А, Б, В, Г, Д, И		I, III—VII, X		VIII—IX		XI—XIV		Раскоп 1937 г.	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Пластина с двусторонней ретушью	1	2,04	—	—	1	2,00	—	—	2	1,92
Рубильце	—	—	1	1,33	—	—	1	0,72	—	—
Опщел и осколок с ретушью	—	—	3	4,00	1	2,00	9	6,52	6	11,54
Заготовка орудия	—	—	—	—	—	—	1	0,72	—	—
Всего	49	99,98	75	99,99	50	100	138	99,98	52	99,99

Таблица 12

Комплекс	I	II	III	IV	VIII
I	×				
II	67,24	×			
III	48,49	53,33	×		
IV	46,88	52,20	44,32	×	
V	43,15	42,49	37,42	52,33	×

Таблица 13

Комплекс	I	II	III	IV	VIII
I	×	3,098	0,013	4,901	0,750
II		×	1,489	0,004	0,012
III			×	3,029	0,320
IV				×	0,193
VIII					×

Таблица 14

Класс, орудие	I		II, III, V, VI		III, IX		IV		VIII		Погребение	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Игла	5	27,77	19	65,51	6	35,29	2	16,66	1	50,0	—	—
Шило	2	11,11	2	6,89	1	5,88	—	—	1	50,0	—	—
Наконечник	1	5,55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нож	—	—	2	6,89	—	—	1	8,33	—	—	—	—
Стержень	6	33,33	3	10,34	4	23,52	4	33,33	—	—	1	100,0
Острие	2	11,11	1	3,44	3	17,64	5	41,66	—	—	—	—
Рукоятка	1	5,55	—	—	3	17,64	—	—	—	—	—	—
Прочее	1	5,55	2	6,89	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	18	100	29	100	17	100	12	100	2	100	1	100,0

риантов их связей с учетом многочисленных факторов. На данном этапе исследования эти сведения о диапазоне параметров, могущих быть положенными в основу выделения конкретных культур, представляют лишь простую сумму сведений. Однако и они расширяют наши возможности выборочного изучения археологических памятников и культур в целом. Уже на нынешнем этапе этих исследований можно рассмотреть под данным углом зрения, насколько отвечают выделенные З. А. Абрамовой афонтовская и кокоревская культуры этим требованиям.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ДОЛИНЫ

ТЕХНИКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Полученные в предыдущей части работы данные позволили выявить степень внутреннего единства комплексов Мальты и в какой-то мере режим «поведения» нескольких типологических совокупностей (компаундов), относящихся к разным сторонам жизни и культуры обитателей сто-

янки. Оправданность использования этой стоянки в качестве модели состоит в том, что Мальта является единовременным комплексом не только типов вещей, но и явлений более общего порядка. Указанное обстоятельство позволяет нам вернуться вновь к рассмотрению вопроса о допустимости выделения афонтовской и кокоревской культур. Предметом нашего поиска являются естественные разграничения, внутренние присущие указанным археологическим группировкам.

К сожалению, ни состояние понятийного аппарата археологии, ни арсенал методических предписаний не отвечают в достаточной мере необходимым требованиям, поскольку археологи употребляют терминологию и методы слишком упро-

Таблица 15

Комплекс	I	III	IV	II	VIII
I	×	73,860	61,125	50,525	38,89
III		×	57,845	54,985	41,18
IV			×	37,36	16,67
II				×	56,91
VIII					×

Таблица 16

Предмет искусства	I		II		III		IV		VIII		Погребение	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Браслет	—	—	—	—	1	10,0	1	4,34	—	—	1	0,76
Диадема	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,76
Поделка из гипса	—	—	—	—	—	—	1	4,34	—	—	—	—
Пронизка из позвонка рыбы	1	12,50	4	9,75	—	—	—	—	—	—	—	—
Пронизка из рога оленя	—	—	—	—	—	—	1	4,34	—	—	—	—
Пронизка из кости птицы	—	—	1	2,44	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвеска из позвонка рыбы	—	—	1	2,44	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвеска из бивня и кости орнаментированная	1	12,50	1	2,44	—	—	2	8,69	—	—	—	4,58
Подвеска из кристалла кальцита	1	12,50	10	24,39	1	10,00	3	13,04	—	—	—	—
Подвеска из гальки	—	—	—	—	—	—	1	4,34	—	—	—	—
Бусы из бивня	—	—	2	4,88	—	—	—	—	—	—	—	—
Бусина из бивня или кости	—	—	3	7,31	—	—	—	—	—	—	120	91,68
Обломок поделки из бивня со штриховкой параллельными нарезками	1	12,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пластина бивня орнаментированная:												
а) полукруглыми и точечными нарезками	—	—	—	—	1	10,00	1	4,34	1	33,33	—	—
б) ямочным орнаментом	—	—	2	4,88	1	10,00	1	4,34	—	—	—	—
в) резными зигзагами	—	—	1	2,44	—	—	—	—	—	—	—	—
г) резными линиями и ямками в виде концентрических колец	1	12,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
д) спиралями и ямками и изображением трех змей	—	—	—	—	1	10,00	—	—	—	—	—	—
Бляшка, орнаментированная резными зигзагами	—	—	1	2,44	—	—	—	—	—	—	—	—
Пластина бивня с отверстиями	—	—	—	—	2	20,00	—	—	1	33,33	—	—
Пластина, орнаментированная рядом волнообразных борозд (изображающих змей)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,76
Пластина с выгравированным изображением мамонта	—	—	1	2,44	—	—	—	—	—	—	—	—
Скульптура рыбы	1	12,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скульптура змеи с восьмью рядами полукруглых вырезов	1	12,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скульптура птицы	—	—	5	12,19	2	20,00	2	8,69	1	33,33	2	1,52
Скульптура человека	1	12,50	9	21,92	1	10,00	10	43,47	—	—	—	—
Всего	8	100	41	100	10	100	23	100	3	100	131	100

щенные, основанные к тому же на односторонних и ограниченных теоретических концепциях¹⁸. Поэтому в настоящее время решение указанной проблемы не может иметь однозначного ответа. Для получения однозначного решения должны быть использованы все фрагменты этих культур. Практика показывает, что «даже если бы удалось собрать полную сумму вырезок (из этапов развития археологических культур), из них было бы не просто составить древнюю культуру: в силу многозначности и полифункциональности многих деталей культуры они могли занимать в ней разные места. Сумма деталей еще не образует целого и нередко может образовывать его по-разному. Между тем многие вырезки безвозвратно утрачены, другие повреждены, третьи сохранились неплохо, но пока не найдены и не скоро будут найдены»¹⁹.

Таким образом, при анализе индустрий выделенных З. А. Абрамовой культур мы будем пользоваться ограниченными данными, к тому же подчеркнутыми из далеко не полных по своей информативности публикаций.

Представляются абсолютно бесспорными заключения З. А. Абрамовой по поводу противоречий в нарисованной Г. П. Сосновским картине стадияльного развития палеолитических индустрий Енисейской долины²⁰. Характер этих противоречий, по мнению З. А. Абрамовой, может быть снят, «если признать, что Кокорево I и подобные стоянки представляют особую культуру»²¹. На наш взгляд, говоря словами Т. Куна, «усвоение теорией нового вида фактов требует чего-то боль-

Таблица 17

Комплекс	IV	II	III	I	Погребение	VIII
IV	×	50,49	41,74	33,72	6,90	25,395
II		×	37,09	37,21	11,30	28,88
III			×	20,00	2,29	56,67
I				×	4,59	0
Погребение					×	—
VIII						×

Таблица 18

Тип орнаментации	I		II		III		IV		VIII		Погребение	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Параллельными рядами ямок	—	—	4	36,36	1	12,50	2	40,00	—	—	1	25,00
Спиральными и изображением трех змей	—	—	—	—	1	12,50	—	—	—	—	—	—
Разные линии и ямки в виде концентрических колец	1	11,11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Спиральными ямками	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25,00
Параллельные нарезки	2	22,22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Параллельные нарезки и бороздки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25,00
Поперечные нарезки	2	22,22	—	—	2	25,00	—	—	—	—	—	—
Косые нарезки	—	—	—	—	1	12,50	—	—	—	—	—	—
Кольцевые нарезки	1	11,11	—	—	—	—	1	20,00	—	—	—	—
Резная спираль	1	11,11	3	27,27	1	12,50	—	—	—	—	—	—
Резные зигзаги	1	11,11	2	18,18	—	—	—	—	—	—	—	—
Изображение змей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25,00
Полулунные вырезы	1	11,11	1	9,09	2	25,00	2	40,00	—	—	—	—
Полулунные вырезы и точки	—	—	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—
Гравированное изображение мамонта	—	—	1	9,09	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	9	100	11	100	8	100	5	100	1	100	4	100

шего, нежели просто дополнительного приспособления теории, до тех пор, пока это приспособление не будет полностью завершено, т. е. пока ученый не научится видеть природу в ином свете, новый факт не может считаться вообще фактом вполне научным²².

Поэтому исследователи часто предпочитают подождать с окончательными выводами, поскольку какие-то расхождения между палеолитическими индустриями есть всегда. В этом плане знаменателен подход С. Н. Астахова к анализу индустрии Кокорево IV. Согласно его взглядам, данная индустрия относится к кругу памятников афонтовской культуры²³, что противоречит взглядам З. А. Абрамовой²⁴.

Подобные неподатливые расхождения в конце концов приводятся в соответствие с практикой научных исследований, поскольку ни один из этих взглядов не является достаточно фундаментальным, чтобы вызвать затруднение, которое вело бы к кризису старых представлений.

Как было показано выше, наши вычисления подтвердили выводы З. А. Абрамовой относительно различий в технике расщепления камня между афонтовской и кокоровской группами. Но эти выводы были основаны лишь на различиях между соотношениями нуклеусов I и II групп. Что касается сопоставления нуклеусов II группы между

памятниками указанных традиций, то здесь наши выводы несколько отличаются от выводов З. А. Абрамовой. Рассмотрим эти материалы, основываясь на типологических характеристиках З. А. Абрамовой.

Как видно из табл. 20, различия между Кокорево I и остальными памятниками в основном связываются с большой долей заготовок микропуклеусов.

Сопоставление их по критерию Робинсона:

$$D_{lm} = \frac{200 - \sum_{n=1}^N |\alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)}|}{2}$$

показало, что наиболее близкими между собой оказались Кокорево II, Новоселово VI, Новоселово VII и Кокорево III. Высокая степень близости наблюдалась и между Новоселово VII и Кокорево I (см. табл. 21 и рис. 1).

Таким образом, степень сходства памятников лежит в большинстве случаев в пределах границ одной культуры. Новоселовские стоянки имеют значительное сходство с памятниками афонтовской традиции, в ряде случаев большее, чем с памятниками кокоровской традиции.

Для установления достоверности или случайности наблюдаемых расхождений мы применили критерий χ^2 .

Как видно из табл. 22, нулевая гипотеза была принята при 5%-ном уровне для следующих пар: Кокорево II — Кокорево III, Новоселово VII при сравнении с 4-м и 2-м горизонтами Кокорево I, при сравнении между собой 2, 3 и 4-го горизонтов Кокорево I. Нулевая гипотеза была принята при 1%-ном уровне значимости при сравнении пар: Новоселово VI—VII; Новоселово VII — Кокорево III, Новоселово VII — Кокорево I, 3-й горизонт; Кокорево II — Кокорево I, 3-й горизонт. Нулевая гипотеза была принята при 0,1%-ном уровне значимости при сравнении пар Новосело-

Таблица 19

Комплекс	II	IV	I	III	Погребение
II	×	45,45	35,86	34,09	25,00
IV		×	22,22	37,50	25,00
I			×	39,44	0,005
III				×	12,50
Погребение					×

Таблица 20

Тип нуклеуса	Кокорево I, 2-й горизонт		Кокорево I, 3-й горизонт		Кокорево I, 4-й горизонт		Кокорево II		Кокорево III		Новосело- во VI		Новосело- во VII	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Клиновидный														
А	1	7,14	4	18,18	2	22,22	12	30	13	37,14	24	50	5	33,33
Б	2	14,29	1	4,54	0	0	12	30	5	14,29	15	31,25	3	20,00
В	0	0	0	0	0	0	0	0	4	11,43	0	0	0	0
Заготовка	9	64,29	9	40,91	4	44,44	0	0	0	0	3	6,25	4	26,67
Торцовый	1	7,14	2	9,09	3	33,33	9	22,50	6	17,14	0	0	2	13,33
Карандашевидный	0	0	0	0	0	0	2	5,0	1	2,86	1	2,08	0	0
Ковусовидный	1	7,14	0	0	0	0	3	7,5	1	2,86	0	0	0	0
Кельтовидный	0	0	2	9,09	0	0	1	2,5	0	0	3	6,25	1	6,67
Нуклеус-орудие	0	0	4	18,18	0	0	1	2,5	5	14,29	2	4,17	0	0
Всего	14	100	22	100	9	100	40	100	35	100	48	100	15	100

Таблица 21

Комплекс	Новоселово VI	Кокорево II	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево III	Кокорево I, 2-й горизонт
Новоселово VII	65,83	65,83	65,255	62,225	60,945	55,24
Новоселово VI	×	67,085	39,3950	28,4750	57,675	27,6800
Кокорево II		×	36,8100	44,7200	69,6400	35,4200
Кокорево I, 3-й горизонт			×	68,1900	51,8100	59,7400
Кокорево I, 4-й горизонт				×	39,3600	58,7300
Кокорево III					×	31,4200
Кокорево I, 2-й горизонт						×

во VI с Кокорево II и III; Новоселово VII с Кокорево II; Кокорево II с Кокорево I, 4-м горизонтом; Кокорево III и 3-м и 4-м горизонтами Кокорево I. При сравнении остальных пар нулевая гипотеза была отвергнута на высоком уровне значимости.

Как видно из полученных данных, картина представляется более сложной, чем это можно было представить из заключений З. А. Абрамовой. От окончательных выводов следует воздержаться по нескольким причинам. Во-первых, применение критерия χ^2 сопряжено с некоторыми погрешностями, особенно на малочисленных выборках. Для получения более точных оценок выбор-

ка должна иметь не менее 50 вариантов. Как видно из табл. 20, это условие не всегда соблюдалось. Правильное применение критерия χ^2 требует также, чтобы частоты вариантов в крайних классах не были бы меньше 5²⁵. Это условие в данном случае также было трудно выполнять. Поэтому ограничимся простой констатацией указанных фактов.

Перейдем к рассмотрению группировки классов орудий, обнаруженных на стоянках рассматриваемых групп. Выше нами был подтвержден вывод З. А. Абрамовой о различиях в характере заготовки. Теперь перейдем к рассмотрению характера хозяйственной деятельности указанных групп. Данные о соотношениях классов орудий, почерпнутые из публикаций З. А. Абрамовой²⁶, приведены в табл. 23. Как видно из этой таблицы, различия прослеживаются в процентных соотношениях пластин с ретушью. При сравнении резцов различия, указанные З. А. Абрамовой, не подтверждаются при сравнении афоновской группы со 2-м горизонтом Кокорево I. Различия по общим соотношениям острокопечников не могут быть признаны существенными при сравнении стоянок I группы со 2-м и 4-м горизонтами Кокорево I. Различия в соотношениях долотовидных орудий весьма существенны. Нет резких различий в соотношениях скребков, скребел и галечных орудий. В данном случае мы не касаемся качественных отличий, но, как это было показано в разделе, где мы рассматривали индустрию Мальты, такие различия могут быть и внутри одной стоянки. С целью получения конкретных параметров сходства мы вычислили степень сходства по указанному выше критерию D. Результаты вычислений приведены в табл. 24.

Как видно из данных табл. 24, большинство рассмотренных пар по уровню сходства соответ-

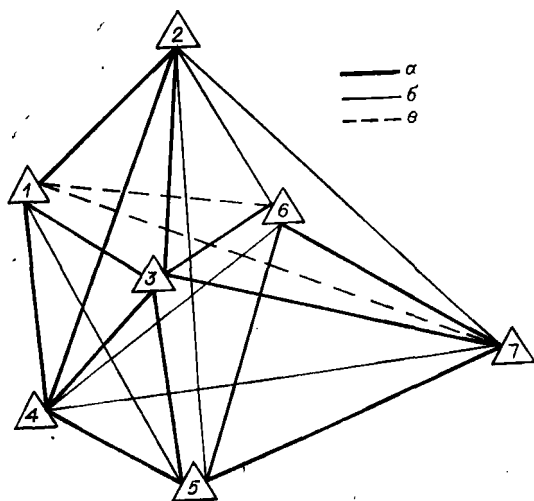

Рис. 1. Группировка енисейских стоянок по нуклеусам.
а — уровень локального варианта, б — уровень культуры, в — уровень культурной общности. 1 — Новоселово VI, 2 — Кокорево II, 3 — Новоселово VII, 4 — Кокорево III, 5 — Кокорево I, 3-й гор., 6 — Кокорево I, 4-й гор., 7 — Кокорево I, 2-й гор.

Таблица 22

Комплекс	Новоселово VI	Новоселово VII	Кокорево II	Кокорево III	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево I, 2-й горизонт
Новоселово VI	×	12,824 < > 16,81	20,441 < > 24,32	25,136 < > 26,16	27,545 > > 22,46	30,222 > > 22,46	35,543 > 24,32
Новоселово VII		×	19,585 < > 24,32	18,054 < > 18,48	12,446 < > 15,09	4,251 < 9,49	4,88 < 11,07
Кокорево II			×	7,772 < 11,07	15,785 < > 18,48	22,597 < > 24,32	31,675 < 24,32
Кокорево III				×	24,871 < > 26,16	20,999 < > 24,32	33,902 > 24,32
Кокорево I, 3-й горизонт					×	0,701 < 11,07	8,088 < 12,59
Кокорево I, 4-й горизонт						×	5,426 < 9,49
Кокорево I, 2-й горизонт							×

существует параметрам сходства комплексов Мальты, что позволяет отнести памятники обеих групп к одному культурно-хозяйственному типу. Для подтверждения неслучайности имеющихся различий мы сопоставили орудийный комплекс Кокорево II с комплексами 2, 3 и 4-го горизонтов Кокорево I. Нулевая гипотеза почти во всех случаях была отвергнута и может быть принята лишь при 0,1%-ном уровне при сравнении 2-го и 3-го горизонтов Кокорево I между собой (табл. 25). Данное обстоятельство указывает, по-видимому, что эволюция указанных комплексов шла далеко. Таким образом, на основании данных, полученных по критерию Робинсона, мы можем констатировать, что индустрии так называемых афонтовской и ко-

коревской культур можно объединить в один технокомплекс, так как для них характерны во многом сходные виды технической оснащенности труда, независимо от того, в каких конкретных формах эта оснащенность проявлялась²⁷. А это, по мнению Д. Кларка, как бы ответ ряда соседствующих и взаимосвязанных культур на общие социально-экономические и природно-демографические условия существования²⁸.

Менее информативными являются материалы костяной индустрии стоянок Енисейской долины. Поэтому выводы, полученные на таком небольшом количестве материала, нельзя считать бесспорными, но и они могут представлять определенный интерес при раскрытии действия единого

Таблица 23

Орудие	Кокорево I		Кокорево III		Таштык II*, 1-й слой		Таштык II, 2-й слой		Кокорево I, 2-й горизонт		Кокорево I, 3-й горизонт		Кокорево I, 4-й горизонт		Новоселово VI		Новоселово VII	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
Пластина с ретушью	5	1,59	10	5,37	—	—	—	—	26	16,04	19	15,32	31	22,96	88	31,11	23	19,01
Микропластинка с ретушью	3	0,95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пластина со следами работы	2	0,64	1	0,54	—	—	—	—	9	5,55	7	5,64	17	12,59	16	5,71	10	8,26
Резец	2	0,64	1	0,54	—	—	—	—	2	1,23	7	5,64	17	12,59	17	6,07	13	10,74
Остроконечник	5	1,59	—	—	1	1,33	—	—	2	1,23	7	5,64	3	2,22	34	12,14	5	4,13
Острие на микропластинке	—	—	—	—	—	—	2	10,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Проколка	11	3,50	3	1,61	2	2,67	2	10,0	1	0,62	8	6,45	—	—	—	—	—	—
Провертка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1,65
Долотовидное	59	18,79	16	8,60	18	24,0	4	20,0	2	1,23	2	1,61	1	0,74	—	—	3	2,48
Скребок	61	19,43	54	29,03	15	20,0	8	40,0	49	30,25	16	12,90	19	14,07	37	13,21	15	12,40
Скребло (включая обломки)	60	19,11	36	19,35	14	14,66	3	15,0	40	24,69	28	22,58	13	9,63	34	12,14	10	8,26
Скребловидное	16	5,09	18	9,68	6	8,0	—	—	4	2,47	5	4,03	7	5,18	8	2,86	2	1,65
Пластинчатый отщеп с ретушью	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1,42	10	8,26
Отщеп с ретушью	66	21,02	30	16,13	8	10,67	—	—	6	3,70	4	3,23	8	5,92	13	4,64	8	6,61
Осколок с ретушью	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	5,78
Нуклеидное	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,85	1	0,81	—	—	5	1,79	—	—
Галечное (целое)	8	2,55	7	3,76	8	10,67	—	—	9	5,55	5	4,03	6	4,44	9	3,21	2	1,65
Галечное (обломок)	—	—	2	1,07	2	2,67	—	—	2	1,23	2	1,61	4	2,96	3	1,07	—	—
Едиичная форма	8	2,55	5	2,69	1	1,33	—	—	1	0,62	5	4,03	—	—	4	1,42	—	—
Обломок орудия	8	2,55	3	1,61	3	4,00	1	5	6	3,70	8	6,45	9	6,67	8	2,86	11	9,09
Всего	314	100	186	100	75	100	20	100	162	100	124	100	135	100	280	100	121	100

* Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура..., табл. 3.

Таблица 24

Комплекс	Новоселово VI	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Новоселово VII	Кокорево I, 2-й горизонт	Кокорево III	Кокорево II	Таштык II, 1-й слой	Таштык II, 2-й слой
Новоселово VI	×	74,63	72,93	67,99	65,31	46,79	43,97	42,82	34,45
Кокорево I, 4-й горизонт		×	71,47	62,82	64,06	48,45	45,02	47,99	29,45
Кокорево I, 3-й горизонт			×	66,01	76,78	58,38	56,50	51,41	40,97
Новоселово VII				×	56,67	41,13	40,07	38,89	33,15
Кокорево I, 2-й горизонт					×	69,94	56,42	55,03	48,01
Кокорево III						×	62,84	59,35	53,86
Кокорево II							×	79,07	59,77
Таштык II, 1-й слой								×	61,33
Таштык II, 2-й слой									×

Таблица 25

Комплекс	Кокорево I, 2-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево II
Кокорево I, 2-й горизонт	×	32,338 < 36,12	48,179 > 36,12	121,135 > 37,70
Кокорево I, 3-й горизонт		×	36,293 > 36,12	164,299 > 37,70
Кокорево I, 4-й горизонт			×	192,119 > 36,12
Кокорево II				×

механизма сложных взаимодействий функциональных единиц палеолитических индустрий, поведение которых определяется внутренними свойствами самих индустрий. Таким образом, мы исходим из положения о том, что отдельные элементы хозяйственной деятельности могут обнаружить высокую степень взаимной зависимости.

С целью проверки уже существующей гипотезы о различиях костяного инвентаря указанных групп упорядочим извлеченную из монографий З. А. Абрамовой информацию в виде, позволяющем выявить регулярность в хозяйственной структуре стоянок. Как видно из табл. 26, для

стоянок афонтовской группы характерна высокая доля накопечников, игл, стержней, шильев, что позволяет судить о единой хозяйственной направленности усилий обитателей стоянок этой группы. Соотношение долей костяных орудий горизонтов Кокорево I рисует более сложную картину. Например, нет накопечников 1-го типа в 4-м горизонте, 2-го типа нет в 3-м горизонте, 3-го типа — в 3-м и 4-м горизонтах, 4-го типа — во 2-м и 4-м горизонтах. Различны соотношения и по другим типам орудий.

О чем могут говорить подобные детали? Несмотря на суммарное представление о слое, позволяю-

Таблица 26

Орудие	Таштык I	Таштык II	Кокорево II	Кокорево III	Новоселово VI	Новоселово VII	Кокорево I				
							2-й горизонт	3-й горизонт	4-й горизонт	4-й горизонт	5-й горизонт
Наконечник:											
1) с пазами	2,17	25,00	27,65	—	—	—	17,64	16,66	—	—	—
2) без пазов	21,73	18,75	21,27	33,33	—	—	11,76	—	14,28	—	—
3) веретенообразный	—	6,25	2,12	—	—	—	5,88	—	—	—	—
4) игловидный	—	—	—	—	33,33	—	—	12,50	—	—	33,33
Кинжалы	—	—	—	—	16,66	50,00	17,64	4,16	4,16	40,00	33,33
Вкладышное острие	—	—	—	—	—	—	—	—	6,52	—	—
Посредник	—	—	—	—	—	—	—	4,16	—	—	—
Рукоять	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33,33
Выпрямитель	—	—	—	33,33	—	—	—	12,50	9,52	20,00	—
Мотыга	—	—	—	—	—	50,00	—	4,16	4,16	—	—
Шило	8,68	—	8,50	—	—	—	35,20	8,33	4,16	40,00	—
Игла	32,60	18,75	6,38	33,33	33,33	—	5,88	25,00	42,85	—	—
Долото	—	—	4,25	16,66	—	—	—	—	—	—	—
Орудие с треугольными концами	—	—	2,12	—	—	—	5,88	—	9,52	—	—
Стержень	17,39	6,25	21,27	—	—	—	—	4,16	—	—	—
Рогatina	2,17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лощило	—	—	6,38	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	15,21	25,00	—	—	—	—	—	8,33	—	—	—

Таблица 27

Комплекс	Таштык I	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево II	Таштык II	Кокорево I, 2-й горизонт
Таштык I	×	51,98	44,04	55,76	61,15	24,19
Кокорево I, 4-й горизонт		×	47,93	27,88	33,94	32,77
Кокорево I, 3-й горизонт			×	31,50	47,93	35,06
Кокорево II				×	58,53	43,84
Таштык II					×	41,17
Кокорево I, 2-й горизонт						×

шее лишь грубо судить о хозяйственной ориентации комплексов (поскольку сочетание орудий в значительной степени может носить случайный характер) на протяжении всего периода образования культурного горизонта, оно точнее суммарного нагромождения соотношений типов всех объединенных горизонтов стоянки Кокорево I. Говоря о послойных различиях костяного инвентаря Кокорево I, мы в то же время можем отметить и некоторые одинаковые соотношения со стоянками афонтовской группы. Примерно одинаковое соотношение игл и стержней на стоянке Таштык II и в 3-м горизонте Кокорево I, игл в Кокорево II и 2-м горизонте Кокорево I; шильев в Таштыке I, Кокорево II и 3-м горизонте Кокорево I, веретенообразных паконачпиков в Таштыке II и во 2-м горизонте Кокорево I.

С целью выделения однотипных хозяйственных комплексов мы применили критерий *D*. Вычисленные меры сходства в процентах отображены в табл. 27 и на рис. 2.

Сопоставление классов костяных предметов позволило выявить отличия между Кокорево II и 3-м — 4-м горизонтами Кокорево I, между Таштыком I, Кокорево I, 4-м горизонтом Кокорево I, 3-м горизонтом, с одной стороны, и Кокорево I, 2-м горизонтом — с другой. В этих случаях различия превосходили параметры выделенных степеней сходства в комплексах Мальты. В то же время удалось выделить группу памятников, имеющих сходство в пределах 55,76—61,15%: Таштык I, Таштык II, Кокорево II. Очень тесную связь показывает Таштык I с Кокорево I, 4-м горизонтом — 51,98%. Несколько меньшей степенью связи характеризуются горизонты Кокорево I, четко демонстрируя хронологическую последовательность изменений степени сходства между собой. И в ряде случаев они демонстрируют достаточно высокую степень связи с памятниками афонтовской группы.

Этот пример еще раз показывает разницу между простым поиском и перечислением данных для подтверждения гипотез и упорядочением их для проверки априорных гипотез. Каждый путь характеризуется конкретной стратегией исследования. Нечеткое различение данных в процессе временного упорядочения комплексов часто приводит к ложным или в недостаточной степени подтвержденным выводам. Здесь же можно говорить скорее о хронологических и хозяйственных различиях, чем о культурных.

Рассмотрим другую группу предметов, которые мы можем отнести к украшениям. При сопоставлении этой группы предметов большие трудности вызывает неравномерность коллекций в представленных памятниках (табл. 28).

С целью сопоставления отраженных в украшениях различных видов деятельности обитателей рассматриваемых стоянок мы объединили заготовки и законченные изделия в одну группу, а затем были вычислены показатели сходства с помощью формулы $f = s^2/k \cdot l$ (табл. 29).

Конечно, выводы, к которым можно прийти на основании изучения полученных коэффициентов, нельзя относить к категории бесспорных ввиду малой достоверности из-за крайне незначительных серий украшений в рассматриваемых комплексах и связанной с этим невозможностью установить, значимо ли данная последовательность отличается от случайной. Поэтому табл. 29, скорее, лишь иллюстративное дополнение к вышеописанным моделям. Однако и здесь можно отметить очень высокую степень сходства в наборе классов костяных украшений в Таштыке I, II, Кокорево I, 3-м горизонте, Кокорево I, 4-м горизонте и Новоселово VI. В данном случае мы не касались вопроса об индивидуальных отличиях найденных на стоянках костяных предметов, но и это не внесло бы существенных корректив в нарисованную картину, поскольку в указанных комплексах в основном представлены украшения, которые «могут быть универсальными, повсеместно распространенными, как, например, просверленные клыки животных и бусы из камня, кости и рога в виде кружков с просверлинами»²⁹.

Если же говорить об уникальных, непонятных и загадочных предметах, то именно они вызвали отличия Кокорево II и Кокорево I, 2-го горизонта между собой и отличия их от остальных комплексов. В то же время Таштык I и II продемонстрировали очень высокую степень сходства с Новоселово VI, Кокорево I (3-м, 4-м горизонтами).

Рассмотренную матрицу можно использовать как временную схему, отражающую наши представления об изучаемых индустриях Енисейской долины в той степени, в какой она подходит для конкретной цели.

Для полноты данных рассмотрим межгрупповую связь компаундов в рассматриваемых культурах.

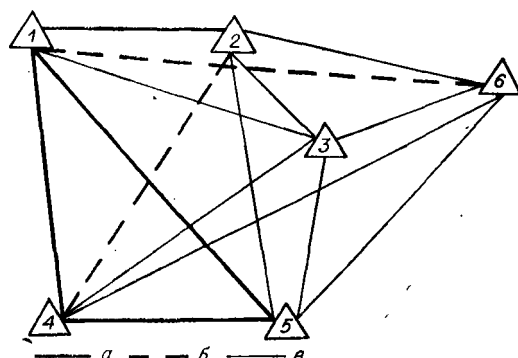

Рис. 2. Группировка енисейских стоянок по костяным орудиям.

а — уровень локального варианта, б — уровень культуры, в — уровень культурной общности. 1 — Таштык I, 2 — Кокорево I, 4-й гор., 3 — Кокорево I, 3-й гор., 4 — Кокорево II, 5 — Таштык II, 6 — Кокорево I, 2-й гор.

Таблица 28

Украшение	Таштык I		Таштык II		Кокорево II		Новоселово VI		Новоселово VII		Кокорево I					
											2-й горизонт		3-й горизонт		4-й горизонт	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
«Волнотобразные»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Поделка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	60,00	—	—	—	—
Бусы каменные	1	50,0	—	—	1	10,00	1	100,00	—	—	—	—	23	95,83	4	80,0
Заготовка бус (каменных)	1	50,0	2	66,66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвеска каменная	—	—	—	—	1	10,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Заготовка подвески (каменная)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвеска из раковины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бусина из рога	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	20,00	—	—	—	—
Подвеска из рога	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	20,00	—	—	—	—
Подвеска костяная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пронизка костяная	—	—	—	—	6	60,00	—	—	1	100,00	—	—	—	—	—	—
Зуб оленя просверленной	—	—	1	33,33	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4,16	—	—
Зуб аргали с уплощающим срезом и просверленной	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	20,00
Обломок «диадемы»	—	—	—	—	2	20,00	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	2	100	3	100,00	10	100,00	1	100,00	1	100,00	5	100,00	24	100,00	5	100,00

турных подразделениях. Проблема при этом формулируется так: в каких случаях можно ожидать, что взаимоположение групп археологических памятников будет одинаковым в признаковом пространстве? Ответ может быть один: в случаях, когда памятники относятся к одному культурно-хозяйственному типу. При этом мы исходим из положения, что археологические памятники тем более родственны, чем они ближе по общему типу строения, чем больше сходства между ними по всей совокупности признаков.

С этой целью приведем следующую графическую модель (рис. 3). В ней даются ареалы различных категорий предметов, которые в ряде случаев перекрывают друг друга. На рисунке 3, а показана степень сопряженности комплексов кокоровской культуры по нуклеусам, каменным и костяным орудиям и украшениям. На рисунке 3, б показана степень сопряженности комплексов афонтовской культуры, а на рисунке 3, в показана степень сопряженности комплексов обеих групп. Для наглядности на рис. 3, г отражена степень сопряженности орудий и украшений жилых комплексов Мальты.

Характер положения комплексов на графиках наводит на мысль об общем их сходстве с рабочей моделью индустрии Мальты, поскольку раз-

мах их различий имеет практически одинаковые количественные выражения, укладывающиеся в зону одной культуры (если следовать предложению В. М. Массона). Что касается колебаний по украшениям, то подобное распределение носит во многом случайный характер из-за низкой достоверности данных, полученных на малочисленных выборках. Но взаимоположение различных групп по разным признакам несколько различается. Так, на рис. 3, а новоселовские стоянки показывают более низкую степень сходства по нуклеусам и костяным орудиям с кокоровскими стоянками. Более высокой теснотой связи отличаются стоянки второй группы (рис. 3, б).

При сравнении памятников обеих групп бросается в глаза разделение памятников на две группировки по нуклеусам и каменным орудиям. Однако группировки эти не обладают высокой степенью устойчивости. Так, степень близости на уровне локального варианта по нуклеусам второй группы обладают Новоселово VI и VII с Кокорево II и III, Кокорево III с Кокорево I, 3-м горизонтом. По классам каменных орудий состав группы иной: Кокорево II, Кокорево III, Таштык II, 1-й слой, Кокорево I, 2-й, 3-й горизонты. Остальные памятники в большинстве случаев укладываются в диапазон одной культуры. Таким

Таблица 29

Комплекс	Таштык I	Новоселово VI	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Таштык II	Кокорево II	Новоселово VII	Кокорево I, 2-й горизонт
Таштык I	×	1,00	0,50	0,50	0,50	0,25	0	0
Новоселово VI		×	0,50	0,50	0,50	0,12	0	0
Кокорево I, 3-й горизонт			×	0,50	1,00	0,12	0	0
Кокорево I, 4-й горизонт				×	0,50	0,12	0	0
Таштык II					×	0,12	0	0
Кокорево II						×	0,25	0
Новоселово VII							×	0
Кокорево I, 2-й горизонт								×

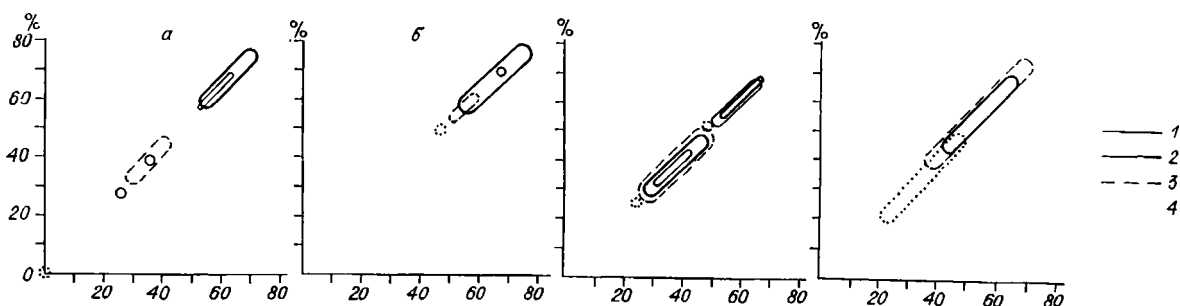

Рис. 3. Области схождения классов артефактов в индустриях Сибири.

1 — область схождения нуклеусов, 2 — область схождения каменных орудий, 3 — область схождения костяных орудий, 4 — область схождения украшений; а — схема сопряженности технокомплексов кокоревской культуры, б — схема сопряженности технокомплексов афонтовской культуры, в — схема сопряженности технокомплексов афонтовской и кокоревской культур, г — схема сопряженности технокомплексов Мальты.

образом, вся популяция палеолитических индустрий рисуется структурно-рыхлой, склонной к изменчивости, что соответствует нашим представлениям о культуре как структуре динамической с необходимым наличием в ней изменяющихся или колеблющихся параметров. Эти неизбежные вариации, временная изменчивость индустриальных показателей являются базисом развивающейся культуры.

Показанная нами графическая модель палеолита Енисея достаточно убедительно демонстрирует схождение афонтовской и кокоревской культур. В то же время остается нерешенным целый ряд очень трудных проблем. Во-первых, представленных данных еще не достаточно для опровержения правомерности выделения указанных культур, поскольку и неродственные в генетическом плане культуры могут достигать определенного схождения в функциональном использовании вещей в результате диффузии или конвергентного развития, тем более что развитие шло на ограниченной территории на протяжении нескольких тысячелетий. Во-вторых, необъяснимыми остаются различия в технологиях.

Некоторые возможности для изучения этих явлений заложены в территориальном и хронологическом факторах. В этом плане необходимо изучить временную динамику меняющейся географической среды, эволюцию процессов общего развития в указанном регионе, причины, вызвавшие переселение афонтовской группы в Минусинскую котловину (если оно имело место), возможности такого расселения (поскольку количество людей в группах, населяющих некоторую территорию, определяется количеством биомассы). И наконец, необходимо изучить и временную динамику режима «поведения» типов в индустриях долины Енисея. К сожалению, не все указанные вопросы можно изучить с достаточной полнотой.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИНДУСТРИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ДОЛИНЫ

«Режим „поведения“ отражает более глубокие тенденции в живой палеокультуре и позволяет судить о ее состояниях на разных этапах развития»³⁰. В данном разделе мы постараемся проследить режим поведения нескольких типологиче-

ских совокупностей, относящихся к разным сторонам жизни палеолитических обитателей Минусинской котловины.

Фауна

При рассмотрении фаунистических материалов мы исходили из положения, сформулированного Э. А. Вангенгейм, о том, что «для каждого крупного региона последовательность выделенных комплексов контролируется эволюционной преемственностью, по крайней мере, нескольких форм, входящих в их состав»³¹ и что фауна млекопитающих (и вообще целые биоценозы) изменялась одновременно с изменением климата и ландшафта. Данное обстоятельство в какой-то степени находило отражение в составе фаунистических остатков рассматриваемых стоянок. Рассмотрение списка фауны стоянок Приенисейской Сибири показывает, что они отличаются друг от друга. А это, в свою очередь, свидетельствует об изменениях в составе биоценозов. На основании алгоритма *f* нам удалось установить наиболее тесную связь между Кокорево II и 3-м горизонтом Кокорево I, между 3-м и 2-м горизонтами Кокорево I и Кокорево III, между 2-м и 1-м горизонтами Кокорево I. Данные о тесноте связи рассмотренных памятников приведены в табл. 30.

Поскольку не только список фауны, но и количественный анализ ее состава важен для понимания хозяйственной деятельности первобытного человека, мы использовали процентные соотношения особей млекопитающих в качестве такой основы. Как показал анализ этих соотношений, наибольшее схождение Кокорево II прослеживается также с 3-м горизонтом Кокорево I, а Кокорево III со 2-м и 3-м горизонтами Кокорево I (табл. 31). Аналогичные результаты, полученные по указанным методам, позволяют проследить хронологическую последовательность комплексов и выявить место Кокорево II. По нашим данным, этот памятник располагается в хронологическом диапазоне Кокорево I, 3-й горизонт — Кокорево I, 4-й горизонт.

С целью проверки неслучайности имеющих различий между фауной слоев Кокорево I и Кокорево II мы применили критерий χ^2 (табл. 32). Данная гипотеза о хронологической близости 3-го и 4-го слоев с Кокорево II подтвердилась и не

Таблица

Комплекс	Мальта	Буреть	Новоселово VI	Кокорево II	Талицкого	Новоселово VII	Кокорево I, 1-й горизонт	Кокорево I, 2-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево II
Мальта	×	0,47	0,34	0,26	0,23	0,20	0,17	0,16	0,16	0,15
Буреть		×	0,39	0,34	0,39	0,22	0,16	0,27	0,27	0,25
Новоселово VI			×	0,32	0,32	0,44	0,59	0,35	0,35	0,32
Кокорево II				×	0,22	0,38	0,37	0,50	0,73	0,46
Талицкого					×	0,28	0,21	0,04	0,04	0,11
Новоселово VII						×	0,33	0,31	0,31	0,28
Кокорево I, 1-й горизонт							×	0,60	0,41	0,37
Кокорево I, 2-й горизонт								×	0,81	0,73
Кокорево I, 3-й горизонт									×	0,73
Кокорево III										×

Таблица

Комплекс	Новоселово VI	Новоселово VII	Кокорево I, 1-й горизонт	Кокорево III	Кокорево I, 2-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево II, 1-й горизонт	Кокорево I, 2-й горизонт
Новоселово VI	×	80,5460	54,4492	46,4350	42,8986	38,3892	43,5800	29,7700	33,2929
Новоселово VII		×	62,0862	56,4400	51,5687	53,7300	49,3000	42,4200	40,2500
Кокорево I, 1-й горизонт			×	57,1500	57,1800	60,7250	54,2950	40,4850	45,9700
Кокорево III				×	68,2150	70,3700	58,5650	54,7750	66,8750
Кокорево I, 2-й горизонт					×	83,5750	62,5000	50,6100	53,9050
Кокорево I, 3-й горизонт						×	62,5050	54,1750	56,7250
Кокорево I, 4-й горизонт							×	33,3400	40,2500
Кокорево II, 1-й горизонт								×	70,6700
Кокорево II, 2-й горизонт									×

Таблица

Комплекс	Кокорево I, 1-й горизонт	Кокорево I, 2-й горизонт	Кокорево I, 3-й горизонт	Кокорево I, 4-й горизонт	Кокорево II, 1-й усл. горизонт	Кокорево II, 2-й усл. горизонт
Кокорево I, 1-й горизонт	×	13,56 < 16,92	10,19 < 18,037	6,11 < 11,07	6,08 < 18,31	15,83 < 18,31
Кокорево I, 2-й горизонт		×	6,74 < 18,31	3,82 < 16,92	22,39 < 23,21	40,48 > 23,21
Кокорево I, 3-й горизонт			×	4,01 < 16,92	12,97 < 18,31	14,88 < 18,31
Кокорево I, 4-й горизонт				×	8,83 < 18,31	8,72 < 18,31
Кокорево II, 1-й усл. горизонт					×	11,58 < 18,31
Кокорево II, 2-й усл. горизонт						×

Таблица

Глубина снежного покрова, см	Кокорево I				Таштык II		Таштык I			Кокорево II, 2-й горизонт	Кокорево III	Кокорево IV, 2-й горизонт	Новоселово VI	Новоселово VII
	1-й горизонт	2-й горизонт	3-й горизонт	4-й горизонт	1-й слой	2-й слой	1-й слой	2-й слой	3-й слой					
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	—	2	3	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
15—20	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
20—30	1	2	2	1	1	1	2	2	1	2	1	—	1	1
30—40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40—50	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	1	1	2
70—80	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Всего . .	3	7	8	5	3	3	5	5	4	4	4	2	3	4

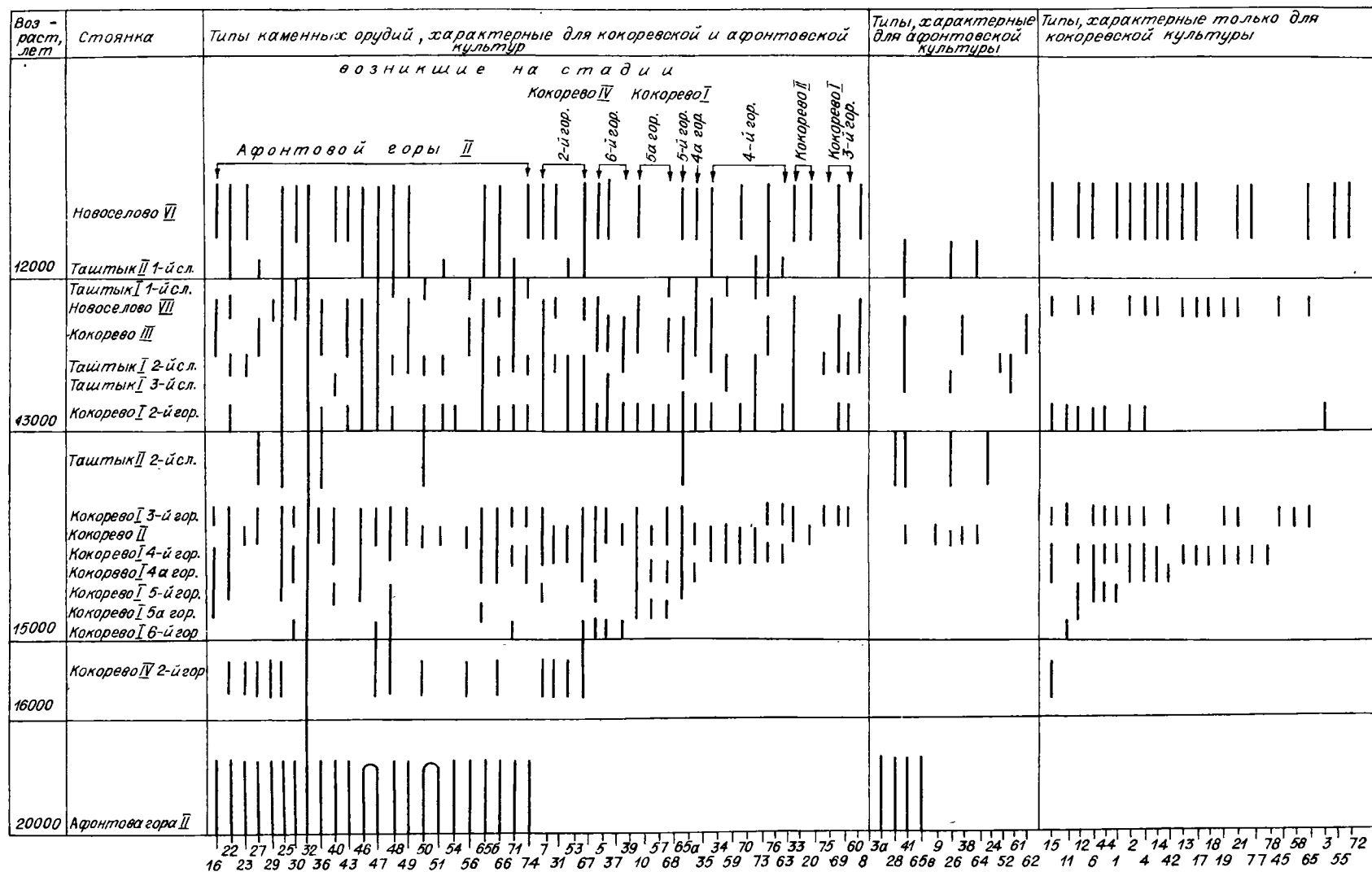

Рис. 4. Схема эволюции каменной индустрии в палеолите Енисея.

подтвердилась при 5%-ном уровне существенности при сопоставлении Кокорево II со 2-м слоем Кокорево I.

Данные о хронологическом положении минусинских памятников можно существенно дополнить таким определяющим экологическим фактором, каким является глубина снежного покрова (табл. 33). (Цифрами обозначено количество видов копытных, которые могли обитать при указанной глубине снежного покрова.) На основе представленных в таблице количественных данных по видам копытных можно не только утверждать, что оптимальными условиями для промысловых видов были в той или иной степени открытые пространства, но и в какой-то степени подтвердить наши представления о хронологической последовательности рассматриваемых комплексов (рис. 4). Все это позволяет перейти к интерпретации отмеченных различий на уровне типов, выделенных З. А. Абрамовой³².

Модель культурного процесса в Минусинской котловине

«Типы как „слова“ неведомого нам культурного кода наполняются содержанием, отражающим расцвет, застой или упадок культуры, ее потенциал и лимиты»³³.

В данном разделе мы попытаемся сделать перевод этого кода на язык современной науки с помощью одного из известных способов. Поскольку работа над разработкой типологии на основе четко определенных взвешенных признаков находится еще в стадии разработки, мы вынуждены пользоваться тип-листом З. А. Абрамовой. Это накладывает определенные ограничения на наши возможности, поскольку на основе такого метода выделения типов трудно проследить взаимосвязь признаков, временную траекторию каждого из них и всей системы в целом, а также изменение скорости их эволюции при смене хронологических фаз развития типа. В связи с этим возникают определенные преграды для понимания сложных процессов развития археологической культуры в Минусинской котловине. Как справедливо подчеркивала З. А. Абрамова, «...соотношение памятников различных культур, связанное с путями их проникновения в Минусинскую котловину, и отсюда проблема их происхождения... — все эти вопросы могут быть поставлены, но при настоящем уровне знаний едва ли есть надежда на то, что все они могут быть решены»³⁴.

Не требует доказательства положение о том, что в особо благоприятных природных условиях возможно особо бурное развитие культуры. Таким периодом на территории Сибири было время существования Мальты, Бурети на Аңгаре и Афонтовой горы II на Енисее. В этот период культура охотников на мамонта и северного оленя достигла своего апогея.

В диапазоне XIX—XVI тыс. лет до н. э. наступил период неблагоприятных для обитания людей климатических условий. Стоянки этого времени не известны на территории Северной Азии. Рядом исследователей высказывается предположение об уходе человека в тот период за пределы данной территории³⁵. В XVI—XIII тыс. до н. э. отмече-

ны стоянки иного типа. Так, на стоянке Кокорево IV культурный слой имел очажный характер³⁶. Меняются условия жизни, поселения становятся временными, возрастает подвижность населения, уменьшается численность охотничьих групп³⁷.

В это время, по мнению Г. П. Сосновского, «передвижение первобытной орды в поисках дичи происходило с известной последовательностью и, может быть, уже в пределах определенной охотничьей территории, освоившей данной производственной группой»³⁸. По мнению С. Н. Замятина, эта территория, на ранних этапах достаточно обширная, все более сокращалась по мере роста населения³⁹. Следует, однако, учитывать, что судьба всех культурных групп — постепенный переход к этноландшафтному равновесию, под которым понимается ситуация, «когда этнический коллектив, например племя, входит в биоценоз того или иного региона и прирост населения, ограниченный возможностями биохора, прекращается»⁴⁰. Аналогии этому процессу можно, по мнению Л. Н. Гумилева, найти в угорской, тунгусской и палеоазиатской группах, у индейцев Америки, где коллективы людей являлись «как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов»⁴¹.

Сезонные миграции оленей предполагали достаточно обширные территории, если судить по миграциям современных северных оленей (до 300—500 км)⁴². При этом наиболее достоверной можно считать плотность населения, вычисленную для палеолита С. Н. Бибиковым. Следовательно, возможности территориальной экспансии чуждых этнических групп были весьма ограничены. Как удачно выразился Л. С. Клейн, «никакая инвазия не вправе претендовать на убедительность без демонстрации таких внешних корней, превосходящих по обоснованности материалов, предполагаемые внутренние, местные корни»⁴³. Поэтому рассмотрим проблему сложения характерных особенностей, в которых возможно с определенной долей вероятности проследить черты автохтонного развития.

С этой целью мы рассмотрели временную траекторию типов, выделенных З. А. Абрамовой* (рис. 4). На рисунке 4 обозначена полинейная траектория пучка типов, где каждая нить — это путь типа во времени. При разрезании этих пучков траектории поперечной плоскостью удается проследить пересечение (или присутствие) того или иного типа на какой-то отдельной фазе развития енисейских стоянок (количественные процентные соотношения здесь нами не учитываются, поскольку на данной стадии разработок нам важен сам факт присутствия типа в комплексе).

На наш взгляд, анализ данных рис. 4 и табл. 34 рисует четкую эволюционную картину. Судя по нашим данным, общую подоснову указанных тра-

* Под номером 3а обозначены пластинки с ретушью по одному краю с вентральной стороны; под номером 65 а, б, в — соответственно обломки скребел, скребловидные орудия, скребла, обработанные противоположной ретушью. Недостатком данной работы является и неполное представление автора о материалах Афонтовой горы II, поэтому ряд типов не включен в схему эволюции палеолита Енисея.

Таблица 34

Стоянка	Типы орудий, характерные для обеих культур					Типы орудий, характерные для афонтовской культуры		Типы орудий, характерные для кокореvской культуры		Специфические типы, ед.
	Возникшие									
	в Афонтово II		В прочих комплексах	всего		ед.	%	ед.	%	
	ед.	%		ед.	%					
Афонтово II	23	85,18	—	23	85,18	2	7,4	—	—	2
Кокорево IV, 2-й горизонт	11	68,75	4	15	93,75	—	—	1	6,25	—
Кокорево I, 6-й горизонт	5	50,0	4	9	90,00	—	—	1	10,00	—
Кокорево I, 5а горизонт	4	50,0	3	7	87,50	—	—	1	12,50	—
Кокорево I, 5-й горизонт	7	46,66	4	11	73,33	—	—	4	26,66	—
Кокорево I, 4а горизонт	9	42,86	6	15	71,42	—	—	6	28,57	—
Кокорево I, 4-й горизонт	12	30,0	13	25	62,5	—	—	15	87,50	—
Кокорево II	15	39,47	18	33	86,84	4	10,52	—	—	1
Кокорево I, 3-й горизонт	16	38,09	13	29	69,04	—	—	12	28,57	1
Таштык II, 2-й слой	5	50,00	1	6	60,0	3	30,0	—	—	1
Кокорево I, 2-й горизонт	15	36,58	18	33	80,48	—	—	7	17,07	1
Таштык I, 3-й слой	6	26,08	14	20	86,95	3	13,04	—	—	—
Таштык I, 2-й слой	14	46,66	14	28	93,33	1	3,33	—	—	—
Кокорево III	12	42,85	13	25	82,14	2	7,14	—	—	1
Новоселово VII	14	38,89	9	23	63,89	—	—	13	36,11	—
Таштык I, 1-й слой	9	60,00	5	14	93,33	1	6,66	—	—	—
Таштык II, 1-й слой	12	54,54	7	19	86,36	3	13,63	—	—	—
Новоселово VI	15	33,33	15	30	66,66	—	—	13	28,88	2

диций составляет каменная индустрия Афонтовой горы II. Из 27 типов, отмеченных нами на основании публикаций, общими для обеих, выделенных З. А. Абрамовой культур являются 23 типа и лишь 2 характерны только для афонтовской культуры. На стадии Кокорево IV, 2-й горизонт, отмечено 9 типов, представленных в Афонтово II: 4 признака, отмеченных на этой стоянке, являются также общими элементами обеих культур. Низкой является пластинчатость орудий — 6,25%. А пластиноччатость — характерный признак кокореvской культуры! И лишь на этом этапе появляется египетский признак кокореvской культуры. По одному признаку культуры отмечено в 6-м и 5а горизонтах Кокорево I. Количество признаков кокореvской культуры плавное увеличивается до фазы существования 4-го горизонта Кокорево I, затем наступает некоторый спад в наличии указанных признаков в 3-м — 2-м горизонтах Кокорево I и некоторое возрастание кокореvских признаков в Новоселово VI и VII. При этом во всех приведенных случаях количество типов, общих для афонтовских и кокореvской культур, преобладает. Причем в «рождении» новых общих типов участвовали и памятники возникшей кокореvской традиции. Что касается афонтовской традиции, то ее тип-фонд пополнился 8 типами, но из них лишь 3 являются общими для этой группы.

Таким образом, проценты соотношения встречаемых признаков-типов находятся в рамках разных локальных технических вариантов одной культуры. Выделение этих вариантов афонтовской культуры произошло в результате дивергенции единой в прошлом культуры. Нарастание ее привело к увеличению различий между двумя группами на

этапе развития новоселовских стоянок, однако высокая степень сходства сохранилась до конца рассматриваемого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Массон В. М. Понятие культуры в археологической систематике. — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания. Ташкент, 1972, с. 9—11.

² Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). — М., 1975, с. 87.

³ Гвоздов М. Д., Леонова П. Б. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II. — В кн.: Проблемы палеолита Восточной Европы. Л., 1977, с. 134—135.

⁴ Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности. — В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979, с. 92—100.

⁵ Любин В. П. К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите (по материалам Кавказа). — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972, с. 18.

⁶ Абрамова З. А. Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и Южно-Сибирская культурная область. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 20.

⁷ Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. — Новосибирск, 1976, с. 96.

⁸ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск, 1977, с. 228.

⁹ Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея. — МИА, 1971, № 173, с. 280—281; Она же. Палеолит Енисея (предварительные итоги исследований Красноярской экспедиции). — КСИА, 1975, № 141, с. 10—11; Она же. Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии. — с. 22—23.

¹⁰ Лякин Г. Ф. Биометрия. — М., 1980, с. 176—177.

¹¹ Там же, с. 128.

- ¹² Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии.— В кн.: Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. Л.—М.—Новосибирск, 1934, с. 266.
- ¹³ Гладких М. И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднелолитических памятников.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, с. 137—143.
- ¹⁴ Массон В. М. Понятие культуры..., с. 10.
- ¹⁵ Формозов А. А. К характеристике палеолитического поселения Мальта.— СА, 1976, № 2, с. 206.
- ¹⁶ Там же, с. 207; Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки Мальта.— Изв. ГАИМК, 1935, № 118, с. 88—89.
- ¹⁷ Клейн Л. С. Археологические источники.— Л., 1978, с. 108.
- ¹⁸ Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии.— В кн.: Типы в культуре. Л., 1979, с. 52.
- ¹⁹ Клейн Л. С. Археологические источники.— Л., 1978, с. 101.
- ²⁰ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура.— Новосибирск, 1979, с. 176.
- ²¹ Там же.
- ²² Кун Т. Структура научных революций.— М., 1975, с. 78.
- ²³ Астахов С. И. Позднелолитическая стоянка Кокорев IV.— СА, 1966, № 2, с. 292—293.
- ²⁴ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура, с. 184.
- ²⁵ Лакин Г. Ф. Биометрия, с. 128.
- ²⁶ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура, с. 61, табл. 3; с. 82—83, 97; Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура, с. 34—35, табл. 4; с. 148—149, табл. 5; с. 152, табл. 6.
- ²⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Понятие «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвиса Кларка.— СА, 1970, № 3, с. 270.
- ²⁸ Там же, с. 270.
- ²⁹ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура, с. 182.
- ³⁰ Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков.— В кн.: Типы в культуре. Л., 1979, с. 87.
- ³¹ Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии.— М., 1977, с. 104.
- ³² Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура, с. 106—111.
- ³³ Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков..., с. 87.
- ³⁴ Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура, с. 5.
- ³⁵ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии.— М., 1979, с. 260.
- ³⁶ Сосновский Г. П. Позднелолитические стоянки Енисейской долины.— В кн.: Палеолит СССР. М.—Л., 1935, с. 186.
- ³⁷ Там же, с. 216.
- ³⁸ Там же, с. 217.
- ³⁹ Замятин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— ТИЭ. Новая сер., 1960, т. XIV, с. 99.
- ⁴⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ч. 2. Пассионарность.— Л., 1979, Деп. № 3734—79, с. 106.
- ⁴¹ Там же, с. 37.
- ⁴² Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование..., с. 131.
- ⁴³ Клейн Л. С. Археологические признаки миграций (XI Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сент. 1979. Доклады советской делегации.) — М., 1973, с. 3.

В. Е. ЛАРИЧЕВ

ЛУННО-СОЛНЕЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ МАЛЬТЫ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕОКОСМОГОНИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СЕМАНТИКИ ОБРАЗОВ ИСКУССТВА ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА СИБИРИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Из немногих разновидностей ключевых образцов искусства верхнего палеолита, которые могут оправдать надежду на успех в интерпретации их семантики, глубоко зашифрованной в художественных образах и иных знаковых системах, в особенности привлекательны те, что включены в неотревоженные и потому в значительной части своих компонентов представленные почти с исчерпывающей детальностью культурные комплексы. В разряд таких объектов входят погребения. В составе сопровождающего погребенного инвентаря порой встречаются предметы искусства, которые при открытии их на костных останках обычно описываются археологами как украшения. Эстетический аспект предназначения таких изделий для первобытного человека возможен и потому, разумеется, заслуживает изучения. Однако исследование того, что изначально было принято просто за украшение, не выходило ранее, как правило, за пределы именно такой традиционной, откровенно ближнего плана оценки. Из-за сложности задачи и неразработанности методических приемов интерпретирования семантики «украшения» в стороне продолжает оставаться главная проблема: глубинное познание сокровен-

ной сути предмета древнего искусства, необходимость вскрытия информационной, т. е. содержательно-повествовательной, стороны его.

Между тем, как следует полагать, собрание предметов искусства в неповрежденном погребении, образуя некую детально разработанную систему, заключает в себе своеобразное, до предела концентрированное по емкости и завершенное по полноте «повествование». Оно, как ни в каком другом, пожалуй, случае, как раз и может позволить проникнуть, наконец, в скрытые тайники духовной жизни палеолитического человека, представить масштаб его познания мира с вызывающими изумление успехами и досадными в просчетах заблуждениями, обусловленными архаикой времени, точнее реконструировать социальную структуру первобытного общества и яснее представить особенности организации производственно-хозяйственной и культово-религиозной деятельности охотников, рыболовов и собирателей древнекаменного века.

Следует, правда, не упускать при этом из виду, что такой подлежащий интерпретированию материал обладает определенной степенью специфичности, поскольку он связан с человеком не живым, а умершим, которого при погребении соответствующим образом спаривали, чтобы обеспе-

чить не только благополучное путешествие в мир иной, но, по-видимому, и неперенное возвращение, со временем, в мир земной. Функциональное назначение того, что археологи воспринимают как производственный инвентарь или украшение, могло в действительности определяться совсем иными целями, далекими от забот повседневности, но связанными с необычайно сложными магическими и иными представлениями, порожденными надеждой на физическое, в реальности, возрождение покойного. Например, каменный нож мог предназначаться совсем не для того, чтобы разделять охотничью добычу в Пренсподней, как по традиции думают специалисты, а, допустим, для срезания «древа смерти», чтобы освободить себя от оков небытия. Ведь не поместить подходящего такому решающему судьбу случая орудия для проведения столь важной операции попросту означало обречь умершего родича на нечто невыразимо страшное — бесследное и безвозвратное исчезновение. Столь же неожиданной в необычности могла быть и семантика связанных с погребением украшений.

Открытие погребений эпохи палеолита с комплексами предметов искусства ключевого типа входит в разряд весьма редких событий в истории археологии. Что касается Сибири, то удача М. М. Герасимова в Мальте, связанная с раскопками захоронения ребенка, которого сопровождал набор воистину бесценных по значимости предметов искусства, — вообще уникальное явление за более чем столетний период напряженных изысканий в области древнекаменного века Северной Азии. Тем значительнее в таком случае представляется роль всего связанного с этим погребением, и в первую очередь с редчайшим по полноте и системности комплексом образцов древнейшего для всей Азии искусства. Они, как можно надеяться, позволят в ходе разработки темы по реконструкции лунно-солнечной календарной системы мальтинской культуры, которая проводится в русле исследований проблемы истоков, семантики и генеральной направленности первобытного художественного творчества, раскрыть на конкретном примере существо высказанных выше общего плана соображений.

Погребение было открыто М. М. Герасимовым 28 июня 1929 г. при разборке центральной части

одной из «выемок» заложенного им раскопа¹. После удаления завала из костей, рогов и плит, которые, как стало ясно позже, представляли собой остатки строения, причем, быть может, совсем не предназначенного для повседневного обитания, на 15 см ниже основного культурного горизонта появилось большое темное пятно, четко выделяющееся на фоне желтого лесса. Последующая расчистка показала, что пятно это имело резко отделяющиеся от окружающих участков раскопа границы. Они охватывали удлинено-овальный участок размерами 68 × 145 см. По сторонам его при продолжении раскопок М. М. Герасимов выявил сначала две вертикально поставленные плиты, а между ними большую, размером около 1 м, горизонтально лежащую плиту с зубом мамонта поверх пес. Зуб покрывали частицы грязно-красной краски. Между плитами на окрашенном охрой лессе лежала большая, разбитая на две части галька черного кремнистого сланца. В верхней части красноватого лесса вскоре показались кости, которые М. М. Герасимов определил как фрагменты черепа человека (рис. 1, 1—3).

Затем началась кропотливая, со всеми предосторожностями работа по расчистке погребения, положенного в каменный ящик. В ней принял участие профессор Иркутского университета Б. Э. Петри. М. М. Герасимов с помощью тончайших инструментов непрерывно в течение семи часов вел ювелирную по тщательности разборку заполнения могильной ямы. Раскопки захоронения показали, что оно было совершено до сооружения на том же месте, но выше по уровню какой-то постройки типа жилища. В могильную яму со слегка округлым дном, более широкую вверх и слегка зауженную внизу, и с вертикально поставленными по краям двумя плитами положили с вытянутыми вдоль тела руками ребенка в возрасте трех-четырех лет (рис. 2). Головой его ориентировали в общем направлении на север. Кости ребенка были слегка присыпаны охрой. Особенно интенсивно она покрывала левую, обращенную к земле половину черепа и лоб. М. М. Герасимов сделал вывод, что приподнятая по отношению к уровню залегания других костей скелета голова ребенка лежала на довольно значительном по толщине слое охры.

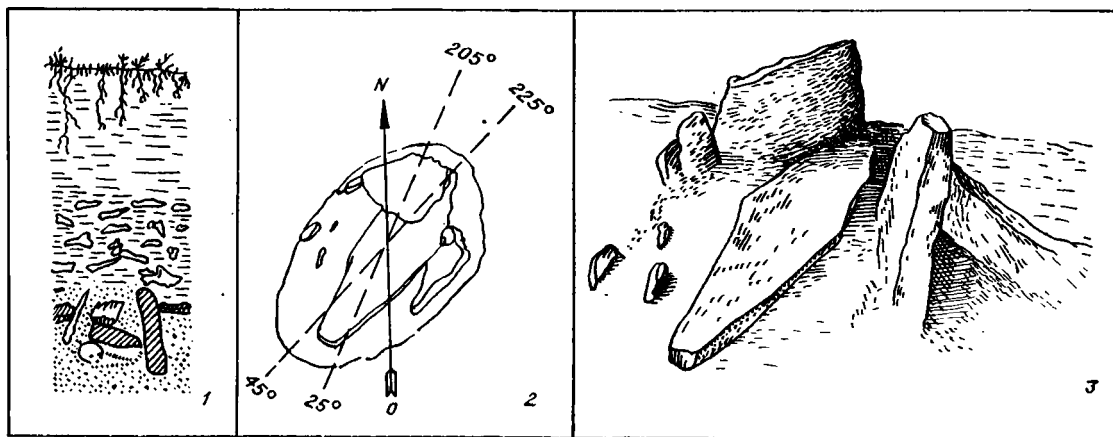

Рис. 1. Погребение в Мальте.

1 — стратиграфическое положение; 2 — план могильной ямы с расположенными в пределах ее плитами и камнями; ориентация деталей в градусах по азимуту при условии, что юг — 0°; 3 — вид погребального сооружения из плит (по М. М. Герасимову).

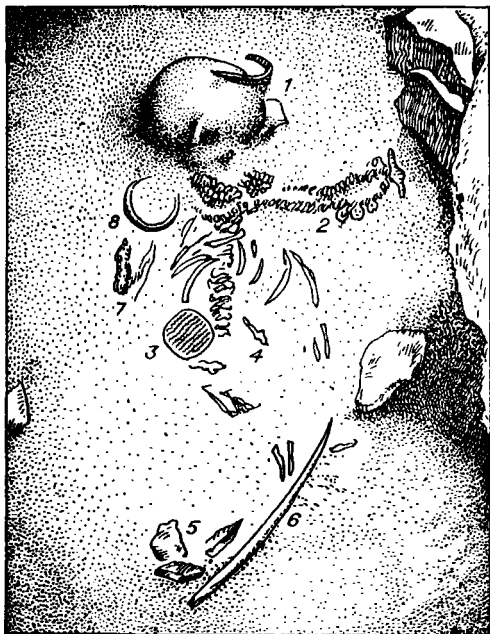

Рис. 2. Погребение ребенка в Мальте.

1 — диадема; 2 — ожерелье с подвесками; 3 — пластина с выгравированными на ее поверхности змеевидно-волнистыми линиями; 4 — скульптурное изображение летящего лебедя; 5 — изделия из камня, в том числе остроконечное и проколковидное; 6 — копьевидный инструмент; 7 — S-образная пластина с боковыми выемками; 8 — браслет. (Рис. выполнен В. И. Жалковским по фотографии М. М. Герасимова.)

Сопровождающий инвентарь был достаточно обильный и разнообразный. Помимо ранее отмеченного, в него входили украшения, а также каменные и костяные орудия (рис. 3). На голове ребенка лежала, очевидно, тонкая палочная диадема, изготовленная из бивня мамонта (рис. 3, 3). Сохранность ее теперь оставляет желать лучшего. Такой же, лишенный узоров, браслет лежал, ве-

роятно, на его правой руке (рис. 3, 4). На шее погребенного было надето ожерелье, составленное из круглых плоских бусин и 7 орнаментальных подвесок, вырезанных из бивня мамонта (рис. 4). В нижней части груди с левой стороны поясничных позвонков находилась распавшаяся на 7 фрагментов скульптура летящего лебедя (рис. 5, 9), а с правой — на том же уровне, по почти соприкасаясь с последним из позвонков, — большая овальной формы пластина со сквозным отверстием в центре. Одну сторону ее сплошь покрывали змеевидно-волнистые линии (рис. 5, 10—12).

Замечательными по типологической выразительности оказались каменные орудия, положенные в гробницу. Около плечевой кости правой руки, ниже браслета, лежал своеобразный по форме (S-образный!) нож с выемками по сторонам, отчасти напоминающий по типу ориньякские ножи Западной Европы (рис. 3, 8). Рядом с длинным кинжаловидным острием, которое находилось около берцовой кости левой ноги, несколько в стороне от его рукоятки, М. М. Герасимов обнаружил каменное острие из широкой пластины, близкое по облику остриям типа шателлерроа Европы, проколку из подпрямоугольного отщеп с ретушированным острием, а также простой отщеп (рис. 3, 7, 10, 11).

Таковы в предельно кратком изложении обстоятельства открытия погребения с указаниями на самые существенные детали, связанные с местоположением и стратиграфией гробницы, ее конструктивными особенностями, топографией размещения всего того, что оценивается археологами в качестве сопровождающего инвентаря — начиная от грубо расколотой гальки в верхней части заполнения могилы и до характерных каменных инструментов, положенных рядом с умер-

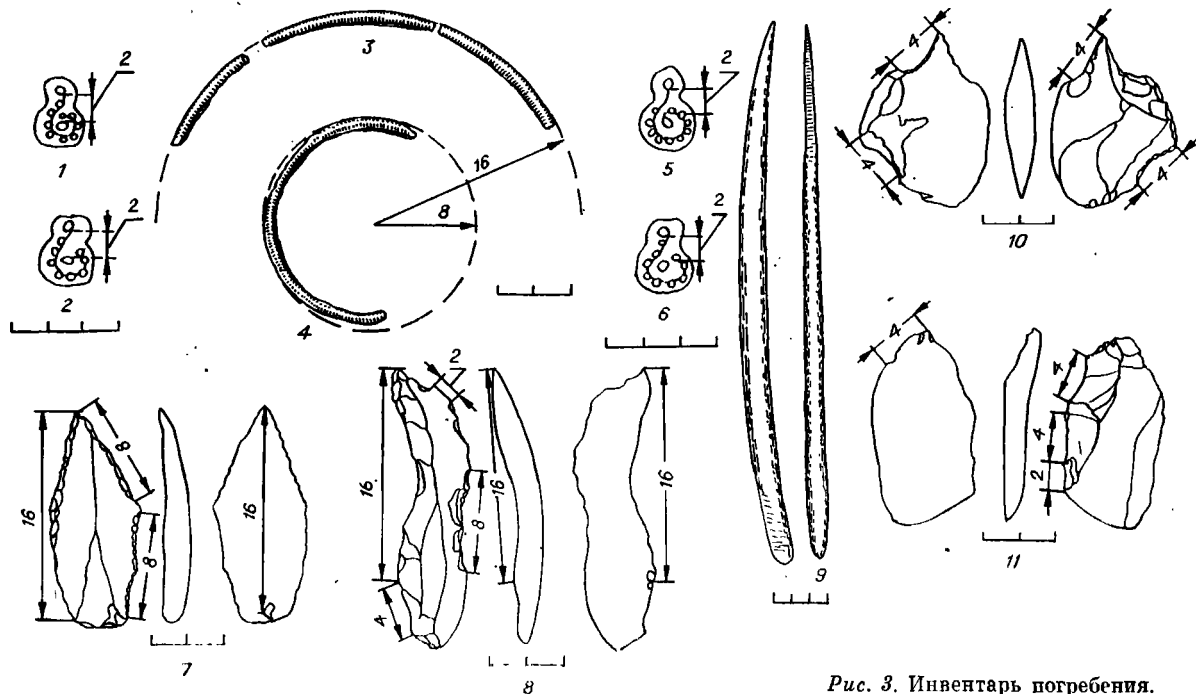

Рис. 3. Инвентарь погребения.

1, 2, 5, 6 — относительно хорошо сохранившиеся подвески ожерелья; 3 — диадема; 4 — браслет; 7 — остроконечное изделие; 8 — S-образная пластина с боковыми выемками; 9 — копьевидный инструмент; 10 — проколковидное изделие; 11 — изделие из пластинчатого отщепа. (Рис. В. И. Жалковского.)

Рис. 4. Ожерелье с подвесками.

шим. Можно не сомневаться в значительной информативности каждого из элементов культуры, связанных с погребением, от очертаний и положений трех известняковых плит, использованных в конструкции могильного сооружения, и до обсыпанного охрой зуба мамонта, положенного на верхнюю из них. Значимо было, разумеется, и то обстоятельство, что над захоронением ребенка паходилось строение, которое в общей топографии размещения культурных комплексов поселения Мальта, а быть может и всей окружающей местности, занимало, очевидно, строго предназначенное ему место.

Интерпретирование скрытой значимости подавляющего большинства того, что следует определить в погребении как информативный (помимо, естественно, визуально очевидного) объект или явление, не может пока выходить за пределы сугубо гипотетических, т. е. лишенных строгой доказательности, предположений. Единственное исключение — сопровождающие умершего предметы искусства с палочками на них «знаковыми записями». Расшифровка их позволит наглядно представить, насколько неожиданную, обширную и глубокую информацию из области духовной культуры заключает в себе каждый без исключения объект в гробнице, как, впрочем, конечно же, и она сама, а также положенный в нее ребенок. При известном по мифологии многократном, до пазойливости, дублировании генеральной идеи культуры в каждом из многообразных ее элементов, можно надеяться, что познание содержания одного из них прольет свет и на остальные.

ОЖЕРЕЛЬЕ С ПОДВЕСКАМИ

Информационную структуру ожерелья (рис. 4) составляют бусины и подвески.

Плоские, округлой формы бусины (120 шт.) из бивня мамонта напизывались на нить и в части, расположенной на груди, по всей видимости в строго определенных местах, перемежались подвесками. Установить, какое количество бусин размещалось за пределами крайних слева и справа малых подвесок и сколько конкретно распола-

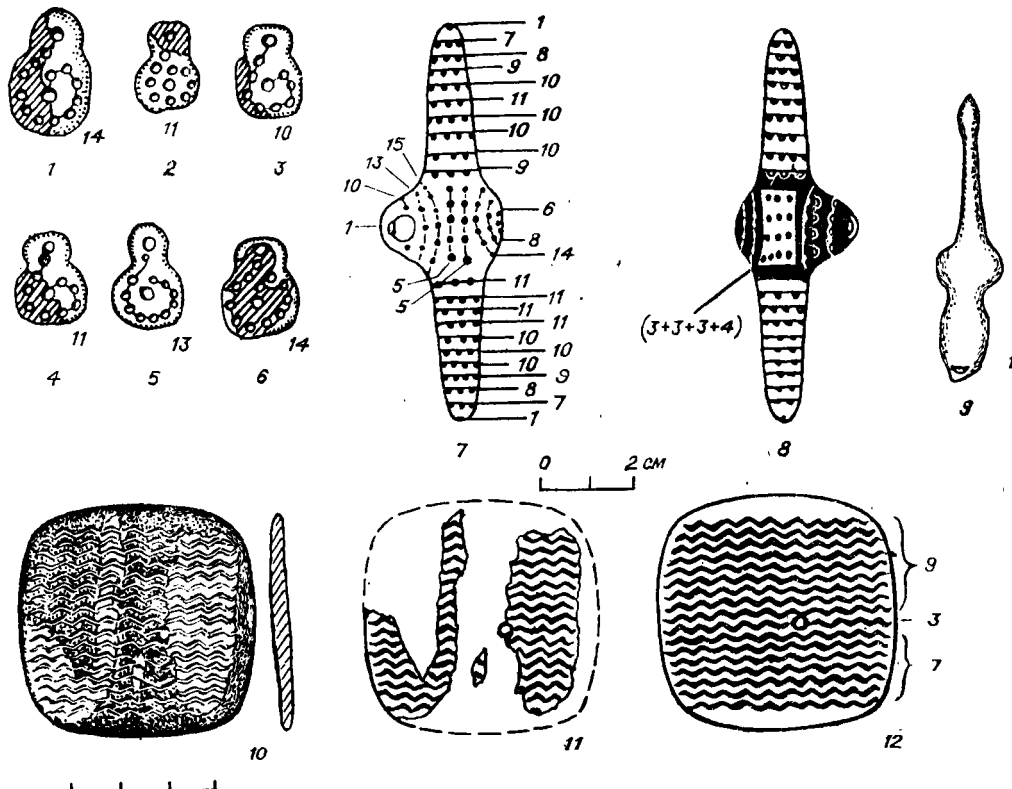

Рис. 5. Подвески ожерелья с указанием количества знаков (1—8), скульптура летящего лебеда (9) и пластина со змеевидно-волнистыми линиями гравировки (10—12: 10 — реконструкция; 11 — сохранившиеся части, которые позволили произвести реконструкцию; 12 — схема расположения змеевидно-волнистых линий). Заштрихованные участки бусин 1—4 и 6 реконструированы. (Рис. В. И. Жалковского.)

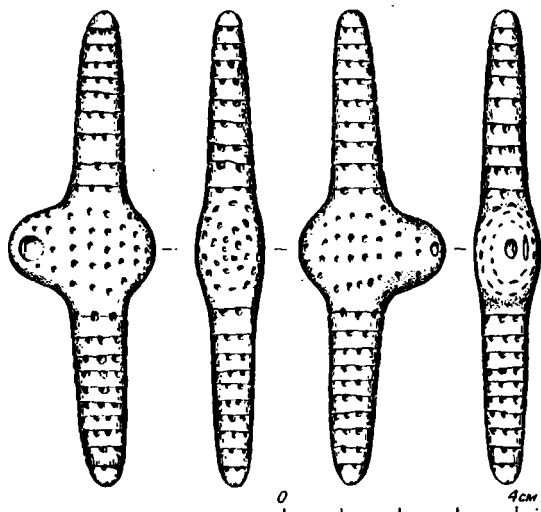

Рис. 6. Центральная подвеска ожерелья.

галось между отдельными из них (что, надо полагать, могло быть тоже информационно значимо), с должной определенностью установить не удается. Если, однако, иллюстрации в изданиях отражают реальность, в чем, при известном отношении к делу М. М. Герасимова, нет оснований сомневаться, то к центральной подвеске примыкало 5 бусин, а между боковыми подвесками располагалось по 2 бусины; в таком случае за пределами подвесок находилось 107 бусин:

$$120 - (2 + 2 + 5 + 2 + 2) = 107.$$

Сравнительно крупное, округлых форм, тщательно отполированное скульптурное изображе-

ние из бивня мамонта типа подвески (рис. 6, 7) занимало в ожерелье центральную позицию относительно подвесок иной формы и меньшего размера; на поверхности изделия выгравировано 272 лунки. Здесь сразу же следует заметить, что подсчеты числа знаков на этом, как и на других предметах искусства из погребения, были произведены в ходе изучения подлинников в Государственном Эрмитаже во второй половине октября 1983 г. В результате выяснилось, что подсчеты Б. А. Фроловым тех же знаков отличаются досадными неточностями, которые объясняются малопонятными ошибками, допущенными при подсчете лунки на предметах искусства (в результате чего внутренняя числовая структура скопленных знаков на объектах, как станет ясным далее, оказалась на деле совершенно иной), или методически неверным игнорированием сквозных отверстий как знаков информационной системы. Вне учета оказались также одиночные лунки на приострающихся кончиках скульптуры. Все это привело к тому, что знаковая система, связанная с предметами искусства мальтинского погребения, оказалась неподдающейся расшифровке².

Лунки на центральной подвеске размещались большей частью вблизи круговых резных линий, которые как бы рассекали на части заполированное тело скульптуры. Это, разумеется, как и в случае с лунно-солнечным «идолом» Мальты, отнюдь не «разметочные царапины», мысль о чем может возникнуть лишь при поверхностном и формальном изучении предмета искусства, когда не приходится задумываться ни о семантике, ни, тем более, о возможном практическом назначении его. Резные линии — тоже своеобразные семантические знаки, заключающие в себе значи-

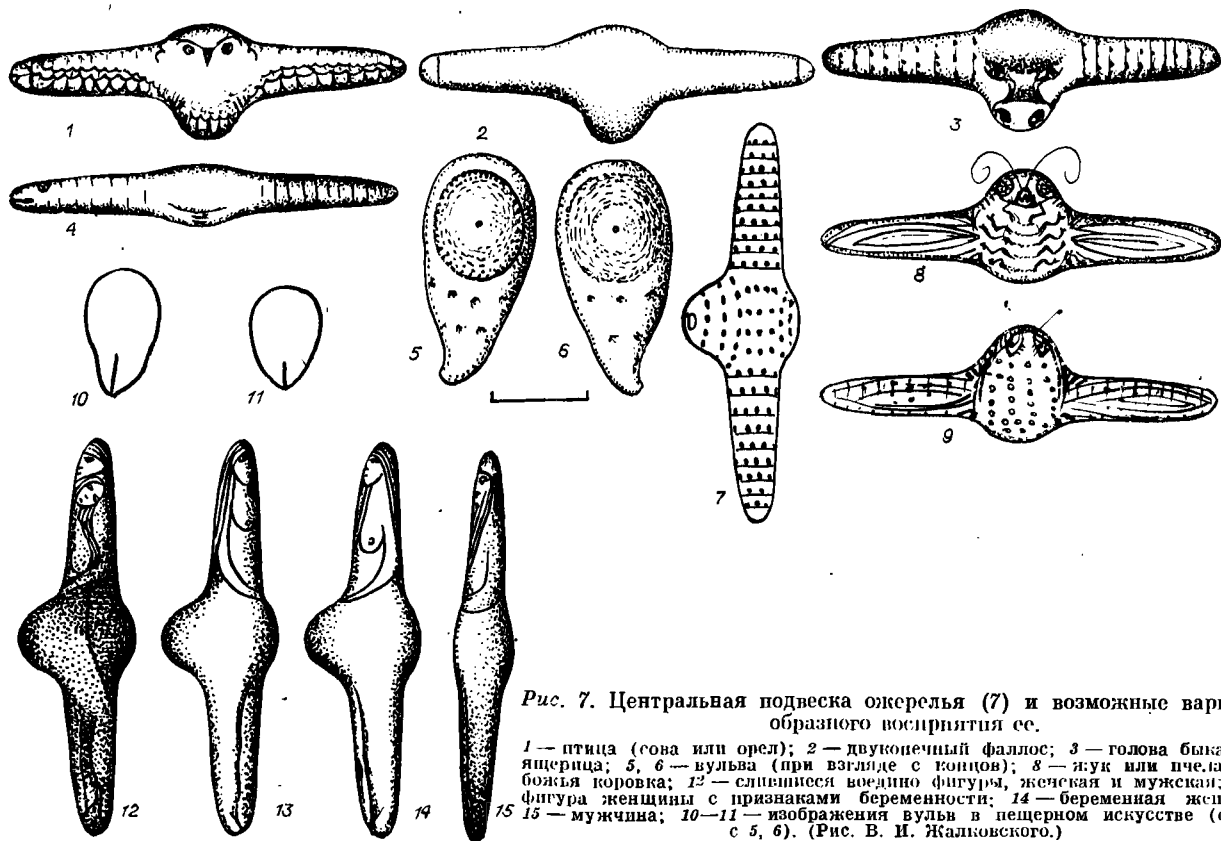

Рис. 7. Центральная подвеска ожерелья (7) и возможные вариации образного восприятия ее.

1 — птица (сорока или орел); 2 — двуконечный фаллос; 3 — голова быка; 4 — ящерица; 5, 6 — вульва (при взгляде с концов); 7 — жук или пчела; 8 — божья коровка; 9 — слитые воедино фигуры, женская и мужская; 10 — фигура женщины с признаками беременности; 11 — беременная женщина; 12 — мужчина; 13 — 14 — изображения вульвы в пещерном искусстве (сравни с 5, 6). (Рис. В. И. Жалковского.)

тельную информацию, и все дело заключается в том, чтобы попытаться интерпретировать ее. Кроме лунок к знаковой системе центральной подвески следует отнести также сквозное отверстие, просверленное на одном из закругленных концов расширенной средней части скульптуры. Оно имело и чисто функциональное назначение — сквозное отверстие продевался шнурок, который соединял подвеску с нитью ожерелья. Итак, всего знаков на центральной подвеске

$$1 + 272 = 273.$$

Что касается образа, воплощенного в подвеске, то эта круглая скульптура, своего рода «кулоп», традиционно, следуя за первоначально условным, очевидно, определением М. М. Герасимова, воспринималась археологами как изображение птицы. При горизонтальном по длинной оси размещении скульптуры, какое она как раз и принимала при уравнивании по центру тяжести подвешивании к ожерелью с помощью шнурка, пропущенного через сквозное отверстие, она действительно в значительной степени напоминала птицу: закругленные части средней зоны могли быть телом ее, более выступающим и круто выпуклым в верхней части (голова и туловище) и менее выступающим, плавно закругленным в нижней (хвост). Впрочем, не следует исключать и того, что в случае восприятия скульптуры в качестве птицы она, при подвешивании к нити ожерелья, была обращена головой вниз, и тогда, напротив, за хвостовую часть нужно принять круто выпуклый выступ средней зоны, а за голову — плавно закругленный и менее выделяющийся. При любом варианте подобная примечательная по очертаниям конфигурация туловища, пожалуй, напоминает в наибольшей степени сову или филина; разница же в конфигурации головы и хвоста определялась тем, что в одном случае это была, возможно, самка, а в другом — самец.

Принимая оправданность оценки центральной подвески в качестве скульптурного изображения птицы, не следует, однако, исключать еще трех, по крайней мере, возможных вариантов образного восприятия этого выдающегося образца мобильного искусства эпохи верхнего палеолита Сибири.

При вертикальном (по длинной оси) размещении изделия, т. е. при развороте его на 90° от ориентации, представленной выше, оно, как по мановению волшебной палочки, преобразуется и принимает вид скульптурного изображения беременной женщины (рис. 7, 14). В такой позиции круто выпуклая, выступающая вперед часть средней зоны скульптуры может восприниматься как сильно округлившийся, будто накануне разрешения от бремени, живот, а противоположная, плавно закругленная и менее выделяющаяся часть — как ягодичы. Возможен, разумеется при явной двуконечности скульптуры, и прямо противоположный вариант, когда менее выдающаяся часть может быть принята за живот женщины с признаками беременности, а круто выпуклая, но чуть зауженная — за ягодичы (рис. 7, 13). В любом случае воспринять центральную подвеску ожерелья в качестве двуконечной скульптуры беременной женщины не составляет труда для каж-

дого, кто знаком с соответствующими образцами палеолитического искусства. Значительная стилизация изображения беременной женщины при подобном развороте скульптуры, естественно, не подлежит сомнению, но степень этой образной трансформации не превосходит допустимой для образов палеолитического искусства нормы. Во всяком случае, она не большая, чем та, что считается приемлемой для восприятия подвески как «скульптуры летящей птицы». Оправданность такого вывода подтверждается при расшифровке знаковой системы из лунок, размещенных на поверхности скульптуры, что не дает возможности, отклоняя предложенное, сослаться на «случайность совпадений» или неконтролируемую игру воображения.

При горизонтальном (по длинной оси) размещении скульптура может восприниматься, помимо образа птицы, которую следует рассматривать анфас, и как двуконечный фаллос (рис. 7, 2). Но в таком случае изображение следует рассматривать как профильное. Подобное примечательное совмещение в одном и том же изделии первобытного художника образов беременной женщины и фаллоса тоже можно объявить плодом воображения. Однако этому испытанному в легкости обороту дела, в сущности же скрытому уклонению от него, препятствует результат обращения к поискам классических в ясности аналогий такому образцу. В их ряду стоят, в частности, известные женские статуэтки из Савиньяна (Италия) и Долни Вестонице (Чехословакия). Они уже давно обратили на себя внимание как раз той же самой востину поразительной особенностью — совмещением в одном изделии самых ярко-созерцательных в образности символов женского и мужского начал в палеолитическом художественном творчестве, а именно: изображения беременной женщины (при вертикальном по длинной оси размещении скульптуры) и двуконечного фаллоса (при горизонтальной по длинной оси ориентации — см. рис. 8, 1, 2, 4, 5). Примечательно, что концы отдельных экземпляров сходных по виду скульптур древнекаменного века близки по форме концам центральной подвески ожерелья. Они одинаково приостроенно-конические, что как раз и позволяет рассматривать их как двуконечные. В дополнение к сказанному следует отметить, что в древнеегипетской иконографии тоже известен образ женского божества высшего ранга (Нут, богиня Неба), тело которой фаллическое (рис. 8, 6, 7).

Такого рода наблюдения и сопоставления наводят на мысль о возможности еще одного варианта понимания синкретического образа, воплощенного в «кулоне» ожерелья: при одной позиции скульптуры это могло быть изображение беременной женщины с сильно выпуклым животом и не столь сильно выделяющимися ягодичами (рис. 7, 14), а при развороте изделия на 90° оно воспринималось уже как изображение мужчины. Живот его, как и ягодичы, в отличие от тех же частей женского тела, не смотрятся выпуклыми (рис. 7, 15). Следовательно, речь идет о воплощении в одной скульптуре образов мужчины и женщины, неразрешимо слившихся в нечто единое. Принципиальную возможность такого понимания

скульптуры подтверждает, к примеру, двуконечная гинандроморфная (двуполая, мужская и женская) миниатюрная статуэтка, обнаруженная при раскопках в пещере Тюрсак (Франция) (рис. 8, 3). Концы ее, так же как у других упомянутых выше статуэток из Европы, конусовидно-приостренные.

Но если идея мужского начала одновременно (при особом развороте скульптуры) символически экономно, но предельно емко выражалась двуконечным фаллосом, то, как следует полагать, в столь же концентрированной форме идею женского начала символизировала в центральной «кулоне» повернутая в разные стороны вульва. Скульптуру, очевидно, следует в таком случае ориентировать приостренными концами по линии направления взгляда (рис. 7, 5, 6).

При том же горизонтальном (по длинной оси) размещении подвески она легко воспринимается как скульптурное изображение ящерицы, покрытой пестрым узором, выполненным лунками и резными круговыми линиями, как бы рассекающими ее на отдельные части (рис. 7, 4). При таком образном восприятии изделия уместно обратить внимание на следующие его чрезвычайно примечательные особенности: средняя зона скульптуры с одной стороны плавно закругленная, округло-выпуклая, а с другой — определению уплощенная, относительно ровная. Если принять первую за спинку, а вторую за брюшко скульптурного изображения некоего существа, то при размещении его на брюшко на горизонтальной поверхности один конец фигуры окажется характерным образом приподнятым над ней, образуя угол около 5° , а другой, напротив, совместится с ровной плоскостью подставки. При такой позиции скульптура в самом деле напоминает фигуру

ящерицы, застывшей в характерной позе, когда большая часть тела ее слилась с поверхностью земли, а передняя часть туловища с головой настороженно приподняты вверх. При совмещении нажатием этого конца скульптуры с горизонтальной поверхностью приподнимается противоположный конец изделия, который образует с ней угол, близкий 3° . Следует полагать, что при восприятии скульптуры в качестве ящерицы изделие в целом опять-таки может быть двуконечным, т. е. двуконечным, направленным головами в противоположные стороны.

Не менее интересные детали выявляются при размещении скульптуры брюшком вверх, иначе говоря, при соприкосновении с горизонтальной плоскостью округло-выпуклой поверхности средней зоны. Эта позиция дает возможность с полной очевидностью оценить строгую целенаправленность тончайшей отделки скульптуры — соприкосновение выпуклой поверхности средней зоны с горизонтальной плоскостью подставки оказывается приуроченным к совершенно определенной точке, которая не может быть оценена иначе как идеальный центр тяжести изделия. Скульптура при таком размещении занимает горизонтальное положение, а ее концы отстоят от плоскости подставки на одинаковое расстояние. Стоит по этому чуть толкнуть один из концов изделия, как оно начинает свободно и на удивление легко вращаться вокруг своей оси, напоминая своеобразный волчок. Подобной точности центровка, когда соприкосновение с подставкой оказывается приуроченным к минимально точечному участку округло-выпуклой поверхности подвески, не может быть результатом всеобъясняющих «случайностей совпадений», а только итогом строго целенаправленной деятельности палеолитического

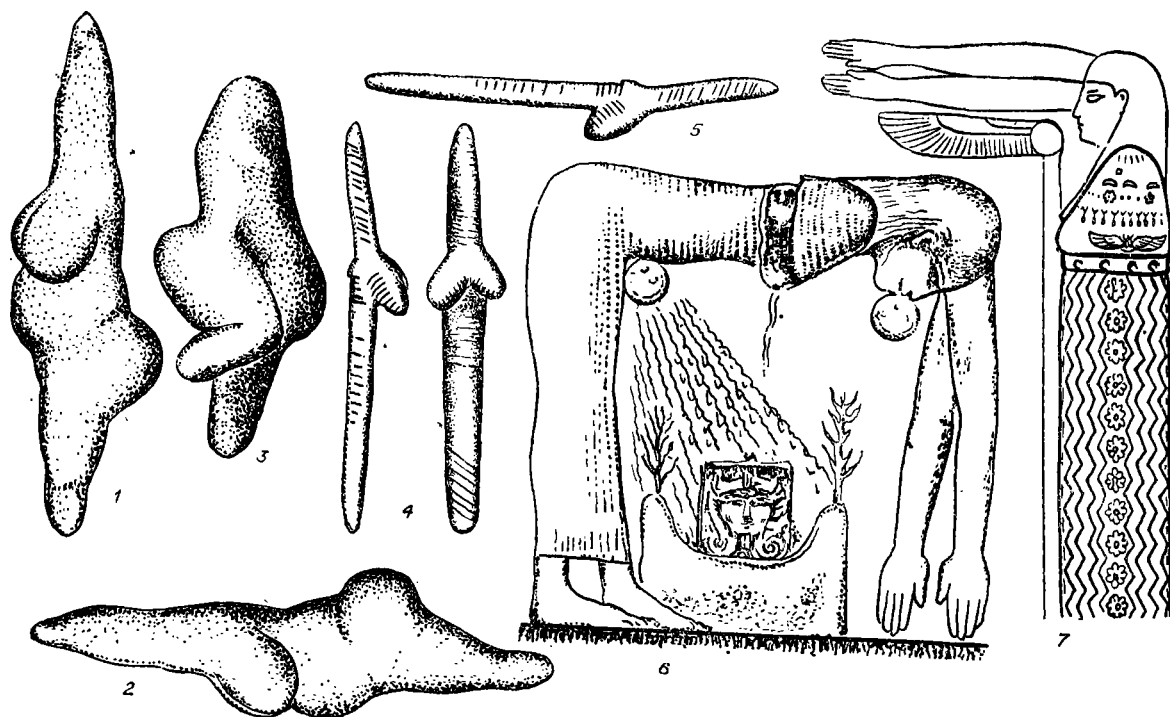

Рис. 8.

1, 2, 4, 5 — женские скульптурные изображения, которые при горизонтальной ориентации выглядят как двуконечные фаллосы (1, 2 — из Савиньяна; 4, 5 — Долли Вестониче); 3 — гинандроморфная скульптура из Тюрсак; 6, 7 — богиня Нут с фаллосовидным телом.

скульптора и его поразительно тонкого в ювелирном совершенстве мастерства. Цель, которая преследовалась при такой отделке, разумеется же бессмысленная в случае оценки подвески только в качестве «предмета искусства», будет объяснена в соответствующем месте статьи. А пока стоит лишь обратить внимание на то обстоятельство, что эта вертящаяся волчком скульптура напоминает по виду опрокинутых на спинку жука, овода, осу и пчелу, которые, распластав крылья и стремительно обращаясь вокруг своей оси, пытаются занять нормальное положение. Не исключено поэтому, что скульптура представляет собой также изображение жука, типа пестрой божьей коровки, или жалящих насекомых вроде овода или пчелы, тела которых выглядят кольчатокрашенными.

Центральная подвеска может восприниматься также как повернутая анфас голова животного, если не фантастического, то, по всей видимости, быка или, может быть, барана. При такой расшифровке образа, требующей, разумеется, помимо усилий воображения, и соответствующей акцентации взгляда на скульптуру, приоткрытые концы ее следует оценивать как широко расставленные в разные стороны рога, а сквозное отверстие — как рот (рис. 7, 3). Если рассматривать центральную подвеску как голову животного, то при смене ракурсов здесь возможно множество вариантов. При схематичности и стилизации скульптуры, а также сложной полисемантичности ее все это в целом представляет весьма сложную для разработки тему.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что центральная подвеска многообразна по характеру, а значит, и полисемантична. В ней с одинаковой степенью оправданности можно видеть скульптурные изображения семи, по крайней мере, объектов: птицы, человека, ящерицы, жука, головы быка, фаллоса и вульвы. Что касается персонажей, то, учитывая то обстоятельство, что, например, птица могла быть не только совой, но и, допустим, орлом с распластанными в полете крыльями, а голова могла принадлежать не только быку, но и, скажем, барану, следует догадаться, что скульптура выражала образы по меньшей мере 8—9 существ. В свете известных мифологических сюжетов, связанных с трансформациями «действующих лиц», а также учитывая характерные особенности определенных культорелигиозных систем первобытности, отмеченная особенность не может не восприниматься как весьма симптоматичная, в сущности, ключевая по значимости при решении проблем семантики образов древнейшего искусства. В конечном итоге цель предпринятого исследования как раз и направлена всецело на то, чтобы подтвердить этот вывод неоспоримыми фактами, которые призваны нейтрализовать и предвратить ссылки на мертвящие поиски «случайности совпадений».

При гипотетичности предложенных вариантов понимания образной значимости центральной подвески ожерелья многообразность этого своеобразного палеолитического «перевертыша» (сродни многообразности комбинаторики спиралей и других фигур лунно-солнечного «идола» Мальты) не

подлежит сомнению. Это явление вообще, очевидно, присуще древнему искусству и составляет в отдельных формах его характерную в необычности особенность. Высказанного достаточно, чтобы понять основополагающий методический прием анализа одного из главных элементов информационной структуры ожерелья. Что касается выполнения лунками орнамента, составленного из концентрических, вписанных друг в друга кругов и отдельных линий, то об истинной информационной сути его в связи с образами художественными будет сказано подробно далее после представления остальных составляющих структуру элементов ожерелья. Пока же достаточно отметить, что рассредоточение на поверхностях центральной подвески 273 знаков подчинялось, возможно, определенным закономерностям, для вскрытия которых, однако, требуется специальный целенаправленно ориентированный анализ.

Ожерелье включает 6 небольшого размера уплощенных и заполированных с одной стороны, где размещались лунки и резные линии, подвесок грушевидной формы, из-за чего их называли «восьмеркообразными» (рис. 5, 1—6). При заметной и, по всей видимости, преднамеренной вариативности размеров, а также очертаний по контуру, что придавало каждой из подвесок определенные черты индивидуальности, все они характеризуются закругленностью форм. В подвесках отчетливо выделяются два округлых или вытянуто-овальных по периметру отдела — меньшего размера верхний, который при подвешивании сближался с нитью ожерелья, и большего размера и округлых очертаний — нижний. Между этими отделами, в середине которых просверлены сквозные, круглой формы отверстия, располагалась пограничная зона плавного перехода от меньшей к большей по диаметру части изделия. Этот фигурный перехват определял появление покатыми плечиков, в результате чего подвески отчасти смотрятся антропоморфными и куколкообразными (верхний отдел их — голова, нижний — туловище). Они в то же время при взгляде анфас могут без особого усилия воображения восприниматься и как фигурки птенцов. Если, однако, за основания принять зауженные части изделий, то подвески можно воспринять как грибообразные фигуры, близкие по облику дождевикам. По аналогии с центральной подвеской эти плоские скульптурки могли представлять также двуконечные изображения голов животных, рот которых приходился на сквозные отверстия.

Помимо пары сквозных отверстий на лицевой поверхности каждой из куколкообразных подвесок размещались лунки, которые вместе образуют витки спиралей с пакеком перехода к двойной их разновидности. Концы таких спиралей смыкаются со сквозными отверстиями, размещенными по центру верхнего и нижнего отделов подвесок. Примечательным следует считать и композиционный принцип гармонично уравновешенного рассредоточения подвесок при закреплении их на нити ожерелья, в результате чего «кулоны» оказывались в центре системы.

Три куколкообразные подвески располагались по левую сторону «кулона». Количество лунок, выгравированных на их поверхностях, составляло

(при переходе от ближайшей к центру ожерелья к крайней) соответственно 8,9 и 12. Три другие размещались по правую сторону центральной подвески. Количество лунок, выгравированных на их поверхностях, составляло соответственно 9, 11 и 12 (рис. 4; 5, 1—6). В центре верхнего и нижнего отделов каждой из 6 куколкообразных подвесок просверлено по одному сквозному отверстию. Возникает вопрос — входят ли они в ряды знаков информационной системы? Наиболее рациональным представляется подключение к счету обоих сквозных отверстий. Поэтому количество знаков в трех расположенных влево от центральной скульптуры подвесок в действительности составляет

$$10 \rightarrow 11 \rightarrow 14,$$

а у размещенных правее соответственно

$$11 \rightarrow 13 \rightarrow 14.$$

Предложения по расшифровке семантики, которую выражали куколкообразные подвески в качестве художественно-образного воплощения конкретных существ или природных объектов, будут высказаны позже, когда станет ясным содержание «знаковых записей», выполненных на поверхностях этих предметов мобильного искусства с помощью определенным образом размещенных лунок и сквозных отверстий. Их примечательная числовая комбинаторика, как и четко просматривающийся геометризм рассредоточения на поверхности каждой из подвесок, очевидно, информационно значимы. Поскольку лунки на отдельных краевых подвесках примыкают к резным линиям или соединяются друг с другом короткими отрезками таких линий, то и в данном случае последние — не просто разметочные «штрихи», как может показаться при поверхностном взгляде на предмет искусства, а тоже информационные знаки, требующие осмысления. С этой точки зрения примечательно, что некоторые лунки на куколкообразных подвесках находятся вне резных линий.

Описанными изделиями ограничиваются элементы, которые входили в ожерелье. Непосредственная смежность с ним еще двух подвесок, вырезанных из бивня мамонта, а именно слегка вытянуто-овальной пластины, украшенной змеевидно-волнистыми линиями, и скульптурного изображения лебедя не бесспорна. Местоположение их среди костных останков ребенка исключает такую возможность (см. рис. 2). Последующий анализ знаковой системы предстоит направить, в частности, и на объяснение мотивов, которыми могло обуславливаться это обстоятельство. Но при любом варианте нет, в принципе, обусловленных приемлемыми доводами препятствий стремлению рассматривать их в одном контексте с ожерельем.

Такой методический подход обуславливается мыслью о том, что все предметы искусства, связанные с мальтинским погребением, образуют, судя по всему, единую и замкнутую в завершённой полноте информационную систему, глубинная семантическая значимость которой не может быть правильно понята, а тем более с должной полнотой расшифрована при исключении из ана-

лиза хотя бы одного из звеньев ее структурной цепи. Поэтому следует попытаться интерпретировать два последних украшения в координации с остальными частями ожерелья. Задача заключается в том, чтобы на соответствующем этапе исследования определить место, которое занимали вытянуто-овальная пластина и скульптура летящего лебедя в той общей «знаковой системе», что обычно воспринимается археологами не более как набор украшений, размещенных на теле человека в соответствии с некими эстетическими канонами. Поэтому, описывая две последние подвески, есть смысл представить их в том же ряду элементов информационной структуры, помня, однако, что они в прямом смысле не были подключены к ожерелью.

Вытянуто-овальная пластина со сквозным отверстием в центре сплошь покрыта с одной (заполированной) стороны змеевидно-волнистыми линиями (рис. 5, 10—12). Нет оснований оставлять вне учета столь характерные особенности геометрии пластины со змеевидно-волнистым узором, поскольку можно не сомневаться, что палеолитический художник Мальты обладал развитыми техническими способностями и верным глазом, чтобы в случае необходимости оформить идеально круглое изделие. Если, однако, это не было сделано, то причина тому весьма существенная — стремление представить приметы конкретного объекта. Но решить, что это могло быть, трудно из-за простоты очертания пластины, в деталях которой не удастся выделить понятного намека на целостный образ. Можно лишь, за неимением другого, отметить, что элементарную структуру его составляли волнообразно изогнутые линии — возможно, это изображение змей. Они же создают впечатление волнистой рблн на водной глади. Возможно пластина, как и лунно-солнечный «идол» Мальты, представляет собой «змеинное гнездо», ликнон (сито-колыбель) или «кошницу», наполненную детенышами змеи, т. е. главный, пожалуй, по значимости ритуально-культовый объект, который использовался в сакральных мистериях, посвященных весенне-летним праздникам возрождающегося и вновь умирающего божества Природы. Всего на поверхности пластины выгравировано 18 змеевидно-волнистых линий, 8 из которых размещены по одну сторону сквозного отверстия, которое как бы разрывает тело одной из змеек пополам, а остальные 10 — по другую сторону. Всего, таким образом, знаков на вытянуто-овальной пластине 19.

Для скульптуры летящего лебедя (рис. 5, 9) характерно подчеркнутое выделение длинной, напряженно вытянутой вперед шеи с подтреугольной головой; двух укороченных стилизованных крыльев, неодинаковых по размеру и чуть асимметрично размещенных относительно друг друга; сильно вытянуто-овального, узкого и, кажется, непропорционально короткого туловища со сквозным отверстием на конце хвоста. Дополнительные, помимо сквозного отверстия, знаки на поверхности скульптуры отсутствуют. Поэтому за элемент, поддающийся счету, следует принять именно сквозное отверстие в хвосте — 1.

Лунки, а также сквозные отверстия, высверленные на подвесках ожерелья, как и змеевидно-

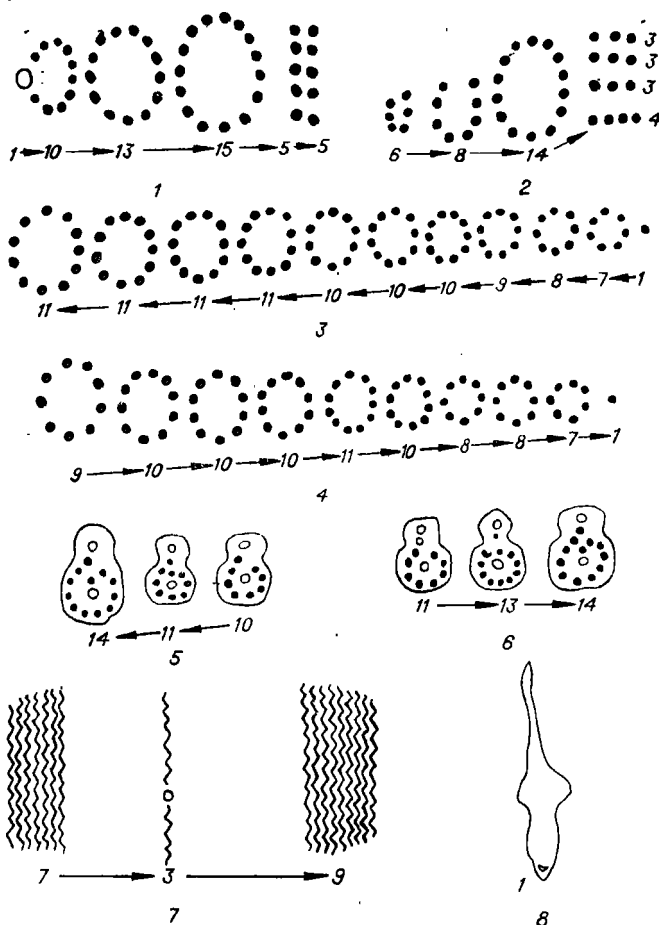

Рис. 9. Знаковая система подвесок ожерелья (1—6), пластины со змеевидно-волнистыми линиями (7) и «летающего лебедя» (8).

1 — более выпуклая часть центральной подвески и плоское брюшко; 2 — менее выпуклая часть центральной подвески и выпуклая спинка; 3 — первый конец центральной подвески; 4 — второй конец центральной подвески; 5 — подвески, расположенные левее центральной; 6 — подвески, расположенные правее центральной. (Рис. В. И. Жалковского.)

волнистые линии, выгравированные на одной из поверхностей вытянуто-овальной пластины, и ее сквозное отверстие рассредоточены так, что образуют уравнированные и, вероятно, строго выверенные орнаментальные композиции. На центральной подвеске ожерелья лунки образуют большей частью серии вписанных друг в друга концентрических овалов, диаметры которых увеличиваются от краев и концов скульптуры к средней ее зоне (рис. 5; 6; 9, 1—4). В согласии с таким чуть заметным расширением площади каждого очередного овала или витка количество лунок в них соответственно увеличивается. На поверхности более круто выпуклой и далее выступающей вперед части средней зоны скульптуры выделяются один незамкнутый овал из лунок с размещенным в его пределах сквозным отверстием и два концентрических овала из лунок (рис. 5, 7; 9, 1). Количество знаков в овалах составляет по мере перехода от сквозного отверстия и от внутреннего к внешнему овалам следующий числовой ряд:

$$1 \rightarrow 10 \rightarrow 13 \rightarrow 15.$$

Всего лунок в этой части подвески

$$1 + 10 + 13 + 15 = 39.$$

На поверхности менее выступающей вперед и плавно закругленной части средней зоны скульптуры тоже выделяются 3 вписанных друг в друга концентрических овала (рис. 5, 7; 9, 2). Количество лунок в них составляет по мере перехода от внутреннего к внешнему

$$6 \rightarrow 8 \rightarrow 14.$$

Всего лунок в этой части подвески

$$6 + 8 + 14 = 28.$$

Между концентрическими овалами из лунок в центральной секции выступающей части средней зоны скульптуры с выпуклой ее стороны размещаются 2 линии лунок (рис. 5, 7; 9, 1), количество которых составляет

$$5; 5.$$

С приплюснутой, относительно ровной стороны (брюшко скульптуры) размещаются 4 линии лунок, количество которых в каждой из них составляет (рис. 5, 8; 9, 2)

$$3; 3; 3; 4.$$

Линии из 3 лунок размещаются ближе к последнему из овалов более значительно выступающей части средней зоны скульптуры. Лунки в них рассредоточены так, что не ясно, в каком направлении следует вести счет — то ли по горизонтали, то ли по вертикали (рис. 9, 2). Линия из 4 лунок размещается ближе к последнему из овалов менее выступающей части средней зоны скульптуры. Всего лунок, размещенных на спинке и брюшке скульптуры,

$$5 + 5 + 3 + 3 + 3 + 4 = 23.$$

Итак, в средней зоне скульптуры в целом лунок размещено

$$39 + 28 + 23 = 90.$$

Следует, исходя из симметричности размещения двух выступов, предполагать подразделение средней зоны на два противопоставленных друг другу числовых блока, в каждый из которых входило определенное количество лунок. Если допустить, что к более выступающей части скульптуры с большим количеством лунок добавлялось меньшее количество лунок спинки, а к менее выступающей с меньшим количеством лунок добавлялось большее количество лунок с брюшка, то можно предположить такой вариант структуры двух отделов композиции орнамента средней зоны скульптуры (рис. 9, 1—2):

более выступающая и круто закругленная часть

$$1 + 10 + 13 + 15 + 5 + 5 = 49;$$

менее выступающая и плавно закругленная часть

$$6 + 8 + 14 + 4 + 3 + 3 + 3 = 41.$$

Последующая расшифровка знаковой системы ожерелья покажет, насколько оправдана и ка-

ними соображениями могла определяться именно такая раскладка. Пока же следует заметить, что средняя зона скульптуры как единое целое расщепляется овалами из лунок и линиями, составленными из них же, на 12 частей. К особому элементу необходимо отнести сквозное отверстие.

Суммы лунок в концентрических овалах на поверхности одного из конусовидных концов скульптуры (рис. 9, 3) образуют следующую числовую последовательность (по направлению от кругов приотстрепной части к кругам конца, сближающего со средней зоной подвески):

$$1 \rightarrow 7 \rightarrow 8 \rightarrow 9 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 11 \rightarrow \\ \rightarrow 11 \rightarrow 11 \rightarrow 11.$$

Всего лунок в этом отделе скульптуры

$$1 + 7 + 8 + 9 + (10 \times 3) + (11 \times 4) = 99.$$

Овалы из лунок и связанные с ними резные линии рассекают этот копец скульптуры на 10 частей. К особому элементу следует, очевидно, отнести одиночную лунку, выгравированную на поверхности зауженного конца (*ostium urethrae externum* фаллоса?). Площадь здесь для размещения ее оказалась совсем небольшой, и, вероятно, чтобы не нарушить тело скульптуры, глубина гравировки была сделана такой, что она не отличается значительностью.

Суммы лунок концентрических овалов другого конусовидного конца скульптуры (рис. 9, 4) представляют при подсчетах в другом направлении, от широкого основания к приотстрепной части, иной числовой ряд:

$$9 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 11 \rightarrow 10 \rightarrow 8 \rightarrow 8 \rightarrow 7 \rightarrow 1.$$

Всего лунок в этом отделе скульптуры

$$9 + (10 \times 3) + 11 + 10 + (8 \times 2) + 7 + 1 = 84.$$

Овалы из лунок и связанные с ними резные линии рассекают этот копец скульптуры на 8 частей. К особому элементу следует, очевидно, отнести одиночную лунку, выгравированную на поверхности зауженного конца (*ostium urethrae externum* фаллоса?). Глубина ее незначительна, как и у лунки на противоположном конце.

Как уже отмечалось, общее количество знаков в центральной подвеске составляет

$$90 + 99 + 84 = 273.$$

Тело скульптуры рассекается овалами из лунок, а также линиями, составленными из них, на

$$12 + 10 + 8 = 30 \text{ частей.}$$

В пределах ее размещены также 3 особых элемента — 1 сквозное отверстие и 2 одиночные лунки на концах подвески. Нет никаких оснований сомневаться в том, что как рассеченность скульптуры овалами и линиями из лунок, так и одиночные элементы есть не что иное, как закодированная информация.

Лунки куколкообразных подвесок, размещенных правее и левее центральной, рассредоточены так, что вместе образуют в каждом отдельном случае спирального вида фигуры, на концах витков которых как раз и располагаются сквозные

отверстия (рис. 9, 5—6). Спирали эти нельзя считать простыми, поскольку на концах внешнего круга лунки занимают, как правило, такие позиции, что просматривается тенденция к смене направления в движении витка. Количество знаков в отдельных куколкообразных подвесках близко количеству знаков в отдельных концентрических кругах и чуть изогнутых линиях из лунок на поверхностях средней зоны и концов центральной подвески. Общее число лунок и сквозных отверстий в трех куколкообразных подвесках, расположенных левее центральной (рис. 9, 5), составляет

$$10 + 11 + 14 = 35.$$

Общее число лунок и сквозных отверстий в куколкообразных подвесках, расположенных правее центральной (рис. 9, 6), составляет

$$11 + 13 + 14 = 38.$$

Всего лунок и сквозных отверстий в 6 куколкообразных подвесках

$$35 + 38 = 73.$$

На фоне явного преобладания в орнаментальных мотивах подвесок ожерелья концентрических кругов и спиралей своеобразным выглядит резной узор на вытянуто-овальной пластине. Змеевидно-волнистые линии, сплошь покрывающие одну из ее поверхностей, подразделяются сквозным отверстием на два блока — 8 и 10 (сквозное отверстие, разрывая пополам одну из змеевидно-волнистых линий, разграничивает блоки). Всего знаков здесь

$$8 + 1 + 10 = 19.$$

Простой анализ чисел, которые отражают количество знаковых элементов на каждой из частей информационной структуры ожерелья (лунки и сквозные отверстия подвесок), на пластине (змеевидно-волнистые линии) и в скульптуре летящего лебедя (сквозное отверстие), показывает, что для подавляющего большинства их не характерна самая бросающаяся черта чисел, обозначающих количество лунок в лентах спиралей ачинского ритуально-символического жезла и спиральных фигур лунно-солнечного «идола» Мальты, где они кратны трем³:

Некратное 3 количество лунок и сквозных отверстий содержат

размещенные слева от центрального «кулона» куколкообразные подвески ожерелья 10, 11, 14 размещенные справа от него же куколкообразные подвески ожерелья 11, 13, 14 вытянуто-овальная пластина со змеевидно-волнистыми линиями и сквозным отверстием 19 сквозное отверстие на скульптуре летящего лебедя 1

Кратное 3 количество лунок и сквозных отверстий имеет

центральная подвеска ожерелья 273 каждый из отделов ее тоже содержит кратное 3 количество знаков: центральная зона 90 конец с большим числом знаков 99 конец с меньшим числом знаков 84

Трудно сказать, что предопределяло очевидное предпочтение к размещению на поверхности

предметов искусства, составляющих ожерелье, и на других подвесках, которые входили в комплекс украшений палеолитического человека Мальты, некротного 3 количества знаков. Можно, допустим, подумать, что главная причина определялась тем обстоятельством, что ожерелье было предназначено не для живого, а умершего или даже насильственно умерщвленного, иначе говоря, принесенного в жертву ребенка при осуществлении культового обряда, связанного, положим, с моментом основания поселения родо-племенной группы охотников в Мальте, строительством какого-то особо важного сакрального объекта (храма?) на его территории или свершения церемониальных таинств, приуроченных к определенному календарному празднику. Приемлемая гипотеза будет предложена далее после соответствующего анализа фактов. Пока же единственное, о чем можно говорить с определенностью, заключается в маловероятности того, что столь яркая особенность, как некротность 3 количества знаков на всех, кроме центральной подвески, предметах искусства из мальтийского погребения, могла получиться при случайной расстановке лунок и сквозных отверстий на их поверхностях.

Можно, однако, предположить, что концентрические овалы, спирали, прямые и змеевидно-волнистые линии, составленные из определенным образом рассредоточенных лунок и резных полосок, здесь не простые орнаментальные мотивы, но некая строго продуманная математическая система. В сущности она, и это весьма примечательно, близка математической системе ачинского ритуально-символического жезла, макроуровень которой тоже характеризуется некротностью 3 количества лунок в подавляющем большинстве строк, составляющих каждую из лент двух спиралей орнамента скульптуры (в 23 строках было некротное 3 количество лунок и лишь в 2 — кратное 3)⁴. Это заключение тем более кажется оправданным, что как в ачинском жезле некротность количества лунок в строчках числу 3 сопровождалась кратностью общего количества их в каждой из лент спиралей, так и некротность количества лунок и сквозных отверстий в большинстве подвесок ожерелья, а также иных предметов искусства из погребения сопровождается кратностью 3 общего их количества:

$$273 + (10 + 11 + 14) + (11 + 13 + 14) + 19 + 1 = 366.$$

В связи с этим уместно поставить вопрос о возможной неслучайности также и того обстоятельства, что за пределами центральной подвески, на поверхности которой было размещено наибольшее количество знаков, оказались все иные группы знаков с некротным их числом. Исключение таковых из числовой структуры центральной подвески быть может как раз и обуславливалось стремлением избежать нарушения именно в ней принципа непрерывной кратности 3 общей суммы знаков, равной 273. Это предположение тем более кажется оправданным, поскольку сходный по целевой направленности прецедент с выводением за пределы кратных 3 блоков сумм лунок того, что нарушало подобную математическую систему, уже отмечался. В самом деле, очевидно, именно из-за того же самого за пределы гармо-

нично размещенных спиральных фигур с кратными 3 суммами лунок орнаментальной композиции лунно-солнечного «идола» Мальты были выставлены вносящие в нее дисгармонию, не спиральные, с некротными 3 суммами лунок месяцеvidная фигура 14, змеевидно-волнистая линия 11 и одинокая лунка в зоне верхнего отдела двойной спирали 57⁵.

Какова могла быть реальная семантическая значимость приуроченности кратного 3 количества знаков на центральной подвеске и некротного 3 числа их на иных объектах, предстоит решить на последующих страницах. Пока же отмеченного выше достаточно для подтверждения мысли о том, что в количестве лунок и сквозных отверстий, размещенных на подвесках ожерелья, а также на других предметах искусства из мальтийского погребения, в самом деле выражена некая очевидно, строго продуманная математическая система. Календарный характер ее возможен. На это уже чисто внешне намекает символика составленных из лунок концентрических кругов, спиралевидных фигур и змеевидно-волнистых линий, образующих «орнаментальный» фон каждого из предметов искусства. Семантико-образная значимость их в общем плане ясна в свете принципов расшифровки узоров, предложенных К. Хептце. К тому же кратность 3 общего количества знаков на центральной подвеске ожерелья (273) и в целом на всех предметах искусства, связанных с погребением (366), тоже поневоле заставляет вспомнить афористично емкую реплику К. Хептце, суть которой сводится к тому, что число 3, как и голова быка, есть не что иное, как выраженная в самой концентрированной форме символика Луны, числовая и образно-художественная. Такое значение представляется тем более справедливым в свете возможной оправданности образного восприятия центральной подвески в качестве головы быка с направленными в разные стороны и заметно приостроенными рогами (рис. 7, 3). Во всяком случае, после двукратного подтверждения идеи отражения в знаковой системе из лунок на поверхности мобильных предметов искусства Сибири лунно-солнечных календарных циклов (ачинский жезл и лунно-солнечный «идол» Мальты) не будет, очевидно, нарушением корректности предположить, что и в случае с «украшениями» захороненного в каменном ящике ребенка Мальты количества знаковых элементов в «орнаментальных» композициях тоже связаны с календарными циклами эволюции движения Луны и Солнца.

И все же для подтверждения такой гипотезы необходимо провести убедительный анализ календарного характера чисел, выраженных количеством лунок и сквозных отверстий на каждом из структурных подразделений ожерелья, а также на других предметах искусства из захоронения. В этом плане примечательным представляется прежде всего количество знаков в «записи», нанесенной на поверхности центральной подвески ожерелья, — 273. Такой календарный блок, близкий продолжительности 10 сидерических или драконических лунных месяцев (273 или 272 дня), уже фиксировался в структуре трехлетнего лунного цикла счисления времени ачинского риту-

ально-символического жезла (273)⁶ и в структурах двухлетнего счисления времени лунно-солнечного «идола» Мальты (центральная спираль 243 + нижние отделы расположенных левее и правее двойных спиралей 63 и 57: $243 + 30 = 273$)⁷.

В последнем случае 273 знака выражали знаменательный календарный период, заключенный между сутками летнего солнцестояния и весеннего равноденствия. Если он, однако, подразделялся здесь всего лишь на два заметных с первого взгляда блока — 243 (центральная спираль) и около 30 (любой из нижних отделов двойных спиралей 63 и 57), то на центральной подвеске ожерелья таких сразу же визуальным обособленных блоков со значительным количеством знаков можно выделить по крайней мере три: 90 (концентрические овалы и линии из лунок, размещенные на брюшке и спинке средней части скульптуры), а также 99 и 84 (концентрические овалы из лунок, размещенные на концах скульптуры). Нетрудно заметить, что общее количество знаков на поверхности каждого из этих трех подразделений скульптуры тоже календарно значимо: 90, 99 и 84 близки продолжительности в сутках 1/4 тропического года. Как раз такое количество суток или близкое ему включает в календарях периоды от солнцестояний до равноденствий, что и позволяет подразделить тропический год на 4 приблизительно равные части, каждая из которых состоит из 90 или близкого количества суток.

Обратимся теперь к выявлению календарного характера чисел, выражающих количество лунок и сквозных отверстий на куколкообразных подвесках ожерелья:

$$10 \rightarrow 11 \rightarrow 14; \quad 11 \rightarrow 13 \rightarrow 14.$$

При анализе стоит прежде всего обратить внимание на близость их количеству лунок в двух концентрических овалах центральной подвески. Связь количества лунок и сквозных отверстий в каждой из куколкообразных подвесок с определенным фазовым состоянием Луны, которое наступает через определенное количество суток, возможна. Но все же нельзя не признать, что сопоставимость здесь не всегда выглядит достаточно четкой и ясной. То же впечатление создается при рассмотрении общего количества знаков в трех расположенных левее и правее центральной скульптуры подвесках, а также при суммировании того и другого:

$$10 + 11 + 14 = 35$$

$$11 + 13 + 14 = 38$$

$$35 + 38 = 73.$$

Числа 35 и 38 близки количеству суток в синодическом лунном месяце + фаза Луны. Число 73 приблизительно соответствует продолжительности в сутках 2 1/2 тропического или синодического лунного месяцев. Календарная значимость последнего числа подтверждается также тем, что близкое ему количество лунок было дважды зафиксировано в структуре лунно-солнечной календарной системы ачинского ритуально-символического жезла (70 и 70)⁸. И все же недостаточная

убедительность подобного рода дробных раскладок и сопоставлений заставляет искать иные, более весомые аргументы для доказательства как продуманности подбора количества знаков на куколкообразных подвесках, так и календарного характера их. При поиске в этом ключе на первоначальном этапе исследования достаточно обратить внимание на примечательный факт близости суммы знаков на центральной скульптуре ожерелья и на трех расположенных левее ее куколкообразных подвесках, с одной стороны, и суммы знаков в центральной спирали и двойной спирали 63 на лунно-солнечном «идоле» Мальты — с другой⁹:

Ожерелье	Лунно-солнечный «идол»
$273 + 10 + 11 + 14 = 308$	$243 + 63 = 306$

Стремление выделить в той и другой системе счета времени один и тот же календарный блок представляется очевидным.

Календарный характер количества знаков на всех куколкообразных подвесках находит, наконец, решающее по силе подтверждение при общем суммировании их со знаками на центральной скульптуре, т. е., в сущности, при учете всех знаков, связанных с подвесками ожерелья:

$$273 + (10 + 11 + 14) + (11 + 13 + 14) = 346!$$

Близость этого количества знаков продолжительности одного из самых важных календарных периодов, а именно драконического года (346,62), не может не поразить воображения любого календариста, учитывая определяющую роль этого цикла для предсказания (ожидания?) момента затмений. Исключительное значение такого факта, в случае его неслучайности, т. е. подтверждения другими фактами и дополнительного плана сопоставлениями, трудно переоценить, ибо знаковая система структур ожерелья позволяет убедительнее, чем с помощью счетно-календарных структур ачинского жезла¹⁰ и лунно-солнечного «идола» Мальты, доказать знание палеолитическим человеком Сибири продолжительности в сутках драконического года со всеми вытекающими отсюда выводами об истинном уровне их общих астрономических познаний, тонкости их календарных разработок, а также целенаправленности астрономических наблюдений. Ясно, что не менее фундаментальные по значимости заключения могут затем последовать при интерпретировании семантики предметов искусства, с которыми оказалась связанной драконическая календарная «запись».

Желанные, дополнительного плана сопоставления, подтверждающие принципиальную возможность постановки подобного рода проблемы, появляются уже при анализе календарной значимости числа знаков на вытянуто-овальной пластине, которая находится за пределами структуры ожерелья (18 змеевидно-волнистых линий и сквозное отверстие, как бы разрывающее пополам одну из них). Змеевидные знаки сплошь покрывают одну из поверхностей пластины (рис. 5, 12; 9, 7), и количество их в плане календарной значимости весьма знаменательно с нескольких, почти одинаково интересных точек зрения:

1. Число $18 + 1$ (сквозное отверстие) в структуре синодического лунного месяца близко продолжительности той половины его длительности от момента последнего серпа или новолуния до очень примечательных в «жизни» почного светила суток, когда на 17-й день, после 3 ночей полной Луны, глаз человека впервые замечает признак начала ущерба диска. Момент начала «умирания» светила в культовых обрядах и мифологических сюжетах первобытного человека занимал, как известно, совершенно особое место, что отразилось, в частности, на отношении к числу 17. Можно, правда, возразить, что на вытянуто-овальной пластине знаков больше — 19. Однако здесь нужно учитывать два обстоятельства: а) согласно исследованиям А. Маршака, палеолитический человек часто предпочитал начинать счисления не с новолуния и не с первого серпа, а, напротив, с последнего серпа предшествующего месяца, и, значит, знаков до ущерба полной Луны должно быть в таком случае больше; б) возможно, сквозное отверстие в пластине подключалось к счету лишь 1 раз в 4 года, когда этот год был високосным.

2. Ясность в глубинно скрытую подоплеку религиозно-культовых представлений, связанных с этим моментом, привнесит то реальное по астрономической природе обстоятельство, что число $18 + 1$ (или без учета 1) имеет еще одну чрезвычайно важную календарную значимость. Оно близко половине длительности в сутках временного цикла, известного в астрономии как «период затмений». Он связан как раз с драконическим годом и включает в себя сутки, в течение которых за 17 дней до приближения Солнца к лунному узлу и в течение 17 дней после прохождения его через лунный узел может произойти затмение. Отсюда следует вывод: если знаки на подвесках ожерелья действительно определяли календарный период, равный продолжительности в сутках драконического года, то становится понятным, почему на поверхности пластины было выгравировано именно 18 змеевидно-волнистых линий, к которым чаще не добавлялось, чем добавлялось, как счетный знак сквозное отверстие. Каждый змеевидный знак мог символизировать сутки, когда после прохождения Солнца через лунный узел на 346-й день драконического года в течение 17 последующих суток в периоды полнолуния и новолуния можно было ожидать лунное или солнечное затмение. Что касается предшествующих вхождению Солнца в лунный узел 17 суток «периода затмений», то они, естественно, приходятся на соответствующую часть лунок и сквозных отверстий тех куколкообразных подвесок, на которых завершалось счисление времени по знаковой системе ожерелья.

Если близость количества знаков на центральной подвеске и расположенных левее куколкообразных подвесках количеству знаков центральной спирали и нижнего отдела расположенной левее двойной спирали лунно-солнечного «идола» Мальты (см. выше) можно расценить как свидетельство необходимости именно такого порядка счисления времени в структурах ожерелья, то, следовательно, завершающий этап дракониче-

ского года должен приходиться на знаки, связанные с куколкообразными подвесками, которые располагаются правее центральной подвески. Значит, Солнце до вхождения его в лунный узел «проходило» по 17 лункам и сквозным отверстиям куколкообразных подвесок 13 и 14. Оправданность такого предположения будет подтверждена далее наложением на знаки ожерелья астрономического календаря и, что в особенности важно, семантическими интерпретациями.

3. Календарная значимость числа $18 + 1$ или без учета 1, как и, одновременно, оправданность и рациональность необходимости суммирования для целей календарных вычислений знаков на подвесках ожерелья и пластине, подкрепляются следующими соображениями. Поскольку змеевидно-волнистые линии на пластине подразделяются сквозным отверстием на 2 блока с неравным количеством знаков в каждом из них (8 и 10), то возникают два возможных варианта суммирования. При одном из них, когда вначале к общей сумме знаков на подвесках ожерелья прибавляется 8 змеевидно-волнистых линий, становится очевидным, что тем самым автоматически определяется точная временная граница продолжительности в сутках лунного года:

$$346 + 8 = 354.$$

Следует сразу же заметить, что такой вариант длительности лунного года близок (с разницей в 2 суток) сумме лунок центральной спирали 244 и расположенных левее ее двойных спиралей 63 и 45 лунно-солнечного «идола» Мальты¹¹:

$$244 + 63 + 45 = 352.$$

Близкое 354 количество суток (с разницей в 3 или 1 сутки) оказалось также в двух из трех лунных лет ачинского ритуально-символического жезла — последнем и первом (351 и 355).

Это, однако, не означает, что суммирование следует производить только в таком порядке — $346 + 8$. Дело в том, что если вначале суммировать 10 змеевидно-волнистых линий с учетом или без учета сквозного отверстия, то полученное число, с расхождением в 2 знака, совпадает с продолжительностью в сутках лунного года, как он выражен лунками центральной спирали и расположенных справа от нее двойных спиралей лунно-солнечного «идола» Мальты¹²:

Сумма знаков на предметах искусства из погребения —

$$346 + 10 (\text{или } 11) = 356 (\text{или } 357).$$

Сумма знаков на лунно-солнечном «идоле» —

$$243 (\text{или } 244) + 57 + 54 = 354 (\text{или } 355).$$

Близкая продолжительность оказалась характерной для второго лунного года календарной системы ачинского ритуально-символического жезла — 357.

Отсюда следует, что в годичном лунном календаре, представленном знаками подвесок ожерелья и знаками вытянуто-овальной пластины, можно, благодаря именно последним, «проигрывать» близкие по продолжительности варианты

лунных лет, как и с помощью лунок лунно-солнечного «идола» Мальты, а также ачинского жезла. Для этого следует только последовательно, при смене лет, чередовать дополнение к драконическому году, продолжительность которого отражена в сумме знаков на подвесках ожерелья, прибавляя к ним то 8, то 10 (или 11) змеевидно-волнистых линий и сквозное отверстие вытянуто-овальной пластины:

I вариант

II вариант

$346 + 8 = 354$ $346 + 10$ (или 11) = 356 (или 357).

Близость продолжительности лунных лет и строгий порядок их смены отразились в трех календарных системах, зафиксированных на предметах мобильного искусства палеолита Сибири. Это свидетельствует о единой календарной традиции и убедительно подтверждает календарную значимость количества змеевидно-волнистых линий, выгравированных на поверхности пластины.

Подводя итог сказанному, можно в предварительном плане констатировать, что на подвесках ожерелья и других «украшениях» из мальтинского погребения изображены не просто разного рода орнаментальные композиции из лунок, сквозных отверстий и змеевидно-волнистых линий, а строго продуманная счетная структура. Учитывая календарный характер числовых блоков ее, допустимо предположить, что она, возможно, представляет собой разработанную в деталях и оригинальную по особенностям лунно-солнечную календарную систему, с отчетливо выделяющимися в ней четвертями тропического года, блоком драконического года, двумя вариантами счета суток в лунном году. В целом, очевидно, не случайно количество знаков на подвесках ожерелья и объектах, размещенных вне его, точно соответствует числу суток в годичном тропическом календаре.

Чтобы, однако, это предположение стало приемлемой теорией, следует, решив предварительно комплекс вопросов, связанных с определением начальной точки отсчета времени по Луне и Солнцу, а затем направления и очередности хода светил по концептрическим овалам, линиям и спиральям, образованным лунками и сквозными отверстиями, а также по змеевидно-волнистым линиям, провести, как и в случаях с лунно-солнечным «идолом» Мальты и ачинским жезлом, экспериментальное совмещение всех этих знаков с конкретным астрономическим лунно-солнечным календарем. В случае, если дважды уже оправдавший себя методический прием жесткого контроля и беспристрастной проверки опять даст удовлетворительные результаты, т. е. убедительно подтвердит приемлемость сделанного вывода, то предварительный этап расшифровки знаковой системы ожерелья можно будет считать завершенным. Рациональность предложенного варианта интерпретации ее следует для убедительности закрепить, помимо доводов календарно-астрономического плана, также вскрытием семантики как в целом орнаментальных композиций и отдельных их структур, так и тесно связанных с ними предметов искусства.

Ясно, что речь, в сущности, идет о попытке предложить допустимый вариант прочтения зафиксированного в знаковой системе и образах первобытного художественного творчества палеолитического мифа и уяснить возможный характер связанных с ним ритуалов.

Как показали многократные (и в разных вариантах) наложения современных астрономических календарей на знаковую систему подвесок ожерелья, а также вынесенных за пределы его так называемых украшений, начинать счисление времени рациональнее всего с лунок центральной подвески ожерелья. Более того, суть дела тут заключается даже не столько в рациональности (она может быть объявлена категорией субъективной), сколько все в той же жесткой обусловленности, не допускающей «проигрыша» разных вариаций ходов решения проблемы. Речь идет о том, что на поверхности подвески лунки размещены по отделам (средняя зона скульптуры и концы) так, что количества их, соответствуя примечательным календарным блокам, позволяют предположить **только один вариант** определения характера исходного момента счета времени по Луне и Солнцу, а также в последующем установления порядка прохода их по структурам того, что обычно воспринимается как орнаментальная композиция на предметах искусства (рис. 10). Это генеральное по значимости обстоятельство, **предопределяющее недопустимость какого-либо иного выбора направления счета времени по знакам центральной подвески, обуславливается характерной в конкретности числовой комбинаторикой количества лунок на поверхности ее центрального отдела, с одной стороны, и на двух концах — с другой:**

$$90 \rightarrow 99 \rightarrow 84.$$

Начинать, очевидно, следует с центрального отдела, где количество лунок близко соответствует числу суток в $1/4$ тропического года, что при начале и окончании счисления времени по знакам позволит относительно точно зафиксировать моменты одного из равноденствий и следующего за ним солнцестояния. Они-то как раз и ограничат календарный блок продолжительностью в 90 суток. Ясно, что такой цели нельзя достичь, начиная счисления с блока 84 (будет значительная недостача) или с блока 99 (будет значительный излишек), отчего границы календарного периода будут неопределенными.

Выбирая последующий порядок счисления, следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что сумма лунок, размещенных в пределах центрального отдела и одного из концов скульптуры, близка знаменательному календарному периоду — продолжительности в сутках времени от момента весеннего до момента осеннего равноденствий:

$$90 + 99 = 189.$$

Если учесть, что астрономы определяют продолжительность этого календарного блока как «примерно равного 187 суткам», то близость числа, полученного в результате суммирования количества лунок центрального отдела скульп-

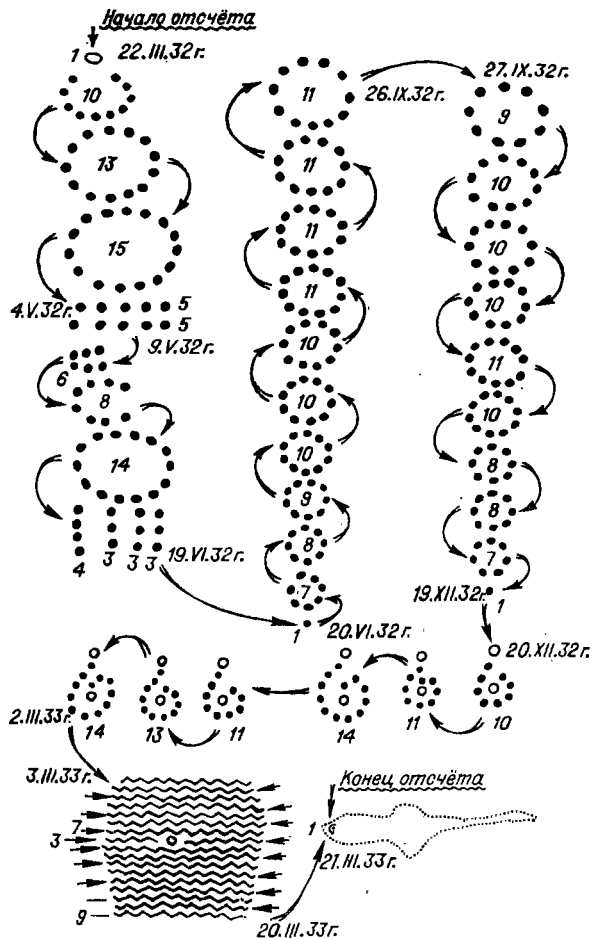

Рис. 10. Схема наложения астрономического календаря 22.03.1932 г.—21.03.1933 г. на знаковую систему подвесок ожерелья, пластины со змеевидными волнистыми линиями и «летающего лебедя». (Рис. В. И. Жалковского.)

туры и конца с 99 лунками оказывается очевидной. Результат же другого сочетания при суммировании лунок не отличается желанной близостью к известным календарным блокам. В самом деле, сумма лунок центрального отдела и другого конца скульптуры

$$90 + 84 = 174$$

значительно менее точно отражает период от осеннего до весеннего равноденствия, который астрономы определяют как «примерно равный 178 суткам». Поскольку, судя по календарной структуре ачинского ритуально-символического жезла, палеолитическому человеку Сибири была известна разница в количестве суток, составляющих календарные блоки от весеннего равноденствия до осеннего (187) и наоборот (177)¹³, то при стремлении к такой точности счисления времени в древнекаменном веке не остается иного выхода, как пачать счет на центральной подвеске с момента весеннего равноденствия, а порядок очередности прохода по лункам отделов ее принять только такой:

$$90 \rightarrow 99 \rightarrow 84.$$

Последующая проверка с помощью наложения на знаковую систему астрономического ка-

лендаря, как и интерпретация семантики ожерелья, будут призваны подтвердить такое заключение. Но перед тем, как начать операцию по наложению реального астрономического календаря на знаковую систему подвесок ожерелья, а также «украшений», выведенных за пределы его структур, необходимо условиться, в какой фазе должна находиться Луна в период весеннего равноденствия. Учитывая соображения, высказанные по такому же случаю при наложении астрономического календаря на знаковую систему лунно-солнечного «идола» Мальты (речь идет, в частности, об удобствах расчетов по предсказаниям (ожидаемым?) прежде всего лунных, а отталкиваясь от полученных результатов, и солнечных затмений)¹⁴, а также возможную семантику предметов искусства, связанных с мальтинским погребением, следует признать рациональным предположение, что ночное светило в этот момент пребывало в состоянии полнолуния, т. е. визуально оно было противопоставлено на небосклоне Солнцу, что определяло, как выяснится в соответствующем месте исследования, подоплеку мифологической идеи космического полового акта, при котором светила должны занимать на небосклоне «противолежащее положение». Эта мысль будет подтверждена соответствующими этнографическими аналогиями, в том числе из области архангелского искусства (речь идет о предметах культово-обрядового предназначения).

Начнем поэтому счисление с весеннего равноденствия 22 марта 1932 г., совпавшего с полнолунием (рис. 10)¹⁵. Эту дату совместим с отверстием, через которое продевался шнурок для прикрепления центральной подвески к нити ожерелья, а затем продолжим счисление по лункам, которые образуют концентрические овалы на поверхности более выступающей и круто выпуклой части средней зоны скульптуры в порядке увеличения в них количества знаков:

$$1 \rightarrow 10 \rightarrow 13 \rightarrow 15.$$

Далее следует решить вопрос — по каким линиям из лунок рациональнее продолжить счисление — или по тем, которые размещены на брюшке (5 → 5), или по линиям на выпуклой спинке (4 → 3 → 3 → 3)? Выбор первого варианта определяется следующими тремя соображениями:

а) большее количество знаков (1 + 10 + 13 + 15 = 39) на выпуклой части средней зоны скульптуры позволяет предположить, что именно к ним присоединялись лунки брюшка, где их меньше (5 + 5 = 10); это позволяло получить число знаков, более близкое 1/8 тропического года, чем при втором варианте:

$$1 + 10 + 13 + 15 + 5 + 5 = 49;$$

б) если присоединение первых 5 знаков давало возможность с удовлетворительной точностью выйти на рубеж 1/8 тропического года (блок так называемого майского календаря)

$$1 + 10 + 13 + 15 + 5 = 44,$$

то счисление еще 5 знаков определяло, быть мо-

жет, время восхода какой-то яркой звезды или созвездия, если отсчитывать сутки со дня весеннего равноденствия:

$$44 + 5 = 49;$$

в) после присоединения последних 5 знаков станет естественным, в порядке увеличения количества знаков, переход к лункам, которые образуют концептрические овалы на поверхности менее выступающей и плавно закругленной части средней зоны скульптуры:

$$6 \rightarrow 8 \rightarrow 14.$$

Следовательно, счисление в средней зоне скульптуры завершится затем на линиях из лунок, размещенных на спинке подвески:

$$4 \rightarrow 3 \rightarrow 3 \rightarrow 3.$$

Если предложенный порядок счисления оправдан, то на 39 знаков более выступающей и круто выпуклой части средней зоны скульптуры придется календарный период от полнолуния 22 марта до 29 апреля. Присоединение к нему первых 5 лунок брюшка определит рубеж полутора синодических лунных месяцев, или $1/8$ части тропического года, который придется на последний серп «умирающего месяца» 4 мая. Счисление первого блока завершится через 5 суток, что приурочивалось, очевидно, к знаменательному событию майского календаря, каким следует считать восход яркой звезды или созвездия, которые как раз и могли определять истинное окончание весеннего периода и канун наступления первой половины лета. Молодая Луна находилась в это время в стадии за 3 суток до первой четверти (здесь и далее см. рис. 10). В целом же счисление времени по знакам обеих частей средней зоны скульптуры заканчивалось близко к дням летнего солнцестояния — 19 июня, когда Луна вторые сутки пребывала в фазе полнолуния.

Последующее счисление следует продолжить по 99 лункам соответствующего конца скульптуры. По-видимому, оно велось сначала по группам, где их размещалось меньше. Рациональность такого предположения определяется следующими соображениями: а) такое значительное в календарных раскладках событие, как момент накатуне летнего солнцестояния, оказался бы связанным с одиночной лункой на конце скульптуры (*ostium urethrae externum* фаллоса, при восприятии скульптуры именно в подобной инстанси); б) следующие 7 лунок могли бы определять примечательный астрономический период, когда Солнце «стояло», т. е. восходило и заходило примерно в одних и тех же точках горизонта на востоке и западе, а в полдень поднималось на юге на одну и ту же максимальную для года высоту; в) период в 11 суток, который выражался лунками овала на противоположном крае этого же конца скульптуры, слишком длителен для явления солнцестояния, чтобы начинать счисление отсюда. Поэтому, если предложенное приемлемо, то счисление на этом конце скульптуры начиналось с одиночной лунки и она

в таком случае определяла день накатуне солнцестояния — 20 июня, когда Луна третьи сутки находилась в стадии полнолуния, а Солнце достигало максимума могущества перед знаменательной в его «жизни» «остановкой» в дни летнего солнцестояния. Далее проход по лункам осуществлялся в такой последовательности:

$$7 \rightarrow 8 \rightarrow 9 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 11 \rightarrow 11 \rightarrow 11 \rightarrow 11.$$

Итак, счисление времени на этом конце скульптуры начиналось 20 июня, в день, близкий к периоду солнцестояния (7 последующих лунок), когда Луна находилась в последние из 3 суток своего визуального полнолуния, а заканчивалось через 99 суток 26 сентября, когда Луна была в стадии за 3 дня до новолуния. Этот **умирающий месяц** суток, близких моменту осеннего равноденствия, весьма наглядно символизировал собой начало периода **предзимнего увядания** природы, так же, впрочем, как и **ущербная** Луна 21 июня, которая приходилась на одну из лунок овала 7, столь же выразительно знаменовала собой **осаговку** перед **астрономическим поворотом** календаря от лета к зиме.

Такое сакральное повествование — намек с помощью меняющегося лика ночного светила как своего рода астрального кода — представляется весьма выразительным и живым. Не менее значимым в календарном плане выглядит, разумеется, также и переход или, можно даже сказать, «скачок» от лунок центрального отдела скульптуры к концу ее, на котором размещено 99 лунок. Эта форма очередности подключения отделов при счислении времени, сопровождаемая «скачками», есть также не что иное, как информационный код, сигнализирующий о коренных по значимости событиях, связанных со сменой сезонных циклов. В данном случае «скачок» в счислении от средней части скульптуры к концу ее знаменует астрономический поворот от летнего сезона к зимнему. Что касается бросающегося в глаза выхода счисления за пределы тех суток, которые определяют истинный момент осеннего равноденствия (22 или 23 сентября), то этот «перебор» сделан палеолитическим календаристом, по-видимому, преднамеренно и потому, что такой рубеж по-настоящему устанавливался не столько по Солнцу, что сделать сложно, сколько по более четкому знаку — восходу особо яркой звезды или примечательного созвездия.

Счисление времени по знаковой системе центральной подвески завершалось после очередного скачка прохождением 84 лунок, размещенных на втором ее конце. Возникает, однако, вопрос — откуда оно начиналось? Предлагается вариант, обратный направлению счисления на конце 99, т. е. от овала из лунок 9, примыкающего к среднему отделу скульптуры, и далее, в соответствующей последовательности, к приотстренному конусовидному концу с одиночной лункой:

$$9 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 10 \rightarrow 11 \rightarrow 10 \rightarrow 8 \rightarrow 8 \rightarrow 7 \rightarrow 1.$$

Такое решение обуславливается следующим соображением: проход Солнцем момента осеннего, как, впрочем, в той же степени и весен-

него, равнодействия не связан со «стоянием» светила, и потому нет оснований отражать в календаре смену скорости смещения его примечательным уменьшением количества лунок в овалах. Поэтому после завершения счисления по овалам конца 99 (...11 → 11 → 11) будет естественным переход к близким по количеству знаков овалам конца 84 (9 → 10 → 10...). Такое направление счисления позволит объяснить сокращение количества знаков в последующих на конце 84 овалах (...10 → 8 → 8 → 7) стремлением отразить замедление скорости движения Солнца при приближении к моменту зимнего солнцестояния, а выделение однопочной лунки — желанием подчеркнуть значимость суток, близких зимнему солнцестоянию.

Если предложенный вариант направления счисления по знакам конца 84 приемлем, то оно начиналось 27 сентября, совмещенного с одной из лунок овала 9, когда Луна находилась в фазовой стадии, близкой к последнему серпу «умирающего месяца», а завершалось 19 декабря на единичной лунке за 3 дня до момента зимнего солнцестояния, когда Луна находилась в стадии за сутки до последней четверти. Эта единичная лунка в образном плане могла восприниматься как *ostium urethrae externum* фаллоса.

Завершив проход светил по лункам центральной подвески, необходимо определить, на какие из структурных подразделений комплекса украшений, связанных с погребением, следует наложить последующие сутки астрономического календаря. Логично предположить, что они, определяя очередной визуально четкий переход (скачок) от одного календарного (сезонного) периода к другому, должны быть связаны прежде всего с лунками и сквозными отверстиями куколкообразных подвесок ожерелья. Но в связи с этим возникает вопрос очередности подключения их к астрономическому календарю. Проблему выбора одного из двух возможных вариантов помогает решить следующее соображение: поскольку продолжение счета времени по лункам и сквозным отверстиям куколкообразных подвесок, которые располагаются слева, только в таком случае позволяет, при завершении его, выйти на близкое число суток, какое получалось при суммировании лунок центральной спирали и двойной спирали 63 в лунно-солнечном «идоле» Малты¹⁶, то принимается именно этот, а не второй вариант:

Ожерелье с подвесками	Лунно-солнечный «идол»
$273 + (10 + 11 + 14) = 308$	$243 + 63 = 306$

Что касается приведенного здесь порядка подключения подвесок, а именно

10 → 11 → 14,

но не наоборот:

14 → 11 → 10,

то такой выбор определяется рациональностью выхода с помощью знаков первой в ряду подвески 10 на период завершения зимнего солнцестояния, а также, что, быть может, не менее

важно с точки зрения содержания мифа, «записанного» лунками и сквозными отверстиями, на десятимесячный календарь беременности женщины:

$$273 + 10 = 283.$$

Выводы, которые следуют из такого факта, будут изложены на последующих страницах. А пока лишь отметим, что при завершении счета времени на знаках трех, расположенных левее «кулона» подвесок астрономический календарь должен затем накладываться на знаки подвесок, размещенных правее. По аналогии с принятым в первом случае порядком целесообразно счет здесь вести в такой последовательности:

$$11 \rightarrow 13 \rightarrow 14.$$

В итоге выясняется, что первая из расположенных левее «кулона» подвесок определит своими знаками календарный блок от 20 до 29 декабря 1932 г. Он начинался с первой четверти Луны и завершался вторым днем народившегося месяца, который визуалью мог быть первым днем. От начала счисления времени 22 марта это как раз и составляло весьма знаменательный период продолжительностью в 283 дня, т. е. на удивление точный десятимесячный лунный календарь беременности женщины. Вторая подвеска определяла далее календарный блок от 30 декабря до 9 января 1933 г. Он начинался с трехдневного серпа Луны, а завершался за двое суток до полнолуния. От начала счисления это составляло 294 дня. Третья подвеска определяла календарный блок от 10 до 23 января. Он начинался за сутки до полнолуния, а завершался за сутки до новолуния, т. е. визуалью, по существу, быть может, последним серпом «умирающего месяца». От начала счисления это составляло 308 суток.

Далее счисление продолжалось по лункам и сквозным отверстиям подвесок, расположенных справа от центральной скульптуры в порядке возрастания в них количества знаков, т. е. от левой к правой:

$$11 \rightarrow 13 \rightarrow 14.$$

Четвертая подвеска определяла календарный блок с 24 января по 3 февраля. Он начинался последним серпом «умирающего месяца», т. е. визуалью, возможно, новолунием, а завершался сутками, следующими за первой четвертью. От начала счисления это составляло 319 суток. Пятая подвеска определяла календарный блок от 4 до 16 февраля. Он визуалью завершался сутками накануне последней четверти. От начала счисления это составляло 332 дня. Шестая подвеска определяла календарный блок от 17 февраля по 2 марта. Он начинался с последней четверти, а завершался за сутки до первой четверти. От начала счисления это составляло 346 суток. Следовательно, последний знак этой подвески определял рубеж продолжительности драконического года (346 суток). Как замечательный факт следует вообще рассматривать увязывание драконического года со знаковыми элементами только ожерелья. Для последующих семантических интерпретаций его композиционных частей как

некоего целого это обстоятельство должно учитываться и, быть может, играть определяющую роль.

Осуществляя затем очередной календарный «скачок», продолжим наложение астрономического календаря на знаковые системы предметов искусства, расположенных за пределами ожерелья. Приступая к этому, рационально вначале совместить очередные сутки со змеевидно-волнистыми линиями вытянуто-овальной пластины. От какого края ее по направлению к центральному сквозному отверстию следует вести счет, подсказывает, как уже отмечалось, структура первого лунного года, отраженная в конкретных числовых блоках лунно-солнечного «идола» Мальты. Поскольку при наложении на них соответствующих суток 1967—1968 гг. этот лунный год составлял по продолжительности 352 дня $(244 + 63 + 45)^{17}$, следовательно, совмещение нужно производить вначале по 8 змеевидно-волнистым линиям:

$$346 + 8 = 354.$$

Эти знаки определяли календарный блок с 3 по 10 марта. Он завершался днем накануне полнолуния. Короткая змеевидно-волнистая линия, следующая за сквозным отверстием, которое в данном случае не учитывалось, поскольку 1933 г. невысокосный, а также 10 змеевидно-волнистых линий, расположенных по другую сторону его, определяют календарный блок с 11 по 20 марта. Он начинался с полнолуния, а завершался за 4 суток до новолуния.

С точки зрения определения возможности лунного затмения примечательным представляется то обстоятельство, что первые сутки полнолуния пришлись на одну из коротких змеевидно-волнистых линий, между которыми размещается сквозное отверстие. Не означало ли это, что затмение должно было состояться? Во всяком случае можно предположить, что именно сквозные отверстия как на пластине, так и на подвесках ожерелья как-то предопределяли это природное явление (в случае близкого подхода к обозначающим их датам первых суток полнолуния или астрономического (но не визуального!) новолуния, когда происходило затмение солнечное). Не исключен, однако, и второй вариант — лунное или солнечное затмение происходило или ожидалось лишь тогда, когда первый день полной Луны, или новолуние, приходилось на сквозное отверстие подвесок. Для решения этой проблемы потребуются, естественно, специальные астрономического плана исследования.

Наложение завершается на сквозном отверстии скульптурного изображения летящего лебедя. На этот знак пришлось 21 марта, когда Луна находилась в фазе за 3 суток до новолуния. Не означало ли это, что затмения опасаться не следовало?

Операция с наложением астрономического календаря подтверждает оправданность идеи фиксации в лунках, а также иных знаках, нанесенных на поверхности мобильных предметов искусства погребения Мальты, лунно-солнечной календарной системы, которая оказалась в общем сходной по характеру с системой счета времени,

как ее представляют «орнаментальные» структуры лунно-солнечного «идола» Мальты. Нельзя, однако, не заметить и примечательной, ярко выраженной специфики календаря из погребения, отразившейся в начале счисления времени с момента не летнего солнцестояния, а весеннего равноденствия.

В годовом тропическом календаре, зафиксированном знаками на предметах искусства мальтинского погребения, в значительно более ясной форме отражена наделенность на выделение драконических рубежей, что позволяло со скрупулезной точностью следить по ходу лет за смещением лунных узлов. Выделение в годовом календаре очень дробных подразделений, в сущности беспрецедентное в тщательной разработанности для древнейшей эпохи истории человечества, свидетельствует, помимо прочего, о решении палеолитическими календаристами Сибири проблемы предсказания (ожидания?) лунных и солнечных затмений. Ясно, что эти грозные явления, как и цикличность чередования сезонов возрождения, умирания и нового возрождения природы, находили отражения в сюжетах мифов людей древнекаменного века Северной Азии. Поэтому далеко не случайным выглядит факт связи отмеченной специфики календаря именно с умершим или насильственно умерщвленным ребенком. Это был, очевидно, календарь жизни, смерти и возрождения.

Направляющуюся теперь для исследования очередную, особо сложную тему семантики образов, которые просматриваются в том, что составляет инвентарь погребения, следует предварить выяснением вопроса о возможном отражении в структурах комплекса украшений циклов беременности человека и животных. Речь идет все о том же — попытаться отыскать убедительные доводы, которые подтвердили бы наличие в тех же самых календарно-астрономических блоках «орнамента» календарей беременности, т. е. произвести специфическое «расслаивание» двух совмещенных календарей — природно-астрономического и биологического.

В ключе такого направления хода поиска в первую очередь привлекает временной период от весеннего равноденствия до зимнего солнцестояния, по своей продолжительности в 273 дня близко соответствующий циклу беременности женщины. Он в наборе подвесок оказался выраженным числом лунки, размещенных на поверхности лишь одного структурного подразделения ожерелья — центрального. В орнаментальных структурах лунно-солнечного «идола» Мальты этот период выражен не столь определенно и даже, если подходить строго, не бесспорно, ибо для выявления его пришлось суммировать лунки центральной спирали и нижние отделы двойных спиралей 63 и 57¹⁸. Не бесспорно потому, что в структуре «идола» отсутствуют прямые указания на оправданность именно такого порядка счисления времени. Если же он и был предпринят, то его оправдывала, помимо примечательных аналогий в структурах ачинского жезла, чисто логическая целесообразность. Доказательная сила такого приема может, разумеется, оспариваться. Что касается ачинского жезла, то выделение в

его календарных блока периода в 273 дня в связи с циклом беременности женщины выглядело вне совмещения с конкретным образом также довольно проблематичным. В случае же с ожерельем подобные проблемы снимаются, ибо календарный блок длительностью в 273 дня связан в нем с одной и той же структурной частью комплекса, что само по себе исключает сомнения в реальности выделения его палеолитическим календаристом Мальты, и к тому же этот блок оказался палочкой перед предметом искусства, который вне каких-либо сомнений выражал образ беременной женщины. Эти обстоятельства и подтвердили принципиальную возможность того порядка перехода от центральной к двойным спиральям лунно-солнечного «идола», который был предложен в ходе расшифровки запечатленной в ее орнаментальной композиции календарной системы.

Но, пожалуй, наибольший интерес вызывает в связи с такой благоприятной ситуацией перспектива усилить и подтвердить оправданность идеи отражения в календарном блоке продолжительностью в 273 дня не просто и не только примечательного астрономического периода от весеннего равноденствия до зимнего солнцестояния, а и цикл беременности женщины. И если в случае со спиралью «идола» Мальты требовались определенные усилия воображения, чтобы усмотреть в структурах орнаментальной композиции стилизованное под узор изображение женщины в позе роженицы, что как раз и использовалось как косвенный довод возможной справедливости мысли о календаре беременности, то воспринять центральную подвеску ожерелья как скульптуру беременной женщины не составляет труда для любого, кто знаком с соответствующими образами палеолитического искусства.

Сказанное предопределяет вывод, что календарная запись из лунок не только открывает возможность нетрадиционного восприятия образа, воплощенного в скульптурной по характеру подвеске, но также позволяет вновь обратиться к самой сакральной и сложной теме древнего художественного творчества — раскрытию и интерпретации «текста», зашифрованного в сплывших воедино и неразрывно предмете искусства и палочке на него знаковой системе. Последняя представляет собой своего рода «подпись» к скульптурному произведению из бивня мамонта, раскрывающую его образно-семантический смысл. Близость временного периода продолжительностью в 273 дня (10 сидерических или драконических лунных месяцев, составляющих $3/4$ тропического года) циклу беременности женщины позволяет трактовать этот факт со всей определенностью.

Его реальность может быть к тому же в значительной степени усилена и закреплена дополнительными соображениями, высказать которые тем более необходимо, поскольку с ними связывается выход на интерпретацию образов и семантики других структурных частей ожерелья, и прежде всего так называемых куколкообразных подвесок, непосредственно связанных со скульптурным изображением беременной женщины. Следует отметить, что календарный блок в 273

дня лишь приблизительно соответствует десяти-месячному лунному циклу беременности женщины, который в действительности на целую фазу Луны, т. е. на 8—9 дней, продолжительнее и составляет около 281—282 суток. Но близкий период и выделяется при совмещении количества лунок скульптурного изображения женщины с лунками и отверстиями непосредственно соседствующей с ней слева подвески, по знакам которой непременно должен продолжаться счет времени после завершения счисления его по знакам центрального «кулона»:

$$273 + 10 = 283.$$

Небезынтересно в связи с этим обратить внимание и на то, какими фазами Луны и каким «состоянием» Солнца определялся в конце декабря 1932 г. этот завершающий период цикла беременности женщины. Он начинался в фазе, близкой к последней четверти, и после «смерти» ночного светила завершался сутками, близкими первому серпу народившегося месяца. Солнце в начале этого же периода было накануне своей наибольшей «слабости» перед зимним солнцестоянием, а в конце — «обновленным» или запово «рожденным» дневным светилом начала нового календарного года, когда после нескольких дней «стояния» происходил астрономический поворот от зимы к лету.

Если в принципе верна высказанная выше идея об отражении знаковой системой скульптуры беременной женщины цикла, предшествующего этапу разрешения от бремени, то трудно вообразить более емкое по содержательности, остроумию и изящности отражение ее в стилизованных образцах искусства. Подвеска 10 предельно экономно, выразительно и натуралистически пагладно символизирует то дитя, которое, подобно серпу молодой Луны или обновленного Солнца, появляется из материнского лопа в строго предопределенное природой время — через 281—283 дня. Не случайно поэтому сама эта подвеска не столько «восьмеркообразна», сколько «куколкообразна». В антропоморфных очертаниях ее угадывается, в частности, фигура новорожденного младенца. Это и есть младенец, зачатый в полнолуние, т. е. при астрально-космическом половом акте противопоставленных друг другу в небе Луны и Солнца в знаменательный день весеннего равноденствия, и появившийся на свет, когда на небосклоне в десятый раз по прошествии того события засветился серебристый рог Луны. Она теперь находилась в непосредственной близости от как бы породившего ее «омоложенного» Солнца.

Есть, однако, в антропоморфной фигурке подвески 10, как и в других боковых подвесках ожерелья, деталь, которая со всей очевидностью намекает и на иную, звериную, сущность новорожденного. Речь идет о знаковой системе из лунок и сквозных отверстий, образующих вместе на поверхностях подвесок фигуры в виде двойных спиралей. Они символизировали собой извивающихся змей, возможно — воплощение душ появившихся на свет.

Таким образом, то, что в «узорах» лунно-солнечного «идола» Мальты с трудом просматрива-

лось в изящных круговертях стилизованного (зашифрованного?) изображения фантастической по облику роженницы и спирально скрученного плода, который появлялся из лопа после веселого равноденствия (верхние отделы спиралей 63 и 57)¹⁹, в структурах ожерелья нашло отражение в несравненно более понятных, в сущности почти реалистических образах скульптуры беременной женщины и антропоморфной по облику подвески 10. Что касается знаковой системы, то она в том и другом случае оказалась одной и той же — календарной, в основе своей сходной в обоих вариантах по структуре, хотя и различающейся в деталях, иногда весьма существенных. В качестве простейших элементов этой системы использовались одни и те же по виду лунки, а также отверстия, которые располагались на поверхности так, что образовывали криволинейные пунктирные фигуры — спирали, концентрические круги, а также прямые и змеевидно-изгибающиеся линии. Кстати, спираль из лунок на подвеске 10 извивается так, что конфигурация ее может наглядно выражать завершение периода зимнего солнцестояния и начало сдвига к «дорогам» нового тропического года, т. е. поворот Солнца к очередному этапу движения его на север, иначе говоря, в северную сферу мироздания.

Если, однако, оправдано предположение, что куколкообразная подвеска 10 есть в самом деле рожденное дитя, то, чтобы и далее быть последовательным в заключениях, следует и остальные подвески ожерелья, как, впрочем, и предметы искусства, выведенные за пределы его структур, воспринимать в качестве существ, появление на свет которых связано с фактом разрешения от бремени той же женщины, чей образ воплощен в полисемантической скульптуре — в центральной подвеске. Если пока ограничить разговор только ожерельем, то выходит, что женщина порождает 6 существ, воплощенных в предметах искусства в виде куколкообразных подвесок. В этой связи нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что и на мальтинском «идоле» центральную спираль, своего рода «мать-змею», окружают именно 6 спиральных и иных фигур, по-видимому, семантически ее детенышей, а на ачинском жезле лента с количеством знаков, равным 273 и в точности соответствующем числу их на центральной подвеске ожерелья, тоже сопровождается 6 ипями, со значительно меньшим количеством знаков лептами, спирально, в виде змей, извивающимися на поверхности фаллической скульптуры. Таким образом, каким бы ни был календарь мальтинской культуры — близким годовому (ожерелье), двухгодичным («идол») или трехлетним лунным, — структуру его обязательно составляли 7 элементов — центральный, воплощавший, судя по всему, порождающее начало, и 6 дополнительных, которые символизировали порождаемое.

При решении вопроса, кто эти порождаемые змеевидные или антропоморфно-змеевидные существа, возможны два, по крайней мере, варианта:

1. Это могли быть, судя по числу подвесок, 6 близнецов. Но количество знаков, а следова-

тельно, суток, связанных с куколкообразными подвесками (73), не позволяет допустить, что все они представляли детей человеческого облика. Последних, очевидно, не могло быть более 4, если исходить из суммарного количества знаков на подвесках 10, 11, 14, расположенных слева от кулона, и подвески 11, расположенной справа. В самом деле, наиболее продолжительный период беременности женщины составляет, как известно, 320 суток, т. е. превосходит цикл в 273 дня приблизительно на 46 суток:

$$273 + (10 + 11 + 14) + 11 = 319.$$

Поскольку продолжительность внутриутробного развития у отдельных животных превосходит продолжительность самого длительного периода беременности женщины, подвески 13 и 14 следует считать воплощениями детенышей зверей.

Представление о рождении женщиной не только дитя человеческого, но и детенышей животных не должно удивлять археологов палеолита. И если высказанное предположение о подвесках как символах порождаемых *Magna Mater* существ справедливо, то, может быть, удастся здесь показать, что в реальности питало эту самую, пожалуй, грандиозную из идей первобытных мифов.

Другие подвески из погребения тоже могли воплощать рожденные женщиной существа. В частности, пластина, на знаках которой завершалось счисление двух вариантов лунных лет и срока, близкого продолжительности в сутках тропического года (недостает всего одних суток), могла символизировать рождение *Magna Mater* таких животных, как лошадь и бизон. Обращаясь, однако, к скульптуре летящего лебедя, которой завершается комплекс «украшений» погребенного в Мальте ребенка, можно отклонить такое направление общей интерпретации предметов искусства. В самом деле, разве период выведения птенцов лебедем, на выступах скульптурного изображения которого завершается счисление тропического года, равен 365—366 суткам? Отрицательный ответ предопределен, но оп-то как раз и позволяет обратиться ко второму варианту интерпретации сути образов, которые в скульптурных подвесках воплощали тех, кого рожала *Magna Mater*.

2. Боковые подвески ожерелья, а также «украшения», размещенные за пределами его структур, воплощали в антропо- и зоантропоморфных образах небесные светила. Принципиальная возможность рождения их в физиологически прямом смысле именно таким существом, как *Magna Mater*, может быть без труда подтверждена соответствующей подборкой сюжетов из мировой мифологии. Но поскольку доказательная сила такого методического приема слаба, обратимся к иным, астрономического плана аргументам, которые, кстати, позволят попутно выявить реальную подоплеку формирования подобных мифов. Намеренно на космическое по характеру рождение *Magna Mater* человеческого дитя просматривается уже в том, что появление его на свет в образе подвески 10 совпадает с первым серпом народившегося месяца.

Не менее знаменательны с точки зрения фазового состояния Луны и другие подвески ожерелья, достойный анализ чего (опять-таки с позиций акта космического рождения) невозможен здесь из-за недостатка места. Поэтому пока сконцентрируем внимание на следующем весьма примечательном обстоятельстве: поскольку со змевидами-волнистыми знаками пластины совпадают временные границы лунного года, а со сквозным отверстием скульптуры летящего лебедя — солнечного (тропического) года, то допустимо предположить, что эти подвески, тоже, по-своему, рожденные Magna Mater, воплощали (причем, разумеется, опять-таки в образах конкретных животных) не только умирание старых и появление на свет новых лет, но и то, что в наиболее яркой и яркой форме символизировали годы. Если ночное светило символизировалось змеиным гнездом или свернувшейся в спираль крупной змеей, что было запечатлено в виде вытянуто-овальной пластины с выгравированными на ее поверхности 18 змейками-детенышами, то Солнце, судя по всему, виделось человеком эпохи палеолита Сибири в облике стремительно мчащегося по небесному своду лебедя.

Возвращаясь теперь к иной, чем образы близнецов человека, а также животных, семантике куколкообразных подвесок ожерелья, закономерно предположить, что они могли одновременно символизировать также некие небесные объекты. Наиболее подходящие из них для такого случая — Земля и те 5 планет, которые наблюдаются без применения оптических инструментов. Их по яркости свечения и скорости движения можно подразделить, если ограничиться признаками, выявление которых определяется визуальными наблюдениями, на две группы:

- 1) планеты так называемой земной группы — Меркурий и Венера;
- 2) дальние планеты с большим, в несколько лет периодом обращения — Марс, Юпитер и Сатурн.

Быть может, именно это обстоятельство следует принимать в расчет при решении вопроса о том, почему, помимо естественного стремления к симметрии, 3 куколкообразных подвески размещаются по одну сторону «кулона», а остальные 3 — по другую. Поскольку же из боковых подвесок могли символизировать антропоморфные образы не более 4, а остальные приходились на образы животных, то не исключено, что в последующем это обстоятельство станет ключом к разгадке антропо- или зооморфных ликов определенных небесных светил.

Завершая бегло затронутую тему рождения Magna Mater, воплощенной в скульптуре беременной женщины, астральных объектов, в том числе, надо полагать, планет, нельзя не признать, что доказательство того, что палеолитический человек Сибири действительно обращал внимание на «блуждающие звезды» и учитывал их в реконструкциях общей картины устройства мира, в свете выказанного выше отнюдь не выглядит вполне убедительно. Но вместе с тем сказанное не означает, что доводы в таком принципиально важном вопросе можно даже на предварительной стадии исследования ожерелья

с подвесками ограничить только кругом правдоподобных догадок и логически приемлемых умозаключений. Во всяком случае, если проблема о планетах все же поставлена уже теперь, то сделано это прежде всего потому, что ожерелье дает на то право иным намеком, притом достаточно определенным, т. е. в первую очередь связанным со знаковой «записью», а следовательно, проверяемым в свете методов точных наук.

Речь идет о той части информационной системы, которая до сих пор оставалась в стороне от анализа, но к коей пришлось бы рано или поздно обратиться, определяя ее семантику — о 120 бусинах из бивня мамонта. Подключение их в качестве обычного знака суток в годовых календарных раскладах успеха не принесли. Поэтому единственным из допустимых вариантов оказалось, в конце концов, предположение, что каждая из бусин определяла год, а все они вместе — знаменитый древнеазиатский 120-летний цикл счисления времени. В календарях период такой продолжительности, включающий два равных блока по 60 лет, представлялся особо удобным потому, что с помощью его удавалось с относительной точностью совместить счет времени не только по Луне и Солнцу, но также по 5 планетам. Дело в том, что за 120 тропических лет Юпитер совершал 10 полных оборотов вокруг Солнца, Сатурн — 5, а Марс, Венера и Меркурий соответственно 63, 200 и 500 оборотов. Кратное количество раз укладываются в 120 лет и периоды обращения Луны (около 124), а также ее важные для определения затмения циклы в 122 (около 360 раз), 243 (около 720 раз) и 273 (около 161 раза) дня. Не менее важно и то, что после пятикратного повторения именно цикла в 120 лет Луна и Солнце занимали на небосклоне, по существу, то положение, в котором они находились 600 лет назад (разница в достижении тех же координатных позиций составляла бы всего около 3 мин). Кроме того, 120 лет близко кратны и так называемому Великому Году, циклу в 2484 года, когда после 21-кратного повторения 120-летнего периода движущиеся небесные светила занимали по небесным координатам исходное от некоего начального статуса расположение. Это была, надо полагать, позиция кульминации каждого из них, причем, быть может, Луна была закрыта в этот миг земной тенью.

В случае оправданности гипотезы о том, что каждая из 120 бусин в самом деле символизировала собой время продолжительностью в 1 год, можно быть уверенным в причине нанизывания на нить ожерелья с подвесками именно такого количества мелких и изящных дисков с округлыми отверстиями в центре. Это означало, что палеолитический человек Сибири в эпоху мальтинской культуры решил сложнейшую задачу совмещения лунно-солнечных и планетарных календарей.

Теперь, учитывая результаты расшифровки значимости образов, скрытых в стилизованных скульптурных изображениях из Мальтинского погребения, можно предположить, что все эти предметы искусства палеолита представляют со-

бой части общей космогонической и космологической модели Вселенной. Зарождение ее структурных подразделений в виде полисемантических фигур беременной женщины, куколкообразных и иных подвесок обуславливалось, в сущности, временем, т. е. круговыми движениями Луны и Солнца, которые, перемещаясь по небосводу, выписывали (творили?), оставляя «следы» в виде лунок, невидимые в небе фигуры многочисленных существ мифической природы. Среди них исключительную по значимости роль играла беременная Magna Mater, которая, появившись на свет, породила человека, зверей, Землю, Луну, Солнце и планеты, т. е. весь видимый мир, небесный и земной. Сама Magna Mater воплощала собой, по всей видимости, Млечный путь.

Но следует учитывать, что все эти отдельные образы есть, очевидно, всего лишь части некоего единого целого, которое как раз и представлялось первобытному человеку грандиозным живым существом — Вселенной. Судя по дискам бусин, напизанных на нить ожерелья, это в глазах палеолитического космолога, вероятно, был свившийся тугими кольцами змий или дракон с 7 головами, которые в модели представляли покрытые «узорами» скульптурного вида подвески. При таком варианте образного восприятия ожерелья с подвесками центральная из них как раз и виделась бычьей или иного вида животного головой с рогами и, быть может, даже рогатой головой самого дракона. Недаром же, в самом деле, со знаковыми системами 7 голов змия оказались связанными сутки не какого-то другого, а именно драконического года, определяющего самое страшное для человека в пределах обозримого пространства космоса событие — лунное или солнечное затмение. Головы змия или дракона не случайно также противопоставлялись подвескам, размещенным вне ожерелья, — вытянуто-овальной пластине (возможно, символу Луны) и летящему лебедю (воплощению образа Солнца). Идея противопоставления кажется весьма реальной в свете того обстоятельства, что на знаках именно этих подвесок, не включенных в ожерелье, согласно календарно-астрономическим расчетам, должно происходить затмение Луны или Солнца, которое 346 суток назад в день весеннего равноденствия находилось при начале мира в лунном узле.

Все это не может не повести на воспоминания о мифологических сюжетах, главное событие в которых — стремление многоглавого, дышащего испепеляющим огнем дракона или змия сожрать Луну и Солнце, прародителей всего живого на Земле. Так что если пытаться реконструировать миф, зашифрованный в знаковой системе и художественных образах предметов искусства из погребения в Мальте, то в нем окажется в качестве ключевого сюжета появление Вселенной как результат астрального совокупления Солнца в день весеннего равноденствия с полной Луной, вслед за чем, через 273 дня, как раз и следовало рождение всего существующего в мире. В мифе просматривается также драматическое повествование о том, как сама Вселенная в образе семиглавого дракона вознамерилась проглотить дарителей жизни Луну и Солнце, т. е., по

существу, своих прародителей, а в конечном счете и себя.

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительные итоги анализа особенностей рассредоточения на поверхности образцов мобильного искусства мальтийского погребения количественно определенных групп лунок, можно констатировать, что традиционный взгляд на них как на простейшие элементы, которые образуют круговые, спиральные или линейные вариации орнаментальных мотивов, страдает если не поверхностностью, то уж очевидной ограниченностью интерпретационной оценки. В действительности лунки, как и единичные или парные сквозные отверстия, составляют прежде всего знаки комплексной информационной системы, календарный характер которой не может более подлежать сомнению. Структура этой своеобразной знаковой «записи» оказалась столь неожиданно «дробной», что представленный ею своеобразный вариант годового календаря мальтийской культуры выглядит беспрецедентным в детализации. Достаточно обратить внимание на то, что тропический год, а следовательно, и включенные в его структуры лунный и драконический годы оказались «расписанными» (подразделенными) на почти идеальные по короткому сроку продолжительности календарные мини-блоки (от 3 до 15 суток). Ничего подобного ранее не было известно в культурах каменного века не только Северной, но также Центральной, Восточной и Южной Азии. Более того, во всем Старом свете, пожалуй, лишь система египетских декапов да знаменитые парапегмы Метона в Греции могут составить достойную конкуренцию в тщательности разработки годовой календарной «записи» древнекаменного века Сибири, как ее представляют «орнаментированные» предметы искусства детского погребения Мальты. Но то и другое есть продукт классических цивилизаций Ближнего Востока и Европейского Средиземноморья, достаточно далеко отстоящих по времени не только от палеолита, но даже от эпохи культур развитого бронзового века.

Следует к тому же обратить внимание на то, что тропический год оказался «расписанным» в Мальте на столь примечательные по продолжительности в сутках отрезки времени, что впервые с особой ясностью стала понятна ориентация связанного с захоронением календаря на предсказание (ожидание?) лунных и солнечных затмений. Здесь имеется в виду прежде всего примечательная близость количества знаков на подвесках ожерелья погребенного продолжительности в сутках драконического года ($346 \approx 346,62$). С другой стороны, предложение интерпретировать бусины того же ожерелья в качестве знаков счета лет позволяет с достаточным на то основанием предполагать знание палеолитическим человеком Сибири знаменательного цикла счисления времени по годам, продолжительность которого составляет 120 лет. Нетрудно подсчитать, что этот календарный блок представляет собой двукратно повторение хорошо известного в древних культурах восточной половины Азии 60-летнего цикла

счисления времени, для которого характерен, в частности, непрерывный учет закономерностей движения дальних планет солнечной системы — Юпитера и Сатурна. Что касается 120-летнего перипода, то он кратен не только циклам движения по небосводу Солнца, Луны и верхних планет солнечной системы, но также вообще всех доступных визуальному наблюдению планет. Он подходит, кроме того, как цикл тропических лет, кратный циклам ускорения (или замедления) движения Луны, а также временным закономерностям смены ее «стояний» в виде «высокой» или «низкой» Луны, который охватывает период в 18,61 года. В последних двух обстоятельствах опять-таки прежде всего просматривается ярко выраженное стремление палеолитического календариста Мальты непрерывно контролировать возможность предсказания (ожидания?) затмений Луны и Солнца, ибо то и другое как раз и позволяет с относительной легкостью производить соответствующие расчеты.

Столь детализированная, сравнительно совершенная и, что в особенности важно, комплексная календарная система, которая открывает интерес древнего человека Сибири не только к Луне и Солнцу, но также к планетам и звездам, предполагает решение им во временных границах палеолита весьма сложных проблем, научный характер которых неоспорим. Такая гипотеза позволяет объявить коллективы людей древнекаменного века теми сообществами, в недрах которых стал формироваться фундамент человеческой цивилизации с крепнущими ростками точных наук, объединенных астрономией. Подобная, сделанная со всей ответственностью и пониманием возможных последствий постановка вопроса, ввиду исключительной важности его для истории интеллектуальной культуры человечества, потребует, разумеется, специального анализа. Это и предполагается сделать в последующем.

Высказанные идеи, как можно было заметить, обуславливались простыми (в рамках элементарной арифметики) расчетами, а также лишь предельно необходимым рядом сопоставлений содержания и структуры знаковой «записи» на предметах мобильного искусства палеолита с элементарными фактами из области астрономии. Но поскольку последние были до недавнего времени далекими от интересов археологов, то именно это обстоятельство обуславливает возможную неприемлемость высказанных на предшествующих страницах соображений или, в лучшем случае, подозрительное к ним отношение. В самом деле, главная причина неприятия палеоастрономических гипотез в археологии видится теперь отнюдь не в психологически понятной приверженности исследователя к давно устоявшимся концепциям или консервативности его мышления. Самой коварной по скрытности подоплекой, питающей отверженность палеоастрономии, следует считать внезапное и ошеломляющее археолога осознание некомпетентности его в вопросах, которые, как видите ли, стараются внушить ему, не были тайной за семью печатями для давнего объекта изучения — палеолитического человека. Логика рассуждения здесь оказывается на поверку обескураживающе банальной: если не знаю всего этого я, спе-

циалист по древним культурам, то как же мог столь свободно ориентироваться в головоломных сложностях астрономии дикарствующий в пещерности палеолитический охотник, интересы которого не выходили за пределы техники обработки камня, типологии инструментария и жажды получить «дымящийся кровью кусок мяса»?

Выход из создавшейся туиковой ситуации может быть только один — археологам ради жизненно актуальных интересов их же собственной «земной науки» следует по возможности быстрее обратиться лицом к палеоастрономии и начать освоение азов «науки небесной». Это тем более необходимо сделать, поскольку сложности, связанные с изучением необходимого в сфере астрономических знаний, не идут ни в какое сравнение с трудностями, которые по профессиональному долгу должны преодолевать не кто другие, как археологи, в ходе решения ими главной проблемы в области изучения палеолитического искусства — семантики его образов, а через нее — мировоззрения первобытных людей, в том числе их культурно-религиозных представлений. Речь идет также о кардинально важном обстоятельстве: о вскрытии с помощью календарных «записей», которые «положены» на предметы искусства, существа содержания, вложенного в них художниками древнекаменного века, о доказательной реконструкции сюжетов древнейшей мифологии и самым тесным образом совмещенных с ними ритуалов²⁰. Космогонический, космологический, а также циклический в бесконечной череде смен сезонов характер того и другого представляется возможным, а значит, опять-таки требует целенаправленных усилий археолога в расширении своих познаний, с одной стороны, в астрономии, а с другой — в мифологии и соответствующих разделах этнографии. Не менее важное значение приобретает в таких условиях разработка новых методических установок при раскопках древних памятников культуры, в частности целенаправленной, предельно возможной точности и скрупулезности фиксации определенных деталей археологического объекта, будь то погребение, жилище, поселение, культовый или любой иной комплекс, связанный с производственной или обрядовой деятельностью древнего человека.

Календарь древнекаменного века в том виде, в каком он понят и реконструирован по материалам погребения Мальты, представляет собой превосходно систематизированное и тщательно зафиксированное для надежного сохранения собрание уникальных знаний палеолитического человека Сибири о природе. В сущности, его «записи» знаками самой календарной системы есть исключительный по важности итог десятков тысячелетий наблюдений за «небесной жизнью», события которой, надо полагать, тесно увязывались им с обстоятельствами жизни земной. Но ясно, что календарь — лишь вершина айсберга предначертанных познаний первобытным человеком окружающего мира. Разработка столь совершенной системы счисления времени по Луне и Солнцу с выходом на проблему предсказания затмений предполагает успешное решение целого комплекса задач, которые входят теперь в круг интересов точных наук. В частности, систематическое сле-

жение за движениями Луны и Солнца и фиксации их положений хотя бы лишь по азимуту при восходах и заходах невозможно представить без сложившихся приемов линейных и угловых замеров, а также без использования соответствующего инструментария, опознать набор которого среди находок на палеолитических стоянках предстоит в ближайшем будущем.

Выявление в самом начале столь необычных по направленности исследований возможных метрических модулей, а также измерительно-визирных приспособлений (вроде таинственных по назначению «жезлов начальников») приобретает при остро дискуссионной постановке проблем палеоастрономии древнекаменного века особую принципиальную значимость. С этой точки зрения в заключении заслуживают упоминания (до детальной проработки вопроса в последующем) отдельные наблюдения по особенностям метрики инвентаря, который оказался связанным с погребением в Мальте.

В ходе предварительных прикидок выяснилось, что в качестве линейного модуля при замерах погребальных изделий мог использоваться, в частности, все тот же малый диаметр отверстия мальтинской пластины. Наибольший интерес вызывает как будто достаточно ясно выраженное желание палеолитического мастера выделить отрезки, равные 16 таким модулям (рис. 3, 7, 8), вполукругу меньшие, а также четвертых и восьмых частей (рис. 3, 7, 8, 10, 11). Неслучайность этого стремления подтверждает размещение сквозных отверстий на поверхности малых подвесок ожерелья: на сравнительно сохранившихся и потому подходящих для точных замеров образцах эти отверстия отстояли друг от друга на 2 модуля (рис. 3, 1, 2, 5, 6). Предположение о неслучайности ориентации древнего мастера на отрезки в 16 модулей и половинное (при последовательном делении) число их представляется в особенности оправданным при установлении модульных размеров радиусов кривизны диадемы и браслета. Они оказались соответственно близкими 16 и 8 модулям (рис. 3, 3, 4).

Выбору палеолитическим геометром в качестве, по-видимому, основополагающей меры отрезка длиной в 16 модулей не откажешь в многозначительной рациональности. Ведь его можно при необходимости многократно подразделять на половинные части вплоть до выхода на базовый модуль длины:

$$16 \rightarrow 8 \rightarrow 4 \rightarrow 2 \rightarrow 1.$$

Для выявления угловых модулей весьма важными могут оказаться в ходе последующих исследований параметры окружности, радиус которой был установлен при определении степени кривизны диадемы погребенного (рис. 11). Окружность эта примечательна по двум позициям:

1) линейный модуль, равный длине малого диаметра сквозного отверстия мальтинской пластины, может подразделить окружность на 100 частей;

2) поперечный профиль мальтинской пластины, размещенный в пределах той же окружности, подразделяет ее на 4 части (рис. 11). Линия *ОБ*, проведенная из центра круга по касательной к отверстию, рассечет дугу *АВ*, заключенную меж-

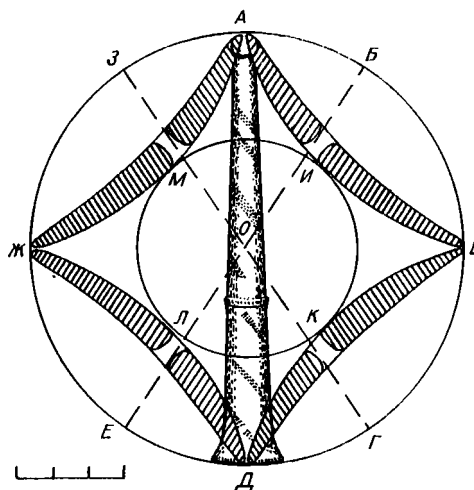

Рис. 11. Схема совмещения геометрических форм ачинского жезла, диадемы погребенного (внешняя окружность), браслета (внутренняя окружность) и поперечного профиля мальтинской календарной пластины.

Из чертежа следует, что ширина пластины равна стороне квадрата, вписанного во внешнюю окружность. Каждая из четырех дуг, стянутая профилем пластины, рассекается лучами *ОБ*, *ОГ*, *ОЕ* и *ОЗ*, исходящими из центра окружностей, в соотношении, близком к золотому сечению. Диаметр внешней окружности равен высоте ачинского жезла, а серповидный разделитель ленты 187 располагается (с незначительным зазором) на линии внутреннего круга. (Рис. В. И. Жалковского.)

ду концами профиля, на отрезки *АВ* и *ВВ*, соотношение которых окажется характерным для пропорций, выраженных золотым сечением. Остальные дуги окружности при тех же условиях будут рассечены сходным образом.

Все это, в очередной раз подтверждающая мысль об исключительной точности и строгой целенаправленности работы палеолитического мастера при изготовлении определенных «предметов искусства», можно рассматривать как своеобразное отражение в структурах их приемов и способов астрономических наблюдений, которые производились первобытным человеком сначала при разработке лунно-солнечной календарной системы, а затем и в ходе практического пользования ею. В связи с этим возникает проблема истинной оценки не только эстетико-символического содержания объектов первобытного художественного творчества, но и определения их функционального предназначения в качестве как священных, т. е. культовых ритуально-обрядовых, предметов, так и, что в особенности важно для темы исследования, палеоастрономического инструментария.

Актуальность и острая необходимость постановки вопроса выделения среди находок астрономического инструментария определяется результатами предварительного анализа особенностей каменных изделий, обнаруженных в мальтинском погребении. Примечательная модульность их размеров, характерность конфигурации краев и концов становятся понятными и приобретают (в случае нетрадиционного подхода к изучению таких объектов) особую значимость, связанную прежде всего с измерительными функциями этих предметов, которые обычно не воспринимаются археологами вне предназначений в качестве тривиальных орудий охоты и разделки туш убитых животных.

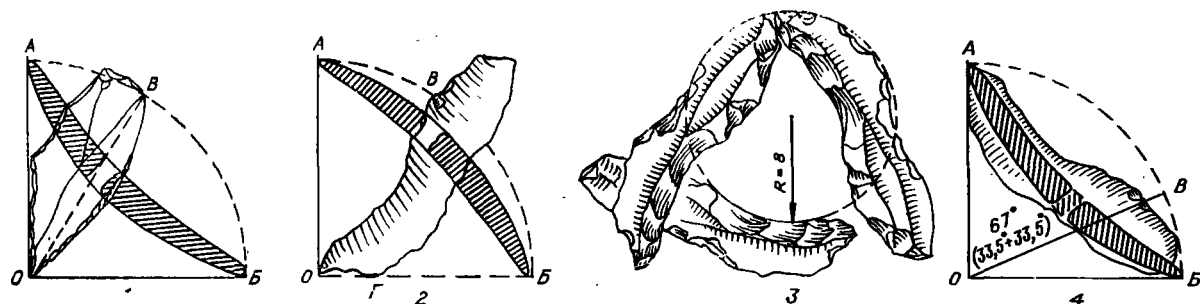

Рис. 12.

1, 2, 4 — размещение пластины типа шательперрон и с выемками по сторонам в пределах четверти окружности, радиус которой определяется кривизной диадемы; на рис. 1 и 2 точки B делят дугу по золотому сечению, позволяя одновременно фиксировать край отверстия в профиле мальтинской пластины. Примечательным представляется совпадение искривленности профиля мальтинской пластины и пластины с выемками (рис. 4); рис. 3 демонстрирует совпадение кривизны отдельных участков пластины с выемками с дугами окружности, радиус которой определяется кривизной браслета.

Достаточно взглянуть на рис. 12, и станет ясно, что речь действительно может идти и о значительно более серьезных идеях. Ведь то, что выглядит острием типа шательперрон, может не только определять длину радиуса окружности диадемы, но и при соответствующем размещении разделять точкой B дугу четверти этой окружности по золотому сечению, а значит, и определять положение одного из краев отверстия профиля мальтинской пластины (рис. 12, 1). Фасетки на брюшке пластины с выемками по сторонам при соответствующем размещении ее в пределах четверти той же окружности (рис. 12, 2; следует обратить внимание на участок OG) опять-таки точно обозначают точку на дуге, где она делится по золотому сечению. Эти фасетки, следовательно, тоже определяют один край отверстия профиля мальтинской пластины, в очередной раз убеждая, насколько внимательно следует оценивать на палеолитическом изделии даже такие, кажется, «случайности», как одиночные каверны «ретуши». Пластина с выемками весьма примечательно размещается также в отношении позиции профиля мальтинской пластины (рис. 12, 4). Заслуживает специального изучения и то важное обстоятельство, что конфигурация отдельных участков краев S-образной пластины с выемками соответствует кривизне дуг окружности, радиус которой определяется кривизной браслета из погребения (рис. 12, 3).

Если золотое сечение как одна из геометрических частностей действительно отражало в предметах искусства природную реальность, то, падо полагать, и мифологическое содержание их питалось в конечном счете ею же, а также, разумеется, реальностью социальной. Но мифолого-ритуальные и обрядовые интерпретации образов мобильного искусства мальтинского погребения заслуживают анализа в качестве особого сюжета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герасимов М. М. Мальта — палеолитическая стоянка. — Иркутск, 1931; Он же. Палеолитическая стоянка на Мальте. — Изв. ГАИМК, 1931, № 11—12; Он же. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. — Изв. ГАИМК, 1935, вып. 118; Ларичев В. Е. Охотники за мамонтами. — Новосибирск, 1968; Он же. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Азия и проблема родины

человека (история идей и исследования). — Новосибирск, 1969; Salmony A. Die Kunst des aurignacien in Malta. — JPEK, 1931.

² Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. — Новосибирск, 1974, с. 50; см. также рис. 1 и 2 табл. 4 на с. 177.

³ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири. — Новосибирск, 1983 (препринт), с. 5—6 (две ленты ачинского жезла содержат количество лунок, некротное 3, — 173 и 187, однако суммирование их (ленты эти совмещены) все же дает число, кратное 3: $173 + 187 = 360$); Он же. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. Лунно-солнечный «идол». — Новосибирск, 1984 (препринт), с. 11.

⁴ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири, с. 7, рис. 2.

⁵ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. . . с. 12. Одиночная лунка здесь не счетный знак, а указатель.

⁶ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири, с. 9—10.

⁷ Он же. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. . . с. 13; см. рис. 9 и 10.

⁸ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири, с. 7, 10.

⁹ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. . . с. 19—22.

¹⁰ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири, с. 8, 9, 17, 20.

¹¹ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры, с. 14. 244 знака в центральной спирали оказываются потому, что второй год из пары лет 1967—1968 — високосный. Ясно, что при паре лет невисокосных следует исходить из 243 знаков и, следовательно, разница в длительности лунных годов будет составлять не 2, а 3 суток.

¹² Там же, с. 14.

¹³ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири с. 8, 9.

¹⁴ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. . . с. 31—35.

¹⁵ Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1932. — Нижний Новгород 1931.

¹⁶ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. . . с. 19—20.

¹⁷ Там же, с. 20. В данном случае центральная спираль содержит 244 знака, поскольку 1968 г. високосный.

¹⁸ Там же, с. 13.

¹⁹ Там же, с. 38, 39.

²⁰ Попытка реконструкции мифологических сюжетов древнекаменного века Сибири уже предпринималась при анализе лишенных дополнительной знаковой системы предметов мобильного искусства верхнепалеолитического поселения Малая Сяя (Хакасия). См.: Ларичев В. Е. Скульптура черепов с поселения Малая Сяя и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека (описание находки и опыт предварительной интерпретации). — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с. 32—39; Он же. Мамонт в искусстве поселения Малая Сяя и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека о возникновении Вселенной. — В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 159—198; Он

же. Зооантропоморфная скульптура рожающего существа верхнепалеолитического поселения Малая Сыя и Великая богиня-мать индийской мифологии. — В кн.: Рериховские чтения, 1979. Материалы конференции. Новосибирск, 1980, с. 13—40. Из серии предметов мобильного искусства Малой Сыи с дополнительной знаковой системой опублико-

ван пока лишь один. См.: Ларичев В. Е. Скульптурное изображение женщины и лунно-солнечный календарь поселения Малая Сыя (семаптика образа и реконструкция способа счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири). — Изв. СО АН СССР, 1984, № 3. Сер. истории, филологии и философии, вып. 1, с. 20—31.

Р. С. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

СТОЯНКА СУВОРОВО III И ЕЕ МЕСТО В КАМЕННОМ ВЕКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Проблемы происхождения культур, связанных с пластичными индустриями, их эволюции и взаимоотношений, смены технико-типологических традиций в обработке камня по-прежнему остаются одними из волнующих в тихоокеанской археологии. Особенно остро стоят вопросы формирования культур периода перехода от позднего плейстоцена к голоцену. Вопросы эти по своей научной значимости далеко выходят за узко региональные рамки и волнуют не только советских, но и зарубежных исследователей, прежде всего японских. Отсюда особый интерес к археологическим памятникам, в облике инвентаря которых наблюдается сочетание палеолитических форм каменных изделий с более поздними типами. К одному из таких недавно открытых в Приморье памятников, заслуживающих пристального внимания специалистов, относится стоянка Суворово III. Она была открыта в 1981 г. во время исследований, проводимых Приморским археологическим отрядом Северо-Азиатской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в Кавалеровском районе Приморского края. В 1982 г. были начаты раскопки на Суворово III.

Стоянка расположена на левом приустьевом мысе реки Кучумки — правого притока р. Зеркальной (рис. 1). На этом участке в рельефе хорошо выделяется надпойменная эрозионная терраса Кучумки высотой у приречной части 14 м (здесь и далее высотные отметки даются по данным нивелировки). К западу, на расстоянии

350—400 м терраса слегка повышается и прилепляется к более высоким террасам с отметками 60 и более метров. Вдоль левого берега Кучумки, рассекаясь сезонными водотоками, 14-метровая терраса тянется на расстоянии 2—2,5 км. Ровные и удобные ее участки используются Суворовским отделением совхоза «Зеркальный» под посадки яблонь и слив. В местах, свободных от посадок, терраса покрыта густым кустарником и деревьями мащажурского дуба. К террасе прилепляется пойма высотой 4,5—5 м, на которой расположено с. Суворово.

Стоянка Суворово III приурочена к надпойменной террасе и располагается на ее северном мысовидном уступе. Раскоп площадью 6×10 м был заложен вблизи бровки террасы (рис. 2). Длинной стороной он ориентирован 3—В. Его площадь разбита на квадраты 1×1 м. С востока на запад они получили цифровые обозначения, с юга на север — буквенные. Расчеты и нумерация инструментальной съемки велись от специально установленного репера, превышающего урез воды на р. Зеркальной на 14 м 5 см (по состоянию на 23 июля 1982 г.). Данные нивелировки по дневной поверхности показали, что площадь раскопа имеет склоновую поверхность с углом наделения в пределах 4—6° в направлении с ЮЗ на СВ.

В процессе раскопок выявлена следующая стратиграфия (рис. 3).

1. Дерн. Мощность 6—14 см.

2. Суглинок темно-коричневый, мелкокомковатый, неслоистый, ввиду более светлый. В верхней части наблюдаются затеки, окрашенные гумусом, а также остатки корней растений. По всему слою, несколько увеличиваясь вниз, имеются включения гравия и щебня (5—10%). В основании слоя обломочный материал концентрируется до хорошо выраженного прослоя. Гравий и щебень слегка выветрелы, частью разрушены. Мощность слоя 8—22 см. 1-й культурный слой.

3. Тот же суглинок, но светлее и более глинистый. Сохраняет остатки детрита. Содержание обломочного материала (гравий и щебень) увеличивается до 15—20%. В основании слоя залегает щебнисто-дресвяный материал (до 85%), сцементированный плотным желтовато-серым суглинком, который постепенно переходит в слой 4. Толщина слоя 3 колеблется в пределах от 22 до 41 см. 2-й культурный слой.

4. Галечно-гравийный горизонт, заполненный

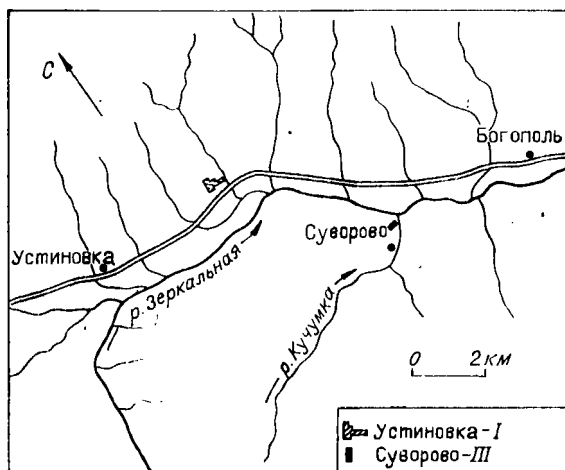

Рис. 1. Схема района расположения стоянки Суворово III.

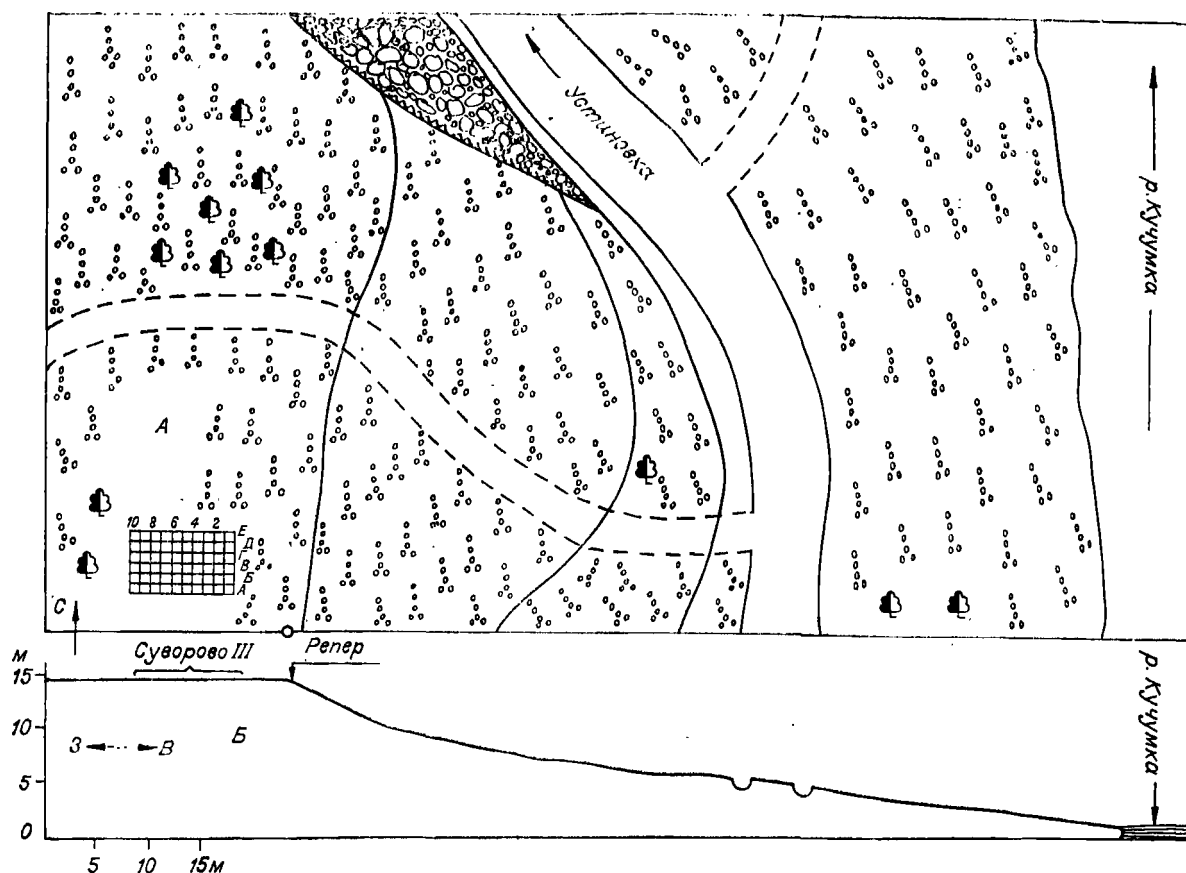

Рис. 2. Топографический план (А) и профиль (В) местности в районе стоянки Суворово III.

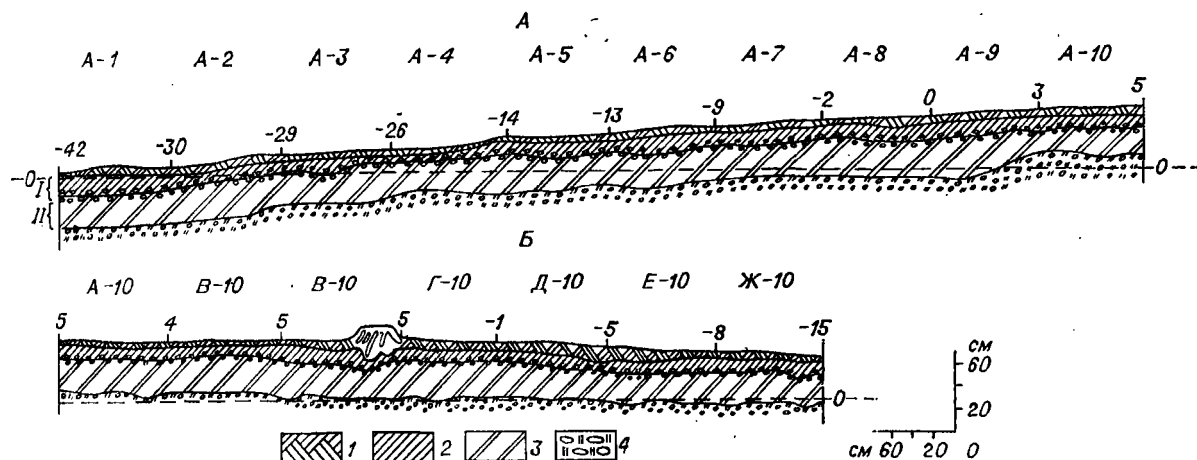

Рис. 3. Стратиграфические разрезы (А — южная, В — западная степки раскопа).
1 — дерн; 2 — темно-коричневый суглинок; 3 — светло-коричневый суглинок; 4 — щебень и галечник.

тяжелым желтовато-серым суглинком. В раскопе пройден на глубину 0,4 м.

Судя по обнажению в карьере, его мощность достигает 10 м.

Пачка суглинка по всему раскопу имеет примерно одинаковую мощность — 0,4—0,5 м. Каких-либо мерзлотных нарушений, криотурбаций, следов размыва или перевезания в ней не зафиксировано. Судя по отсутствию слоистости, суглинками, очевидно, представлены покровные отложения 14-метровой надпойменной террасы. В их основании залегает пачка русловой фации терра-

сы — галечно-гравийный горизонт. При корреляции стратотипов колонок Суворово III и Устиновка I отмечается их значительное различие¹.

Таким образом, в толще отложений Суворово III выделяется два культуросодержащих слоя. Первый залегает сразу под дерном. Культурные остатки встречались на всех уровнях слоя, но чаще в средней и нижней частях. В плане они распространялись довольно равномерно. Некоторая концентрация артефактов отмечалась лишь в квадратах А, В — 9, 10 и Ж — 10.

В первом культурном слое обнаружено 375 ка-

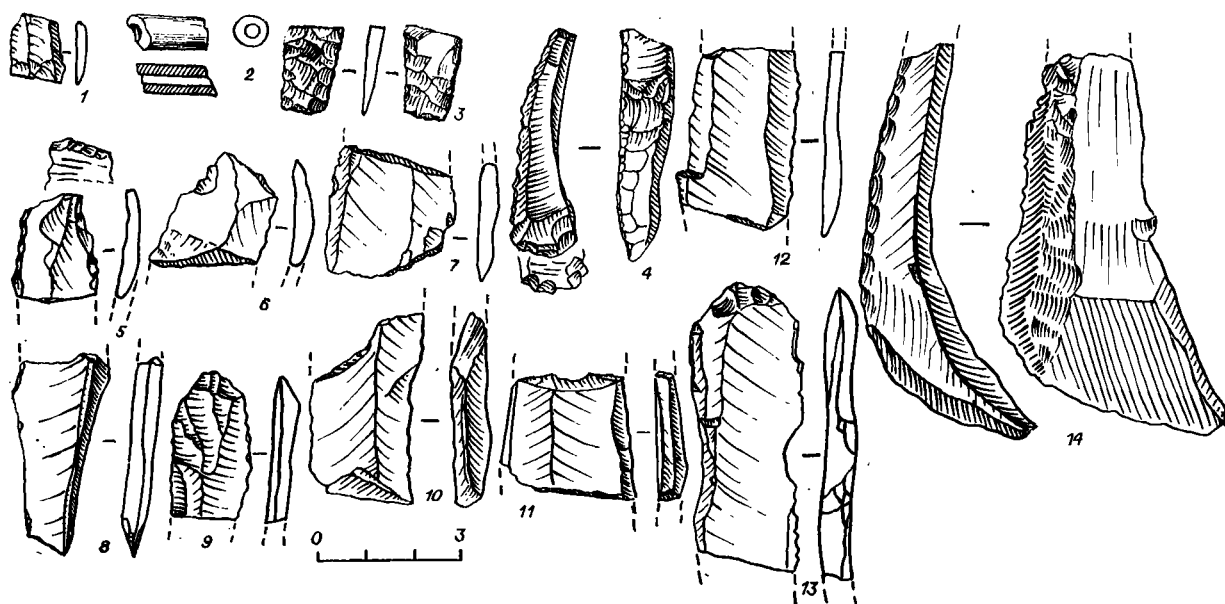

Рис. 4. Каменный инвентарь 1-го культурного слоя.

менных предметов. Среди них представлены краевой скол с пуклеуса (1 экз.), обломки со сколами (10 экз.), отщепы (33¼ экз.), пластины (10 экз.), микропластины (2 экз.), различные орудия (17 экз.) и прошивка (1 экз.).

Краевой скол снят с пуклеуса клиновидного типа. По форме и характеру фасеток на боковых гранях напоминает лыжевидный скол — побочный продукт производства пуклеусов техникой юбецу. Об этом свидетельствует и негатив неудачного снятия на дорсальной поверхности. Изготовлен из белого кремния (рис. 4, 4).

Обломки со сколами. В данную категорию артефактов включены куски пород с одним или несколькими бессистемными сколами. Размеры их не превышают 9—10 см. В девяти случаях это обломки кремня, в одном — кремнистого сланца. Некоторые куски имеют участки коррозированной желвачной корки. Судя по ней, сырьем для изготовления орудий служили не гальки, а плитчатые отделимости в коренных породах.

Отщепы из различных пород камня широко варьируются по размерам. Крупных отщепов (более 5 см) — 15 экз., средних (от 3 до 5 см) — 67 экз., мелких (до 3 см) — 252 экз. Преобладают отщепы из кремня и кремнистого сланца. Кроме того, имеются отщепы из сланца и аргиллита. Судя по остаткам желвачной корки на средних и крупных отщепках, многие из них (около 50%) являются первичными. Встречаются массивные пластинчатые отщепы, обработанные по краю (рис. 4, 14).

Пластины изготовлены из кремня (9 экз.) и кремнистого сланца (1 экз.). Целых экземпляров не встречено. У одной из пластин обломан проксимальный конец, у другой — дистальный, остальные образцы представлены средними сечениями. Минимальная ширина пластин — 1,1 см; максимальная — 4 см; преобладают пластины шириной от 1,9 до 2,6 см. Большинство из них (рис. 4, 1, 6—13) характеризуется правильной огранкой. Значительная ширина пластин при относительно

небольшой толщине и двух-трех параллельных гранях на дорсальных поверхностях указывает на то, что снимались они не с призматических или конусовидных пуклеусов, а с плоских или уплощенных, параллельного принципа скалывания. На 6 образцах отмечены следы ретуши и выщербленности.

Микропластины представлены обломками верхней части трехгранной пластинки из белого кремня шириной 0,4 см и средней части такой же пластинки шириной 0,35 см. Длина фрагментов около 0,6 см. Один край у них обработан притупляющей ретушью.

Группа орудий состоит из скребка, скребел (2 экз.), скобеля, вкладыша, пожеи (2 экз.) и бифасальных остроконечников и их заготовок (10 экз.).

Скребок относится к типу концевых (рис. 5, 1). Изготовлен он на трехгранной пластине светлого кремня. Рабочий край расположен на конце пластины, оформленном круглой краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку. Лезвие дугообразное, выпуклое. Крутая ретушь частично захватывает и правый край пластины, придавая лезвию легкую асимметричность. По левому краю от лезвия и до середины пластины прослеживается краевая нерегулярная ретушь. Лезвие скребка сильно заполировано. Максимальная ширина пластины — 3,1 см, длина — 9,6 см, длина огретишированной части лезвия — 4 см.

Скребел. Изделие (рис. 5, 2) представлено заготовкой. Для нее был выбран массивный отщеп кремнистого сланца овальной формы. Высокая спинка отщепка обработана крупными грубыми сколами, нанесенными от краев к центру. Длина заготовки — 7,4 см, ширина — 5,5 см.

Второе скребло сохранилось в виде двух обломков. Судя по фрагментам, оно имело полудисковидную форму и подтреугольное поперечное сечение. Обе поверхности скребла обработаны широкими, плоскими сколами. Выпуклый край дополнительно подправлен краевой ретушью, на-

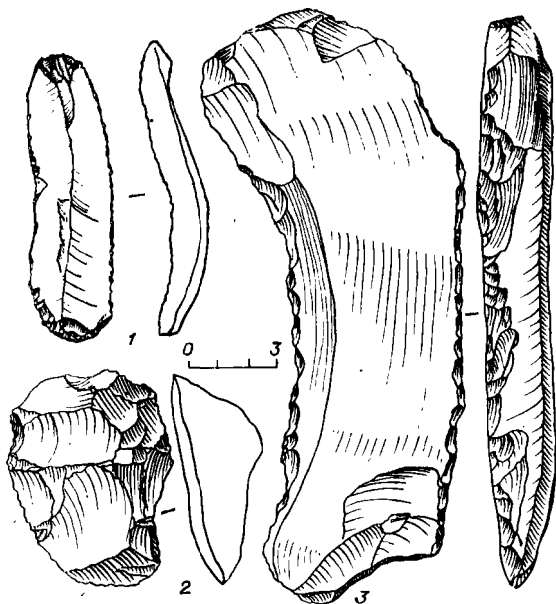

Рис. 5. Скребок (1), скребло (2) и скобель (3) из 1-го культурного слоя.

правленной с плоской поверхности на выпуклую. В качестве сырья был использован серовато-белый кремнистый сланец. Максимальная ширина орудия 5 см.

Скобель (рис. 5, 3) — очень выразительное и лаконочное по характеру обработки орудие. При его изготовлении использована естественная форма (в виде полумесяца) плоской плитки кремня светло-серого цвета. Рабочий край орудия расположен на продольном вогнутом крае плитки и оформлен короткими краевыми сколами, нанесенными почти вертикально с широкой плоскости на более узкую. Обработке сколами частично подвергнута и широкая плоскость. Края граней сильно забиты. Длина орудия — 20 см, максимальная ширина — 6 см, толщина — 2,4 см.

Вкладыши. Образец (рис. 4, 3) по совершенству обработки и форме напоминает неолитические вкладышевые лезвия. Изготовлен из серовато-белого кремня, имеет подпрямоугольные очертания. Обе стороны изделия тщательно обработаны мелкой отжимной ретушью. Длина фрагмента 1,8 см, ширина 1,1 см.

Нож (рис. 6, 1) сделан на подтреугольном отщепе белого кремня. В качестве ножевидного лезвия использовались два сходящихся под углом края. Один из них обработан плоской ретушью с

двух сторон, другой — с одной. На спинке орудия прослеживаются негативы предшествующих параллельных снятий.

Второй нож, представленный фрагментом, выполнен на трехгранной пластине белого кремня хорошего качества (рис. 4, 5). Оба продольных его края обработаны мелкой ретушью, нанесенной с брюшка на спинку. Верхний конец пластины слегка скошен вертикальной притупляющей ретушью, нанесенной со спинки на брюшко. Длина сохранившейся части орудия — 2,3 см, максимальная ширина — 1,7 см. Возможно, это орудие было комбинированным, типа нож-скребок. На это указывает, в частности, то, что ретушь, нанесенная по правому краю пластины, почти перпендикулярна вентральной плоскости и сопровождается на контакте с ней смятостями и выщербинками, характерными для лезвия скребка.

Острокопечники-бифасы представлены двусторонне обработанными заготовками (7 экз.) и законченными изделиями (3 экз.). По форме они подразделяются на подтреугольные (рис. 6, 2, 4) и листовидные (рис. 6, 3). Поперечные сечения у всех образцов миндалевидные, их широкие плоскости обработаны крупными уплощающими сколами. По тщательности оформления выделяется бифас (рис. 6, 3), утопченный с двух сторон сколами, нанесенными от краев к центру. Оба его края с левой стороны ретушированы. Наиболее крупный бифас имеет длину 9,2 см при ширине 5,4 см, наименьший — длину 5 см при ширине — 2,6 см. Обнаружены в первом культурном слое также фрагменты средней части и края бифаса. Их отличают уплощенность и обработка широких поверхностей плоской отжимной ретушью с дополнительной подправкой по краю.

Пропизка — единственное украшение, встречающееся на местонахождении Суворово III (рис. 4, 2). Это выточенный из агальматолита небольшой цилиндр со сквозным отверстием. Внешний диаметр цилиндрика 0,6 см, диаметр просверленного отверстия 0,25 см. Оба конца пропизки обломаны. Длина сохранившейся части 1,5 см. Поверхность украшения заполирована.

Второй культурный слой залегает непосредственно под первым. Кровля слоя прослеживается по прерывистому горизонту обломочного материала в виде гравия и щебня песчаников и известняков. Контактная зона слоев переходная, что требует большого внимания при ее исследовании. Поверхность слоя ровная, сохраняет уклон в северо-восточном направлении.

Артефакты встречались на всех уровнях. Пла-

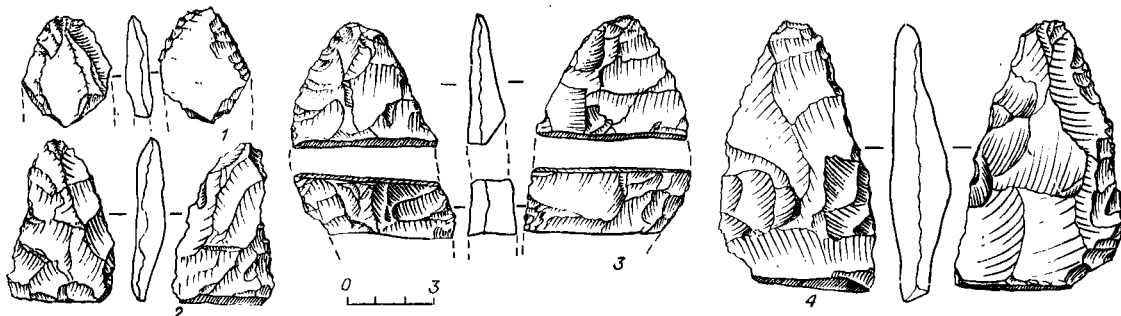

Рис. 6. Нож (1) и бифасы (2—4) из 1-го культурного слоя.

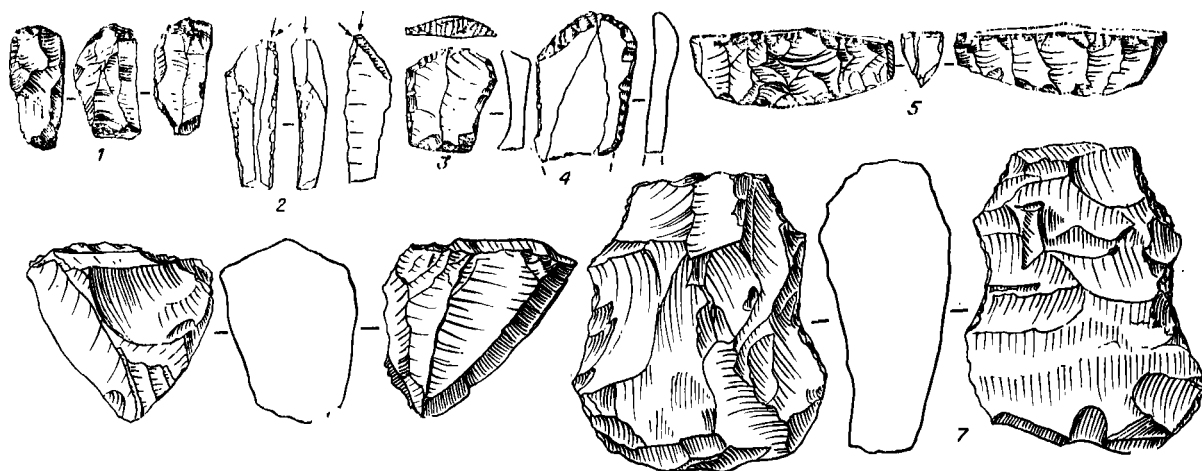

Рис. 7. Каменный пивепастарь 2-го культурного слоя.

пиграфически они распространялись несколько неравномерно. В юго-западном углу раскопа на квадратах А-8, 9, 10 и Б-8, 9 отмечено скопление пластин и отщепов. Концентрация культурных остатков фиксируется и в северной части раскопа на квадратах Д-5, 9; Ж-3, 5, 10.

Во втором культурном слое обнаружено 567 каменных предметов. Среди них присутствуют пуклеусы (8 экз.), обломки со сколами (5 экз.), отщепы (473 экз.), пожевидные пластины (33 экз.), микропластины (22 экз.) и различные орудия (26 экз.).

Нуклеусы по форме и технике расщепления подразделяются на конические (1 экз.), подпризматические (1 экз.), клиновидные (2 экз.), эпиплевалдуазские (1 экз.) и ортогональные (3 экз.).

Конический пуклеус (рис. 7, 6) изготовлен из светло-коричневого кремня. Ударная площадка овальной формы слегка скошена и частично (по краю) подправлена мелкими сколами. Фронт сбития пластин занимает 2/3 ее периметра, остальной участок тела нуклеуса обработан поперечными сколами, формирующими извилистое продольное ребро. Высота пуклеуса 4,6 см.

Нуклеус подпризматического типа (рис. 7, 1) небольшого размера, его высота 3,1 см. Изготовлен из белого кремня. Имеет две противоположные ударные площадки, одну совершенно плоскую и необработанную (фиксируется лишь один поперечный плоский скол) поверхность и рабочий фронт, охватывающий полуокружность. На краях обеих ударных площадок следы сильной забитости, свидетельствующие о многократных неудачных попытках произвести снятие пластин.

Клиновидный пуклеус (рис. 7, 5) сделан из желтоватого кремня. Его ударная площадка имеет вытянутую подпрямоугольную форму размерами 1,2 × 5,7 см. Правая латераль покрыта негативами широких сколов, нанесенных от ударной площадки к основанию клина. Левая латераль оформлена сколами, нанесенными от края. Таким образом, в оформлении пуклеуса сочетаются элементы техники хоро и юбецу. С торца пуклеуса сняты три микропластины. Высота торца 1,1 см. Другой клиновидный пуклеус представлен заготовкой, оформленной на массивном отщепе серого кремнистого сланца. Он подпрямоуголь-

ной формы размерами 3 × 6,5 × 8 см. Одна его широкая поверхность почти полностью занята желвачной коркой, другая обработана короткими сколами. С торца этой заготовки снято два скола. Негативы еще двух сколов прослеживаются и на участке боковой стороны, примыкающей к торцу.

Нуклеус эпиплевалдуазского типа (рис. 7, 7) сделан из желвака белого кремня. Одна сторона его плоская, противоположная — выпуклая. Обе плоскости обработаны грубыми широкими сколами, направленными от краев к центру. Пересечение широких поверхностей создает извилистый край, который на верхнем и нижнем концах сбит торцовыми сколами. Длина изделия 8,3 см, ширина — 6,3 см, высота — 4 см.

Нуклеусы ортогональных форм изготовлены из кремня. Для них характерны беспорядочное снятие пластин и отщепов и переходность ударных площадок (чаще без всякой предварительной подготовки) в процессе изменения морфологии пуклеуса. Один пуклеус такого типа выделяется крупными размерами: длина — 22,5 см, ширина — 10,5 см. Размеры двух других пуклеусов — 3,5 × 6,5 см и 4 × 4,5 см.

Обломки со сколами представлены аморфными желваками кремня. Имеют от одного до трех негативов сбития сколов. Размеры их не превышают 9 см.

Отщепы из кремня, кремнистого сланца, сланца, аргиллита, песчаника и обидана. Доминируют отщепы из кремня и кремнистого сланца. По размерам подразделяются на крупные — 33 экз., средние — 63 экз. и мелкие — 377 экз. На 15 отщепках прослеживается краевая ретушь.

Пластины. Целых пластин 8. Среди фрагментов: с усеченным дистальным концом — 9 экз., проксимальным — 8 экз., средних сечений — 8 экз. Длина целых пластин варьируется от 2,5 до 13 см, ширина — от 0,8 до 5 см. Длина средних сечений иногда достигает 11,5 при ширине 4 см. Крупные пластины имеют грубые формы, нечеткие или конвергентные грани (рис: 8, 1, 12, 13). Встречаются пластины с краевой ретушью различного типа (рис. 8, 2). В большинстве случаев край притуплен ретушью, нанесенной со стороны спинки.

Микропластинки представлены в основном обломками: с обломанным низом — 12 экз., с обло-

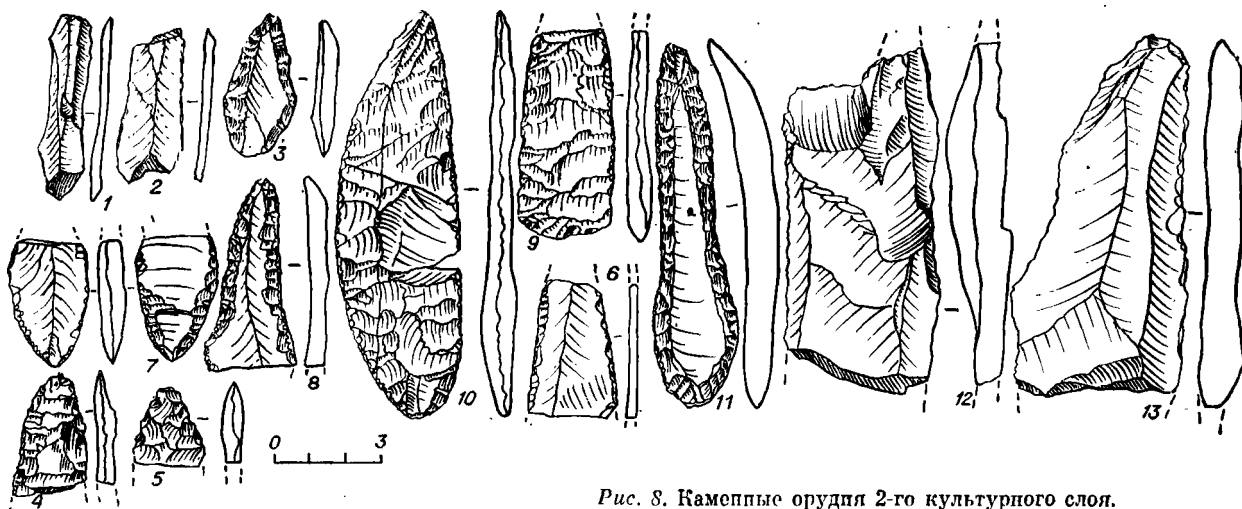

Рис. 8. Каменные орудия 2-го культурного слоя.

маным верхом — 3 экз., средних сечений — 4 экз. Максимальная длина фрагментов 1,1—1,2 см. Дистальные фрагменты микропластин имеют конвергентно сходящиеся грани и края, что позволяет считать их снятыми с нуклеусов клиновидных типов.

Имеется также три мелких узких (ширина 0,25 см) пластинки, напоминающих сколы типа spalls, получаемые при оформлении рабочего края трансверсальных резцов.

Группу орудий составляют скребки (2 экз.), скребла (1 экз.), ножи-скребла (3 экз.), ножи (7 экз.), острия на пластинах (4 экз.), резцы (4 экз.), острокопечники (3 экз.) и фрагменты неопознанных орудий (2 экз.).

Скребок относится к типу концевых. Один из них (рис. 7, 3) сделан на трехгранной пластине

светлого кремня. Овально-выпуклое лезвие расположено на дистальном конце пластины. Оно обработано мелкой краевой ретушью, нанесенной со стороны спинки. Такой же ретушью частично оформлены края пластины. Длина орудия 2,3 см.

Второй скребок (рис. 7, 4) выполнен на обломке пластины с тремя конвергентными гранями, образованными предшествующими снятиями с дорсальной стороны. Овально-выпуклое, слегка скошенное лезвие создано крутой краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку. Вертикальной ретушью обработан и правый продольный край пластины, который также использовался как рабочее лезвие скребка. Длина орудия 3,9 см.

Скребло (рис. 9, 6) представлено фрагментом обломка дистального конца массивного пласти-

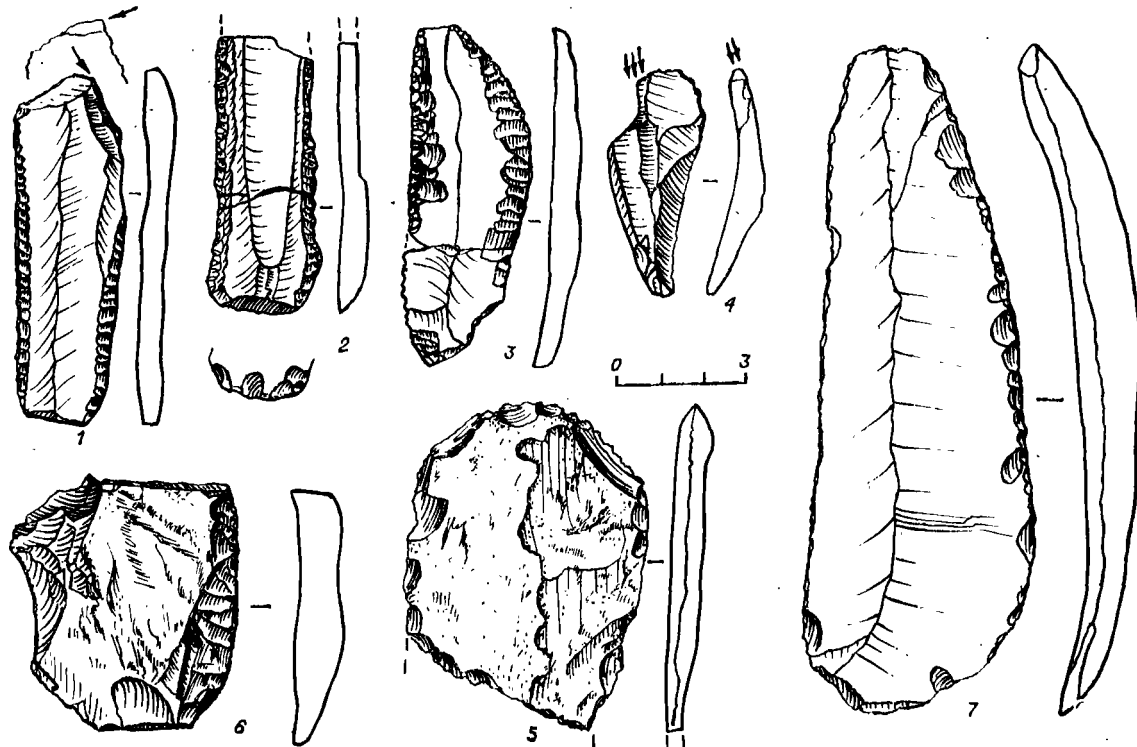

Рис. 9. Пластины и изделия из них.

чатого отщеп из зеленовато-серого кремня. Слегка выпуклый продольный край отщеп обработан со стороны спинки отжимной ретушью. На противоположном краю имеется выемка, оформленная крутой ретушью как вогнутое лезвие скребла. Длина сохранившегося фрагмента 5,8, ширина — 5 см.

Ножи-скребла. К данной категории орудий отнесены три однотипных изделия языковидной формы, выполненные на плоских (0,4—0,6 см толщиной) плитках сланца. Они найдены на расстоянии 20—25 см друг от друга в квадрате Ж-10. С двух сторон по краю всей окружности сохранившегося фрагмента нанесены короткие, плоские сколы, оформляющие лезвие ножа или скребла (рис. 9, 5).

Ножи в зависимости от исходной основы и техники оформления подразделяются на две группы: ножи на пластинах и ножи-бифасы. Первая группа состоит из 5 орудий. Два ножа оформлены на средних сечениях трехгранных пластин из сероватого и желтовато-белого кремня (рис. 8, 6). Они имеют по два лезвия, расположенных на продольных краях пластины. Лезвия обработаны мелкой краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку.

Великолепным образцом орудий первой группы является нож, изготовленный на трехгранной пластине желтовато-белого кремня (рис. 9, 3). Красивой струйчатой ретушью по продольным краям пластины ему придана сегментовидная форма. Ретушь односторонняя, нанесенная со стороны спинки, маргинальная. Длина орудия 8 см, максимальная ширина 2,7 см.

Для ножа (рис. 9, 2) основой послужила четырехгранная пластина желтовато-белого кремня. Верх пластины обломан. Оба продольных края обработаны крутой отжимной ретушью, направленной с брюшка на спинку. Дистальный прямой конец пластины подправлен красной ретушью с брюшка. Длина сохранившейся части изделия 6,3 см, ширина 2,3 см.

Нож (рис. 9, 7) сделан на крупной трехгранной пластине глинистого сланца (длина 15 и ширина 5,1 см). Лезвие ножа, расположенное на дугообразно-выпуклом продольном крае пластины, обработано тонкой красной ретушью, нанесенной со стороны спинки. Орудие сильно выветрено и окатано. По степени сохранности, материалу, характеру ретуши этот нож в общем контексте материалов Суворово III выглядит алогизмом. Вполне возможно, что он был найден на одной из более высоких террас и приписан на стоянку.

Ножи-бифасы. Их два. У одного из бифасов обломан верхний припостренный конец, но сохранилась большая часть орудия с миндалевидным поперечным сечением, слегка конвергентными продольными краями и основанием с небольшим треугольным уплощенным выступом (рис. 8, 9). Обе плоскости ножа тщательно обработаны струйчатой отжимной ретушью и дополнительно подправлены по краям мелкой ретушью. Длина сохранившейся части орудия 5,6 см, ширина — 2,6 см. В качестве материала использован желтоватый кремнез.

Второй нож-бифас можно считать образцом тех-

нического мастерства (рис. 8, 10). Он сделан из белого кремня, имеет сегментовидную форму и миндалевидное поперечное сечение. Основание слегка округлено, верхний копец заострен. Обе плоскости орудия тщательно обработаны широкими уплощающими сколами и подправлены по краям отжимной ретушью. Длина орудия 11,2, ширина в средней части — 3,3 см.

Острия на пластинах представлены двумя целыми образцами и двумя обломками. Одно из целых изделий оформлено на четырехгранной профилированной пластине серовато-белого кремня (рис. 8, 11).

Оно вытянутой формы с грушеобразным расширением в основании. Поперечное сечение трапециевидное. Боковые стороны по всей длине орудия обработаны мелкой отжимной ретушью. Длина изделия — 9,8 см, максимальная ширина основания — 2,5, ширина в средней части 1,8 см.

Другое острие (рис. 8, 3) изготовлено на трехгранной пластине белого кремня. Краевой ретушью, нанесенной со стороны спинки, ему придана листовидная форма. В нижней части орудия, ближе к основанию, наблюдаются слегка выступающие плечики. Выше плечиков боковые края острия тщательно обработаны отжимной ретушью, ниже — спорадической, нерегулярной. С вентральной стороны основание острия уплощено фасетками отжимной ретуши. Длина орудия 4 см, ширина по линии плечиков — 2 см.

Обломки острий (2 экз.) представлены верхними частями аналогичных орудий на трехгранных пластинах. Материал тот же — белый кремнез. Длина фрагментов — 5,1 и 3,6 см.

Резцы по типам подразделяются на угловые (2 экз.) и трансверсальные (2 экз.). Один угловой резец выполнен на первичном пластинчатом отщепе коричневатого-красного кремня (рис. 9, 4). С ударной площадки отщеп по левому продольному краю снято два коротких резцовых скола. Длина одного скола — 1 см, длина другого — 0,7 см. Примыкающий к резцовым сколам участок ударной площадки слегка подработан крутой ретушью. Длина изделия 5,1 см.

Второй угловой резец сделан на четырехгранной крупной пластине желтовато-белого кремня (рис. 9, 1). Продольные края пластины обработаны красной ретушью, направленной с брюшка на спинку, и образуют ножевидные лезвия. Резцовый скол нанесен диагонально с дистального конца пластины на правый продольный край.

Трансверсальный резец (рис. 7, 2) изготовлен на обломке четырехгранной пластины белого кремня. Края пластины обработаны ретушью, нанесенной со стороны спинки. Диагональный резцовый скол снят с верхнего правого угла по направлению к нижнему левому, поэтому резцовая фасетка хорошо видна с брюшка. Такая черта характерна для резцов типа арая. Орудие, по-видимому, «оживлялось». Об этом свидетельствует второй резцовый скол снятый под небольшим углом вдоль правого края пластины.

От второго трансверсального резца сохранилась только верхняя часть. Судя по ней, резец был сделан на четырехгранной пластине белого кремня. Ее продольный край со стороны спинки ретуширован. Резцовый скол нанесен диагонально

Соотношение категорий артефактов на стоянке Суворово III

	Нуклеус*		Желвак		Отщеп		Пластина		Микропластина		Оружие		Украшение		Всего
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	
1-й слой	—	—	10	2,7	333	89,3	10	2,7	2	0,5	17	4,5	1	0,3	373
2-й слой	8	1,4	5	0,9	473	83,5	33	5,8	22	3,7	26	4,6	—	—	567
По раскопу	8	0,8	15	1,5	806	85,9	43	4,6	24	2,6	43	4,6	1	0,01	940

* Не включен краевой склон с клиновидного нуклеуса из 1-го слоя.

с правого к левому краю пластины. Длина фрагмента 2,3 см, ширина — 1,8 см.

Остроконечники. Два остроконечника относятся к типу бифасов. Оба они представлены обломками верхних острых концов и, судя по фрагментам, имели концевидную форму. Их плоскости обработаны с двух сторон: в одном случае — широкими сколами (рис. 8, 5), в другом — такими же сколами с дополнительной подправкой краев тонкой струйчатой ретушью (рис. 8, 4). Поперечные сечения орудий мидалевидные. Материалом для их изготовления служил желтоватый и зеленоватый кремнезоль.

От третьего остроконечника сохранилась нижняя часть — основание (рис. 8, 7). В отличие от первых двух это унифас, сделанный на трехгранной пластине. Пасад его приострен краевой ретушью, нанесенной как со спинки, так и с брюшка. Особенно тщательная обработка прослеживается с вентральной стороны, где широким плоским сколом снят ударный бугорок пластины. Длина сохранившейся части орудия 3,4, ширина — 2,3 см.

Обломки орудий представлены мелкими фрагментами, обработанными отжимной ретушью. По характеру ретуши и ее расположению можно предположить, что это обломки бифасов.

Таковы состав и характер каменного инвентаря Суворово III по раскопкам 1982 г.

Незначительное количество желваков камня и крупных отщепов, достаточно высокий удельный вес изделий со вторичной обработкой, наличие сильно сработанных, сломанных и переоформленных орудий позволяют считать местонахождение Суворово III стоянкой.

В обобщенном виде материалы стоянки даны в таблице, из которой видно, что состав инвентаря 1-го и 2-го слоев в основном тождествен по категориям.

Близость каменных индустрий культурных слоев прослеживается и по технико-типологическим признакам. Для них в одинаковой степени характерны концевые скребки на пластинах, скребла, пойки на пластинах, приемы отделения микропластин с клиновидных нуклеусов. Отличительной чертой инвентаря обоих комплексов являются бифасальные орудия. Вместе с тем в составе инвентаря слоев наблюдаются и особенности. В отличие от 1-го слоя, во 2-м присутствуют сланцевые пойки-скребла, острия на пластинах и резцы. Отличие существенно, однако можно надеяться, что с продолжением раскопок аналогичные вещи будут найдены и в 1-м культурном слое.

В целом же, как показывают технико-типологический и сравнительный анализы материалов

стоянки, комплексы каменных индустрий 1-го и 2-го слоев во многом близки и, по-видимому, представляют одну культуру, которая характеризуется пластинчатой техникой, развитыми приемами микрорасщепления, достаточно выраженной тенденцией к бифасальности форм орудий. В связи с ее интерпретацией одним из главных становится вопрос определения положения стоянки Суворово III и ее культурного комплекса среди культур позднелесостоевого и раннеголоценового времени Дальнего Востока.

Культуры, связанные с пластинчатыми индустриями, получили на Дальнем Востоке в конце палеолита широкое распространение. Они достаточно хорошо известны по ряду местонахождений в Приморье (Устиповка, Осиповка II, Олений I)², в Приамурье (Осиповка)³, в Северной Маньчжурии (Чэньцин, Гусянтунь)⁴, в Восточной Монголии (Хере-Уул)⁵, на Сахалине (Имчип I, Такое II, Сокол)⁶, на Хоккайдо (группа Сиратаки, Татикарусюнаи и др.)⁷.

Наивысшего расцвета техника пластин достигла на Хоккайдо в период 15 000—10 000 лет назад. (Например, Сиратаки 30, 31, 33, 37, Окео, Татикарусюнаи — местонахождения А, В⁸.) Наиболее выразительными диагностическими элементами комплексов с пластинчатыми индустриями являются клиновидные нуклеусы различных модификаций и трансверсальные резцы с диагональным резцовым сколом, или резцы арая, по японской терминологии. В таком сочетании эти элементы встречаются среди ансамблей каменных орудий в Приморье (Устиповка), на Сахалине (Имчип, Сокол), на Хоккайдо (группа Сиратаки и др.). К западу от рассматриваемой территории они лучше всего представлены в материалах верхнепалеолитических и раннемезолитических стоянок Приангарья (Красный Яр, Черемушкин, Усть-Белая, Верхолеская Гора)⁹. Здесь зафиксированы один из ранних вариантов клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов (Красный Яр I, 20 000—18 000 лет назад).

Таким образом, сочетание клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов связывает целый ряд памятников, рассеянных на обширной территории Северной Азии от Прибайкалья до Тихоокеанского побережья. Хронологический диапазон таких памятников также широк — от 20 000 до 8000 лет назад. Присутствие в комплексе второго слоя Суворово III аналогичных нуклеусов и резцов включает в этот круг и стоянку Суворово. Бифасы придают этому комплексу специфическую окраску. Наиболее ранние двусторонне обработанные орудия типа бифасов на Дальнем Востоке обнаружены на местонахождении Кумары III,

датированном в пределах 20 000—15 000 лет назад¹⁰. Коньеобразные остроконечники и пожби-фасы, ретушированные с двух сторон, известны по материалам первого слоя поселения Устиновка I, Олений I, Осиновка, Имчи, Тако. Хорошо выдержанными сериями они представлены в комплексах хоккайдских стоянок типа Сиратаки 30, 33, Татикарусюнаи А (15 000—10 000 лет назад), Татикава II и III (9 500—8 000 лет назад).

Развитые бифасальные формы орудий (листовидные бифасы, пожби-фасы, бифасы с обушком) составляют ведущие категории каменного инвентаря на раннеолитических стоянках юго-западного Приморья (Горбатка III, Илистая I, Тимофеевка I)¹¹.

Из приведенных примеров видно, что, как и в случае с пуклеусами и резцами, двусторонняя техника обработки орудий-бифасов отчетливо проявляется в каменных индустриях определенной группы памятников Дальнего Востока. Отсюда важно выделить те памятники, в пластинчатых индустриях которых клиновидные пуклеусы и трансверсальные резцы встречаются вместе с бифасальными орудиями аналогичных или близких стилистико-типологических характеристик, и попытаться сопоставить их с материалами стоянки Суворово III.

Наиболее близким в этом отношении памятником может считаться поселение Устиновка I (комплекс слоя 1), расположенное от Суворово III в 14 км вверх по р. Зеркальной (см. рис. 1). Для каменного инвентаря Устиновки тоже характерна пластинчатая техника с использованием торцового принципа скалывания с пуклеусов. В первом слое есть клиновидные пуклеусы, трансверсальные резцы, широкие бифасы, скребки концевого типа, аналогичные образцам Суворово III.

Однако эти комплексы, хотя и сопоставимы, все же не тождественны. В Суворово отсутствует ряд важных элементов, характерных для устиновского комплекса: однофронтальные подпряматические пуклеусы, пуклеусы подтреугольных очертаний со скошенной ударной площадкой, крупные правильных очертаний пластины с одной срединной гранью на дорсальной стороне.

По этим признакам, а также по условиям залегания Суворово III представляется более поздним, чем комплекс слоя 1 Устиновки I.

Некоторые черты сходства в каменном инвентаре Суворово III прослеживаются с материалами раннеолитических стоянок Юго-Западного Приморья, прежде всего верхнего слоя Горбатки III и Илестой I. Общими здесь являются формы разных типологических подразделений каменных изделий (клиновидные пуклеусы, ладьевидные заготовки, микропластины, краевые сколы с пуклеусов, вкладышковые лезвия, пожби-фасы, бифасы-остроконечники) и принципы вторичной обработки орудий с помощью крупных уплощенных сколов и разнофасеточной ретуши.

В то же время на стоянках Горбатка III и Илистая I широко использовались микропризматические и микроконические пуклеусы¹², которых нет в Суворово III. Несмотря на ряд дискуссий, можно считать установленным, что конические микронуклеусы развились из клиновидных и являются более поздними формами микроиндустрий.

Нет в Суворово III и керамики, появляющейся на стоянках раннего неолита.

Исходя из сказанного можно заключить, что как в культурном, так и в хронологическом отношении Суворово III занимает промежуточную позицию между комплексом слоя 1 Устиновки I и раннеолитическими стоянками типа Горбатка III и Илистая I. В рамках абсолютной хронологии, с учетом, что верхняя группа культурных отложений Устиновки определяется временем 10 800—10 300 лет назад¹³, а нижний предел раннего неолита Приморья, в свете новейших данных, 9 000—8 000 лет назад¹⁴, культурные остатки стоянки Суворово III следует, очевидно, предварительно датировать периодом 10 000—8 000 лет назад. Такое определение хронологической позиции Суворово III хорошо согласуется с общими схемами развития докерамических культур Японии¹⁵ и логически укладывается в представления об эволюции позднелейстоценовых и раннеголоценовых культур Приморья. Определенное и достаточно выраженное сходство каменной индустрии стоянки Суворово III, особенно ее второго слоя, с комплексами слоя 1 Устиновки I и Устиновки IV позволяет предполагать формирование культуры Суворово III на местной основе.

Морфологическое сходство изделий Суворово III с орудиями памятников позднего плейстоцена и раннего голоцена, рассеянных на просторах Северной, Центральной и Восточной Азии, по-видимому, обуславливается общей подосновой формирования культур верхнего палеолита, связанных с пластинчатой техникой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильевский Р. С., Кашин В. А. Раскопки многослойного поселения Устиновка I в 1980 г.— В кн.: Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983, с. 44—97.

² Окладников А. П., Деревяко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья.— Владивосток, 1973, с. 74—81; Деревяко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи.— Новосибирск, 1983, с. 89—93.

³ Деревяко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи.— Новосибирск, 1983, с. 94—96.

⁴ Ларичев В. Е. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976.

⁵ Окладников А. П. Поселение каменного века на горе Хере-Уул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии.— В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 322—338.

⁶ Васильевский Р. С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине.— Изв. СО АН СССР, 1973, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2; Васильевский Р. С., Шубин В. О. Новые материалы по древней истории Сахалина.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976, с. 182—188.

⁷ См., напр.: Есидзаки М. Стоянка Сиратаки и докерамические культуры Хоккайдо.— Мидзюкутаку кэнкю, 1961, т. 26, № 2 (на яп. яз.); Он же. Стоянка Татикарусюнаи — Эигару (Хоккайдо), 1973 (на яп. яз.).

⁸ См., напр.: Есидзаки М. Стоянка Сиратаки...; Он же. Стоянка Татикарусюнаи; Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии.— Новосибирск, 1982.

⁹ См., напр.: Аксенов М. П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970; Аксенов М. П., Медведев Г. И. Новые данные по донеолитическому периоду Приамурья.— Изв. Вост. Сиб. отд. Географ. об-ва СССР, 1967, т. 65, с. 153—165.

¹⁰ Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока..., с. 82—83.

¹¹ Кузнецов А. М. Каменный век Юго-Западного Приморья. Автореф. канд. дис. Л., 1981.

¹² Он же. К технике получения микропластин-вкладышей.— СА, 1983, № 3, с. 82—89.

¹³ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии.— М., 1979, с. 240—243.

¹⁴ Кузнецов А. М. Каменный век..., с. 14.

¹⁵ См., напр.: Oda S. Keally Ch. Japanese Palaeolithic Cultural Chronology.— In: Paper presented to the XIV-th Pacific Science Congress held in Khabarovsk. M., 1979.

В. В. ЕВСЮКОВ

ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ

Исследования последних лет убедительно показывают, что истоки мифологии следует искать уже в каменном веке — по крайней мере в эпоху верхнего палеолита. Мифологические системы периода неолита, насколько они поддаются дешифровке, демонстрируют уже достаточно высокий уровень своего развития, отличаются детальной разработанностью и многозначностью. Одним из основных источников для реконструкции мифологических представлений выступают образцы изобразительного творчества, которые при соответствующей интерпретации позволяют воссоздать весьма сложные по семантике сюжеты. С этой точки зрения привлекают к себе внимание полихромные изображения на керамической посуде неолитической культуры яншао, существовавшей с V до III тыс. до н. э. на территории Центрального и Северо-Западного Китая. Изучение сложной семантики этих композиций дает возможность реконструировать целый ряд мифов неолитических протокитайцев.

Ядро практически любой мифологической системы составляют космогонические мифы, повествующие о создании вселенной, человека, общества. Особая роль и популярность мифов этого цикла объясняется тем, что в религиозной жизни древних и архаичных обществ они выполняли функцию космического прецедента, архетипа, модели, по которым строилась духовная и социальная жизнь коллектива. Не стоит поэтому удивляться, что в росписи яншао встречается масса космогонических по своему содержанию изображений. Из них вычлениются две группы вариантов, одна из которых посвящена разработке представлений о вертикальной структуре пространства (миф об отделении неба от земли и мотив мирового дре-

ва)¹, другая связана с горизонтальным структурированием пространства². Если первый миф протокитайского космогонического цикла описывает отношения и взаимосвязи между верхним, средним и нижним мирами, то мифы второй группы рассматривают лишь средний мир, т. е. землю и ее устройство.

Возьмем для анализа композицию на сосуде *ху* культуры яншао (рис. 1, а, б). Несмотря на то, что изделие не было найдено *in situ*, а приобретено Ю. Г. Андерсоном у местных жителей в Цзиньсянь (пров. Ганьсу), не вызывает сомнения его принадлежность к этапу мацзяо (первая половина III тыс. до н. э.)³. Об этом свидетельствует типично мацзяоская роспись сосуда, характерной особенностью которой является доминирование волнистых линий, напоминающих растения. Нижняя часть изделия не расписана, в верхней же между параллельными полосами и среди напоминающих завитки линий расположены симметрично по окружности тулова четыре светлых овала с изображенными в них распластанными безголовыми лягушками. По своей росписи данный сосуд уникален среди керамических изделий яншао⁴. Ближайшей по времени и облику аналогией может служить орнаментация сосуда *доу* (рис. 2), обнаруженного на стоянке Хуаншаньцзяй энеолитической культуры цинцзя, у которого по окружности тулова также симметрично расположены четыре геометризмованные фигурки лягушек. Важно отметить, что этот сосуд по своей форме весьма близок к мацзяским⁵.

Более отдаленные параллели орнаментации *ху* этапа мацзяо относятся уже к бронзовому веку. Так, изображение шести лягушек, расположенных по кругу, можно встретить на бронзовом сосуде эпохи Восточного Чжоу из Гуанси⁶. В качестве возможной аналогии мотива умерщвления мацзяоских лягушек, вероятно, следует назвать обычное изображение распластанный и освежавшей (?) лягушки на бронзовой подвеске из захоронения эпохи Хань в пров. Юньнань⁷.

Наибольший интерес вызывает сопоставление орнаментации мацзяоского сосуда *ху* и древнекитайских бронзовых барабанов, самые древние из которых, по мнению китайских археологов, датируются концом эпохи Чуньцю (VI—V вв. до н. э.)⁸. Отличительной чертой этих инструментов является наличие на верхней деке фигур лягушек⁹, симметрично расположенных по кругу. Число лягушек на бронзовых барабанах всегда

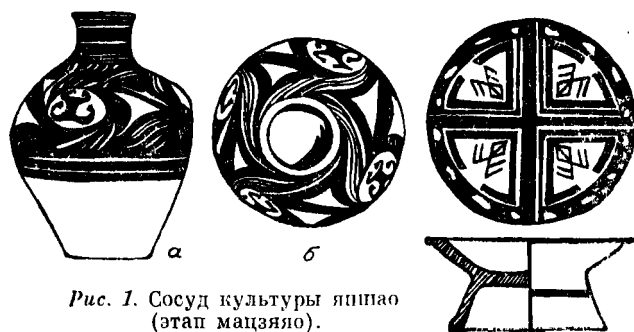

Рис. 1. Сосуд культуры яншао (этап мацзяо).

а — вид сбоку, б — вид сверху.

Рис. 2. Сосуд культуры цинцзя.

четное и чаще всего равно четырем (как и на мацзяоском кувшине *ху*); реже встречаются шесть, восемь или двенадцать лягушек¹⁰.

Из древнекитайских письменных источников известно, что в эпоху Чжоу барабаны делились по своим ритуальным функциям и отличались друг от друга числом ударных поверхностей: *лэй-гу* (барабан грома) был четверным и применялся при жертвоприношениях духам Неба, *лин-гу* (барабан духов) был тройным и служил при жертвоприношениях духам Земли, *лу-гу* был двойным и предназначался подземным духам (согласно комментарию к «Чжоу ли», в виду имелись духи предков). Каждый из барабанов имел соответственно восемь, шесть и четыре ударных поверхности¹¹. Не с этой ли (или аналогичной ей) символикой связано и число лягушек на барабанах более позднего времени?

И еще одно интересное обстоятельство сближает древнекитайские барабаны с сосудом этана мацзяо. Согласно «Ли цзи», первые барабаны представляли собой глиняные горшки, обтянутые оленьей кожей; их изобретение приписывалось легендарному одномуному быку-дракону Кую¹². Барабаны из обожженной глины упоминаются и в «Чжоу ли»¹³. По «Ли цзи», пинские барабаны устанавливались на столбах, а чжоуские подвешивались подобно колоколам¹⁴. У нас нет оснований предполагать, что рассматриваемый кувшин *ху* этана мацзяо использовался как барабан, наподобие тех глиняных горшков, о которых сообщают «Ли цзи» и «Чжоу ли», но вместе с тем нельзя отрицать определенное композиционное и, надо полагать, семантическое сходство в его орнаментации и орнаментации более поздних сосудов и барабанов.

По мнению Хун Шэна, особая популярность изображений лягушек на южно-китайских бронзовых барабанах «связана с распространенным среди южных племенным почитанием дерущихся лягушек»¹⁵. (Упоминания об этом содержатся в трактате «Хань Фэй-цзы», гл. «Нэй чу шо», в «Тайпин юйлань», гл. 949 и «Тайпин гуанцзи», гл. 473¹⁶). Однако едва ли вопрос этим исчерпывается, поскольку есть основание увидеть здесь наличие дуальной космологической символики: в центре барабана помещается изображение солнца, располагающиеся вокруг него лягушки как представители водной стихии составляют ему естественную оппозицию, следовательно, композицию в целом можно рассматривать как отражение взаимодействия двух стихий — огня и воды.

Лягушки, символы влаги, изображались на бронзовых южно-китайских барабанах не случайно, ибо одной из важных ритуальных функций барабанов было вызывание дождя (например, у чжуан)¹⁷. Упоминания об этом можно найти уже в древнекитайских источниках. Комментарий к «Малому календарю Ся» связывает раздающийся в четвертом месяце крик юй (ядовитой трехлапой черепахи или жабы) с барабаном¹⁸. На вершине горы Хотайшань, которая, по преданию, испускала страшную засуху, находился источник, начавший бить при звуке барабанов¹⁹. Имеются и иные основания для сближения семантики росписи мацзяоского *ху* с орнаментацией южно-китайских бронзовых барабанов.

Указав на аналогии в материальной культуре более поздних эпох, обратимся к собственно семантике мацзяоской композиции. Прежде всего назовем составляющие композицию значимые элементы, анализ которых прояснит ее смысл. Это: 1. Образ лягушки и связанные с ней представления; 2. Безголовость этого мифологического существа; 3. Симметрично-четырёхчастная структура композиции. Каждый из этих элементов соответствует мифологеме, а совокупность их образует реконструируемый неолитический миф. Начнем с мифологических характеристик лягушки.

О том, что лягушка почиталась в Китае с глубокой древности, говорит текст «Чжуан-цзы» (IV—III вв. до н. э.), где при перечислении различных духов, с которыми, надо полагать, были связаны определенные мифы, упоминается и лягушка (*валун*), «прыгающая на северо-востоке»²⁰. Из источников известно, что в древности в Китае на крышах домов для отвлечения зла устанавливались выдолбленные в натуральную величину скульптуры жабы и сов²¹. По сведениям «Хоу Хань шу» (гл. 8), статуи лягушек устанавливались в императорских дворцах²². Поклонение духу зеленой лягушки (*цинва шэнь*) сохранялось в Китае вплоть до XIX в. и даже позже. Особенно много посвященных ей куpei и храмов находилось в бассейнах рек Хань и Янцзы. Лягушек в этих культовых местах водилось множество, в жертву им приносили животных и обращались к ним с мольбами об отвращении зла²³. Наиболее развит культ зеленой лягушки был в Южном Китае, но и в центральной части страны существовало значительное число посвященных ей храмов²⁴. В одной из повелей в сборнике Юань Мэя (XVIII в.) человек наказывался за то, что в прошлом рождении любил есть лягушек²⁵. В старом Китае выпускались специальные листовки с призывами не истреблять лягушек²⁶. По мнению В. Эберхарда, вполне вероятно, что в древнем Китае лягушка считалась божеством домашнего очага, охраняющим благополучие дома: в пользу этого среди прочего говорит семантика иероглифа, обозначающего «домашний очаг», — он пиктографически изображает лягушку в пещере²⁷.

По традиционным китайским представлениям, лягушки, жабы и черепахи²⁸ в наибольшей степени среди всех животных воплощают в себе начало *инь*, главными характеристиками и атрибутами которого служат вода, земля, холод, мрак, жепское начало, пассивность, неизменность и т. п. Так, согласно древним трактатам, при династии Хань в полнолуние пятого месяца, когда, как считалось, *инь* приходит на смену *ян*, чиновникам для ликвидации опасного влияния этого переломного в году дня давали пить отвар из соев и *ся-ма*, в которой исследователи видят жабу *чань-чжу*²⁹.

Лягушки, жабы и черепахи в китайской традиции так или иначе связаны с водной стихией. В фольклоре Китая известно значительное число вариантов следующего сюжета: лягушка выливает целое озеро или пруд, но, услышав смех человека, лопается и выпускает проглоченную воду³⁰. Здесь нетрудно увидеть реликт образа космической лягушки — хозяйки всей воды в мире. Ки-

тайская мифология и фольклор фиксируют особое отношение лягушек к наводнению: они, как правило, выступают вестниками грядущего бедствия; сигналом к наступлению вод служит появление лягушек из ступок или из очага. Некоторые из многочисленных вариантов этих преданий известны с III в. до н. э.³¹ По древнекитайским поверьям, лягушки и черепахи входили в свиту Князя Реки — Хэбо. На каменистых рельефах эпохи Хань можно встретить изображения фантастических существ с телом лягушки и головой человека, сопровождающих пышный кортеж повелителя вод³².

В древнем Китае было известно много примет, суеверий и обрядов, связанных с вызыванием дождя. Особо чудодейственная сила приписывалась китайской мифологией трехлапой жабе *чань-чжу*. Считалось, что, ставшая очень старой, она приобретала способность пожирать демонов засухи, а если такую жабу в пятом месяце высушить в тепе *инь*, а затем ее лапой начертить на земле рисунок, сразу же хлынет ливень³³. По предположению А. Масперо, упоминаемый Цюй Юанем в «Тянь вэнь» Хозяин дождя по имени Бин-и³⁴, о котором сказано, что он «своим криком вызывает дождь», имел облик жабы или лягушки³⁵. По распространенному в Китае поверью, лягушачья икра падает с неба вместе с росой, почему эта рептилия и именуется в простонародье *тянь-цзи* (небесная курица)³⁶.

Приведенные данные о роли лягушки в аграрном культе, о ее связи с влагой позволяют понять, каким образом она и ее алломорфы стали мыслиться символом и воплощением плодородия и плодovitости. Одно из древнейших женских божеств Китая — Нюй-ва, считающаяся вместе со своим мужским дополнением Фу-си (ее братом и супругом-демпургом) прародительницей рода человеческого, покровительствующей деторождению и бракам, первоначально, возможно, мыслилась в облике лягушки. К такому выводу пришел синолог Э. Шэфер, исследовавший этимологию иероглифа «ва» (знак «шуй» означает «женщина»). Оказалось, что однокоренные слова имеют значение: «улитка», «яма с водой», «пора», «пруд», «лужа», «стоячая вода» и, наконец, «лягушка». По мнению Э. Шэфера, это «указывает на то, что Нюй-ва первоначально считалась духом дождевых луж и мыслилась в облике влаголюбивого скользкого существа, живущего вблизи них»³⁷.

Не исключено, что в древности лягушка была тотемом некоторых китайских родов. Неслучайно, видимо, среди фамильных знаков встречается иероглиф «минь» — «лягушка». Человек с такой фамилией — Минь Чугун, живший в эпоху Хань, — упоминается в сочинении «Ци син тун» («Исследование редких фамилий»)³⁸. Неслучайно, возможно, и то, что в китайском фольклоре весьма популярны сюжеты с мотивом так называемого «тотемного брака», где герой или героиня женится или выходит замуж за лягушку³⁹.

Лягушки, жабы и черепахи считались у китайцев наделенными особой жизненной силой. Китайцы верили, что они (особенно жаба и черепаха) отличаются чрезвычайным долголетием: «черепаха живет тысячу лет, затем умирает и оставляет панцирь, дающий предсказания»⁴⁰. По сведениям, приводимым известным алхимиком и

Рис. 3. Тибетский деревянный двузубый нож-амулет, символизирующий устройство вселенной. Сверху вниз изображены: солнце, луна, звезды, облака, горы, море; ручка ножа оформлена в виде лягушки, поддерживающей мироздание.

натуралистом Го Хупом (IV в. н. э.), жаба *чань* может достигать возраста в одну, три и даже десять тысяч лет⁴¹. Черепаха и жаба превратились в китайской традиции в символы потустороннего сверхъестественного знания и всеобъемлющей мудрости.

Приведенные факты, число которых может быть умножено, свидетельствуют, что изображения лягушек на мацзянском сосуде, вероятно, следует расценивать как символы влаги, изобилия и плодородия. Однако этого недостаточно для уяснения смысла неолитической композиции. Другой аспект данного мифологического образа состоит в том, что лягушка и ее алломорф черепаха теснейшим образом связаны с землей. На ранних этапах развития мифологии они, судя по всему, мыслились ее олицетворениями. Сказанное можно подтвердить многочисленными данными.

Представления о лягушке как опоре, на которой покоится мироздание, распространено в Тибете. Тибетский двузубый нож-амулет (рис. 3) символизирует собой вселенную, при этом его ручка, основание вселенной, имеет облик распластанной лягушки⁴². Вероятно, вместе с буддийской мифологией это представление проникло к бурятам и другим народам Сибири. Вот одно из таких преданий, приводимое Г. Н. Потаниным: «Земля лежит на Алтае-мелеке»⁴³ (т. е. на лягушке Алтай). Когда лягушка пошевелится, пожалуй, и земля упадет. Однажды она пошевелилась; Улу-Далай (великое море) заволновалось, как будто закипело, и вышло из берегов. Один только старик предвидел это обстоятельство и выстроил плот, окованный железом, — «тепир хадалу сал», сел в него с немощными людьми и запасом и тем спасся. Этот плот и теперь стоит на высокой тайге, на которой некогда остановился. Все остальные люди и животные погибли»⁴⁴. По другому варианту, боддхисаттва Манджушри, обратившись в огромную лягушку, лег на спину и на своем животе утвердил им же созданную землю⁴⁵. В сказании, записанном бурятским этнографом Ц. Жамцарано, вселенную творят лебедь, ворон и герой Хухудэй Мэргэн. Летая над первозданным океаном, лебедь заметил Золотую Черепаху — Алтай Мэлхэй (модификация Золотой Лягушки), державшую в лапах землю, и сообщил об этом Хухудэй Мэргэну. Тот выстрелил в черепаху из лука, и она, перевернувшись на спину, образовала собой земную твердь. Сходное предание известно и монголам: из тела убитой героем черепахи возникают земля и четыре страны света, а из вылившейся из нее жидкости — мировой океан, окружающий супу⁴⁶.

В мифологии южных тувинцев фигурирует хозяин подземного моря Мелхи, огромный по величине малоподвижный хищный зверь на четырех

лапах, поддерживающий собой землю⁴⁷. В этом персонаже нетрудно узнать трансформированный образ космической лягушки-черепахи.

Интересный космогонический миф с участием лягушки записан у алтайцев: «Сначала было небо да вода. Очурманы жил на небе, ему и присесть было негде. Вот он смотрел вниз и думал: „Что это все вода да вода, дай сделаю местами землю“. Вздумал сделать землю, а сам стал сомневаться: „Ну ка не сделаю!“ И стал он искать товарища. Нашел Чаган-Шукуты и стал просить его спуститься с неба вниз. Они согласились между собой и стали спускаться на воду. Лишь только они стали приближаться к воде, увидели лягушку (лягушек в Алтае не бьют, потому что на лягушке земля стоит), которая, как только заметила их, нырнула в воду. Очурманы послал товарища Чаган-Шукуты отыскать в воде лягушку. Товарищ нырнул в воду, вытащил лягушку, на поверхности воды повернул ее вверх брюхом. Очурманы сказал Чаган-Шукуты: „Я сяду на брюхо лягушки, а ты нырни в воду и достань со дна что тебе попадется“. Затем демиурги после нескольких попыток и препирательств между собой достали со дна земли и засыпали ею перевернутую лягушку, сотворив таким способом твердь»⁴⁸.

Близкий по смыслу миф зафиксирован у конных эвенков Забайкалья, очевидно заимствовавших его от своих соседей: лягушка была помощником творца земли, она вынесла в лапах землю из-под воды, но злой брат демиурга выстрелом из лука убил ее; лягушка перевернулась кверху брюхом и с тех пор лапами поддерживает землю, со всех сторон окруженную водами. В качестве символа земли изображение лягушки применялось как подвеска к костюмам эвенкийских шаманов. Наряду с этим у эвенков имелось представление о четырехугольной земле, поддерживаемой четырьмя лягушками, черепахами или особыми подпорками⁴⁹.

Едва ли можно сомневаться, что перечисленные мифы восходят к буддийскому преданию о том, как Манджушри, убив из лука космическую Золотую Черепаху, утвердил на ее брюхе землю⁵⁰. Вместе с тем важно отметить органичное наложение заимствованного сюжета на автохтонные космогонические мифы (сравни мотивы ныряния за землей и соперничества двух братьев-демиургов).

В этом контексте нельзя не сказать и об особой связи лягушек с мировым деревом. У Плутарха при описании бронзовой пальмы в колоннаде коринфян в святилище Аполлона в Дельфах сообщается о скульптурных ужах и лягушках внизу ствола дерева, вызывавших удивление зрителей, ибо «пальма не является болотным деревом, а лягушки не стоят в столь близких отношениях к Коринфу, чтобы быть его символом или гербом»⁵¹. Свидетельство античного автора проясняется, если допустить, что пальма представляла собой мировое дерево, основание которого в древних мифологиях ассоциировалось с хтоническими тварями, символизирующими саму землю. Подтверждение такой оценке можно найти, например, в финно-угорской мифологии: по представлению манси, в центре вселенной стоит мировое дерево, на вершине которого обитает птица Карс, а в корнях

живет враждующая с ней Не имеющая-Сердца-и-Печени-Железная-Лягушка⁵² (лягушка здесь замещает змея у мирового дерева). Близкие этому представления можно найти в венгерской мифологии⁵³.

Чаще всего в качестве опоры мироздания в мифах выступает популярный алломорф лягушки — черепаха. Уже в «Шатапатха брахмане» (VIII.5.1.1) вселенная уподобляется черепахе, чей верхний выпуклый панцирь — небо, а нижний, плоский — земля⁵⁴. В известном древнеиндийском мифе о пахтании богами океана говорится, что опорой для мировой горы Мандара, пользовавшейся в качестве мутовки, стала космическая черепаха, погрузившаяся для этого в воды океана; позднее это животное стало одной из аватар Вишну. В более поздней культовой иконографии Индии вселенная изображалась покоящейся на гигантской черепахе, перевитой мировым змеем Шешей⁵⁵. О том, что эти представления, возможно, относятся к общецивилизационному наследию, как будто свидетельствуют языковые данные⁵⁶.

Большой популярностью предания о великой черепахе, нырявшей на дно первозданного океана и доставшей оттуда землю, пользовались у североамериканских индейцев⁵⁷. Ирокезы приписывают это космогоническое деяние черепахе Хах-ну-пах, утвердившей землю на своем панцире⁵⁸. По другому преданию, могучий герой Нанабуш во время потопа создал огромную черепаху, на которой, как на острове, спасались люди и которая, таким образом, может рассматриваться как сама земля⁵⁹.

У африканской народности балуба резиденция верховного правителя повторяла очертания священной черепахи: в ее центре, символизировавшем сердце животного, помещался дворец, а примыкавшие к нему пристройки соответствовали голове, хвосту и бокам черепахи⁶⁰. Сходные представления находим у мынгов в Юго-Восточной Азии, у которых дом на сваях копировал фигуру черепахи: четыре столба — лапы, крыша — панцирь животного⁶¹. Смысл этих фактов станет ясен, если вспомнить, что, согласно архаичным воззрениям, жилище, а особенно храм или дворец правителя, есть уменьшенная копия вселенной⁶². Этим же следует объяснять и фигуры черепах, несущих на себе символическую модель мироздания, в качестве оснований погребальных памятников, скажем, у средневековых корейцев: захоронение, как и жилище, имитировало собой вселенную⁶³.

Приведенные данные показывают, что образ лягушки-черепахи — опоры земли или даже воплощения в целом вселенной — имеет мировое распространение. Древнекитайская мифология не составляет в этом смысле исключения. В главе 5 древнекитайского трактата «Ле-цзы» излагается миф о пяти горах бессмертных, пэнлай, плававших на отдалении в несколько миллиардов ли в пучине Гуйской. От постоянной качки бессмертные, обитавшие там, разболелись, и тогда божеество приказало духу Юйцзю поймав пятнадцать гигантских черепах и заставить их держать па головах горы, смекая друг друга, через шестьдесят тысяч лет. Далее миф повествует о том, как

Рис. 5. Сюань-у (темный воин) — хранитель севера. Каменный рельеф эпохи Хапъ.

Рис. 4. Черепаха, подпирающая горы, на которых восседает божество под балдахинном. Древнекитайский каменный рельеф.

великан из рода Лунбо поймал на крючок шесть черепах, и две горы погрузились в пучину⁶⁴. Космологический смысл этого мифа вполне ясен: пять перечисляемых в нем мифических гор соответствуют пяти мировым горам, располагавшимся, согласно древнекитайской космографии, в кардинальных точках пространства — на юге, севере, востоке, западе и в центре. Поддерживая их, черепахи тем самым подпирали все мироздание (ср. рис. 4).

Другой древнекитайский миф сообщает о том, как во время битвы с божеством огня Чжу-жуном бог воды Гун-гун в ярости обрушился на опору неба — гору Бучжоушань и сломал ее. Ликвидировать последствия мирового катаклизма пришлось богине-демиургу Нюй-ва. Она умертвила для этого гигантскую морскую черепаху ао, отсекла у нее четыре поги и использовала их в качестве опор, поддерживающих небо⁶⁵. Данный миф по сути дела представляет собой космогоническое предание, отчасти затушеванное привходящими мотивами.

В легендах о мифическом герое древности Юе, главным деянием которого считалось укрощение потопа, имеется эпизод, в котором фигурируют сова и черепаха. Эти животные помогают Юю хитростью добыть «сйжан» — чудесный комок земли, обладающий необыкновенной способностью разрастаться в ширину. С его помощью Юю удастся прекратить паводнение⁶⁶. Нетрудно понять, что здесь перед нами та же космогония, но представленная уже в виде деяния культурного героя. Интересно отметить близкое топологическое соответствие здесь североамериканским и сибирским мифам о творении, разница лишь в том, что черепаха уже не достает комков земли со дна моря, а подсказывает герою, где его добыть; совпадает и мотив сйжана: в американских и сибирских мифах изначально малейший клочок первой земли также разрастается до огромных размеров.

Наконец, еще один древнекитайский мифологический образ, непосредственно примыкающий к

нашему сюжету. В эпоху Хань широкой популярностью пользовался мифический персонаж, имевший облик черепахи, перевитой змеей (рис. 5). Среди китайцев до наших дней сохранились поверья, в которых черепахи наделяются особой плодовитостью и похотливостью⁶⁷. Считается, что они бывают только самками, а потомство приносят после спаривания со змеями⁶⁸. С XII в. сюань-у вошел в даосский пантеон и стал именоваться Чжэнь-у-ди, к черепахе со змеей была добавлена фигура стоящего на черепахе воина, с мечом. Сюань-у считался, между прочим, владыкой вод, ибо вода относится к началу *инь*⁶⁹. В эпоху же Хань сюань-у входил в число четырех хранителей стран света: по традиционным китайским воззрениям, юг охраняется Пурпурной птицей *чжу-няо*, восток — Лазоревым драконом *цан-лун*, запад — Белым тигром *бай-ху*, север — сюань-у. Данная схема символизирует четырехчастное строение пространства по горизонтали (рис. 6).

Примечательно, что в китайской традиции юг, считавшийся главным направлением (именно на юг, в соответствии с древними ритуалами, был обращен трон Сына Неба, восседавшего всегда лицом к этой стране света), отождествлялся с верхом, а север, соответственно, ассоциировался с низом. Десятки примеров подобного совмещения горизонтального членения пространства с вертикальным можно найти у многих народов. Это свидетельствует о приоритете горизонтальных структур, а кроме того, подводит к важному заключению, что вертикальная схема, наиболее универсальным воплощением которой является образ мифического мирового древа, есть переосмысление горизонтальной, представленной в вертикальной проекции. Если с этой точки зрения взглянуть на ханьскую модель, легко заметить, что она в точности копирует структуру мирового древа с его зооморфными атрибутами: вверху помещается птица, внизу черепаха со змеей, по сторонам дракон и тигр.

Из мировой мифологии можно привести немало примеров, когда мировой древо маркируется именно таким образом: птица символизирует небо и верхний мир, змея или иное хтоническое существо — землю и преисподнюю, животные же по

Рис. 6. Хранители четырех стран света. Бронзовое зеркало эпохи Хапъ.

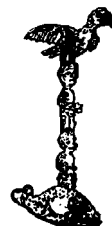

Рис. 7. Картина мира индейцев хайда, Северная Америка.

сторонам суть медиаторы, посредники между полюсами мифологического космоса. Медиативная функция дракона и тигра в древнекитайской культуре выявляется достаточно отчетливо, для нас в данном случае важно другое: черепаха у основания мирового древа выступает заместителем лягушки и змеи.

Сочетание в *сюань-у* черепахи и змея также имеет свою семантику. Если черепаха символизирует земную твердь, то змея — мировые воды, Мировой океан, окружающий, по воззрениям древних, сушу. С этой точки зрения интересно сопоставить *сюань-у* с космологическими воззрениями древних египтян. В гермопольском мифологическом цикле сотворение мира приписывается огдоаде — четырем парам божеств, состоящим каждая из мужчины и женщины; мужские божества имеют облик лягушек, женские — змей⁷⁰. Здесь черепаху замещает лягушка, а четыре пары божественных лягушек со змеями, по всей видимости, связаны с четырьмя странами света, т. е. типологически огдоада в своей зооморфной ипостаси может быть сопоставлена со структурой интересующей нас мацзяоской композиции.

Черепаха-земля в сочетании со змеей зафиксирована и в представлениях других народов. Так, у живущих в Индии бхиллов существует миф об изначальном змее, обитавшем в первозданном океане. За хвост этого змея держалась черепаха, сотворившая мир из своего яйца⁷¹. В эпическом сказании североамериканских индейцев «Валам олум» повествуется о «лютом змее», «живым кольцом охватившем землю»; далее речь идет о потопе, и из контекста мифа явствует, что земля — это чудесная черепаха⁷².

Наравне с черепахой и лягушкой змея также фигурирует иногда в народных представлениях в роли опоры земли или даже как ее олицетворение (ср.: рус. «змея» и «земля» происходят от одного корня)⁷³. В этом качестве она известна в мифологии Индии⁷⁴. По представлениям батаков Суматры, землю держит на голове космическая рогатая змея Нага Падоха, движения которой якобы производят землетрясения⁷⁵. В средневековой европейской иконографии преисподняя часто рисуется в образе ужасного змея с разверстой пастью, пожирающего души грешников. Однако водяная сущность змеи все же превалирует над хтонической.

Гораздо чаще в качестве опоры вселенной предстает мифологическая рыба. По бурятскому мифу, зародившаяся у основания золотой ивы Мать-Божество сотворила из морских пучин рыбу Кита и водрузила на ее спину землю⁷⁶. В бурятской «Гэсэриаде» в космогоническом зачатке сказания говорится о «великанше-рыбе», выполнявшей, надо думать, ту же функцию⁷⁷. В якутских олонхо также упоминаются мифические «железные рыбы подземных морей» и рыбы «ала даарда» и «сырыбын», вероятно несущие на себе мироздание⁷⁸. По алтайским поверьям, Ульгень, сотворивший вселенную, утвердил землю на трех рыбах, именуемых «кер-балык». Центральная из них, самая главная, головой обращена к северу, под жабры она зацеплена крюком с арканом, конец которого закреплен на небе. За порядком следит богатырь Мангды Шире; если он ослабит аркан, то земля

может, накренившись к северу, превратиться в болото или даже вообще утонуть⁷⁹. На шаманских бубнах изображения *кер-балык* помещаются среди фигур персонажей нижнего мира. По другому, сходному с первым, варианту, землю поддерживают огромные рыбоподобные чудовища *кер-тют-на*, у которых верхняя губа отверзтой пасти касается неба, нижняя — земли. Одно из них выпускает холод, порождая тем осень и зиму, второе — тепло, порождая весну и лето⁸⁰.

Космология эвенков помещает под «крайней землей» «нижнего мира» подземное море, по которому плавают четыре огромные мифические рыбы, две щуки и два окуня, — на их спинах и покоится вселенная⁸¹. По мордовской мифологии, демиург Нишке, сотворивший космос, пустил в Мировой океан трех могучих рыб, поддерживающих мироздание⁸². В фольклоре эскимосов встречается огромный кит, лежащий посреди моря и прилипший ко дну, — именно он рождает всех китов⁸³. (Возможно, и здесь перед нами отзвук представлений о ките — опоре земли). Скульптурно представленная картина мира североамериканских индейцев хайда (рис. 7) изображает кита с некоторыми чертами черепахи, на котором друг на друга стоят жепщина и мужчина; композицию венчает орел. Птица символизирует собой верхний мир, люди — средний, а кит и черепаха — стихию земли-воды⁸⁴.

Согласно традиционным верованиям японцев, земля покоится на спине гигантского сома *номадзу* или же огромных китов, движения которых вызывают землетрясения⁸⁵. В японских космогонических сказаниях первые острова всплывали из морской бездны подобно рыбам⁸⁶. С этими мифами, а также с сибирскими и североамериканскими легендами об извлечении первой земли из-под воды сближаются новозеландские предания о герое Мауи, поймавшем землю на крючок, причем земля в мифе уподобляется рыбе⁸⁷. Сюда же можно было бы прибавить многочисленные средневековые легенды (как восточные, так и западные) о мореплавателях, вынужденных пристать к острову, который на самом деле оказывался гигантской рыбой.

В иранском сочинении XII в. говорится о том, что «земля стоит на рыбе». По мусульманской легенде, семь небес и семь земель покоятся на плечах ангела, который опирается на красный рубин, рубин держится на быке, бык стоит на судне, судно — на великой рыбе Лабонадор, плавающей в море⁸⁸. В русских духовных стихах в качестве опоры земли называется Тит-рыба или Кытра-рыба. По книжным же сказаниям, земля держится на «великорыбии», на «огнеродном ките», на «змие» Елеафаме⁸⁹. В одном из русских рукописных сборников сказано: «Вопрос: Скажи мне, что держит землю? Ответ: Вода высока. — Да что держит камень? — Четыре золотые кита. — Да что держит золотых китов? — Река огненная»⁹⁰. А. Н. Афанасьев пишет по этому поводу: «Между нашим простонародьем существует предание, что мир стоит на спине колоссального кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит хвостом — то бывает землетрясение. Иные утверждают, что пастыри подпорою земли служили четыре кита, что один из

них умер, и смерть его была причиною всемирного потопа и других переворотов во вселенной; когда же умрут и остальные три, в то время наступит кончина мира. Землетрясение бывает оттого, что киты, отлежав бока, повертываются на другую сторону. Рассказывают еще, что вначале было семь китов; но когда земля отяжелела от грехов человеческих, то четыре ушли в пучину эфиопскую, а во дни Ноя и все туда уходили — и потому-то случился всеобщий потоп»⁹¹. В знаменитой «Голубиной книге» читаем: «А кит-рыба — всем рыбам мати. — Потому та кит-рыба всем рыбам мати. — На семи китах земля основана»⁹².

В качестве опоры земли в мифах разных народов выступают и иные существа. Например, у обитателей о. Пасхи это гигантский осьминог, поддерживавший небо в период хаоса и тьмы⁹³. Другой популярный образ — мировые слоны, подпирающие землю. В древнеиндийской мифологии это Айравата, слон Индры, поддерживающий восток; Махападма, слон Ямы, подпирающий юг; Вamana, слон Варуны, соответствующий западу; Сарвабхаума, слон Куберы, ассоциируемый с севером⁹⁴. В фольклоре народов Сибири ту же функцию выполняет мамонт. И все же наиболее популярными персонажами можно считать существ в первую очередь водно-хтонических — рыб, змей, черепах, лягушек. Приведенные данные показывают, что лягушку, подобно другим ее алломорфам, можно рассматривать не только как символ влаги и плодородия, но и как воплощение самой земли. Наши наблюдения подтверждают вывод А. Ф. Лосева: «Если данная стихия находится в распоряжении того или иного божества, то для мифолога это ясное свидетельство о том, что некогда и само это божество было данной стихией»⁹⁵.

Выяснив в общих чертах мифологическую семантику образа лягушки, перейдем к рассмотрению следующей мифологемы, заданной неолитической композицией мацзяю, — к безголовости этих хтонических существ. Здесь следует заметить, что хтонические существа, мыслимые воплощениями земли, тесным образом связаны с архаичной концепцией микрокосма, в той или иной мере присущей большинству древних культурных традиций. Суть этих воззрений сводится к тому, что тело человека мыслится адекватной репликой мироздания, его как бы уменьшенной копией. При этом части человеческого тела соотносятся с определенными частями вселенной, а вместе представляются системой столь же завершенной и гармоничной, как и сам «большой космос» — макрокосм.

Антропоморфный микрокосм как историческая стадия развития подобных представлений генетически вырастает из микрокосма зооморфного, в соответствии с которым и вселенная мыслится в образе того или иного животного. Происхождение концепции микрокосма — проблема сложная. Иногда пытаются решить ее, прибегая к помощи архетипов, будто бы существующих в человеческом подсознании и формирующихся уже на стадии внутриутробного развития и даже раньше — на клеточном уровне⁹⁶. Не вступая здесь в дискуссию, отметим лишь принципиально важную

социальную обусловленность понятия микрокосма.

Как известно, архаичные родовые общества, подчиняясь главному закону первобытного мышления, состоящему в максимальном сближении знака с обозначаемым, понятия с предметом, т. е. в максимальной конкретности, отождествляют самое себя со вселенной, которая оказывается тождественной племенному пространству и социальной структуре племени или этноса. С другой стороны, простота и неразвитость как производительных сил, так и производственных отношений ведут к тому, что каждый взрослый член коллектива органично сочетает в себе все социальные функции. Упрощая, можно сказать, что он сам себе и добытчик пищи, и судья, и жрец, и верховная власть. По мере усложнения социальных отношений и социальной структуры такое изначальное единство становится уже невозможным, различные социальные функции обособляются и персонифицируются в своих исполнителях. На ранних же этапах развития человеческого общества картина иная.

Сказанное не означает, что индивид полностью подменяет или замещает собой общество и вполне может без него обходиться. Вовсе нет, суть нашей мысли в ином: каждый полноправный член архаичного родового коллектива есть его повторение, в основных чертах близкое к адекватному, т. е. воплощает в себе главные аспекты общественных отношений. Важно отметить, что такого рода если не полное отождествление, то во всяком случае весьма заметное уподобление и приравнивание части целому лежит в основе всего вообще мировоззрения родовых обществ и первобытной мысли в целом, и причина этого та же — недифференцированность и непосредственность отношений индивида к природе и обществу. В общем плане это отвечает принципиальному положению о том, что структуры любого субъекта и объекта в той или иной форме повторяют друг друга, иными словами — субъект и объект взаимно творят друг друга по своему подобию. Социальная недифференцированность приводит к недифференцированному (в широком смысле) отношению общества к окружающей действительности, что и порождает на каждом шагу смешение общего с частным, символа с предметом, идеальной стороны знака с его материальным воплощением, целого с его частью. Поскольку индивид по отношению к обществу выступает в первую очередь в качестве объекта, легко заключить, что отмеченный принцип *pars pro toto* должен действовать и в сфере социальной. В тех условиях, о которых идет речь, индивид, часть общества, закономерно должен уподобляться целому — обществу. Из сказанного логически вытекает, что уподобление индивида обществу, поскольку последнее представляется копией вселенной (на самом деле все наоборот: вселенная есть копия общества), должно приводить к уподоблению его космосу. Таким путем, по «формуле»: индивид = общество = вселенная, на наш взгляд, и формируется представление о микрокосме.

Поскольку структура вселенной в рамках такой концепции соответствует «структуре» индивида и в первую очередь отождествляется с его физиче-

ским воплощением — телом (развитый микрокосм, включающий в себя психоментальный аспект, появляется стадийно много позднее, в результате весьма длительной эволюции), постольку для определенных частей последнего устанавливаются весьма односторонние и универсальные космические соотношения. Так, все, что относится к верху человеческого тела, ассоциируется с верхним миром, средняя его часть отвечает средней зоне мироздания, нижняя — земле и преисподней.

Вот лишь некоторые примеры. В известном «Гимне Пуруше» из «Ригведы» (X, 90, 12—14) говорится: «Луна из его духа рождена, из глаз солнце родилось, из уст — Индра и Агни, из дыхания родился ветер. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног — земля, стороны света — из духа»⁹⁷. Иранский мифологический текст рассказывает о сотворении вселенной из тела верховного божества Ормазда: «Первым небо было создано из его головы... И земля была создана из его ног... И растения были созданы из его волос... И воды были созданы из его слез... И огонь был создан из его духа»⁹⁸. Тому же сюжету, героем которого выступает Зевс, посвящен орфико-пифагорейский гимн: «Его голова и прекрасное лицо его это — блестящее небо, и кругом как бы золотые локоны... глаза — это солнце и противостоящая луна... Плечи бога и грудь его, и широкая спина — это далеко простирающийся воздух... Подошвы его ног — корень земли, мрачный тартар и крайние пределы преисподней»⁹⁹. Примерно то же сообщается и в скандинавском мифе о первозданном гиганте Имире, в апокрифических сказаниях об Адаме¹⁰⁰.

Что касается древнекитайской мифологии, то и здесь концепция микрокосма прослеживается достаточно отчетливо. В мифе о великане-демиурге Пань-гу сообщается о том, что после его смерти «его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый глаз — луной, его конечности и костяк — четырьмя сторонами света и пятью великими горами, кровь — реками, жилы и вены — дорогами на земле, мясо — почвой на полях, волосы — звездами, растительность на теле — травами и деревьями»¹⁰¹. Древние китайцы настолько были уверены в идее тождества микро- и макрокосма, что без колебаний использовали ее в своих паучных концепциях. Так, астроном II в. н. э. Яо Синь для доказательства наклона земной оси в сторону юга приводил следующий аргумент: поскольку человек более всех других созданий соответствует по своему строению небу (под небом в данном случае следует понимать природу вообще), постольку то, что верно для человека, должно быть верным и для неба. Человек может опустить подбородок па грудь, но не может прижать свой затылок к спине, следовательно, небеса прижаты к земле на юге и приподняты на севере (спина в традиционной китайской классификации ассоциировалась с севером и *инь*, лицо и перед — с югом и *ян*)¹⁰².

Можно добавить, что уже в древней гадательной книге «И цзин» (раздел «Шо гуа чжуань») небо уподобляется голове, а земля — животу. Комментарий к этому сочинению сообщает, что голова относится к *ян*, благородна и, подобно небу, находится вверху, живот же принадлежит *инь* и

потому расположен ниже¹⁰³. В китайских апокрифах рубежа нашей эры сообщается, что у совершенномудрых государей древности (например, у Шуня) голова «круглая, подобно небу»¹⁰⁴. В сочинении знаменитого философа Чжуан-цзы (IV в. до н. э.) читаем: «...конфуцианцы носят круглую шапку в знак того, что познали время небес; ходят в квадратной обуви в знак того, что познали форму земли» (по древнекитайским представлениям, земля имеет форму квадрата, а небо — круга)¹⁰⁵. В трактате «Ли хай цзи» (автор Ван Гуй, XIV в.) утверждается, что человек содержит в себе небо и землю во всей их целостности и тем отличается от животных; голова человека соответствует небу, подобно небу она кругла и находится вверху, ноги же соответствуют земле, подобно ей они квадратны и располагаются впису¹⁰⁶.

Итак, голова в древних мифологиях односторонне связывается с небом, служит его символом. Глаза как наиболее важный орган обычно ассоциируются со светилами, которые, впрочем, могут соответствовать всей голове. Г. Ломмель, специально изучивший ведийские мифы о безголовых или, напротив, состоящих из одной только головы существах (Раху, Намучи, Макха и др.), пришел к выводу, что отсеченная голова явно имеет там лунарную или солярную символику, а подчас прямо отождествляется с одним из этих светил¹⁰⁷. Применяя все это к мацзяоским фигурам безголовых лягушек, можно заключить, что отсутствие у них голов не случайно и имеет космологический смысл. Право на такой вывод дает сделанный выше анализ мифологической семантики этого существа, свидетельствующий о его в первую очередь хтонической природе. Олицетворяя собой землю, мрак, холод, преисподнюю, лягушка закономерно лишена головы, которая в рамках концепций изоморфизма микро- и макрокосма есть символ неба, света и светил. Дополнительным подтверждением такого заключения может служить то, что концепция микрокосма отчетливо выявляется на примере изображений именно лягушек (только уже других, отличных от анализируемых здесь) и именно в мацзяо¹⁰⁸.

В то же время безголовость мацзяоских лягушек может объясняться и иным образом, что, однако, не противоречит, а лишь дополняет предложенную интерпретацию. Она может быть понята как умерщвление через обезглавливание. Этот мотив представляется весьма знаменательным. Приведенные выше данные показывают, что лягушка и мифологически родственные ей существа олицетворяют нижний мир. В таком контексте умерщвление мацзяоских лягушек однозначно соотносится с имеющим широчайшее распространение в мировом фольклоре сюжетом о змеборстве. Число их исчисляется не десятками и даже не сотнями, а, вероятно, тысячами. Наиболее популярным негативным персонажем этих сюжетов является преимущественно змей, который, впрочем, часто замещается драконом или иными хтоническими тварями и чудовищами.

Чаще всего мотив змеборства сочетается в фольклоре с добыванием героем невесты. Наиболее распространенные варианты: герой побеждает змея или дракона, преграждающего путь в иной мир, где живет невеста; убивает змея и получает

невесту в награду (иногда это фигурирует как трудная задача, задаваемая жениху отцом невесты). Главный смысл подобных преданий: невеста героя находится в нижнем мире, и условием ее добычания является борьба с силами нижнего мира, олицетворяемыми в образе змея-дракона. К сказанному добавим, что вообще женские божества в мифологии часто (гораздо чаще, чем мужские) отождествляются или прямо связываются со змеей; в Китае такова, например, богиня-демиург и одновременно божественная сваха Нюй-ва, изображаемая в искусстве эпохи Хань в виде полуженщины-полужмеи (напомним, что в истоках она, возможно, мыслилась лягушкой). Кроме того, мотив борьбы героя с разными чудовищами за невесту очень часто замещается или каким-либо образом сочетается с мотивом борьбы с самой невестой, которая иногда сама имеет облик (или некоторые черты) чудовища или враждебного существа. Отсюда можно вывести общую закономерность, которая в разных конкретных случаях, естественно, достаточно широко варьируется: жених и невеста принадлежат к разным мирам, причем невеста чаще всего соотносится с нижним миром.

Как известно, миров в архаичной космологии обычно три (их может быть и значительно больше, но в конечном счете их число сводится к трем). Каким же образом трихотомия сводится к дуальности? Думается, следующим: боги и духи верхнего мира, выступая на стороне героя, тем самым, а также в силу того, что по крайней мере в ряде случаев они могут рассматриваться как его предки, являются его ипостасью, т. е. в принципе могут быть уподоблены самому герою. Таким образом, мифологические отношения по поводу брака сводятся к борьбе миров — верхнего и нижнего. А это выводит нас на тему иерогамии — священного брака.

Сюжетов о космическом браке в мировой мифологии, пожалуй, не меньше, чем о змееборстве и добычании невесты. Их суть состоит в описании брачного соединения полярных начал космоса, результатом которого является вселенская гармония, обеспечивающая возможность упорядоченного функционирования космоса. В качестве участников иерогамии чаще других фигурируют либо боги, вступающие в союз друг с другом, либо боги и люди, либо царь и царица. Заключение брака между ними, согласно представлениям древних людей, имеет самые благотворные последствия для вселенной и общества. Огромное число следов подобных воззрений обнаруживается в фольклоре и ритуалах всех без исключения народов буквально на каждом шагу. Едва ли не самое популярное среди них — представление о непорочном зачатии: герой или царь появляется от брака женщины с божеством, возмужав, он обязательно совершает великие подвиги, которые часто можно понимать как ослабленную космогонию или упорядочение мира.

С легкой руки известного исследователя Б. Малиновского в этнографическую литературу проникло и укрепилось мнение о том, что мотив непорочного зачатия обусловлен незнанием в древних и современных архаичных обществах роли мужчины в производстве потомства. Эта, к сожа-

лению, очень популярная точка зрения¹⁰⁰ не выдерживает самой элементарной критики. Не говоря уже о том, что, теснейшим образом связанный с природой, древний человек не мог не быть великолепным и чрезвычайно наблюдательным натуралистом, следует в таком случае признать, что, во-первых, в инфантильном неведении пребывали все общества, а во-вторых, логически развивая исходную посылку, мы приходим к выводу о том, что древний человек не догадывался и о роли матери в появлении ребенка на свет, ибо, пускай и меньшее, но все-таки очень значительное число мифологических и фольклорных текстов повествует о прямо перекликающемся с непорочным зачатием рождении ребенка мужчиной (из колена, бедра и т. п.). В качестве примера можно назвать библейский эпизод с рождением Евы из ребра Адама (здесь, правда, порождается не дочь, а жена, но это просто трансформация древнего мотива).

Объяснить смысл этого мотива можно так. Представления о непорочном зачатии отражают односторонний, в первую очередь матрилинейный, счет родства¹⁰¹. При нем дети являются родными по крови лишь для матери и ее родственников, для отца же они — свойственники, т. е. чужие. Это не значит, что они не знают своего физического отца, они живут вместе с ним в одном доме, но по достижении определенного возраста уходят в род матери (если брак патрилокален). Точно так же при классификационной системе родства, когда одним термином определяется целая группа лиц (например, словом «отец» ребенок называет не только своего физического отца, но и его братьев), отношения детей и родителей всегда осознаются. Принципиальное отличие родственников от свойственников заключается в том, что если первые составляют «одну плоть и кровь» со всеми вытекающими из этого последствиями, то вторые приравниваются к чужим. По мере племенной консолидации изначальное противопоставление дуальных половин ослабевает (однако продолжает четко действовать при заключении браков) и уступает место противопоставлению: наш парод («настоящие люди») — прочие люди, воспринимаемые как варвары, чудовища и т. п.

Отметим, что понятие свойства самым тесным образом, на наш взгляд, связано с понятием божества. Для любого божества характерна принципиальная амбивалентность: оно в одно и то же время так или иначе, в той или иной форме подобно человеку, но вместе с тем и отделено от него качественной гранью. Свойственник, с этой точки зрения, есть идеальное подобие божества, ибо он, будучи связан брачными узами с «настоящими» людьми, в то же время качественно отличается от них, ибо он — не родственник по крови. В таком случае становится понятным, почему противоположная дуальная половина осмысливается в мифологии и фольклоре в качестве духов иного (как правило, нижнего) мира. Становится понятным и то, почему брак при всей своей «реальности» понимается как брак с духом или божеством, т. е. откуда берется представление о браке людей с богами. Из сказанного следует, что первоначально любой брак рассматривался как иерогамия, а любое рождение — как «чудесное».

Можно было бы привести много примеров, но назовем лишь один: брачный ритуал тибетцев представляет вступление невесты в дом жениха как восхождение на небо¹¹¹. По мере развития общества описанные представления утрачивают свое реальное содержание и остаются лишь в фольклоре (их следы прослеживаются и в ритуале), в жизни применяясь лишь в редких и особых случаях, преимущественно к бракосочетанию царя и царицы.

Имея это в виду, можно понять, каким образом иерогамия оказывается связанной с космогонией. Брачное соединение дуальных половин эндогамного коллектива есть необходимое условие социальной гармонии, осмысливаемой религиозно-мифологически как гармония космоса, как соединение полюсов мироздания. Более того, становится понятным, почему в качестве универсального элемента космогонического акта фигурирует змееборство (или борьба с каким-либо хтоническим чудовищем). Война миров, составляющая суть сюжетов о змееборстве, — это мифопоэтическое отражение фундаментального для родового общества антагонизма между дуальными половинами на той стадии их развития, когда они сплавиваются (путем брака) в единое социальное целое. Победа сил добра над злым хтоническим началом, персонафицируемым в образе дракона, змея и т. п. существ, создающая условия для иерогамии и единения космоса, — это победа прочных социальных установлений над хаотичной и непредсказуемой стихией первоначально неупорядоченных межродовых и межэтнических отношений.

Едва ли нужно доказывать, что вместо змея в змееборческих мифах могут выступать самые различные хтонические создания. Достаточно популярны субституты змея — лягушка и черепаха. В китайском фольклоре уже во II в. до н. э. зафиксированы сюжеты, повествующие о принесении девушек в жертву жабе или черепахе — духам озера, реки или источника. Героем, побеждающим чудовище (дракона, змея, черепаху, жабу), здесь нередко выступает губернатор области, иногда прыгающий для битвы в реку¹¹². Это обстоятельство весьма знаменательно: чиновник замещает в данном случае Сына Неба (т. е. персонафицирует социальный порядок), который ответствен за гармонию вселенной и, таким образом, уже является змееборцем. Более древние легенды приписывают истребление хтонической нечисти мифическим героям (например, стрелку И) или богам-демиургам. С этой точки зрения показательно, что мотив змееборства отчетливо прослеживается в уже упоминавшемся мифе о том, как Нюй-ва утвердила пошатнувшееся небо на четырех лапах убитой ею гигантской черепахи *ао*.

Приведенные данные позволяют сделать заключение, что изображение обезглавленных лягушек в анализируемой мацзяоской композиции можно понимать как отражение мифологического мотива змееборства, предшествующего упорядочению вселенной. Остается рассмотреть еще одну мифологию, представленную в интересующем нас изображении, а именно — четырехчастность композиции.

Четырехчастные композиции очень популярны в изобразительном искусстве яншао¹¹³. Столь же

часто встречаются они и в искусстве других регионов; можно сказать, что они имеют мировое распространение. Наиболее весомым из предлагаемых объяснений следует считать то, которое связывает четырехчастные композиции и знаки с четырьмя странами света, определяемыми по солнцу, что будто бы было необходимо для ориентации человека в пространстве. Эта точка зрения, однако, не объясняет следующего. Почему четырехчастные композиции появляются в искусстве только с эпохи неолита (в верхнем палеолите они полностью отсутствуют)? Почему ориентация по странам света играет важнейшую роль прежде всего в ритуалах, где она не имеет практического значения, и, как правило, заменяется иными способами ориентирования в повседневной жизни?

Ответ, думается, надо искать в сфере социальной, ибо в первую очередь в ней, а не в индивидуальном опыте формируются религия, ритуалы и концептуальные представления вообще. Как было показано еще Э. Дюркгеймом и М. Моссом¹¹⁴, истоком архаичных классификаций, космологических по самой своей сути, служит социальная структура: вселенная подразделяется на столько частей, сколько их в структуре общества. В соответствии с этим делятся не только все предметы и явления, но и само пространство с его направлениями и особо сакральными точками. Исходя из этой общей посылки, можно заключить, что представления о четырех странах света отражают четырехчастную социальную структуру архаичных родовых обществ. Их универсальность заставляет предположить, что такое социальное устройство также универсально.

Хорошо известно, что при всем многообразии социальных структур, зафиксированных у народов мира, стоящих на ступени родового общества, базовым служит явление дуальной экзогамии. Дуальность универсальна в силу своей элементарности: для брака, создающего общество, необходимы минимум два партнера. Характерной особенностью взаимоотношений дуальных половин служит то, что, вступая друг с другом в брак, они как бы раздваиваются и пропикают друг в друга. Члены родов пространственно перемещаются по территории племени. Жены приходят в роды своих мужей (или наоборот, в зависимости от локальности брака), дети возвращаются в род матери (или, напротив, остаются в роде отца, в зависимости от характера счета родства) и т. д. Получается, что на территории любого рода всегда живут «чужеродцы», которые также между собой родственники и тем самым образуют особую группу. Эти «чужеродцы» — свойственники никогда не порывают связей со своим родом, являются его членами и пользуются его защитой. Вместе с тем они выделяются не только территориально, но и по ряду иных признаков, т. е. их связи со своим родом, не порываясь, ослабляются, вернее сказать, преобразуются. Преобразуются по половому признаку: мужчины и женщины в разной степени оказываются связанными со своим родом. Если брак патрилокален, то судьба всех женщин племени — покинуть со временем свой род; то же относится к мужчинам в случае матрилокальности брака.

Такое положение в известном смысле сближает между собой женщин-родственников с женщинами-свойственниками и мужчин-родственников с мужчинами-свойственниками. Это зачаток перехода от родовых отношений к соседским, территориальным, перехода очень долгого и сложного, связанного с социально-экономическими переменами в недрах родового общества. Этим же можно объяснить, почему часто церемонии и обряды делятся на мужские и женские, невзирая на отношения родства или свойства. Этим, вероятно, можно объяснить и четырехчастность общества в условиях дуальной экзогамии, мифологически представляемую как четырехчастное членение космоса.

В наибольшей степени описанная четырехчастность присуща обществу, находящемуся на грани между материнским родом и отцовским, ибо, вопреки, в такой ситуации (допустим, при патрилокальном браке в сочетании с матрилинейным счетом родства) соотношение между родственниками и свойственниками, живущими вместе, будет максимально близким к равному. Во-вторых, именно на этом этапе обычно происходит половая консолидация членов племени в мужские и женские сакральные союзы, посягающие подчас террористический характер (как, например, в Африке). Это и закономерно, ибо четырехчастность племени, состоящего из экзогамных половин, не есть устойчивое состояние, а представляет собой балансирование между отношениями кровного родства и племенной принадлежности, причем с постепенным доминированием последнего. Смысл такого сдвига заключается в том, что племенные связи укрепляются и стремятся стать если не выше родовых, то хотя бы вровень с ними.

Если предположить суждения обоснованы, то сказанное, быть может, объяснит причину асимметрии дуальных половин, которая дала К. Леви-Стросу основание усомниться в существовании дуальных организаций¹¹⁵. В приводимых этим автором материалах обращает на себя внимание следующее: во взятых им для примера обществах счет родства матрилинейен; прослеживаются следы существования мужского союза (наличие центрального большого дома, доступ куда имеют все мужчины безотносительно к фратриальной и родовой принадлежности и, напротив, вход для женщин строго воспрещен). Весьма показательное обстоятельство — дуальные половины соотносятся либо с мужским, либо с женским началом. К. Леви-Строс видит в этом внутреннее противоречие, ибо обе дуальные половины в силу двусторонности брака в одинаковой мере являются как мужским, так и женским коллективом.

Противоречие здесь действительно палицо, но свидетельствует оно не о триальности дуальных организаций, как полагает К. Леви-Строс, а о том, что одна из дуальных половин становится основой для формирования мужского союза — средства для преодоления материнства. Почему для этого избирается та или иная фратрия, решительно не имеет принципиального значения, ибо цель такого союза — консолидация мужчин племени, и вопрос о фратрии-основательнице второстепенен и может определяться самыми разнообразными конкретными обстоятельствами. По ана-

логии с мужским союзом (и в противоположность ему) на базе другой фратрии формируется женский союз. Таким образом, складывается четырехчастность племени.

В то же время отмеченная К. Леви-Стросом триальность, выражающаяся в том, что одной из дуальных половин приписываются непрерывные, а другой прерывные функции, в самом деле прослеживается. Объясняется это просто. Поскольку материнет еще не преодолен, «мужская» фратрия (т. е. та, на базе которой создан мужской союз) находится в «подчиненном» положении по отношению к «женской» фратрии. Это и есть основа асимметрии дуальных половин. «Нулевую функцию», очень тонко подмеченную К. Леви-Стросом и приписываемую доминирующей фратрии, для наглядности можно сопоставить с *deus otiosus* — «праздным богом» архаичных религий. Как «нулевая функция» лишь обеспечивает своим наличием существование реально действующих функций и не играет никакой иной роли, так и «праздный бог» выступает всего лишь необходимым условием существования сонма реально действующих богов, сам по себе являясь одновременно и залогом их единства, и свидетельством их разобщенности. В обоих случаях перед нами факты, говорящие о переходе от политеизма к монотеизму, отражающем движение к новым формам консолидации человеческого коллектива.

Если смотреть на проблему с таких позиций, то вопросы, почему крестообразные четырехчастные композиции появляются только в неолите и почему они столь популярны именно в ритуалах, получают естественное разрешение. Отсутствие четырехчастных изображений в искусстве палеолита объясняется, конечно, не тем, что человек той эпохи не мог ориентироваться в пространстве, а тем, что верхнепалеолитическое общество еще не имело той структуры, о которой шла речь, и соответственно присущие ему космологические воззрения были иными. Необходимым условием четырехчастности, которая есть удвоенная, поднятая на более высокий уровень исходная экзогамная дуальность, служит более высокий уровень производительных сил, обеспечивающий консолидацию родовых коллективов в племенное целое. В верхнем палеолите изоляция родовых коллективов должна была быть гораздо более значительной, а связи между ними много слабее; дуальная экзогамия если и существовала, то, видимо, не была столь строгой, а экзогамные племенные общности еще не сложились. Об этом говорит и то, что в искусстве верхнего палеолита мы не встретим не только четырехчастных изображений, но и антитетических композиций, манифестирующих идею мирового древа, которое следует, на наш взгляд, понимать как мифопоэтическую метафору межродовых связей.

В ритуале же страны света играют столь значительную роль потому, что они теснейшим образом связаны с социальной структурой, в религиозно-мифологическом воспроизведении и закреплении которой и состоит конечная и главная (пускай при этом и не осознаваемая) цель любого родового или племенного обряда. По логике рассуждения, стран света должно быть столько же, сколько реально (или сакрально) функ-

ционирующих подразделений в обществе. В самом деле, можно привести примеры, когда они не совпадают с физическими координатами, а считаются по числу родов в племени¹⁶. Четыре направления горизонтального пространства, по сути, условны. Их популярность обусловлена лишь удобством наложения на имеющие глубокие и универсальные основания космологические представления. Не случайно восток, место восхода солнца, далеко не всегда и далеко не везде мыслился главным направлением. Не реже, если не чаще, в этом значении выступают другие основные, а порой и промежуточные страны света. Отношения доминирования отчетливо делают тетраду направлений на две пары. Если, допустим, направление юг — север — главное, то запад — восток — подчиненное ему и дополняющее его. Латентная дихотомия горизонтальной четырехчастности адекватно коррелирует с социальной дуальностью и должна рассматриваться по аналогии с ней.

Мифологическая мысль, избегая абстракций, наполняет отвлеченные понятия конкретными образами (вернее, первые путем долгой эволюции вырастают из вторых). Пространство никогда не представлялось абстрактным, оно всегда было качественным. Страны света часто персонифицировались в тех или иных мифологических персонажах — животных, духах, богах, изображавшихся их повелителями. По древнеиндийским мифам, над югом властвует бог Яма, над западом — Ваяна, над севером — Кубера, над востоком — Индра, промежуточными странами света управляют: Сома — бог луны, Сурья — бог солнца, Агни — бог огня, Ваю — бог ветра¹⁷. В буддийской космологии вместо них выступают животные: север — слон, восток — бык, юг — лев, запад — конь.

Скандинавская мифология по четырем сторонам света располагает четырех карлов, поддерживающих небесный свод. По космологии североамериканских индейцев оджибве, в четырех углах земли живут четыре могущественные птицы, защищающие людей от злых духов¹⁸. Археологические находки свидетельствуют, что подобные представления существуют в Северной Америке как минимум с начала I тыс. до н. э.: фигуры птиц были расположены по странам света в раскопанном индейском поселении¹⁹. У индейцев пуэбло вместо птиц фигурируют медведи и дикобразы. По алтайским поверьям, четыре страны света охраняются четырьмя хапами. Аналогичные представления можно обнаружить и у многих других народов²⁰.

Сюда же следует отнести и мифы о четырех мировых горах или деревьях, расположенных по углам вселенной. Из китайского мифологического материала можно упомянуть пять кардинальных гор (четыре по углам земли и одна в центре) и уже обсуждавшуюся выше ханскую космологическую схему. Сопоставляя приведенные данные, едва ли можно усомниться, что анализируемая композиция этапа мацзяня с четырьмя симметрично расположенными по окружности лягушками имеет тот же смысл. Лягушек в таком случае следует понимать как опору земли и хранителей четырех кардинальных точек пространства.

Итак, проанализированы мифологемы, состав-

ляющие миф, представленный в росписи мацзяня-оского сосуда. Вместе они дадут следующий сюжет. Некое божество или герой, олицетворяющий собой силы добра, в ходе космического мироустройства борется с четырьмя огромными лягушками, символизирующими собой злое хтоническое начало, а также влагу и плодородие в широком смысле. Победив чудовища, он отрубает им головы и устанавливает их по четырем углам земли в качестве опоры мироздания.

Данная интерпретация реконструирует лишь узловые моменты мифа, его принципиальную структуру. В своем вербальном выражении он мог иметь и, надо полагать, имел целый ряд иных приводящих и осложняющих мотивов, обстоятельств и метафор. На материале одного только изображения они не выявляются. Неолитический художник, вероятно, и не собирался отразить в росписи все детали мифа, ибо в этом не было никакой нужды — предание было живо, его знали во всех подробностях; чтобы воскресить его в памяти, достаточно было бросить взгляд на графически выполненную схему-символ. Вообще можно считать, что сложные многофигурные композиции на мифологические темы впервые появляются тогда, когда связанные с ними мифы перестают быть непосредственным достоянием всех и вся, а либо постепенно выходят из обращения, либо образуют ядро системы, развиваемой и сохраняемой специально занимающимися этими вопросами шаманами и жрецами.

Реконструированный миф, видимо, не следует рассматривать как прототип той или иной конкретной легенды, известной из древнекитайской мифологии. В известных рамках он воспроизводит значительное число космогонических мифов, т. е. может быть отождествлен с мифологическим типом, в качестве одного из проявлений которого и должен рассматриваться. Это не означает, что реконструкция сделана приблизительно и допускает принципиально иные толкования. Напротив, это — залог ее достоверности, верного соотношения с основными закономерностями духовной культуры первобытной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Евсюков В. В. К реконструкции древнекитайского космогонического мифа эпохи неолита. — Новосибирск, 1983 (препринт).

² Евсюков В. В. Космология китайского неолита как отражение дуальной организации родового общества. — В кн.: XIII научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 1. М., 1982, с. 27—34.

³ Andersson J. G. Children of the Yellow Earth. Studies in Prehistoric China. — London, 1934, pl. 28 b; Idem. Researches into the Prehistory of the Chinese. — Museum of the Far Eastern Antiquities, Stockholm, 1943, bull. 15, p. 240, pl. 185.

⁴ Уже Ю. Г. Андерсон отмечал, что данные изображения безголовых лягушек «поражают» и вместе с тем «очень редки». — Andersson J. G. Children of the Yellow Earth..., p. 265.

⁵ Се Дуаньцзюй. К проблеме связей культур цзяня и шаньшуйского луншаня. — ВУ, 1979, № 10, с. 64, 66, табл. 3, рис. 8 (на кит. яз.).

⁶ Бронзовые изделия, найденные в у. Гунчэн пров. Гуанси. — КГ, 1973, № 1, с. 32, рис. 5 (на кит. яз.).

⁷ Отчет о раскопках могилы с бронзовым гробом в деревняном саркофаге в Дабопа, у. Сяньюнь, пров. Юньнань. — КГ, 1964, № 12, с. 611, рис. 5 (на кит. яз.).

⁸ Хун Шэн. Изучение древних бронзовых барабанов из Гуанси.— КГСБ, 1974, № 1, с. 90 (на кит. яз.).

⁹ В качестве типологической параллели можно назвать бубны сибирских и монгольских шаманов, нередко украшенные изображениями солнца, луны и среди прочих животных — лягушек. См., например: Dloszegi V. Pre-Islamic Shamanism of the Baraba Turks and Some Ethnogenetic Conclusions.— In: Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, p. 109.

¹⁰ Хуан Цзэнцзин. Опыт изучения бронзовых барабанов, найденных в Гуанси.— КГ, 1964, № 11, с. 578—588 (на кит. яз.); Хун Шэн. Изучение древних бронзовых барабанов...; Вэн Ю. Гу тунгу лу (Каталог древних бронзовых барабанов).— Шанхай, 1955 (на кит. яз.); Chavannes É. Mission archéologique dans la Chine septentrionale, vol. 2.— Paris, 1915, pl. 504, 508.

¹¹ Le Tcheou-li ou. Rites des Tcheou/Trad. par. E. Biot, t. 1.— Paris, 1851, p. 265; Granet M. Danses et légendes de la Chine ancienne, vol. 2.— Paris, 1959, p. 440.

¹² Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 441, 509.

¹³ Le Tcheou-li, t. 2, p. 391.

¹⁴ Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 505.

¹⁵ Хун Шэн. Изучение древних бронзовых барабанов... с. 70—71.

¹⁶ Евсюков В. В. Реч. на кп.: Кореяские предания и легенды из средневековых книг.— М., 1980.— СЭ, 1983, № 4, с. 171.

¹⁷ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая.— М., 1976, с. 256. Ср. барабаны как средство вызывания дождя у североамериканских индейцев: Lévi-Strauss C. Mythologiques. L'origine des manieres de table.— Paris, 1968, p. 62.

¹⁸ Granet M. Danses et légendes de la Chine ancienne, vol. 1.— Paris, 1959, p. 310—311.

¹⁹ Ibid., vol. 2, p. 432.

²⁰ Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы/Вст. ст., пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой.— М., 1967, с. 229, 365.

²¹ Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 531.

²² Лубо-Лесниченко Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог.— Л., 1961, с. 43.

²³ Попов П. С. Китайский пантеон.— В кн.: Сборник Музея по антропологии и этнографии. СПб., 1907, с. 82—84.

²⁴ Sowerby A. C. Some Chinese Animal Myths and Legends.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, 1939, vol. 70, p. 11.

²⁵ Новые записи Ци Се [Синь Ци Се], или о чем говорил Конфуций [Цзы бу юй]/Пер. с кит., пред., коммент. и прил. О. Л. Фишман.— М., 1977, с. 169.

²⁶ Doré H. Researches into Chinese Superstitions, vol. 12.— Taipei, 1967, p. 1056.

²⁷ Эберхард В. Китайские праздники.— М., 1977, с. 30—31.

²⁸ Следует отметить, что лягушка, а также близкая ей жаба — существа, с точки зрения мифологии, хтонические и в этом смысле в мифах они часто заменяются в первую очередь черепахой, наиболее популярным их аллюром, а кроме того — змеей, ящерицей и рыбой. Мифологически всем этим животным приписываются одни и те же или весьма сходные функции, качества и свойства.

²⁹ Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 490, 528—531.

³⁰ Ting Nai-tung. A Type Index of Chinese Folktales in Oral Tradition and Major Works of Non-Religious Classical Literature.— FF Communications, Helsinki, 1978, vol. XCIV, N 233, 277, p. 44. Интересно отметить, что в точности такая же легенда бытовала у многих народов Северной Америки и Австралии. См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии.— Л., 1936, с. 388; Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона.— М., 1979, с. 179; Первый бумеранг. Мифы и легенды Австралии.— М., 1980, с. 26—28; Reed A. W. Aboriginal Legends. Animal Tales.— Sydney — Wellington — London, 1978, p. 29.

³¹ Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen.— FF Communications, Helsinki, 1937, vol. LI, N 120, S. 81—85; Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 430.

³² Chavannes É. Mission archéologique dans la Chine septentrionale, vol. 1.— Paris, 1913, pt I, p. 125, fig. 76; p. 207—208, fig. 125.

³³ Granet M. Danses et légendes, vol. 2, p. 529. В гл. I сочинения «Ши и цзи» сообщается о людях страны Сяо-яп, 14*

которые ногтем чертят на земле рисунки, и в этом месте начинают бить источник.— Ibid., p. 530.

³⁴ В классическую эпоху Бин-и считался также духом реки; в жертву ему приносили девушек, а жертвоприношение называлось «браком».— Ibid., p. 502.

³⁵ Maspero H. Légendes mythologiques dans le Chou king.— Journal asiatique, 1924, vol. CCIV, p. 56—57.

³⁶ Williams C. A. S. Outlines of Chinese Symbolism and Art Motives.— New York, 1960, p. 397.

³⁷ Schafer E. H. The Divine Woman. Dragon Ladies and Rain Maidens in Tang Literature.— Berkeley — Los Angeles — London, 1973, p. 31.

³⁸ См.: Морохаси Тэцуэи. Большой китайско-японский словарь, т. XII.— Токио, 1960, с. 13 639. В списке «Бай цзя сип» фамильный знак «минь» отсутствует.— Giles H. A. The Family Names.— Journal of China Branch of the Royal Asiatic Society, N. S., 1886, vol. XXI, p. 255—288.

³⁹ См., например: Ting Nai-tung. A Type Index..., p. 76—77, N 440, 440A.

⁴⁰ Couvreur F. S. Dictionnaire classique de la langue chinoise.— Ho Kien Fou, 1904, p. 1069.

⁴¹ Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях.— М., 1966, с. 192.

⁴² Tucci G., Heissig W. Die Religionen Tibets und der Mongolei.— Stuttgart — Berlin — Köln, 1970, S. 200.

⁴³ Т. е. Золотая Лягушка.

⁴⁴ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV.— СПб., 1883, с. 208.

⁴⁵ Там же, с. 224—225; Сказания бурят, записанные разными собирателями.— В кн.: Зап. Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества по отделению этнографии, т. 1, вып. 2. Иркутск, 1890, с. 140.

⁴⁶ Шаракшинова Н. О. Мифы бурят.— Иркутск, 1980, с. 25, 26.

⁴⁷ Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке.— В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера.— Л., 1976, с. 279.

⁴⁸ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, с. 220—221.

⁴⁹ Василевич Г. М. Эвенки.— Л., 1969, с. 210, 214.

⁵⁰ Изложение мифа см.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии, с. 137—138.

⁵¹ Цит. по: Клингер В. Животное в античном и современном суеверии.— Киев, 1911, с. 153.

⁵² Чернецов В. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов).— Л., 1935, с. 50—51; Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики.— М., 1975, с. 16.

⁵³ Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов.— В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, с. 185.

⁵⁴ Kirtel W. Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt.— Bonn — Leipzig, 1920, S. 3—4.

⁵⁵ Müller N. Glauben, Wissen und Kunst der alten Hindus.— Leipzig, 1968 (I. Aufl. Mainz, 1822), Tab. 1. Из Индии подобные изображения проникли в ламаистскую иконографию, см.: Harva U. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker.— Porvoo — Helsinki, 1938, Abb. 8.

⁵⁶ См.: Судиник Т. М., Цивьян Т. В. О мифологии лягушки (балто-балканские данные).— В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, с. 137—154; Топоров В. Н. Др.-греч. «ВАТРАХОС» и др. (Заметки на полях).— Там же, с. 155—162.

⁵⁷ Ратцель Ф. Народоведение, т. 1.— СПб., 1904, с. 616.

⁵⁸ The Portable North American Indian Reader.— New York, 1977, p. 37.

⁵⁹ Голоса Америки. Из народного творчества США.— М., 1976, с. 15.

⁶⁰ Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории великой саванны.— М., 1978, с. 193.

⁶¹ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая.— М., 1976, с. 128.

⁶² На различном материале это хорошо показано в работах А. К. Байбурина и М. Гранэ: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян.— Л., 1983; Granet M. Das chinesische Denken. Inhalt, Form, Charakter.— München — Zürich, 1964, Kap. "Mikrokosm und Makrokosm".

⁶³ Глухарева О. Н. Искусство Кореи с древнейших

- времен до конца XIX в.— М., 1982, фото 77; Исторические памятники Кореи.— Пхеньян, 1980, табл. 138.
- ⁶⁴ Атенсты, материалисты, диалектики древнего Китая... с. 85; Юань Кэ. Мифы древнего Китая.— М., 1965, с. 339. Фольклорную переработку этого сюжета см.: Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen, S. 141.
- ⁶⁵ Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 62—63.
- ⁶⁶ Там же, с. 209—210.
- ⁶⁷ Этим, кстати сказать, объясняется, почему слово «черепаха» служит ругательством в разговорном китайском языке.
- ⁶⁸ Sowerby A. C. Some Chinese Animal Myths..., p. 18.
- ⁶⁹ Алексеев В. М. Китайская народная картина, с. 159.
- ⁷⁰ Kees H. Der Götterglaube im alten Ägypten.— Berlin, 1980, S. 167.
- ⁷¹ Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 186.
- ⁷² Голоса Америки..., с. 14—15.
- ⁷³ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1.— М., 1959, с. 253.
- ⁷⁴ Eliade M. The Myth of the Eternal Return.— London, 1955, p. 19.
- ⁷⁵ Чеснов Я. В. Историческая этнография, с. 192.
- ⁷⁶ Шарашинова Н. О. Мифы бурят, с. 22.
- ⁷⁷ Гэсэр. Бурятский героический эпос.— М., 1968, с. 18.
- ⁷⁸ Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо.— Якутск, 1975, с. 19; Урастыров К. (В. М. Новиков). Могучий Дягарыма. Якутский героический эпос олонхо.— Сиб. огни, 1982, № 3, с. 97.
- ⁷⁹ Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев..., с. 269.
- ⁸⁰ Потанов Л. П. Мифы алтае-сайпских народов как исторический источник.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983, с. 102.
- ⁸¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков.— М.— Л., 1958, с. 75.
- ⁸² Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений..., с. 175.
- ⁸³ Членов М. А. Кит в фольклоре и мифологии азиатских эскимосов.— В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981, с. 233.
- ⁸⁴ Drüssler R. Als die Sterne Götter waren.— Leipzig, 1981, S. 15.
- ⁸⁵ Тайлор Э. Первобытная культура.— М., 1939, с. 240.
- ⁸⁶ Ратцель Ф. Народоведение, т. 2, с. 762.
- ⁸⁷ Сказки и мифы Океании.— М., 1970, с. 572—575; Maui überlistet den Feuergott.— Leipzig, 1978, S. 35—36.
- ⁸⁸ Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия.— Л., 1971, с. 179.
- ⁸⁹ Потанин Г. П. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, с. 737.
- ⁹⁰ Щапов А. П. Исторические очерки народного мировоззрения и суеверия (православного и старообрядческого).— В кн.: Сочинения А. П. Щапова в 3-х т., т. 1. СПб., 1906, с. 105.
- ⁹¹ Афанасьев А. П. Древо жизни.— М., 1982, с. 195—196.
- ⁹² Древние российские стихотворения, собранные Киршию Давыдовым.— М., 1977, с. 241.
- ⁹³ Федорова И. К. Новые данные о мифологии острова Пасхи.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977, с. 63.
- ⁹⁴ Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии.— М., 1982, с. 97—98; Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса.— М., 1975, с. 58—84.
- ⁹⁵ Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1953, т. 72, с. 65.
- ⁹⁶ См., например: Топоров В. Н. Пространство и текст.— В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 243—247.
- ⁹⁷ Ригведа. Избранные гимны.— М., 1972, с. 259—261.
- ⁹⁸ Цит. по: Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 66.
- ⁹⁹ Цит. по: Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука.— М., 1927, с. 25—26.
- ¹⁰⁰ Франк-Каменецкий И. Адам и Пуруша. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии.— В кн.: Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934). М.— Л., 1938, с. 458—476.
- ¹⁰¹ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 326.
- ¹⁰² Forke A. The World Conception of the Chinese. Their Astronomical, Cosmological and Physico-Philosophical Speculations.— London, 1925, p. 25.
- ¹⁰³ Ibid., p. 76—77.
- ¹⁰⁴ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе.— М., 1979, с. 150—151.
- ¹⁰⁵ Атенсты, материалисты, диалектики древнего Китая..., с. 242.
- ¹⁰⁶ Forke A. The World Conception, p. 76—77.
- ¹⁰⁷ Lommel H. Kopfdämonen im alten Indien.— Symbolon. Jahrbuch für Symbolforschung, Bd IV. Basel, 1964, S. 149—175.
- ¹⁰⁸ Евсюков В. В. Об одном космологическом мотиве искусства Китая эпохи неолита.— В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае». (Тезисы и доклады). Ч. 1. М., 1981.
- ¹⁰⁹ Из последних работ см.: Monberg T. Fathers Were not Genitors.— Man, 1975, March, vol. 10, N 1, p. 34—40.
- ¹¹⁰ Это, однако, только часть проблемы. В конечном счете оказывается, что в архаичных обществах даже и мать не считается истинной родительницей ребенка, она производит на свет только его физическое тело, которое само еще не есть человек. Человеком в полном смысле ребенок становится только после инициации, имитирующей смерть и повторное рождение. Подлинным родителем мыслится общество, которое таким образом продолжает самое себя. См.: Bloch M., Guggenheim S. Compadrazgo, Baptism and the Symbolism of a Second Birth.— Man, 1981, September, vol. 16, N 3, p. 376—386.
- ¹¹¹ Tucci G., Heissig W. Die Religionen Tibets und der Mongolei, S. 208.
- ¹¹² Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen, S. 140—142, 144—146; Китайская классическая проза в переводах акад. В. М. Алексеева.— М., 1959, с. 213—216.
- ¹¹³ Евсюков В. В. Космология китайского неолита...
- ¹¹⁴ Durkheim E., Mauss M. De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives.— L'année sociologique, Paris, 1903, VI.
- ¹¹⁵ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология.— М., 1983, с. 117—146.
- ¹¹⁶ Frazer J. G. Totemism and Exogamy, vol. 1.— London, 1935, p. 454—455.
- ¹¹⁷ Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии, с. 97—98; Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса, с. 58—92.
- ¹¹⁸ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология.— М., 1964, с. 154.
- ¹¹⁹ Леви-Строс К. Структурная антропология, с. 128.
- ¹²⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа.— М., 1976, с. 215—216.

А. В. ВАРЕНОВ, С. А. КОМИССАРОВ

КАМЕННЫЕ КЛЕВЦЫ

Каменные клевцы довольно часто встречаются при раскопках стоянок и могильников древних культур на территории Китая. Сам материал, из которого они изготовлены, говорит, казалось бы, о том, что здесь мы имеем дело с определенной неолитической традицией. Однако все обстоит го-

раздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Действительно, клевцы ээ, изготовленные из бронзы, выглядят достаточно развитым видом оружия и широко распространены в эпохи Шан-Инь и Чжоу¹. И с точки зрения расхожего эволюционизма было бы вполне естественным предполо-

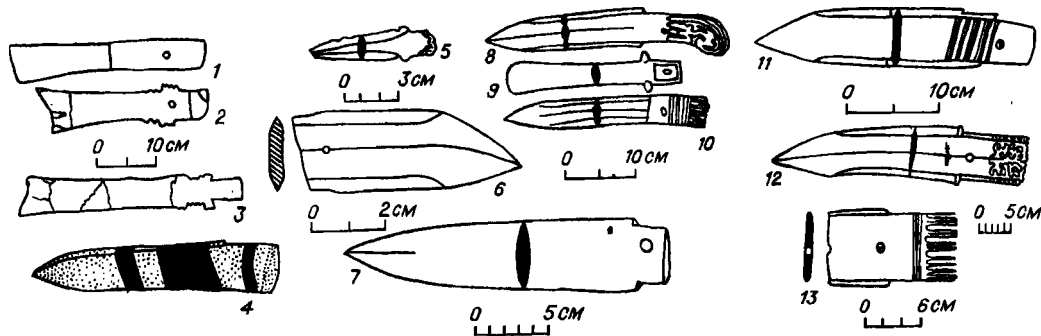

Рис. 1.

1, 2 — стоянка Шямао, пров. Шэньси (культура луншань); 3, 7—11 — стоянка Эрлитоу, пров. Хэнань; 4 — стоянка Паньлунчэн, пров. Хубэй; 5 — стоянка Учэн, пров. Цзянси; 6 — стоянка Суфутунь, пров. Шаньдун; 12 — стоянка Циньцзи, пров. Ганьсу; 13 — стоянка Дасиньчжуан, пров. Шаньдун. 1—4, 6, 7, 11—13 — нефрит, 5 — камень неизвестной породы, 8—10 — бронза. Длина 3—46—48 см, 4—28,8 см.

жить долгий ряд развития каменных прототипов, постепенно подготавливающий появление бронзовых клевцов. Однако большая часть всех известных нам каменных клевцов относится к иньскому и чжоускому периодам и не встречается на сравнительно неплохо изученных неолитических памятниках Северного и Центрального Китая, т. е. они являются не «предками», а современниками бронзового оружия. Попытка разрешить вопрос о приоритете уже в рамках древнекитайской цивилизации еще раз подтвердила одновременность существования каменных и бронзовых клевцов.

В шанское время, начиная с самых ранних его этапов, бронзовые и каменные клевцы сосуществовали. Например, на стоянке Эрлитоу (китайские археологи выделяют памятники этого типа в самостоятельную культуру, соответствующую раннему Шан) бронзовый и нефритовый клевцы найдены в одном закрытом комплексе, в яме КЗ, скорее всего могильной по присхождению (кости не сохранились)² (рис. 1, 8, 11). На стоянке Паньлунчэн периода Эрлиган нефритовые и бронзовые клевцы также найдены в одном погребении³. Следует, однако, учесть, что некоторые из паньлунченских нефритовых «клевцов» собственно клевцами не являются. Так, один из них больше напоминает секиру или топор с длинным и узким бойком и ушками. Подобные вещи известны на неолитических луншаньских стоянках⁴ (рис. 1, 1, 2). Найдены они и в Эрлитоу, причем уже не только нефритовые, но и бронзовые⁵ (рис. 1, 3, 9). Китайские исследователи считают их заступами или ножами (?).

Поскольку в публикациях довольно часто путают каменные клевцы с кинжалами, ножами, серпами и даже теслами, необходимо прежде всего дать четкое определение этого вида изделий. Под термином «каменные клевцы» мы понимаем шлифованные изделия из камня, сходные с бронзовыми клевцами *гэ*, которые, в свою очередь, являются ударным (а позднее режущим и рубящим) оружием ближнего боя. В соответствии со своей боевой функцией бронзовые *гэ* имеют прямоугольный вытянутый боек *юань* с треугольным (в редких случаях закругленным) копцом, края которого часто затачиваются на острие, а также прямоугольный обух *нэй* и зубчики *чи*, позднее развивающиеся в опущенный клизз выступ-череп и бородку *ху*, которые служат для крепления ору-

жия к рукояти⁶. Именно на основании сходства с бронзовыми *гэ*: наличия специально выделенного обуха с одним или несколькими отверстиями для привязывания к рукояти и заостренного бойка, оба края которого, как правило, зашлифованы на острие, мы и выделяем клевцы из массы каменного инвентаря.

У всех исследованных нами клевцов очень редко выделены зубчики *чи* и практически полностью отсутствует такой специфический для древнекитайских клевцов элемент, как бородка *ху*. Нам известно только одно исключение — два нефритовых *гэ* с длинной бородкой и тремя отверстиями, найденные в могиле западно-ханьского времени⁷. Правда, в работе С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» приводится нефритовый клевец с длинной бородкой и тремя отверстиями, датируемый эпохой Шан-Инь⁸. Однако источником этого рисунка послужил каталог выставки китайского искусства в Лондоне в 1937 г., а не материалы раскопок, и поэтому на точность датировок здесь особо полагаться не приходится. Во всяком случае, при археологических исследованиях на иньских и чжоуских памятниках, проводимых в последнее время на более высоком уровне, чем раньше, подобных находок не было.

Именно простая форма каменных клевцов провоцировала их отнесение к неолиту⁹. Однако при раскопках позднелинских и чжоуских памятников было зафиксировано сосуществование этой довольно элементарной формы с весьма развитыми типами бронзовых *гэ*¹⁰. Следовательно, отсутствие черепа и бородки объясняется не временными, а функциональными различиями между каменными и бронзовыми клевцами.

Выступ-череп и бородка с несколькими отверстиями служили у боевых бронзовых клевцов для более прочного закрепления на рукояти¹¹. Одновременно обух, который сначала предназначался только для крепления клевца к рукояти, приобретает значение вспомогательной части оружия¹². Он, конечно, не мог применяться (вопреки мнению Г. Н. Караева¹³) для удара по металлическому шлему противника, так как обух клевца был гораздо тоньше его бойка. В чжоуское время обух часто заострялся, а его края затачивались на острие¹⁴. Иногда верхний угол при изготовлении вытягивали и изгибали, образуя заточенный крюк¹⁵. Такое оружие не только эффективно

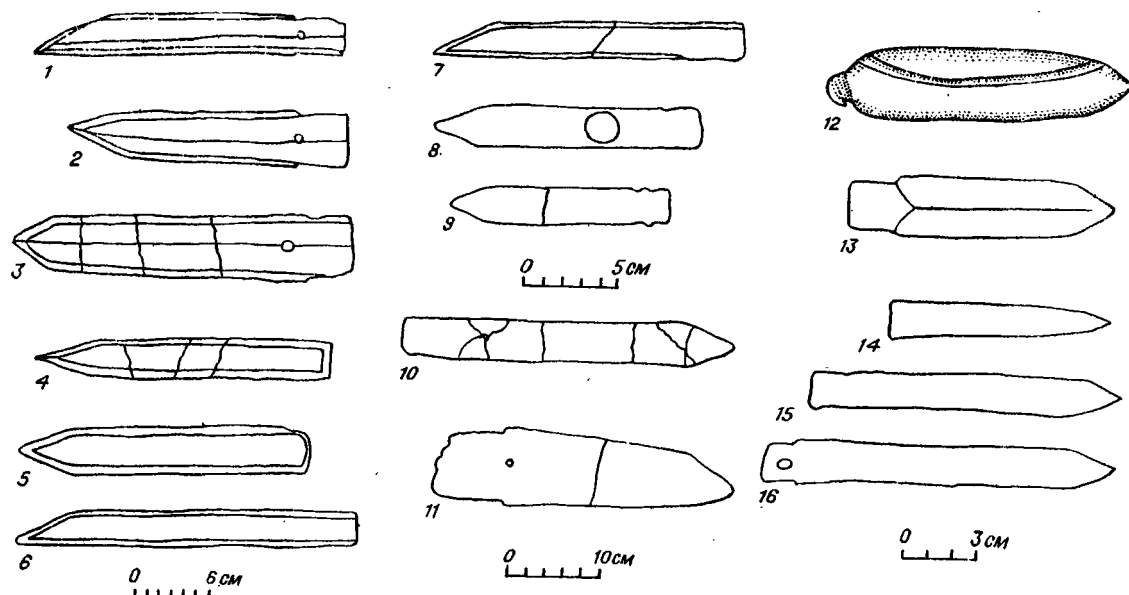

Рис. 2. Могилище Шанцунлиан, пров. Хэнань.
1—11 — камень, 12, 13 — раковины, 14—16 — кость.

использовалось пехотинцами в рукопашном бою, но могло применяться и для борьбы с колесницами противника.

Развитие черена и бородки улучшало боевые качества клевцов. Отсутствие этих элементов у каменных клевцов объясняется, на наш взгляд, их преимущественным использованием в ритуальных целях, где прочность крепления к рукояти не имела столь важного значения. Изготовление клевцов *э* специально для погребений в принципе не вызывает сомнения, поскольку они часто делались из совершенно не подходящих для оружия ударно-рубящего действия материалов, таких как раковины и кость (рис. 2, 12—16)¹⁸, а также свинец¹⁷ и дерево¹⁸. Что касается каменных *э*, то хотя нельзя исключить их спорадическое применение в качестве оружия¹⁹, однако вряд ли правомерно говорить о том, что в рукопашной схватке они использовались наравне с бронзовыми²⁰. Ритуальное использование каменных клевцов косвенно подтверждается и тем, что чаще всего они изготавливались из нефрита²¹.

Наибольшее распространение ритуальные клевцы как из нефрита, так и из других пород камня получили в период Шан-Инь. Они найдены при раскопках практически всех основных памятников этой эпохи. Встречаются они в Эрлитоу, где существуют, как уже отмечалось выше, с бронзовыми клевцами²² (рис. 1, 7, 11). На этой стадии они внешне очень схожи между собой (ср. рис. 1, 10 и 11). У бронзовых *э* в Эрлитоу еще отсутствуют зубчики — важнейший атрибут бронзового прямообушного клевца в последующее время²³. В Паньлунчэне нефритовые клевцы сохраняют свою форму, и это, может быть, тоже свидетельствует об их ритуальном назначении, тогда как бронзовые претерпевают уже определенное развитие²⁴ (рис. 1, 4).

Клевцы более позднего времени широко представлены на иньском городище в районе Аняна²⁵. Встречаются там как нефритовые экземпляры (рис. 3, 1—10), так и из других пород камня

(рис. 3, 11—13). Большая коллекция клевцов происходит из могилы Фу Хао²⁶ (рис. 4). Однако Аняном их распространение не ограничивается. Нефритовые *э* найдены в Ганьсу²⁷ (рис. 1, 12), Шаньдуне²⁸ (рис. 1, 6, 13), Хэбэе²⁹ (рис. 5, 1). На шанской стоянке Учэн в провинции Цзянси, южнее р. Янцзы, обнаружен каменный клевец с зубчиками, копирующий форму найденного там же и в одном слое с ним бронзового прямообушного *э*³⁰ (рис. 1, 5). Нефритовые клевцы на этой стоянке не встречены.

Все попытки отнести появление данного вида изделий к более ранним этапам, обнаружить какие-либо прототипы для бронзовых *э* в ходе археологических исследований не подтвердились. Впервые мысль о неолитическом каменном прототипе была высказана Ю. Г. Андерсоном³¹. В качестве кандидата на эту роль шведский ученый привел случайную находку из местечка Танчикоу уезда Лунгуань в Хэбэе (рис. 6, 2). В труде, специально посвященном иньскому оружию, эту гипотезу горячо поддержал Б. Карлгрен³². Однако его взгляды вызвали аргументированное возражение со стороны М. Лера, указавшего, что ребро на бойке и бортик у основания каменного «прототипа» свидетельствуют о его происхождении от металлического изделия³³.

Одновременно с М. Лером сомнения в неолитическом возрасте танчикоуской находки высказал Ли Цзи. По его мнению, она является результатом развития каменного топора, найденного в Сяотунни (рис. 6, 1)³⁴. Однако представления о «неолитическом прототипе», подкрепленные авторитетом Ю. Г. Андерсона и Б. Карлгрена, оказались живучи. Они попали в обобщающий труд Чжоу Вэй по истории китайского оружия³⁵, время от времени проскальзывали в отдельных работах советских авторов³⁶.

До недавнего времени на неолитических стоянках Китая не было встречено ни одной вещи, подобной находке Ю. Г. Андерсона, что служило сильным аргументом в пользу ее позднего возра-

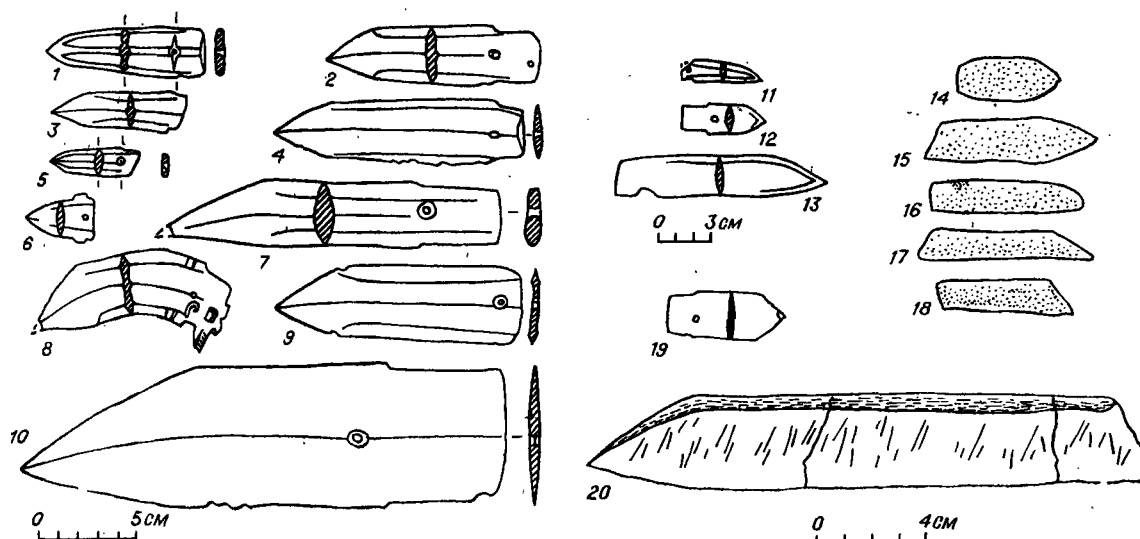

Рис. 3. Аньян, пров. Хэнань, разные участки.

1—14, 16, 19, 20 — ьэ; 15 — ьуй; 17—18 — чжэан. 1—10, 19 — нефрит; 11—18, 20 — камень неизвестной породы. Длина 14—14,4 см, 15—24 см, 16—21 см, 17—24 см, 18—18,6 см, 19—6 см.

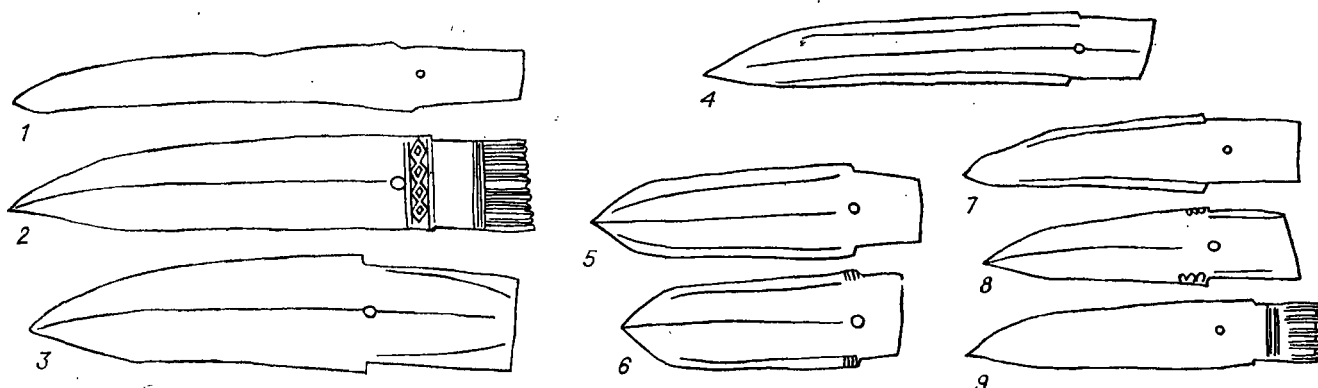

Рис. 4. Могила Фу Хао, Аньян, пров. Хэнань. Все — нефрит. Масштаб неизвестен.

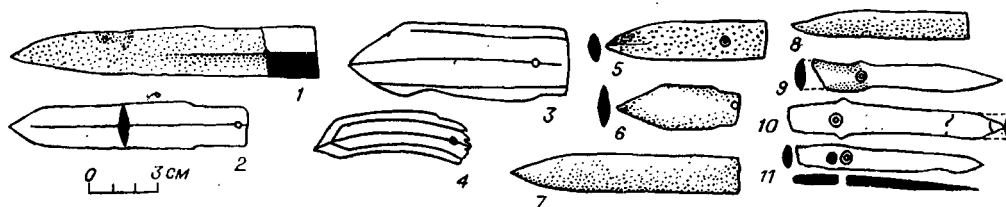

Рис. 5.

1 — уезд Гаочэн, пров. Хэбэй; 2 — Байфу, пров. Хэбэй; 3, 4 — Байдаопо, пров. Ганьсу; 5, 6 — Лунчуаньшань, пров. Гуандун; 7, 8 — Сунцунь, пров. Шэньси; 9—11 — сборы из восточной части пров. Гуандун. 1—6, 8—11 — ьэ, 7 — ьуй. 1—4, 7, 8 — нефрит; 5, 6, 9—11 — камень неизвестной породы. Длина 1—39 см, 3—10 см, 4—6 см; размеры 7, 8 даны в тексте. Масштаб остальных неизвестен.

ста. Неожиданное подтверждение поздней даты «прототипа» недавно поступило из Ганьсу. Там при раскопках стоянки Чжанцзяцзуй культуры синьдянь обнаружили два каменных топора, напоминающие изделия из Танчикоу³⁷ (рис. 6, 3, 4). А ведь культура синьдянь относится к бронзовому веку Северо-Западного Китая. На основе аналогий керамических триподов ли ее синхронизируют с Западным Чжоу³⁸.

Другие кандидатуры на «первичность» поставил Южный Китай. В китайской археологической периодике конца пятидесятых — начала шестидесятых годов часто появлялись сообщения о находках каменных клевцов на неолитических стоянках этого района³⁹ (рис. 5, 5, 6, 9—11). Эти факты при условии их корректности представля-

ли бы громадный научный интерес, поскольку тогда именно южные провинции следовало принять за центр происхождения наиболее характерного вида оружия древнего Китая. Однако внимательное изучение публикаций находок не позволяет сделать такие выводы.

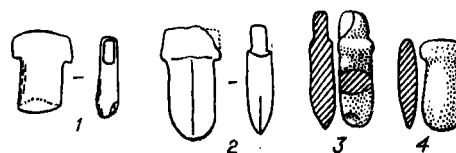

Рис. 6.

1 — Сяотунь, Аньян, пров. Хэнань; 2 — Танчикоу, пров. Хэбэй; 3, 4 — Чжанцзяцзуй, пров. Ганьсу. Все — камень. Размер 1 неизвестен; длина 2—11,3 см, 3—12,7 см, 4—9,6 см.

Во-первых, очень часто за клевцы выдаются крайние невыразительные обломки изделий из камня, на основании которых практически невозможно восстановить первоначальную форму предмета⁴⁰. Во-вторых, многие из вещей получены не в ходе раскопок неолитического культурного слоя, а в результате подъемных сборов, и, таким образом, отнесение их к неолиту является весьма произвольным. Характерны в этом смысле сборы из района деревни Шилу, где вместе с каменными клевцами, отнесенными автором работы Цзэн Фанем к периоду неолита, найдена глазированная керамика, которую он сравнивает с зеленым фарфором эпохи шести династий. На наш взгляд, ранняя дата для клевцев из Шилу объясняется горячим желанием автора «впервые сделать важное открытие» — обнаружить первое в провинции Фуцзянь неолитическое погребение⁴¹. И наконец, третье и самое важное возражение заключается в следующем: так называемые «неолитические» памятники Южного Китая вряд ли можно отнести к неолиту в строгом значении этого термина. Их начальный этап датируется китайскими археологами иньским временем, а поздний совпадает с периодом правления династии Западная Хань (и даже Восточная Хань). В этот период на Юге появляется бронза, изделия из которой обнаружены на многих «неолитических» стоянках⁴².

Ключ к пониманию данной проблемы дают работы советских археологов, посвященные древней истории Приморья. Во II—I тыс. до н. э. культура прибрежных племен хотя и оставалась по своему внешнему облику вполне неолитической, однако в ней уже появлялись каменные орудия и оружие, повторяющие металлические предметы, а также небольшое количество изделий из собственно бронзы⁴³. Объясняя присутствие каменных реплик с металлическими изделиями, исследователи Советского Приморья писали, что можно «говорить о существовании здесь уже культуры бронзового века, хотя металлические изделия в Приморье все еще продолжали быть большой редкостью»⁴⁴. Этот вывод вполне применим к решению проблемы так называемого «неолита» (который следует отличать от подлинных неолитических памятников) южных приморских районов Китая⁴⁵. Не касаясь достаточно сложной проблемы взаимодействия южных племен с другими народами, можно констатировать, что каменные клевцы юга Китая, во всяком случае, появляются не раньше иньского времени и, следовательно, не могут быть неолитическими прототипами бронзовых *гэ*.

Помимо иньских памятников, каменные клевцы найдены также на стоянках и могильниках периода Западного Чжоу: Баймасы⁴⁶, Кэпэнчжуан и Чжанцзяпо⁴⁷, Байфу⁴⁸, Жунцзячжуан⁴⁹, Байцаопо⁵⁰ и некоторых других (рис. 5, 2—4). Форма их практически не изменяется. Большое количество каменных *гэ* обнаружено также при раскопках могильника княжества Го в Шанцунлине, который датируется периодом конца Западного Чжоу — скорее всего, концом IX — началом VIII в. до н. э.⁵¹ Наряду с традиционными здесь встречаются также очень простые формы *гэ* без выделенного обуха и подшлифовки краев бойка (рис. 2, 1—11). По сути дела, эти изделия уже не яв-

ляются клевцами, а представляют собой переходную форму к скипетру *гуй* и малому скипетру *чжан*. Нефритовый клевец переходной формы найден также в могиле раннего Чуньцю около деревни Сунцунь. По внешнему виду он практически не отличается от обнаруженного в той же могиле скипетра *гуй*, однако края его еще сохраняют подшлифовку на острие, а в районе обуха имеется маленькое отверстие. Длина клевца 35,8 см, а скипетра — 46 см⁵² (рис. 5, 7, 8).

Скипетры *гуй* и *чжан* появляются уже в иньское время (рис. 3, 15, 17, 18) и широко используются в чжоуском ритуале, упоминание о них часто встречается в древнекитайских сочинениях⁵³. Так, в комментариях к «Лицзи» сказано: «*Гуй* и *чжан* — это драгоценности из нефрита». В словаре «Шовэнь» говорится: «[Предмет] с острым верхом — это *гуй*, а его половина — это *чжан*». Правда, в этом же словаре говорится о том, что *гуй* мог быть и с округлым верхом: «*Гуй* — это нефритовый скипетр. Верх его круглый, а нижняя [часть] — квадратная». Однако толкование к словарю поясняет, что при изготовлении *гуй* верх не обязательно был округлым. «Поскольку сказано, что низ квадратный, поэтому и говорят, что верх круглый, так как круглый верх и квадратный низ — это закон неба и земли». О заостренной форме *гуй* упоминается также в толкованиях «Лицзи», где ее сравнивают с первыми весенними ростками. Согласно этому сочинению, *гуй* применялся в ритуале, связанном с Востоком, а *чжан* — с Югом. Подобные скипетры широко представлены среди находок, относящихся к периоду Восточного Чжоу и более позднему времени, тогда как каменные клевцы среди них встречаются крайне редко⁵⁴.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Каменные клевцы, найденные на территории Китая, датируются временем Шан-Инь и Западного Чжоу, т. е. бронзовым веком. Предположения об их неолитической датировке не получили надежного археологического подтверждения. Таким образом, рассматриваемые изделия не являются предшественниками бронзовых клевцов *гэ*, и вопрос о появлении этого вида оружия в Китае должен решаться в рамках общих вопросов, связанных с происхождением древнекитайского бронзового оружия.

2. Каменные клевцы не являлись оружием и использовались в основном в ритуальных целях, в том числе в качестве погребального инвентаря. В конце Западного Чжоу они утратили всякое внешнее сходство с бронзовыми боевыми клевцами и слились с вещами чисто ритуального назначения: скипетрами *гуй* и *чжан*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Варенов А. В. Иньские клевцы (по материалам могильника в западном районе иньской столицы). — Изв. СО АН СССР, 1981, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 103—107; Комиссаров С. А. Чжоуские клевцы. — Там же, с. 108—116.

² Бронзовые и нефритовые орудия, вновь найденные на стоянке Эрлиту уезда Яньши. — КГ, 1976, № 4, с. 259 (на кит. яз.).

- ³ Коротко о полевой археологии 1974 года в г. Паньлунчэне.— ВУ, 1976, № 2, с. 12 (на кит. яз.).
- ⁴ Дай Инсинь. Разведка стоянки Шимао культуры Луншань в уезде Шэньму пров. Шэньси.— КГ, 1977, № 3, с. 155 (на кит. яз.).
- ⁵ Бронзовые и нефритовые изделия, пайдённые на стоянке Эрлитоу.— КГ, 1978, № 4, с. 270 (на кит. яз.). Бронзовые и нефритовые орудия. — с. 260.
- ⁶ Варенов А. В. Иньские клевцы. — с. 105.
- ⁷ Чжан Синьжу. Ханьская могила около Шацзытан в южном районе г. Чанша.— КГ, 1965, № 3, с. 117, пл. III, 22 (на кит. яз.).
- ⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, с. 67, табл. XI, II.
- ⁹ См., напр., известную схему Ли Цзи: Ли Цзи. Погребения с покойником, лежащим ничком.— Аньян фацзюэ баогао, Пекин, 1931, № 3, с. 471 (на кит. яз.).
- ¹⁰ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках погребений в западном районе иньского городища в 1969—1977 гг.— КГСБ, 1979, № 1, с. 121—146 (на кит. яз.); Чу Шибинь. Западнотяньские могилы в Байцаоно, уезд Липтай, пров. Ганьсу.— КГСБ, 1977, № 2, с. 110—114, 121 (на кит. яз.); Линь Шоуцзинь. Шаньцуньские Гого муди. (Могили гого государства Го в Шаньцуньских муди). — Пекин, 1959, с. 19—20 (на кит. яз.).
- ¹¹ Го Баоцзюнь. Бронзовое оружие Инь и Чжоу.— КГ, 1961, № 2, с. 112 (на кит. яз.).
- ¹² Chang Kwang-Chin. The Archaeology of Ancient China.— London—New Haven, 1968 p. 332.
- ¹³ Караев Г. Н. Военное искусство древнего Китая.— М., 1959, с. 131.
- ¹⁴ Loehr, Max. Chinese Bronze Age Weapons. The Werner Jannings Collection in the Chinese National Palace Museum.— Peking, 1956, p. 60. М. Лёр датирует это нововведение финалом Чжоу III (770—450 гг. до н. э.).
- ¹⁵ О находках такого оружия см.: Го Баоцзюнь. Шаньбяочжэнь юй Люлигэ (Шаньбяочжэнь и Люлигэ). — Пекин, 1959, ил. CXVII, 3 (на кит. яз.); Лоян Чжунжоулу. (Чжунжоулу близ Лояна). — Пекин, 1959, с. 101, ил. XVI, 4 (на кит. яз.); Краткий очерк о чжаньгоских могилах у дер. Наньдаван, уезд Синтай, пров. Хэбэй.— КГ, 1959, № 7, с. 348, рис. VIII (на кит. яз.); Бронзовый меч усского вага Фу Ча и другие вещи, раскопанные в могиле № 12 в Цайпо, уезд Сянъян.— ВУ, 1976, № 11, с. 66, ил. IV, 2 (на кит. яз.).
- ¹⁶ Линь Шоуцзинь. Гого Зайцуньлин муди, ил. XXX, 5—9.
- ¹⁷ Краткий отчет о чжаньгоских могилах у дер. Наньдаван. — с. 349; Важные археологические результаты в районе Пекина. Новые замечания о западнотяньских могилах с деревянными гробами в Байфу, уезд Чанпин.— КГ, 1976, № 4, с. 250 (на кит. яз.); Чжоу Шижун, Хэ Цзегоу. Погребения периода Чуньцю, найденные в Хэнань и Сянтань, пров. Хуань.— КГ, 1978, № 5, с. 299 (на кит. яз.).
- ¹⁸ Ян Хуа. Отчет о раскопках чжунских могил у пос. Дэпань, уезд Чандэ, пров. Хуань.— КГ, 1963, № 9, с. 470 (на кит. яз.); Хэ Цзегоу, Чжоу Шижун, Сюй Чжунаньсинь. Чжаньгоская могила с деревянным гробом в Цзыданьку, г. Чанша.— ВУ, 1974, № 2, с. 39, рис. V (на кит. яз.).
- ¹⁹ Например, в дасыкунцуньском чэ-ма кэне M175 пайдё крупный каменный клевец (рис. 3, 20). Хотя чэ-ма кэны — явно ритуальные комплексы, обычно в них представлено боевое оружие. В данном случае бронзовых клевцов там встречено не было. См.: Ма Дэжи, Чжоу Юнчжэнь, Чжан Юньцэн. Отчет о раскопках в дер. Дасыкун вблизи Аньяна в 1953 г.— КГСБ, 1955, № 9, с. 66 (на кит. яз.).
- ²⁰ Ср.: Triestman J. M. The Prehistory of China. An Archaeological Exploration.— New York, 1972, p. 114—115.
- ²¹ Hansford S. H. Chinese Jade Carving.— London, 1950, p. 95—102.
- ²² Краткое сообщение о раскопках III и VIII участков стоянки Эрлитоу в уезде Яньши пров. Хэнань.— КГ, 1975, № 5, с. 305 (на кит. яз.); Бронзовые и нефритовые орудия. — с. 261, 262.
- ²³ Варенов А. В. Иньские клевцы. — с. 109.
- ²⁴ Раскопки шанской стоянки Паньлунчэн в уезде Хуань пров. Хубэй в 1963 г.— ВУ, 1976, № 1, с. 55 (на кит. яз.).
- ²⁵ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках погребений. — с. 102, 104, 105; Раскопки жертвенных ям с раба-
- ми на иньском городище в Аньяне.— КГ, 1977, № 7, с. 29 (на кит. яз.).
- ²⁶ Чжэн Чжэньсянь, Чэнь Чжида. Раскопки могилы № 5 на иньском городище в Аньяне.— КГСБ, 1977, № 2, с. 76, 77 (на кит. яз.).
- ²⁷ Сюй Цзюньчэнь. В Ципянь в Ганьсу найден шанский нефритовый га.— ВУ, 1979, № 2, с. 93 (на кит. яз.).
- ²⁸ Цай Фэншу. Разведка шанской стоянки Дасиньчжуан в уезде Ципань.— КГ, 1973, № 5, с. 274 (на кит. яз.); Погребение № 1 с припоселенными в жертву рабами в Суфутунь, уезда Иду, пров. Шаньжун.— ВУ, 1972, № 8, с. 23 (на кит. яз.).
- ²⁹ Чжэн Шаоцзун. Разведка стоянки и могилы шанской эпохи в уезде Гаочэн пров. Хэбэй.— КГ, 1973, № 1, с. 27 (на кит. яз.).
- ³⁰ Пан Шифань, Ли Цзяхэ. Отчет о раскопках шанской стоянки Учэн в уезде Ципянь пров. Цзянси.— ВУ, 1975, № 7, с. 53 (на кит. яз.).
- ³¹ Andersson J. G. An Early Chinese Culture.— Bulletin of the Geological Survey of China, 1923, vol. V, p. 10; Idem. Children of the Yellow Earth.— London, 1934, p. 212, 213.
- ³² Karlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty.— BMFEA, 1945, N 17, p. 133, 134.
- ³³ Loehr M. Weapons and Tools from Anyang and Sibeian Analogies.— AJA, 1949, vol. LIII, N 2, p. 140, 141.
- ³⁴ Ли Цзи. О бронзовых орудиях, найденных в Сютуни.— КГКГСБ, 1949, № 4, с. 53, 54 (на кит. яз.).
- ³⁵ Чжоу Вэй. (Чжунго-бинци шигао). Очерки по истории китайского оружия.— Пекин, 1957, с. 65, 66 (на кит. яз.).
- ³⁶ Караев Г. Н. Военное искусство. — с. 39; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М., 1967, с. 35.
- ³⁷ Се Дуаньцзюй. Раскопки стоянок Чжанцзяцзунь и Цзизяцзунь в уезде Юньцзин пров. Ганьсу.— КГСБ, 1980, № 2, с. 192, 193 (на кит. яз.). Сходный по форме каменный топор был обнаружен и на другом синьдзяньском памятнике.— См.: Памятники культуры Синьдзянь в Лянхуатай, уезд Юнцзин, пров. Ганьсу.— КГ, 1980, № 4, с. 299, ил. IV, 1 (на кит. яз.).
- ³⁸ Се Дуаньцзюй. Раскопки стоянок. — с. 218—219. Радиоуглеродная дата для синьдзяньской («типа Тайвань») могилы в Суньцзячжай (уезд Датун, пров. Цинхай) — 990±90 лет до н. э. (период полураспада — 5730). — Сообщение о датировании по C¹⁴ (продолжение). — ВУ, 1978, № 5, с. 75 (на кит. яз.).
- ³⁹ Чжэн Юаньфу. Каменные орудия, найденные в районе водохранилища Шибэ, уезд Наньань, пров. Фуцзянь.— КГТС, 1956, № 3; Линь Цзунхуи. Исследование неолитической стоянки в уезде Чжань, пров. Фуцзянь.— КГТС, 1958, № 4; Цзэн Фань. Исследование неолитических стоянок в уезде Чжань, пров. Фуцзянь.— КГ, 1959, № 6; Сюй Циньцзюань. Обследование неолитических стоянок в уезде Чупань, пров. Фуцзянь.— КГ, 1959, № 11; Мо Чжи. Стоянка у раковинной кучи в уезде Чаоань, пров. Гуандун.— КГ, 1961, № 11; Он же. Неолитические стоянки в районах северной части пров. Гуандун.— КГ, 1961, № 11; Мо Чжи, Ян Хао. Неолитические стоянки в районах восточной части пров. Гуандун.— КГ, 1961, № 1; Сюй Циньцзюань. Отчет о раскопках неолитической стоянки Дунчжан в уезде Фуцзин, пров. Фуцзянь.— КГ, 1965, № 2; Цзэн Гуаньшань. Неолитическая стоянка на западном берегу озера Мэйлинху в уезде Чаоань, пров. Гуандун.— КГ, 1965, № 2 (все на кит. яз.).
- ⁴⁰ См. например: Мо Чжи. Краткий отчет об исследовании неолитических стоянок в уезде Баоань, пров. Гуандун.— КГТС, 1957, № 6, с. 10, рис. 11, 15; Цзэн Фань. Исследование неолитических стоянок в уезде Миньцин и Юнцзин.— КГ, 1965, № 2, с. 91 (на кит. яз.).
- ⁴¹ Цзэн Фань. Исследование неолитических стоянок в уезде Чжань. — с. 273—275.
- ⁴² Сюй Циньцзюань. Обследование неолитических стоянок. — с. 602; Он же. Отчет о раскопках неолитической стоянки Дунчжан. — с. 61.
- ⁴³ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном. Материалы о древней истории Дальнего Востока.— МИА, 1963, № 112, с. 166—173; 181—182; Окладников А. П., Деревяко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья.— Владивосток, 1973, с. 186—207.
- ⁴⁴ Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории.— Новосибирск, 1980, с. 143. Кстати сказать, в Приморье был также найден каменный чекан, в основных деталях копирующий бронзовые оригиналы.—

См.: Шавкунов Э. В. Каменный чекан из Южного Приморья.— СА, 1974, № 3, с. 246—248.

⁴⁵ К такому же выводу склоняются в последнее время и китайские археологи.— См.: Цзэн Фань. Об изучении доисторических культурных остатков в пров. Фуцзянь.— КГСБ, 1980, № 3 (на кит. яз.).

⁴⁶ Фу Юнхуй. Краткий отчет о раскопках западночжоуской могилы в районе Лояна.— КГ, 1959, № 4, с. 188 (на кит. яз.).

⁴⁷ Фэнси фацзюэ баогао. (Отчет о раскопках в Фэнси).— Пекин, 1962, с. 13, 126, ил. XI, 5; XXXVI, 2, 4—6 (на кит. яз.).

⁴⁸ Важные археологические результаты в районе Пекина... с. 258, ил. IV, 3.

⁴⁹ Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил в Жупячжуап близ Баоцзи, провинция Шэньси.— ВУ, 1976, № 4, с. 43 (на кит. яз.).

⁵⁰ Чу Шибинь. Западночжоуские могилы... с. 12, ил. XVI, 6, 7.

⁵¹ Комиссаров С. А. Шацуньлин — опорный памятник

конца Западного Чжоу.— В кн.: Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.

⁵² У Чжэньфэн, Шан Чжицзю. Краткий отчет о раскопках могилы периода Чуньцю в Сунцунь, уезд Хусянь, пров. Шэньси.— ВУ, 1975, № 10, с. 53, 66, рис. 31 (на кит. яз.).

⁵³ Цитаты из древнекитайских сочинений приводятся по: Морохаси Тэцудзи. Дай канва дзэнтэп. (Большой китайско-японский словарь), т. 3. Токио, 1966, с. 126; Там же, т. 7. Токио, 1967, с. 966. Эти ритуальные вещи ценились чрезвычайно высоко. Так, например, в надписи на сосуде «Вэй-хэ», изготовленном в период правления Гунвана (927—908 гг. до н. э.), сообщается о продаже скипетра чжан, дававшего право на аудиенцию у вана, в обмен на 1000 му земли.— Линь Ганьцюань. Некоторые новые знания, связанные с западночжоускими земельными владениями.— ВУ, 1976, № 5, с. 45—49 (на кит. яз.).

⁵⁴ Одно из таких исключений — два нефритовых клевца в Хоума.— См.: Ли Юйминь. Моя точка зрения на документы из Хоума.— КГ, 1973, № 3, с. 189—190, рис. 1 (на кит. яз.).

В. В. ЕВСЮКОВ, В. Е. ЛАРИЧЕВ

КАРЛ ХЕНТЦЕ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В 1983 г. исполнилось сто лет со дня рождения Карла Филиппа Хентце (1883—1975), известного синоведа и востоковеда, внесшего крупный вклад в изучение духовной культуры древней Восточной Азии. Его исследования составляют целый этап в развитии европейского востоковедения, и уже по одному этому жизнь и научная деятельность ученого заслуживают особого внимания.

Немец по происхождению, К. Хентце родился в Бельгии, в Антверпене. В годы юности и молодости, казалось, ничто не предвещало, что востоковедение когда-нибудь станет его призванием. Наиболее сильным увлечением школьных лет К. Хентце была биология, родители даже предполагали, что их сын изберет профессию биолога. Еще сильнее, чем любовь к науке о животных и жизни, оказалась страсть молодого К. Хентце к живописи. Сам он довольно долго считал, что именно в этом заключается его предназначение и что живопись — главное дело его жизни. После получения среднего образования он всерьез приступил к постижению законов художественного творчества. Сначала в Карлсруэ, а затем в Антверпене в течение нескольких лет он занимался в студиях ряда известных в то время художников и достиг достаточно высокого уровня мастерства. Специалисты отмечали, что картины К. Хентце, выполненные в традициях классической фламандской школы пейзажной живописи, но отмеченные влиянием немецкого экспрессионизма, отличаются высокой техникой владения кистью и особой уравновешенностью. Участие в 1913 г. в выставке изобразительного творчества в Мюнхене принесло ему международную известность. С живописью К. Хентце не расставался всю жизнь. Уже будучи известным ученым, он создал ряд полотен, последняя выставка которых состоялась в Дармштадте (ФРГ), городе, где К. Хентце жил в последние годы жизни и которому завещал свои картины.

На первый взгляд, переход К. Хентце от искусства к науке, от живописи к востоковедению может показаться труднообъяснимым. На самом же деле его обращение к Востоку, а именно к классическому Дальнему Востоку, едва ли можно считать простой случайностью. XIX век стал поворотной эпохой в представлениях европейцев о восточных странах, народах и цивилизациях. Труды нескольких поколений европейских востоковедов подготовили почву для нового восприятия восточных культур, ранее считавшихся примитивными и недостойными внимания. Развивавшиеся параллельно с этим этнография и археология давали дополнительные свидетельства того, что «примитивные» общества вовсе не так примитивны и, более того, что сама европейская культура, считавшаяся венцом духовных достижений человечества, сохранила еще некоторые реликты. Труды этнографов (в первую очередь Л. Моргана, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера) заново открыли для европейцев первобытного человека. Востоковеды же показали, что культуры классического Востока — одно из промежуточных звеньев между «естественным состоянием» человечества и западной цивилизацией.

К началу нашего века интерес к Востоку в обществе усилился настолько, что перерос рамки чистой науки. Увлечение всем восточным (иногда, впрочем, лишь как экзотикой) охватило широкие круги европейской интеллигенции — писателей, поэтов, философов, которых в первую очередь интересовали проблемы не столько исторические, сколько моральные, эстетические, общекультурные. Восток заинтересовал образованную Европу прежде всего не как «прошлое» Запада, а как область, откуда можно заимствовать ответы на целый ряд проблем духовного порядка, неожиданно вставших перед западным человеком. Поскольку Ближний и Средний Восток в качестве колыбели и ойкумены христианства традиционно

были известны лучше, то взоры обратились на периферию Евразии — Индию, Тибет, Китай, Японию. Дасть увлечению духовным миром этих стран, часто глубокому, отдали многие видные деятели европейской культуры, стоит назвать лишь имена Ван Гога, Эзры Паунда, Германа Гессе, в России — Льва Толстого и Н. К. Рериха.

Сказанное, быть может, хотя бы отчасти объяснит неожиданно крутой поворот в судьбе К. Хентце. В 1910 г. он впервые побывал в Берлинском музее этнографии, где познакомился с образцами классического искусства Китая. Впечатление оказалось настолько глубоким, что оказало воздействие на всю его последующую жизнь. В 1912 г. К. Хентце переселился в Берлин — центр немецкой школы китаеведения. Именно тогда, в возрасте уже около тридцати лет, он окончательно решил посвятить себя изучению языка, истории и культуры Китая. В течение нескольких последовавших за этим лет он заложил основу своей научной библиотеки, ныне хранящейся в качестве «фонда Хентце» в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.

По окончании первой мировой войны Хентце возвратился из Германии в Бельгию, в Антверпен. Поскольку в Бельгии в то время в высших учебных заведениях китаеведение не преподавалось, он обратился к миссионерам, долгое время работавшим в Китае и знающим язык, обычаи, культуру этой страны. В Антверпене его учителем стал П. Л. ван Хее, в свое время проводивший в Китае тридцать лет и работавший вместе с одним из крупнейших французских синологов прошлого столетия Ф. С. Куврером, составителем самого полного до сих пор китайско-французского словаря. Занятия К. Хентце китаеведением были настолько плодотворны, что уже через несколько лет, в 1926 г., он получил назначение на пост доцента китайского классического языка, истории культуры, археологии и истории искусства Китая в университете города Гента, а в 1932 г. стал профессором этого же университета.

Говоря о научной карьере К. Хентце, следует сказать, что он никогда не защитил ни одной диссертации и присвоение ему профессорского звания явилось исключительно признанием его научных заслуг. Об этом же говорит получение им как специалистом по Китаю в 1939—1942 гг. предложений от университетов Утрехта (Голландия), Брюсселя, Вены и Франкфурта-на-Майне, куда он в конце концов и переехал.

Далекий от политики, уже пожилой ученый (к концу второй мировой войны ему исполнилось шестьдесят два года), К. Хентце провел годы войны в кабинетной работе над китайскими рукописями и альбомами. В 1948 г. он вышел на пенсию и навсегда оставил преподавательскую деятельность, целиком отдавшись научно-исследовательской работе. Его трудолюбие и научная продуктивность просто удивительны: после выхода на пенсию за 15 лет (между 65-м и 80-м годами своей жизни) он опубликовал четыре объемистых монографии и два десятка статей, что составляет около половины его научного наследия. Прожив девяносто два года и сохранив, несмотря на преклонный возраст, полную ясность ума и физическую бодрость, К. Хентце не оставлял работы

до самой кончины — последняя его статья была отдана в печать уже после смерти ученого.

Количество научных трудов, созданных К. Хентце более чем за полвека исследовательской деятельности, весьма велико и включает в себя десять монографий и сорок статей, посвященных широкому кругу вопросов истории материальной и духовной культуры древнего Китая и сопредельных с ним регионов, часто выходящих за азиатские рамки (Америка, Океания). Свободно владея двумя языками, он писал свои работы как по-немецки, так и по-французски (часть статей, кроме того, опубликована им по-английски и голландски)¹.

Научное наследие К. Хентце, его метод и результаты разными авторами оцениваются по-разному: широко представлен весь диапазон мнений от благосклонных и даже восторженных до скептических и однозначно негативных. С одной стороны, по словам М. Поркертта, «большинство, и среди них наиболее влиятельные ученые и коллеги по профессии безучастно противостояли и противостоят творчеству Хентце»².

Это заявление вполне справедливо, стоит вспомнить хотя бы характеристику, данную его работам известным американским синологом Д. Бодде³. С другой стороны, многочисленные книги и статьи К. Хентце широко используются многими авторами и, более того, получили самые лестные характеристики от таких признанных в мировой науке ученых, как патриарх и глава немецкой школы исследователей духовной культуры первобытности Герберт Кюн, один из ведущих современных религиоведов Мирча Элиаде, основоположник структурализма Клод Леви-Строс. Последний, например, считал возможным определить книгу К. Хентце «Ритуальные предметы, верования и боги в Китае и Америке» (1936 г.) как «остроумную и блестящую»⁴.

Идеи Хентце продолжают жить, их развивают те, кто придерживается сходных взглядов на проблематику, связанную с духовным миром древних культур Восточной Азии. Так, для западногерманских авторов Н. Науманн и К. Й. Антони выдвигутые К. Хентце положения служат отправным пунктом⁵.

Вероятно, можно согласиться с М. Поркерттом, когда он пишет: «Вовсе не двусмысленность результатов и не неприемлемость методики Хентце, равно как и не косность или злая воля критиков и коллег, обрекли Хентце и его труды на бесплодные дискуссии и недоразумения; дело в том, что его творчество и сам дух времени находились в резком противоречии между собой»⁶. Чтобы яснее понять существо всех этих разногласий и противоречивых оценок, необходимо хотя бы кратко рассмотреть главные направления и идеи, разрабатывавшиеся К. Хентце.

Диапазон проблем, нашедших отражение в творчестве К. Хентце, весьма широк. Здесь и исследования по евразийскому звериному стилю, и вопросы древней истории Южной Сибири в связи с урало-алтайской проблемой, и вопросы дальневосточного шаманизма (древнекитайского и корейского), и методологические работы по изучению семантики древнего искусства⁷. При всем многообразии вопросов и географической широте

культур, интересовавших К. Хентце, в его творчестве безусловно доминировала китайская проблематика, причем в первую очередь его привлекала не столько сама по себе материальная культура, как ее понимают и изучают археологи⁸, сколько то, что стоит за предметами и изделиями прикладного искусства древнего Китая, их семантика и сложная, мифологическая по сути символика. Начав с изучения средневековой китайской и японской живописи⁹, К. Хентце со временем перешел к изучению более ранних эпох, к самым истокам классического искусства Китая.

Всесторонне и исчерпывающе проанализировать все научное наследие К. Хентце — задача трудная, ибо оно слишком велико и многообразно. Чтобы нагляднее выявить вклад этого исследователя в изучение проблем духовной культуры Востока и критически его осмыслить, остановимся в первую очередь на наиболее важных, концептуальных идеях К. Хентце, продемонстрируем их результаты, покажем основные сферы их применения.

Если располагать проблемы, изучавшиеся К. Хентце, в порядке исторической хронологии, то начать следует с древнейшего китайского искусства эпохи неолита. В начале 1920-х гг. работавшим в Китае шведским геологом Ю. Г. Андерсоном, ставшим волею судьбы и археологом, была открыта неолитическая культура яншао, характерной особенностью которой служило обилие керамических сосудов, покрытых сложной полихромной росписью. Собрав большую коллекцию этих изделий (ныне она хранится в Стокгольмском музее дальневосточных древностей) и опубликовав значительное число образцов, Ю. Г. Андерсон положил тем самым начало изучению неолитического искусства Китая. Вслед за работами самого Ю. Г. Андерсона, где частично затрагивались проблемы семантики узоров яншао, появились посвященные этому статьи Х. Рид, Б. Карлгрена, Н. Пальмгрена, Б. Соммарштрема и, наконец, специальная монография А. Буллипг¹⁰.

Внимательно следя за наиболее интересными находками и открытиями, К. Хентце не пропустил столь важного события, как открытие китайского неолитического искусства. В числе первых он в полной мере осознал всю его значимость для истории китайской культуры и активно включился в его исследование. В многочисленных монографиях и статьях он постоянно, в разном контексте и в разной связи обращался к сюжетам китайской неолитической живописи, давая им свои объяснения и толкования. По поводу предложенных К. Хентце интерпретаций можно спорить, но нельзя не отметить их оригинальность и своеобразие, равно как нельзя умолчать и о том качественно новом, что он внес в дешифровку орнаментации яншао.

Большинство исследователей, занимавшихся орнаментацией сосудов яншао, обращали внимание прежде всего на формальную сторону росписи: виды, число, сочетаемость и чередование составляющих ее элементов, их трансформацию во времени и пространстве, ритмическую преемственность. Содержательный анализ при этом отсутствовал либо отступал на второй план. Семан-

тические толкования носили весьма ограниченный характер и зачастую сводились к утверждениям, что носители культуры яншао почитали обоже- ствленные силы природы и наиболее грозные природные феномены (вихри, бури, смерчи). Понятно, что подобные воззрения при всей допустимости их существования не исчерпывали всю духовную культуру неолитических протокитайцев.

Такая ситуация в деле дешифровки смысла неолитического искусства Китая объяснялась прежде всего тем, что в то время архаичные культуры, тем более каменного века, считались если не примитивными, то во всяком случае не столь уж развитыми, как это становится понятным в результате последних исследований. Объективной предпосылкой этому служила недостаточность (вернее будет сказать, недостаточная степень осмысления) накопленных фактов из области духовной культуры обществ, относимых к числу первобытных или «примитивных». Вторым немаловажным обстоятельством было отсутствие необходимых методических концепций и навыков для дешифровки доисторического искусства. Примером может служить уже называвшаяся книга А. Буллипг, в которой была предпринята попытка истолковать смысл образов росписей яншао исходя из значений отдельных знаков, составляющих композицию. Бесперспективность такого метода в том, что он резко увеличивает возможность субъективного истолкования знаков и в конечном счете не позволяет верно реконструировать мифологический сюжет, запечатленный в росписи.

К. Хентце пошел иным путем. Он первым из исследователей предположил наличие в узорах яншао сложных и целостных мифологических сюжетов. Методически его поиск решения проблемы заключался в следующем. Тому или иному протокитайскому неолитическому изображению подыскиваются сходные по облику композиции (пускай даже в иных культурах), семантика которых отчетливо представлена в вербальных текстах, дающих ключ к пониманию смысла древних изображений. Именно таким путем К. Хентце попробовал выяснить семантику одного из образцов керамической скульптуры этапа баньшань.

Сложно орнаментированной антропоморфной голове в маске и с ротами, между которыми высовывается раздувающая пасть змея, он нашел значительное число иконографических аналогий неолитического же времени, но обнаруженных археологами на Ближнем Востоке. Большинство из них представляют собой скульптуру рогатого животного со змеей на затылке. Обратившись к шумерскому искусству, К. Хентце выявил композицию, где изображена змея, обращенная головой к лунному серпу в виде чаши. Он предположил, что это иконографическая запись мифа, согласно которому некогда змея, опередив человека, выпила предназначенный тому божеством луны напиток бессмертия, приобретя таким путем вечную жизнь и лишив человечество надежды на бессмертие¹¹. Развивая свою гипотезу, К. Хентце допустил, что рога выявленных им скульптур символизируют собой лунный серп. В таком случае змею между ними следует понимать в той же

роли, что и в привлеченных для интерпретации мифах.

Вместо предложенной интерпретации, во всяком случае для той ее части, которая относится к баньшаньской фигуре, можно представить иное толкование¹². В то же время нельзя отрицать того, что дешифровка К. Хентце перспективна в смысле дальнейших поисков в этом направлении.

Следует заметить, что К. Хентце в приведенном выше примере не случайно взял за основу для интерпретации именно лунарный миф. По его глубокому убеждению, которое следует признать справедливым, мифы о луне составляли важнейшую, если не самую важную, часть архаичных мифологий и мировоззрения в целом. Сюжеты такого рода он попытался выявить и в иных изображениях искусства яншао. Так, например, если у антропоморфной фигуры на яншаоском сосуде голова разделена вертикальной чертой, то, с точки зрения К. Хентце, это — лунное божество; круг с крестом внутри он также рассматривал как символ четырех лунных фаз; трехлапость лягушки из древнекитайского мифа или трехпалость антропоморфной фигуры на сосуде яншао, по К. Хентце, опять-таки служит указанием на три дня новолуния, т. е. особый критический момент в жизни светила, когда оно «мертво», т. е. не наблюдается на небе¹³.

К. Хентце не случайно столь широко привлекал для интерпретаций семантики образов яншао не только ближневосточные, но и американские мифы и символы. Он придерживался мнения, что древняя культура Китая не просто похожа в некоторых чертах на ближневосточные и американские культуры, но генетически с ними связана. Мысль о том, что китайский неолит имеет западные корни, впервые высказана Ю. Г. Андерсоном, впоследствии к нему присоединились многие исследователи¹⁴. В настоящее время гипотеза о западном происхождении яншао не считается обоснованной. Следует, однако, отдать должное К. Хентце за то, что он первым предпринял попытку сблизить Ближний Восток с Китаем не на основе одного лишь визуального сходства тех или иных признаков материальной культуры, а путем параллельного семантического анализа древнего искусства обоих регионов.

Что касается общей оценки смысла древнейшего изобразительного искусства Китая, то здесь вывод, сделанный в свое время К. Хентце, достаточно традиционен: «Несомненно, что эта керамика с ее символикой, обращенной в первую очередь к воде, дождю, грому, фазам луны и связанной с культом предков, могла принадлежать только земледельческой культуре»¹⁵. Остается добавить, что идеи К. Хентце привлекли к проблеме духовного мира протокитайцев внимание еще более широкого круга специалистов, а кроме того, послужили отправной точкой для целого ряда исследований в этом направлении.

Переходя к главной области научных интересов К. Хентце — семантике декора китайских бронзовых сосудов эпох Шан, Чжоу и Хань, следует сказать, что и здесь он выступил новатором. Специальных серьезных работ по этой теме не было не только в те годы, когда К. Хентце отважился приняться за эту проблему, — они

практически отсутствуют и по сей день. Археологи, а также и историки культуры ограничивались и ограничиваются описаниями и классификацией изделий, в лучшем случае обращая внимание на те или иные семантические сходства. Между тем есть основания видеть в богатой орнаментации древнейших китайских бронзовых сосудов и иных предметов глубокий религиозно-мифологический смысл. Вот что писал по этому поводу известный синолог Х. Г. Крил: «Превосходные изделия эпохи Шан выполнены до мельчайших деталей с поистине религиозной тщательностью. Благодаря изучению надписей на гадательных костях мы знаем, что все мотивы бронз шанской эпохи можно связать с жизнью и религией народа шанской эпохи. Возможно, что до некоторой степени их назначение и производство носило священный характер»¹⁶.

Следует сказать об одной специфической трудности, встающей перед всяким, кто приступает к семантической реконструкции изображений на древнекитайской бронзовой утвари. Трудность эта заключается в том, что древнекитайская мифология эпохи Шан практически не дошла до нас. То, что обычно называется древнекитайскими мифами, в лучшем случае относится к эпохам Чжоу и Хань. Наиболее архаичные мифы сохранились лишь в виде незначительных обрывков, иной раз составляющих одну или две фразы и разбросанных по значительному числу древних сочинений, где они цитируются по тому или иному поводу. Подлинный смысл большинства из них был утрачен еще в древности, что породило множество самых противоречивых толкований и комментариев. Таким образом, проблема дешифровки шанских изображений в значительной мере сводится к реконструкции мифологической системы древнейшей исторической эпохи Китая, что само по себе — задача более чем масштабная.

Из применявшихся К. Хентце способов и подходов к дешифровке древнекитайского изобразительного искусства бронзового века выделим наиболее важные. Первый, достаточно традиционный метод заключался в возможно более полном использовании данных письменных источников с параллельным привлечением иконографических аналогий более поздних эпох, которые можно проецировать на архаичные шанские прототипы. Другой прием, широко использовавшийся К. Хентце в интерпретациях, предусматривал максимальное привлечение такого специфического источника, как древнекитайские пиктограммы, внешнему облику и смыслу которых порой обнаруживаются параллели в древнейшем изобразительном искусстве Китая. Кроме того, излюбленным методом этого исследователя было самое широкое сопоставление древнекитайских образцов с изобразительным искусством различных народов, стран и даже континентов, основой для которого служили представления К. Хентце о содержании, смысле и роли мифологии в духовной жизни древних обществ.

Мысль привлечь для семантических интерпретаций древнего искусства данные пиктографии представляется весьма плодотворной. К. Хентце был не единственным, кто вел поиск в этом направлении. Кроме уже упоминавшихся Б. Карлгрена,

Х. Рид и А. Буллинг, еще в 1940 г. попытку сопоставить некоторые архаичные иероглифы со знаками на китайских неолитических сосудах предпринял советский исследователь Ю. В. Бунаков¹⁷. Однако то, что у других было лишь намечено, у К. Хентце стало излюбленным приемом. Так, например, он сравнил одно из антропоморфных изображений на неолитической керамике с соответствующими фигурами на бронзовых сосудах эпохи Инь, объединив их по смыслу с древнейшей формой пиктограммы «тянь» — «небо» и раскрыв их семантику путем анализа круга представлений, связанных с этим религиозно-мифологическим понятием.

Подобным же образом он интерпретировал крестообразные геометрические знаки, в сочетании с иными символами встречающиеся на керамике каменного века и бронзовых сосудах. Порой такие истолкования весьма смелы: «На одной из доисторических погребальных урн мы видим китайский циклический знак „гуй“. Он изображен точно так же, как на многочисленных панских надписях на кости и бронзе — наподобие креста. Знак этот сочетается с огибающей спиралью. Если смотреть сверху, то спирали выглядят подобно символу круговорота или вихря. Знак „гуй“, десятый и последний в цикле, подтверждает наличие в то время циклических знаков с ромбами и лунной¹⁸. Отсюда становится понятным, почему на бронзовых сосудах мы обнаруживаем имена умерших, обозначенные циклическими знаками. Мертвые уподоблялись восходам луны. Предки связывались с циклическими и астрально-мифологическими идеями. Подобная идея как раз и связана с символом круговорота, спиралью, знаком поворота, относящимися к кругу представлений о вращении и обновлении». Далее К. Хентце сближает проанализированные знаки с архаичным написанием иероглифа «лэй» — «гром»¹⁹.

Семантика древнейших китайских пиктограмм, первоначально привлекавшаяся К. Хентце для практических нужд интерпретации того или иного образа изобразительного искусства, постепенно приобрела в его научном творчестве самостоятельное значение в качестве оригинального источника для реконструкции фрагментов ряда мифов, в словесной форме до нас не дошедших. Именно в таком мифологическом аспекте им был проанализирован смысл древнекитайского иероглифа «тоу» — «голова», изучению которого К. Хентце посвятил специальную работу²⁰.

Надо сказать, что в ряде случаев сделанные им наблюдения весьма ценны и в самом деле проливают новый свет на те или иные мифологические представления древних китайцев. Так, например, К. Хентце принципиально обратил внимание на структуру встречающегося уже на гадательных костях иероглифа «ин», имеющего значение «беременная женщина»²¹. Иероглиф состоит из двух частей, одна из которых имеет значение «женщина», а другая — «лягушка». Такого рода сочетание, безусловно, не случайно: в древнекитайской мифологии лягушка устойчиво связывается с понятием плодотворности и женского начала. Сделанные К. Хентце наблюдения дали ему возможность выстроить семантическую цепочку «лягушка — женщина — беременность, исчисляе-

мая по лунным месяцам, — луна» и сблизить ее с известным мифом о лунной лягушке²².

В подтверждение плодотворности избранного К. Хентце направления поиска можно было бы привести немало примеров. В качестве наиболее показательного назовем пиктограммы, связанные с солнечной символикой. Так, иероглиф «дун» — «восток» — составлен из знаков «дерево» и «солнце», а иероглиф «сюй» — «восходящее солнце» — из знаков «солнце» и «девять». Первый, вероятнее всего, отражает зафиксированную в мифах связь солнца с мировым деревом «фу-сан», а второй содержит намек на девять лишних солнц, уничтоженных легендарным стрелком И.

В настоящее время многие исследователи обращаются к исходной семантике первоначальных пиктограмм. Иногда это позволяет выявить характерные особенности облика того или иного мифологического персонажа²³. Такого рода палеографические изыскания чрезвычайно трудны и далеко не всегда бесспорны. Вероятно, не все истолкования смысла архаичных пиктограмм и их применение у К. Хентце безупречны. Но его попытки расширить сферу использования этого специфического источника по истории древнекитайской культуры, безусловно, заслуживают положительной оценки.

Независимо от К. Хентце к сопоставлению знаков на гадательных костях с изображениями на бронзовых сосудах и неолитической керамике пришли последующие исследователи²⁴. Будущее покажет продуктивность такого подхода. К сказанному добавим, что в настоящее время среди специалистов по китайской палеографии наметилась тенденция искать истоки неолитической письменности уже на грани неолита и бронзы. Основания к этому дали знаки, обнаруженные на керамических сосудах культур баньпо и луншань, предположительно идентифицируемые с некоторыми пиктограммами²⁵.

Не вдаваясь в анализ всех многочисленных и разнообразных по смыслу интерпретаций сюжетов на иньской бронзе, предложенных К. Хентце, выделим основную идею, которую можно считать сквозной для всех его работ в этой области. Эта идея состоит в том, что китайское искусство бронзового века (как, впрочем, и неолитическое) полно глубокой мифологической символики, а вовсе не является собой результатом стремления древних мастеров и художников к затейливому украшению. В наши дни едва ли кто рискнет усомниться в этом, в те же годы, когда К. Хентце приступал к своим исследованиям, такое утверждение вовсе не казалось очевидным.

Другой важный вывод К. Хентце состоит в том, что символика древнекитайских художественных бронз не просто отражала те или иные мифы и религиозные представления эпохи Инь, но по самой сути своей была космична в том смысле, что в ее основе лежали наиболее важные — космологические и космогонические — воззрения пиньдэв и чжоусцев. Космичность как самой мифологии, так и связанного с ней изобразительного искусства проявляется самым различным образом. Одно из таких проявлений — завершенность, внутренняя замкнутость сюжета или композиции, осмысляемые как гармоничное совершенство. Не входя

в детали, отметим, что подобная законченность, коренящаяся в природе самого мифологического мышления, органично присуща древнему изобразительному творчеству. С этих позиций любое архаичное произведение искусства есть не просто законченное целое (это характерно и для современной эпохи), но такое целое, которое представляет собой уменьшенный слепок космоса, его модель, выражающую в концентрированном виде основные качества и параметры мифологической вселенной. Именно этим объясняется то кажущееся на первый взгляд странным обстоятельство, что в древнем искусстве Китая (и не только Китая) космологические черты придавались самым обычным, с современной точки зрения, предметам: курильницам, изготовленным в виде мировой горы, столикам для еды, оформленным как копия вселенной, жилищу, одежде, экипажам и т. д. К. Хентце чутьем исследователя уловил эту закономерность и широко использовал ее в своих семантических истолкованиях. Такой вывод можно сделать из характерного для него стремления рассматривать каждое художественное изделие как завершающее космологическое повествование или, если выражаться современными понятиями, как иконографический текст, автономный в силу своей космологичности. Так, сложно орнаментированные бронзовые сосуды он уподоблял космосу и его структурным подразделениям: основание сосуда — преисподняя, крышка — небо и т. д. В качестве одного из важных принципов семантического анализа такой подход представляется оправданным и может быть использован для семантического изучения широкого круга предметов материальной культуры древних эпох²⁶.

Вполне понятно, что при всей сложности и полисемантичности любой космогонии и космологии в них выявляются некоторые наиболее важные мотивы и тенденции. По К. Хентце, для китайского искусства эпохи бронзы таким основополагающим мотивом служила идея борьбы между светом и тьмой, буквально пронизывающая все изобразительное творчество того периода. В самом деле, сейчас можно считать доказанным, что дуалистичность архаичных космогоний и космологий универсальна, поскольку имеет глубочайшие социальные корни²⁷. И можно привести немало подтверждений тому, что весьма часто дуальная поллярность мифологического космоса в общей форме реализуется именно в метафорах мрака и света. Число отражающих их символов, образов и персонажей может быть практически неограниченным, и предпочтение тех или иных метафор в качестве универсальных едва ли оправданно.

Популярный в орнаментации древнекитайских бронзовых изделий сюжет изображает проглатывание (или, наоборот, извержение через рот) одного фантастического существа другим. Варианты их изображений довольно многообразны, хотя, безусловно, существует и определенный канон. Поливариантность объясняется бытованием самостоятельных, не связанных между собой мифов, объединенных лишь наличием общего для всех них мотива пожирания. В иных случаях фантастические демоны просто противопоставлены друг другу, и для выяснения того, кто из них «агрессор», а кто — «жертва», требуется анализ деталей

изображения. Нередко противоположная космическая природа демонов выражена достаточно отчетливо: один из них имеет облик птицы, другой — некоего хтонического создания типа змеи или саламандры. Эти и многие другие, более частные наблюдения позволили К. Хентце заключить, что описанный сюжет изображает сцену пожирания демоном мрака светоносного существа. Этот сюжет в его многочисленных вариациях неоднократно привлекал внимание исследователя, возвращавшегося к нему вновь и вновь²⁸.

С тех же позиций К. Хентце объясняет и семантику популярнейшего в древнекитайской иконографии образа, условно называемого «тао-те». Встречающийся на множестве бронзовых изделий «тао-те» представляет собой одну лишь голову (иногда ее определяют как личину или маску) некоего монстра с широко разинутой пастью. О мифическом существе по имени «тао-те» из сохранившихся письменных источников известно крайне мало. Его имя буквально значит «обжора», а сам он причисляется традицией к числу легендарных «бунтовщиков», восставших и покаранных Небом²⁹. По К. Хентце, «тао-те» относится к числу демонов-пожирателей и, таким образом, олицетворяет собой хтонические силы мрака и преисподней. Более точным представляется иное мнение, недавно обоснованное К. И. Антони: «тао-те» — главный персонаж инициации, символически пожирающий неофита, вызывая тем самым его ритуальную смерть и последующее воскрешение в новом качестве³⁰. В конечном счете обе интерпретации сходятся: иницирующий поглотитель воплощает в себе все негативные свойства и качества и потому вполне может ассоциироваться с демоном мрака. В то же время истолкование К. Хентце приобретает более частный характер в силу того, что сводится практически к одному аспекту мифологии — лунарному.

Светоносное существо, пожираемое демоном мрака, согласно концепции К. Хентце, — это луна. Причину чрезвычайной популярности сюжета пожирания в орнаментации древнекитайской бронзы К. Хентце усматривал в том, что, по его мнению, именно лунарные мифы составляют центральный пункт архаичных мифологических систем. Эта идея проходит через все его творчество, проявляясь в анализе предметов искусства от палеолита до эпохи древних цивилизаций. Лунарная проблематика в его работах тесно связана с календарным аспектом. В специальной монографии³¹, обобщив огромный фактический материал по изобразительному искусству многих народов Евразии и Америки, он предпринял смелую попытку выявить универсальные лунарно-календарные закономерности. Связь тех или иных изображений с календарем устанавливалась К. Хентце путем подсчета структурных элементов композиции.

В 1929 г. советским археологом М. М. Герасимовым на палеолитической стоянке Мальта в Сибири наряду с женскими статуэтками из бивней мамонта была обнаружена уникальная по своему значению костяная пластина, украшенная с одной стороны изображениями трех плавящихся змей, а с другой — лунками, нанесенными concentрическими кругами и спиралями. Отталкиваясь от лунарно-календарной семантики данного

изделия, попробуем подробнее рассмотреть вклад К. Хентце в решение этой интереснейшей проблемы, включенной им в широкий культурно-мифологический контекст.

К. Хентце оценил открытие М. М. Герасимова в Мальте как имеющее «фундаментальное значение для исторической науки». Отметив ряд аналогичных женским статуэткам с Мальты в других местах, в том числе в Брассампуи, К. Хентце обратил особое внимание на пластину, заметив, что ее центральная спираль состоит из семи витков, «наложенных вокруг углубления», и на то, что эти луночные витки производят впечатление концентрических кругов³².

Теперь, когда, как можно надеяться, начинают приоткрываться плодотворные перспективы доказательной расшифровки семантики знаковой системы мальтинской пластины, есть резон обратиться к анализу как традиционных, так и своеобразных методических приемов, которыми пользовался К. Хентце при попытке ответить на вопрос, что представляет собой этот образец искусства как нечто цельное и какое содержание было вложено первобытным художником в то, что воспринимается теперь как спиралевидные, орнаментального плана узоры и схематичные изображения змей. Это позволит в последующем при завершении исследования реально оценить возможности, приемлемость и жизненность методических установок выдающегося исследователя и определить оправданность проведенных им полвека назад реконструкций семантического кода информационных структур, зафиксированных на пластине из бивня мамонта.

О ювелирной препарации их семантики свидетельствует тот факт, что даже для столь простых элементов, как лунки, образующие спираль, К. Хентце не допускал отсутствия смысловой нагрузки и отклонял мысль о необходимости восприятия таких углублений в качестве простых звеньев орнамента. Примечательно, что он в связи с этим обратил внимание на то, что именно подобного рода кружки зафиксированы археологами на поверхностях каменных структур, в частности на так называемых каменных бабах Сибири. Эти «идолы», по К. Хентце, «несомненно лунного значения», не случайно покрывались кружками с точкой в центре или концентрическими кругами, поскольку в таких элементах «их астральный или звездный смысл выступает со всей очевидностью»³³.

Размышляя о семантике кружков, К. Хентце, как теперь становится ясным, сделал исключительно важный с методической точки зрения шаг, когда предположил связь с ними «каких-то астральных расчетов», характеризующих дни лунного месяца. Обратившись к кружкам, выгравированным на поверхности изготовленных из камня змееголовых каппадокских «идолов», которые «странным образом» напомнили ему ориньякский предмет из Мальты, он произвел подсчет симметрично расположенных углублений с выступами в центре. Ему показалось далеко не случайным, что на одном из «идолов» количество таких кружков соответствовало числу суток в синодическом лунном месяце, во время которого происходит полная эволюция фаз Луны. На плоскости

камня другого «идола» располагались 14 кружков, что составляло число суток в половине синодического лунного месяца.

Нарушенность скульптур не позволила К. Хентце продолжить исследование в том же знаменательном ключе и установить, каким расчетам и комбинациям могло соответствовать число кружков на других идолах³⁴.

Г. Контеню, публикуя скульптуры, интерпретировал их как женские божества плодородия, поскольку на некоторых «идолах» были выгравированы так называемые «женские треугольники». К. Хентце согласился, что в скульптурах действительно просматривается «женский аспект, который, возможно, следует связывать с матриархальным культом предков». Но в то же время в выступах, которые представляли собой характерные изображения голов змей, он усмотрел намеки на фаллический и лунный культ³⁵. Змеевидные головы «идолов» в самом деле, пожалуй, можно соотносить с фаллосами. Возможность такого совмещения К. Хентце обосновал сюжетом из мифологии Юго-Востока Азии, герой которого обладал фаллосом-змеей. Поскольку миф содержал также другие темы, характерные для классического лунного повествования, то лунный характер змеевидных-фаллических элементов скульптурного изображения «идола» представлялся К. Хентце очевидным.

Идея о связи в представлениях многих народов древности змеи с Луной и культом предков подкреплялась К. Хентце широким анализом этнографических и археологических изделий, а также смысловой значимостью примечательных по облику древнекитайских пиктограмм. Другие, помимо углублений, детали на каппадокских «идолах» тоже не противоречили, по мысли Хентце, идее о лунном характере воплощенного в них божества. Именно так К. Хентце оценил, в частности, символ в форме серповидной фигуры, а «клетчатый рисунок» на шее, перекрывающийся линии, подразделившие тело божества на четыре части, по его мнению, и составляли характерный лунный символ. Зигзагообразные параллельные линии он расценил как образ текущей воды; широкие ломаные линии — как растения, воплощающие идею плодородия, или молнии, символизирующие в мифологии Луну. Поскольку в итоге каппадокские «идолы» оказались по всем параметрам семантики деталей «лунными по характеру», то и кружки, простейшие из орнаментальных мотивов скульптур, должны были, по мнению К. Хентце, «иметь смысл, связанный со смыслом самого идола»³⁶. Отсюда следовало, что лунки, высверленные на поверхности пластины из бивня мамонта, обнаруженной в Мальте, тоже представляли собой лунные знаки или символы.

Такое заключение в значительной мере усиливалось затем результатами анализа семантики концентрических кругов, двойных спиралей и волн, а также изображений рогов в композициях, характерных для образцов первобытного искусства. Лунки на мальтинской пластине составляли древнейший узор из простой и двойных спиралей. Но простые спирали, как и концентрические круги, традиционно оценивались интерпретаторами искусства как солнечные символы. К. Хентце, со-

глашаясь в принципе с такой трактовкой, предположил, что в истоках подобные фигуры были, по всей видимости, лунными символами³⁷.

Что касается собственно семантики спиралей и концентрических кругов, то они содержали, по мнению исследователя, сложный комплекс ассоциативных идей, связанных с Луной, ее ростом и убыванием, с водой и плодородием, с рождением и смертью, а также с культом предков и верованиями в загробную жизнь и обновление. В этой связи К. Хентце рассмотрел значимость знаменитых австралийских *kwatya-ilba* («матки Дождя») и *kwatya-rurga* («генитальный орган Дождя»), которые использовались в ритуалах, призванных вызвать дождь, и в церемониях, сопровождающих отправление фаллических культов.

Поскольку базу орнаментальных композиций, сплошь покрывающих эти священные предметы, составляли все те же концентрические круги, К. Хентце выразил убежденность, что в основе так называемого фаллического культа лежит прежде всего «лунный смысл», а *kwatya-ilba* представляет собой символ Луны³⁸. Сходство концентрических кругов из лунок на поверхности *kwatya-ilba* и спирали на мальтинской пластине позволили ему увидеть в орпнъякском предмете из Сибири ритуальное изделие, связанное с многозначительной и многогранной лунной семантикой и символикой.

Вскрытие истинной смысловой значимости концентрических кругов, а также простых и двойных спиралей в древнем искусстве К. Хентце производил, отталкиваясь от анализа росписей на керамических сосудах. Примечательно, что такие рисунки оказались весьма выразительными в пагальности лунными символами. Речь идет об орнаментации неолитической посуды окружающими концентрические круги или заключенными прямо в них серповидными фигурами, а также веретенообразными изображениями, совмещенными с лучеобразными рядами точек, углов и линий, в том числе струйчатых (вода?) и змеевидных, как и о разного рода графических знаках, в том числе треугольниках:

В центре веретенообразных фигур с пучками изогнутых в противоположные стороны дуг — выразительными графическими символами растущей и умирающей Луны, иногда размещались изображения змей. Они символизировали дождь, который, как принято считать, обычно связывался первобытным художником со знаменательной сменой фаз Луны, а также молнию и фаллос. Веретенообразный знак представлял собой, очевидно, *labia muliebria* с фаллосом-змеей, размещенным по центру изображения. Это просматривающееся в образцах древнего искусства наложение одного художественного символа на другой и круговорот идей с их многочисленными ассоциациями характерны, как подтвердил К. Хентце, и для мифологических сюжетов, в которых в сакрально-носительной форме раскрывались те же темы, связанные с Луной, рождением, плодородием, смертью и возрождением.

Двойные спирали с закруткой в противоположных направлениях неолитических росписей также ассоциировались К. Хентце с лунными символами, что позволяло интерпретировать их семантику как

лунную в основе. К. Хентце считал мальтинскую пластину с такого типа двойными спиралями «самым ранним документом» подобной орнаментации и потому, естественно, оценивал их смысл в ключе все той же лунной символики. В подтверждение такого взгляда он, в частности, детально рассмотрел значение иероглифа, весьма близкого по начертанию двойной спирали. Этот древний знак переводится как «молния», «сущность облаков», «дух», «плодородие». Примечательно, что поразительно близкие ему по начертанию фигуры на древних керамических изделиях совмещались как раз со спиралями, закрученными в противоположных направлениях; со спиралями, вписанными внутрь кривых; с месяцевидами фигурами, загнутыми в противоположных направлениях. Поэтому К. Хентце определил двойные спирали как лунные символы, которые, очевидно, далеко не случайно ассоциировались со знаком молнии, выражающей, в свою очередь, опять-таки идею лунных изменений. Как Луна, так и молния оценивались им в качестве основополагающих элементов культа плодородия.

Подборка К. Хентце соответствующих этнографических и археологических параллелей призвана была подтвердить и закрепить оправданность высказанной гипотезы. Так, узор из двойной спирали с противоположной закруткой оказался характерным для «жертвенных пирожных» из доколумбовой Америки, которые предназначались божееству дождя и гор. В том же семантическом плане К. Хентце воспринимал более поздний рисунок, где двойная спираль — Луна, соединенная с облаками, — располагалась по соседству с молнией, как и двойные спирали, которые оказались размещенными на подбородке и поясе «идолов», символизирующих, судя по серпу на лбу, Луну, гром, молнию, плодородие и растительность. Двойные спирали на неолитических статуэтках Японии и скульптурах древней Мексики позволили ему интерпретировать и эти «идолы» как образы великих лунных *Magna Mater*.

Лунная символика непрерывных изменений и чередований просматривалась также в знаке «инь-ян», представляющем собой круг, разделенный на две части s-образной линией, а также в узоре «лэй-вэнь» — линии грома, весьма характерном для изделий из бронзы Восточной Азии. К. Хентце в этой связи справедливо подчеркнул, что такой «узор не что иное, как двойная спираль с противоположной закруткой; рисунок, передающий лунные изменения, с которыми ассоциируется гром»³⁹. Сама же по себе изгибающаяся линия спирали изображалась порой реально-натуралистически — в виде s-образно изгибающихся змей, которые в традиционной восточно-азиатской символике обозначали все те же лунные изменения и гром. Итоги своих основанных на широких аналогиях размышлений над семантикой двойных спиралей К. Хентце подвел следующим образом: «Изгибы и противоположно направленные спирали неизменно соответствуют полной эволюции Луны, где регрессивная эволюция передается линией, направленными в противоположную сторону по отношению к развитию прогрессивному. Двойная спираль в ее действительном смысле слова

представляет собой иллюстрацию последовательного развития и смены лунных фаз»⁴⁰.

По вопросу истоков орнаментального мотива двойной спирали К. Хентце присоединился к мнению А. Брейля, который, проследив стилизацию головы быка, установил ее последовательное превращение в двойную спираль с противоположной закруткой. Как известно, сами по себе бычьи рога представляли в древности один из наиболее ярких символов Луны, как умирающей, так и возрождающейся. О. Менгин считал, что «глубинный смысл этого атрибута следует искать в его форме, напоминающей Луну», и указывал на связь между «идолами», имеющими вид быков, и культами Magna Mater, представляющей Луну. К. Хентце, детализируя эту мысль, уточнил: речь идет о зрительном сходстве серпа Луны с бычьим рогом, откуда в конечном счете и происходит его символика. Два рога головы животного символизировали полную астральную эволюцию ночного светила от момента его рождения до дня накануне смерти, и «эта простая констатация позволяет показать, что двойной рог, двойная спираль и двойная волюта отражают одну и ту же идею»⁴¹.

Анализ росписей на сосудах эпохи бронзы, проведенный К. Хентце, подтвердил такое заключение, ибо помимо рогов простых древние художники изображали также рога с концами, загнутыми в виде спирали, и, что особенно примечательно, повернутые спиралями вовнутрь, в противоположных друг другу направлениях. Рисунки рогов иногда сопровождалось изображениями характерно лунных существ вроде змей и собак, а также астральными символами, возможно, как считает К. Хентце, солнечными. Он заметил также, что в месте соединения рогов выделялись два противопоставленных друг другу треугольника или ромба, что, быть может, выражало (при очевидной «женской семантике» подобных фигур) идею того, что Луна есть Magna Mater.

Таковы в кратком изложении идеи К. Хентце, высказанные им по поводу «узор» и гравированных изображений змей на мальтийской пластине. Ареал распространения сходных «иконографических элементов», а также соответствующих «мифологических тем» оказался ограниченным главным образом тихоокеанским бассейном, и прежде всего Сибирью, Японией, Китаем и о. Борнео. К. Хентце высказал предположение, что символы мальтийской пластины (спирали с противоположной закруткой, спирали с концентрической закруткой и волюты), как и лунные рога с загнутыми концами, «составляют общую основу палеоазиатской культуры прежде всего, а затем культуры тихоокеанской»⁴².

Что же, однако, это за символ? Анализ возможной семантики всех орнаментальных элементов, запечатленных на обеих сторонах мальтийской пластины, позволил ему при общей оценке назначения этого образца искусства и его смысла прийти к следующему, поразительному по проникновенности выводу, который оставался до последнего времени то ли в забвении, то ли в пренебрежении: «По нашему мнению, это лунный идол»⁴³. С его точки зрения, заслуживало пристального внимания и обнаружение на поселении Мальта вместе с этим «идолом» женских статуэток. Данный факт

он считал веским подтверждением идеи О. Менгина о том, что орипьякские статуэтки, а также, в частности, знаменитый барельеф женщины из Лоссея, держащей в руке рог, свидетельствуют о наличии в религиозных представлениях палеолитического человека культа предков и Луны.

Подводя итоги краткого обзора идей К. Хентце по интерпретации лунных символов в древнем искусстве, можно констатировать, что в основу его метода расшифровки семантики как символических (орнаментальных) знаков, так и опознаваемых образов, реалистических или стилизованных, положен достаточно традиционный принцип наложения на то или другое подходящих аналогий из набора соответствующих сюжетов мировой этнографии и мифологии. В результате он пришел к выводу, что простые и двойные спирали, как и концентрические круги в классических вариациях, зафиксированных, в частности, и на мальтийской пластине, представляют собой символы не только солнечных, как обычно утверждалось ранее, но в истоках своих, скорее, пожалуй, лунные. Они, по его мнению, в идеальной по наглядности форме отражали идею полного цикла эволюций фаз ночного светила, т. е. последовательно и непрерывно повторяемого процесса роста и убывания, а затем снова роста диска Луны.

К сказанному о лунарно-календарных исследованиях К. Хентце следует добавить, что столь повышенный интерес к мифам о луне на определенном этапе развития науки был присущ многим исследователям мифологии. Среди европейских мифологов и фольклористов второй половины XIX в. широкой популярностью пользовалась концепция так называемой «мифологической школы», представители которой видели в богах и героях олицетворение различных сил и явлений природы, приписывая им солнечные, лунные, грозные и т. п. характеристики. С таких позиций к изучению фольклора и мифологии подходили многие крупные исследователи. Среди русских ученых, работавших в рамках «мифологической» (иногда ее называют «метеорологической») концепции, можно назвать, например, А. Н. Афанасьева, по существу сводившего смысл всех мифов к метафорическим описаниям бурь, гроз, затмений и т. п.⁴⁴

Лунарное ответвление «метеорологической» теории оказалось наиболее мощным, его отзвуки нередко можно встретить и в наши дни. Применительно к дальневосточным мифам оно разрабатывается, например, в уже упоминавшейся книге К. И. Антопи⁴⁵. С близких позиций написана вышедшая сравнительно недавно работа тайваньского исследователя древнекитайской мифологии Ду Эрвэя⁴⁶. Все персонажи «Каталога гор и морей» оказываются в изложении этого автора лунными или каким-либо образом связанными с лунной; лунный же характер имеют, по его мнению, едва ли не все из упоминающихся в этом сочинении чисел.

Отношение к подобным построениям «метеорологов» лунарного толка вполне однозначно⁴⁷, но было бы ошибкой не видеть и несомненных заслуг исследователей этой концепции в разработке важных проблем мифологии. В целом положительно оценил их поиски, например, К. Леви-Строс: «Макс Мюллер и его школа имеют огром-

ные заслуги в раскрытии и частной дешифровке астрономического кода, часто используемого в мифах. Их ошибка, как и всех мифологов той эпохи, а также мифологов, близких нам по времени, состоит в том, что они пытались понять миф исключительно посредством одного кода, в то время как в нем всегда действует несколько»⁴⁸.

Характерной чертой научного метода К. Хентце служит привлечение для целей интерпретации самых широких аналогий. Аналогии из иных культур, как известно, можно использовать по-разному: либо обращая внимание в первую очередь на черты типологического, конвергентного сходства, либо выделяя генетическое родство изучаемых фактов и явлений. К. Хентце недвусмысленно отдавал предпочтение второму пути. Выше уже говорилось о его точке зрения на западное, ближневосточное происхождение китайской неолитической культуры яншао. Подобным же образом он оценивал многочисленные сходства между материальной культурой и искусством древнего Китая и других пародов Тихоокеанского бассейна от Новой Гвинеи до Северной Америки. При этом особый интерес он проявлял к китайско-американским параллелям, усматривая в них свидетельства древних культурных контактов Нового Света со Старым. Сопоставление внешнего облика и семантики предметов искусства Китая эпохи бронзы, с одной стороны, и великих цивилизаций Центральной и Южной Америки — с другой, — любимый прием К. Хентце; их сопоставительный анализ содержится в большинстве его работ и наряду с лунарно-календарной темой составляет еще одну сквозную проблему его творчества.

В одной из работ К. Хентце писал: «Все чаще мы сталкиваемся с фактами, свидетельствующими в пользу того, что древнеамериканские культуры оплодотворялись из Азии. При этом выясняется, что религиозные воззрения, представления о мире или явления материальной культуры достигали берегов Америки различными путями. И здесь я в первую очередь думаю об огромном, прилегающем к побережью Тихого океана древнем Китае и о возможности плавания как вдоль побережья, так и через Берингов пролив»⁴⁹. Оценив комплекс данных, К. Хентце обратил внимание на то обстоятельство, что «начиная с культур аборигенов Северо-Западной Америки (тилинкиты, хайда, бильчула, элиш, квакиютль и др.) и до культуры древнего Перу находящиеся под азиатским влиянием культуры обеих Америк лежат близко к побережью Тихого океана, тогда как по мере продвижения на восток, во внутренние пространства Америки, плотность явлений, подвергшихся внешнему влиянию, убывает, причем наиболее мощные волны культурного влияния Азии, исходящие с тихоокеанского побережья, приходятся на Мексику». Контакты, по мнению К. Хентце, могли осуществляться не столько посредством специально организованных крупных экспедиций, сколько через медленную инфильтрацию азиатов на американский континент. Поскольку К. Хентце был убежден в том, что восточно-азиатские культуры в свою очередь генетически связаны с западными, получалось, что все они родственны между собой

и в конечном счете происходят из единого центра»⁵⁰.

Нетрудно увидеть, что такая позиция полностью отвечает духу и букве диффузионизма, весьма популярного в конце прошлого и в первых десятилетиях нашего столетия. Сам К. Хентце прямо говорил о близости взглядов своих и Р. Хайне-Гельдерна, одного из теоретиков и лидеров диффузионного направления в этнографии. Не останавливаясь на истоках и особенностях диффузионистской концепции⁵¹, отметим, что ряд обнаруженных К. Хентце китайско-центрально-американских параллелей в самом деле заслуживает внимания. Им выявлено немало предметов искусства Китая и Америки, удивительно сходных между собой как по облику, так, возможно, и по смыслу. Безусловно, само по себе это еще вовсе не обязательно свидетельствует о контактах. Множество серьезных фактов противоречит такой гипотезе: почему, например, хранят полное молчание по этому поводу древнекитайские исторические источники, обычно тщательно регистрировавшие события подобного рода? Как объяснить огромный хронологический разрыв между древнекитайской культурой бронзового века и ее «репликами» на американском материке? Можно поставить и ряд других вопросов, остающихся пока без ответа.

В то же время вряд ли правомерно полностью исключать возможность существования для значительного числа культур, прилегающих к Тихому океану, какой-то архаичной прасновы. Параллельно с К. Хентце, а порой и опережая его, в этом направлении работали многие исследователи. Китайско-американские мифологические параллели изучались Э. Эркесом, пришедшим к выводу о том, что мифы китайцев и индейцев при всей своей подчас поразительной схожести вовсе не обязательно генетически родственны⁵². Л. Я. Штернберг, анализируя культуру японских айнов, указал на ее многие совпадения с культурами Меланезии, с одной стороны, и континентальной Азии — с другой⁵³. Меланезийские элементы в китайском декоративном искусстве бронзового века усматривает Ли Цзи⁵⁴. Наконец, К. Леви-Строс предпринял попытку, выделив некоторые общие структурные закономерности изобразительного искусства культур тихоокеанского бассейна, поставить вопрос об их глубоких связях⁵⁵.

Завершая краткий и далеко не полный обзор основных проблем, привлекавших внимание К. Хентце и нашедших отражение в его трудах, можно сказать, что без его вклада современная синология, а шире — история духовной культуры древних народов Востока были бы намного беднее. В каком-то смысле этот ученый стремился определить свою эпоху, ставя на повестку дня вопросы, не разрешенные и по сию пору. Он не раз допускал ошибки и бывал серьезно критикуем. Однако даже беглое, но совокупное рассмотрение его идей, методов и полученных результатов показывает, что это был одаренный и оригинальный исследователь, посвятивший всю свою долгую жизнь служению науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные работы К. Хентце: *Les figurines de la ceramique funeraire.*—Dresden, 1927; *Mythes et symboles lunaires.*—Antwerpen, 1932; *Objets rituels, croyances et dieux en Chine et en Amerique.*—Antwerpen, 1936; *Frühchinesischen Bronzen und Kultdarstellungen.*—Antwerpen, 1937; *Die Sakralbronzen und ihre Bedeutung in den frühchinesischen Kulturen der Shang-Zeit.*—Antwerpen, 1941; *Bronzegerät, Kultbauten, Religion im ältesten China der Shang-Zeit.*—Antwerpen, 1951; *Tod, Auferstehung, Weltordnung. Das mythische Bild im ältesten China, in den grossasiatischen und zirkumpazifischen Kulturen.*—Zürich, 1955; *Das Haus als Weltort der Seele. Ein Beitrag zur Seelensymbolik in China, Grossasien, Altamerika.*—Stuttgart, 1961; *Funde in Alt-China. Das Weiterleben im ältesten China.*—Göttingen—Zürich, 1968 (*Sternstunden der Archäologie*. Bd 6).

Полную библиографию работ К. Хентце см.: *Porkert M. Carl Hentze (1883—1975).*—*Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 1978, Bd 128, H. 1, S. 9—11.

² *Porkert M. Carl Hentze*, S. 8.

³ Бодде Д. Мифы древнего Китая.—В кн.: *Мифологии древнего мира*. М., 1977, с. 403.

⁴ Леви-Строс К. Структурная антропология.—М., 1983, с. 217.

⁵ Naumann N. Zu einigen religiösen Vorstellungen der Jōmon-Zeit.—*Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 1977, Bd 127, H. 2, S. 398—425; *Antoni K. J. Der weisse Hase von Inaba. Vom Mythos zum Märchen.*—Wiesbaden, 1982.

⁶ *Porkert M. Carl Hentze*, S. 9.

⁷ Beiträge zu den Problemen des eurasischen Tierstiles.—*Ostasiatische Zeitschrift*, 1930, N. F., N 6, S. 150—169; *Völkerwanderungszeit minussinker Steppenvölker von Karassuk und uralische Permkulturen.*—*JPEK*, 1934, N 9, S. 51—66; *Schamanenkronen zur Han-Zeit in Korea.*—*Ostasiatische Zeitschrift*, 1933, NF, N 9, S. 156—163; *Eine Schamanendarstellung auf einem Han-Relief.*—*Asia Major*, 1944, N. F., N 1, S. 74—77; *Eine Schamanentracht und ihre Bedeutung für die altchinesische Kunst.*—*JPEK*, 1960—1963, N 20, S. 55—61; *Methodologische Beschouwingen over het Symbolisme in de Primitieve Kunst.*—*Kunst (Gent)*, 1933, N 13, S. 75—78; *Comment il faut lire l'iconographie d'un vase en bronze chinois de la période Chang.*—*Serie Orientale Roma*, 1952, vol. 5, p. 49—108; *Mythologische Bildsprache im alten China.*—*Studium Generale*, 1953, N 6, S. 264—277.

⁸ У К. Хентце есть работы и такого характера, например: *Ko- und chi-Waffen in China und Altamerika.*—*Studien zur frühchinesischen Kulturgeschichte*, 1943, Bd 2, S. 5—13.

⁹ Этому посвящена первая опубликованная работа К. Хентце: *La peinture monochrome sous les Song et ses dérivés japonais.*—*Revue de l'Université de Bruxelles*, 1924, N 3, p. 1—11.

¹⁰ *Bulling A. The Meaning of China's Most Ancient Art.*—*Leiden*, 1952.

¹¹ Большое число мифов этого типа собрано Дж. Фразером, они строятся по следующей схеме: лунное божество посылает человеку напиток жизни или весть о даруемом бессмертии; посланец (часто — змея, лягушка или заяц) искажает весть; человек остается смертным (Фразер Дж. *Фольклор в Ветхом завете.*—М., 1931, с. 20—32). Помимо Африки, где мифы этого цикла распространены шире всего, аналогичный сюжет известен из древнеиндийской мифологии: во время битвы богов с демонами-асурами из-за амриты, напиток бессмертия, асура-дракон Раху успевает отпить глоток эликсира, и голова его вследствие этого становится бессмертной.

¹² См.: Евсюков В. В. Представления протокитайцев о душе (по материалам янпаоской орнаментики).—В кн.: XIV научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1983.

¹³ См.: *Hentze C. Mythes et symboles lunaires.*

¹⁴ Обзор и анализ данных см.: *Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации.*—М., 1976.

¹⁵ *Hentze V. Bronzegerät, Kultbauten, Religion*, S. 30.

¹⁶ Цит. по: *Леви-Строс К. Структурная антропология*, с. 229.

¹⁷ *Бунаков Ю. В. Китайская письменность.*—В кн.: *Китай*. М.—Л., 1940.

¹⁸ Символике ромбов в древнем искусстве К. Хентце уделял большое внимание.

¹⁹ *Hentze C. Bronzegerät, Kultbauten, Religion*, S. 34—36.

²⁰ *Hentze C. Zur ursprünglichen Bedeutung des chinesischen Zeichens t'ou-Kopf.*—*Anthropos*, 1950, N 45.

²¹ См.: *Морохаси Тэцудзи. Кан-ва дай дзэтен* (Большой китайско-японский словарь), т. 3.—Токио, 1960, с. 3038, № 48257.

²² *Hentze C. Bronzegerät, Kultbauten, Religion*, S. 190—191.

²³ См., например: *Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе.*—М., 1979.

²⁴ См., например: *Серкина А. А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма.*—М., 1973; *Она же. Символы рабства в древнем Китае. Дешифровка гадательных надписей.*—М., 1982.

²⁵ См.: *Го Можо. Диалектическое развитие древней письменности.*—*КГСБ*, 1972, № 1, с. 1—13 (на кит. яз.); *Юй Синьгу. О некоторых проблемах исследования древней письменности.*—*ВУ*, 1973, № 2, с. 32—35; *Тан Лань. Заметки о ранешанской бронзе, найденной в Чжэнчжоу, пров. Хэнань.*—*ВУ*, 1973, № 7, с. 5—14; *Ho Ping-ti. The Cradle of the East. An Inquiry into the Indigenous Origins of Techniques and Ideas of Neolithic and Early Historic China, 5000—1000 B. C.*—*Hong Kong*, 1975, p. 223—230, 393—398. Обобщение и анализ данных см.: *Кучера С. Китайская археология.*—М., 1977, с. 84—90.

²⁶ См.: *Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов.*—В кн.: *Новое в археологии Китая. Материалы и исследования.* Новосибирск, 1984, с. 52—66.

²⁷ См.: *Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология.*—М., 1964.

²⁸ См., например: *Hentze C. Bronzegerät, Kultbauten, Religion*, S. 108—149.

²⁹ Подробнее см.: *Karlgren B. Legends and Cults in Ancient China.*—*The Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm*, 1946, bull. 18, p. 247—255; *Granet M. Danses et légendes de la Chine ancienne*, vol. 1—2.—Paris, 1956.

³⁰ *Antoni K. J. Der weisse Hase von Inaba...*

³¹ *Hentze C. Mythes et symboles lunaires.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*, p. 85, 86.

³⁴ *Ibid.*, p. 87.

³⁵ *Ibid.*, p. 85.

³⁶ *Ibid.*, p. 87.

³⁷ *Ibid.*, p. 75.

³⁸ *Ibid.*, p. 76.

³⁹ *Ibid.*, p. 106.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Ibid.*, p. 95—96.

⁴² *Ibid.*, p. 103.

⁴³ *Ibid.*, p. 84.

⁴⁴ *Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу*, т. 1—3.—М., 1865—1869.

⁴⁵ *Antoni K. J. Der weisse Hase von Inaba.*

⁴⁶ *Ду Эрвэй. Мифологическая система «Каталога гор и морей».* («Шань хай цзин» шэньхуа ситун).—Тайбэй, 1977 (на кит. яз.).

⁴⁷ См., например: *Миллер В. Очерки аркайской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. Апвины — Диоскуры.*—М., 1876, с. 45—46, 174—179, 189—190 и др.; *Веселовский А. И. Сравнительная мифология и ее метод.*—Сочинения. Т. XVI. М., 1938, с. 83—128; *Мелетинский Е. М. Поэтика мифа.*—М., 1976, с. 22—24; *Malinowski B. Magie, Wissenschaft und Religion.*—Frankfurt a. M., 1973, S. 80.

⁴⁸ *Lévi-Strauss C. L'homme nu.*—Blon, 1971, p. 38. Цит. по: *Ревуновкова Е. В. Миф о батакском жреческом желе.*—В кн.: *Фольклор и этнография*. Л., 1977, с. 29.

⁴⁹ *Hentze C. Die Wanderung der Tiere um die heiligen Berge.*—*Symbolon*, Bd. IV. Basel, 1964, S. 9.

⁵⁰ *Ibid.*, S. 10, 12.

⁵¹ Об этом см.: *Александренков Э. Г. Диффузионизм в зарубежной этнографии.*—В кн.: *Концепции зарубежной этнологии*. М., 1976; *Токарев С. А. История зарубежной этнографии.*—М., 1978, с. 134—169.

⁵² *Erkes E. Chinesisch — amerikanische Mythenparallelen.*—*T'oung Pao*, 1926, vol. XXIV.

⁵³ *Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы.*—Хабаровск, 1933.

⁵⁴ *Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilization.*—Seattle, 1957, p. 8—9.

⁵⁵ *Леви-Строс К. Структурная антропология*, с. 216—240.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРТ** — Археологические работы в Таджикистане
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
Изв. АН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР
Изв. АН ТаджССР — Известия Академии наук Таджикской ССР
Изв. ТФАН — Известия Туркменского филиала АН СССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
 Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКНС — Материальная культура народов Средней Азии
МКУ — Материальная культура Узбекистана
МСАЭ — Материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней
 Азии 29 окт.— 4 ноября 1956 г., Душанбе
МПТЭ — Материалы Таджикско-Памирской экспедиции
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АН УССР — Труды Академии наук Узбекской ССР
Тр. ИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук Тад-
 жикской ССР
Тр. ИИ АиЭ ТССР — Труды Института истории, археологии и этногра-
 фии АН Туркменской ССР
Тр. СамГУ — Труды Самаркандского госуниверситета
Тр. ТФ ВГО — Труды Таджикского филиала Всесоюзного географическо-
 го общества
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комп-
 лексной экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
Учен. зап. САИГИМС — Ученые записки Среднеазиатского института
 геологии и минерального сырья
ФТ — Флора Таджикистана

* *
*

- ВУ** — Вэньу
КГ — Каогу
КГСБ — Каогу сюэбао
КГТС — Каогу тюнсюнь
ЧГКГСБ — Чжунго каогу сюэбао

* *
*

- AA** — American Anthropologist (Wisconsin)
AJA — American Journal of Archaeology
AP — Asian Perspectives (Univ. of Hawaii)
BGSC — Bulletin of the Geological Society of China (Peking)
BMFEA — The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (Stock-
 holm)
CA — Current Anthropology
EW — East and West (Rome)
JPEK — Jahrbuch für prähistorische und ethnologische Kunst (Berlin)
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society (Philadel-
 phia)
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society (London)
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilisation the Oriental Institute
 University of Chicago.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В. А. Ранов. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности)	10
В. Т. Петрин. Памятники эпохи палеолита верхнего течения реки Урал	35
Ю. П. Холюшкин. К вопросу о принципах построения модели археологической культуры (на материалах палеолита Сибири)	40
В. Е. Ларичев. Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палеокосмогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири	60
Р. С. Васильевский. Стоянка Суворово III и ее место в каменном веке Дальнего Востока	86
В. В. Евсюков. Восточно-азиатский неолитический миф о сотворении земли	95
А. В. Варенов, С. А. Комиссаров. Каменные клевцы	108
В. В. Евсюков, В. Е. Ларичев. Карл Хентце — исследователь древних культур Восточной Азии	114
Принятые сокращения	125

В данном экземпляре имеется рукописная правка опечаток:

стр. 93.

24 строка сверху

стоит: Осиповка II

исправлено на: Осиновка II

стр. 93.

25 строка сверху

стоит: (Осиновка)

исправлено на: (Осиповка)

**КАМЕННЫЙ ВЕК
СЕВЕРНОЙ, СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства Л. В. Островская
Художественный редактор И. В. Краснокутская
Технический редактор А. В. Сурганова
Корректоры Е. Н. Зими́на, В. В. Бори́сова

ИБ № 23835

Сдано в набор 27.12.84. Подписано к печати 09.10.85. МН-03181. Формат 60×84¹/₈. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,9. Усл. кр.-отт. 15,7. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 1600 экз. Заказ 526. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

**В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
выходят следующие книги:**

В. С. Кузнецов. Нурхац.

С именем Нурхац связано возникновение маньчжурско-го государства. Одаренный полководец, способный дипломат, личность во многих отношениях незаурядная, Нурхац объединил в единое государство разрозненные чжурчжэньские уделы. Жизнь Нурхац изобиловала драматическими событиями, участниками которых были монгольские князья и корейские правители, иезуиты и пекинские царедворцы. Об основных событиях жизни и деятельности Нурхац и повествует данная книга.

Е. И. Кычанов. Абахай.

Книга посвящена первому маньчжурскому императору Абахай. В ней рассказывается о создании маньчжурского государства и распространении власти Цинской империи на весь Китай, об установлении русско-китайских отношений, даются портреты выдающихся русских маньчжуроведов В. В. Горского и А. В. Гребенщикова.

Древние культуры Монголии.

В статьях сборника, подготовленных советскими и монгольскими авторами, рассматриваются проблемы изучения каменного века, эпохи бронзы, культуры хунну, тюрок и монголов на территории Центральной Азии. Подводятся итоги изучения различных исторических периодов Монголии, антропологических материалов, предметов вооружения.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов.

Книги высылаются наложенным платежом.

Заказы направляйте по адресу:

630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22, магазин «Наука».

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурмапова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 **Пушино** Московской обл., МР, «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

